

М. РОУН ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК II

МЕЛАНН РОУН

The illustration depicts a character from behind, wearing a black, form-fitting, long-sleeved outfit with puffed shoulders and a high collar. They are holding a long, ornate sword. The character is standing on a dark, rocky surface. In the background, there is a large, golden, dragon-like creature with its mouth open, and a bright, fiery orange and yellow glow. The sky is a mix of blue and white, with several stars visible.

ПРИНЦ ДРАКОНОВ
ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК II

МОСКВА
ТОО «ТРАНСПОРТ»
«ДИАЛОГ»
1996

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

МЕЛАНИ РОУН

ПРИНЦ ДРАКОНОВ

(Трилогия в 6-ти томах)

ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК II

Перевод с английского
Е. А. Каца

Величественная сага, сложенная Мелани Роун, повествует о войне, о солнечной магии, борьбе могущественных принцев за власть и о драконах — смертельно опасных, но хранящих тайну, значение которой превосходит всякое воображение...

По вопросам реализации
обращаться по телефону
289-02-84

ISBN 5-85550-055-1

© Мелани Роун, 1996
© Худ. оформление Штыхин А., 1996
© «Транспорт», 1996

ТРИЛОГИЯ «ПРИНЦ ДРАКОНОВ»

КНИГА 1. ПРИНЦ ДРАКОНОВ

КНИГА 2. ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

КНИГА 3. ОГОНЬ ФАРАДИМА

Главный герой первой книги — юный принц Рохан, правитель государства, власть над которым принадлежит его роду, «пока Долгие Пески изрыгают огонь». Вместе с «солнечной колдуньей» Сьонед, по воле Огня ставшей его невестой, он вступает в борьбу за власть над всем континентом с верховным принцем Ролстрой и тщетно сопротивляется уничтожению остатков драконов, владеющих тайной, которая рано или поздно спасет мир.

В центре второй книги стоит образ Поля, сына Рохана, которому достались способности солнечного мага — фарадима. Не успев достичь зрелости, он вынужден вступить в битву с несколькими потомками убитого Роханом Ролстры. Но его подстерегает еще более грозный противник — древнее колдовство, казалось, уничтоженное много лет назад. Страшная опасность нависает не только над верховным принцем, но и над всеми фарадимами. Однако справиться с врагом можно будет только тогда, когда удастся найти давно потерянный таинственный Звездный Свиток...

Третья книга посвящена отчаянной битве с могучим противником, поклявшимся уничтожить фарадимов. Звездный Свиток — единственный документ, сохранившийся с древнейших времен — рассказывает о том, как бороться с врагом. Однако это нелегко. Вся страна охвачена пламенем, брат встает на брата, и даже бороздящие небо драконы не в силах противостоять черной магии...

ТРИЛОГИЯ «ЗВЕЗДА ДРАКОНОВ»

КНИГА 1. СТРОНГХОЛД

КНИГА 2. ЗНАК ДРАКОНА

КНИГА 3. СКАЙБОУЛ

Новая трилогия начинается в тот момент, когда долгую мирную жизнь прерывает вторжение силы настолько неодолимой, что ей не могут противостоять ни армия верховного принца, ни искусство фарадимов, ни огненное дыхание драконов...

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ КНИГ

Место действия эпоса — обширный континент, разделенный на тринадцать государств, во главе которых стоят могущественные принцы. Верховным принцем, которому формально подчиняются все остальные, является коварный тиран Ролстра, отец семнадцати дочерей, не имеющий наследника мужского пола.

Одним из наиболее сильных и богатых государств — Пустыней — правит отважный старый принц Зехав, знаменитый драконоборец. Получив смертельную рану в бою с десятым драконом, Зехав передает власть над Пустыней сыну, юному принцу Рохану, мечтающему реформировать не только собственную страну, но и весь континент. Однако для этого необходимо вступить в борьбу с верховным принцем.

Тетка Рохана, леди Андраде, глава магов-фарадимов, или «Гонцов Солнца», умеющих использовать солнечный и лунный свет для передачи сообщений, стремится женить племянника на своей воспитаннице. Рыжеволосая Сьонед много лет назад увидела в Огне, что ей суждено выйти замуж за Рохана и вместе с ним получить власть над континентом. После долгого путешествия Сьонед прибывает к жениху.

Принц рассказывает невесте о задуманной им интриге: он воспользуется стремлением Ролстры выдать замуж за Рохана одну из дочерей, добьется подписания нужных ему договоров, а потом женится на Сьонед. Но их помолвку следует держать в строжайшей тайне.

Перед отъездом на Риаллу (проходящую раз в три года встречу принцев, на которой подписываются политические и экономические договоры между государствами) Рохан и Сьонед принимают участие в Избиении новорожденных дракончиков и делают важное открытие: огненное дыхание

юных драконов превращает в золото скорлупу яиц, из которых они вылупились.

Во время Риаллы Рохану удается перехитрить Ролстру. Верховный принц и его дочь, прекрасная и коварная Янте, становятся смертельными врагами юноши. Стремясь отомстить, Ролстра с помощью дочери похищает Сьонед. Рохан побеждает Ролстру в поединке, освобождает Сьонед и женится на ней.

Тем временем любовница Ролстры Палила рождает ему восемнадцатую дочь. Обозленный неудачами, Ролстра убивает Палилу и отдает леди Андраде не только новорожденную, но и свою старшую дочь Пандсалу, пытавшуюся подменить девочку мальчиком. У Пандсалы обнаруживается дар фарадима, очевидно, доставшийся ей в наследство от покойной матери. Янте получает от отца в подарок крепость Феруче, стоящую на границе с Пустыней. Отныне она будет ждать случая отомстить Рохану.

Проходит три года. Выясняется, что Сьонед бесплодна. Планы леди Андраде «привить к царственному дереву веточку фарадимов» терпят крах.

Начинается чума. Вымирают половина населения континента и почти все драконы. Эпидемия оказывается на руку Ролстре, являющемуся единственным обладателем лекарства от нее. Рохан с помощью «драконьего золота», секрет которого был известен его отцу (этим и объясняется тайна богатства Пустыни) покупает у Ролстры лекарство и пытается с его помощью спасти не только своих родных и сторонников, но и драконов.

Янте, успевшая родить трех сыновей от разных любовников, похищает Рохана, опаивает его наркотиком, обольщает и зачинает от него ребенка. Одновременно Ролстра выступает в поход против Пустыни сразу с севера и юга. Сьонед в одиночку отправляется выручать мужа, но сама попадает в плен. Янте, удостоверившись, что беременна, отпускает обоих: ей нужны живые свидетели того, что отцом будущего наследника Пустыни действительно является Рохан.

После долгой войны Рохан побеждает Ролстру, в единоборстве убивает его и получает прозвище «Принц драконов».

Сьонед дожидается родов Янте, вновь пробирается в Феруче, отнимает мальчика и сжигает крепость. Один из спутников Сьонед убивает Янте, но ее трое малолетних сыновей

спасаются. На обратном пути Сьонед первой из фарадимов обучается пользоваться светом звезд, совершает над ребенком обряд наречения и дает ему имя Поль. Новорожденный, как и Пандсала, оказывается наделенным даром фарадима.

Рохан становится верховным принцем и первым же своим указом запрещает убивать драконов.

Проходит четырнадцать лет. Наступает год очередной Риаллы. Юный принц Поль, наследник верховного принца и номинальный правитель отвоеванной у Ролстры Марки (которой вплоть до его совершеннолетия правит возненавидевшая отца и перешедшая на сторону Рохана Пандсала), обучается рыцарскому искусству на острове Дорваль. Он получает приказ отца вернуться в Пустыню, чтобы затем вместе отправиться на Риаллу, посетив по пути Марку. Перед отплытием на Поля совершают покушение мериды, давние враги жителей Пустыни, получившие пристанище в соседней Кунаксе. Вместе с Полем отправляется фарадим Меат, везущий леди Андраде таинственные свитки, найденные во время раскопок древней крепости «Гонцов Солнца».

Киле, одна из внебрачных дочерей Ролстры, вышедшая замуж за лорда Виза (города, в котором всегда проводятся Риаллы), стремясь отомстить и прийти к власти, тайно вызывает в Виз самозванца Масуля, объявившего себя внебрачным сыном Ролстры и собирающегося во время Риаллы предъявить свои права на трон Марки.

На Меата нападают неизвестные всадники. Раненый Меат успевает по солнечному лучу связаться со Сьонед, которая призывает Огонь, обращающий врагов в бегство. На обратном пути Сьонед открывает, что драконы тоже обладают даром фарадимов.

Всадники посланы колдуньей Миревой — главой секты диармадимов, в незапамятные времена побежденных своими соперниками фарадимами и вытесненных далеко в горы. Умея пользоваться звездным светом, она незримо проникает в штаб-квартиру фарадимов Крепость Богини и видит таинственный Звездный Свиток, в котором зашифрованы секреты древней магии. Сегев, младший из трех воспитанных ею сыновей Янте (бабка которой, оказывается, принадлежала к диармадима), пользуясь близостью двух даров, предлагает отправиться в Крепость Богини под предлогом обучения и выкрасть свиток, содержащий тайны, которые неизвестны самой Миреве. Колдунья, мечтающая свергнуть

фарадимов и посадить на трон верховного принца старшего из сыновей Янте Руваля, посылает своих людей за самозванцем Масулем, выступление которого на Риалле должно стать для нее пробой пера.

Племянник Рохана Андри, которому предстоит сменить Андраде на посту главы «Гонцов Солнца», приступает к расшифровке Звездного Свитка. В Крепость Богини прибывает Сегев, проникает в доверие Андри и привлекается им к работе. Честолюбивый сын Янте мечтает сам овладеть тайнами древнего колдовства и стать верховным принцем.

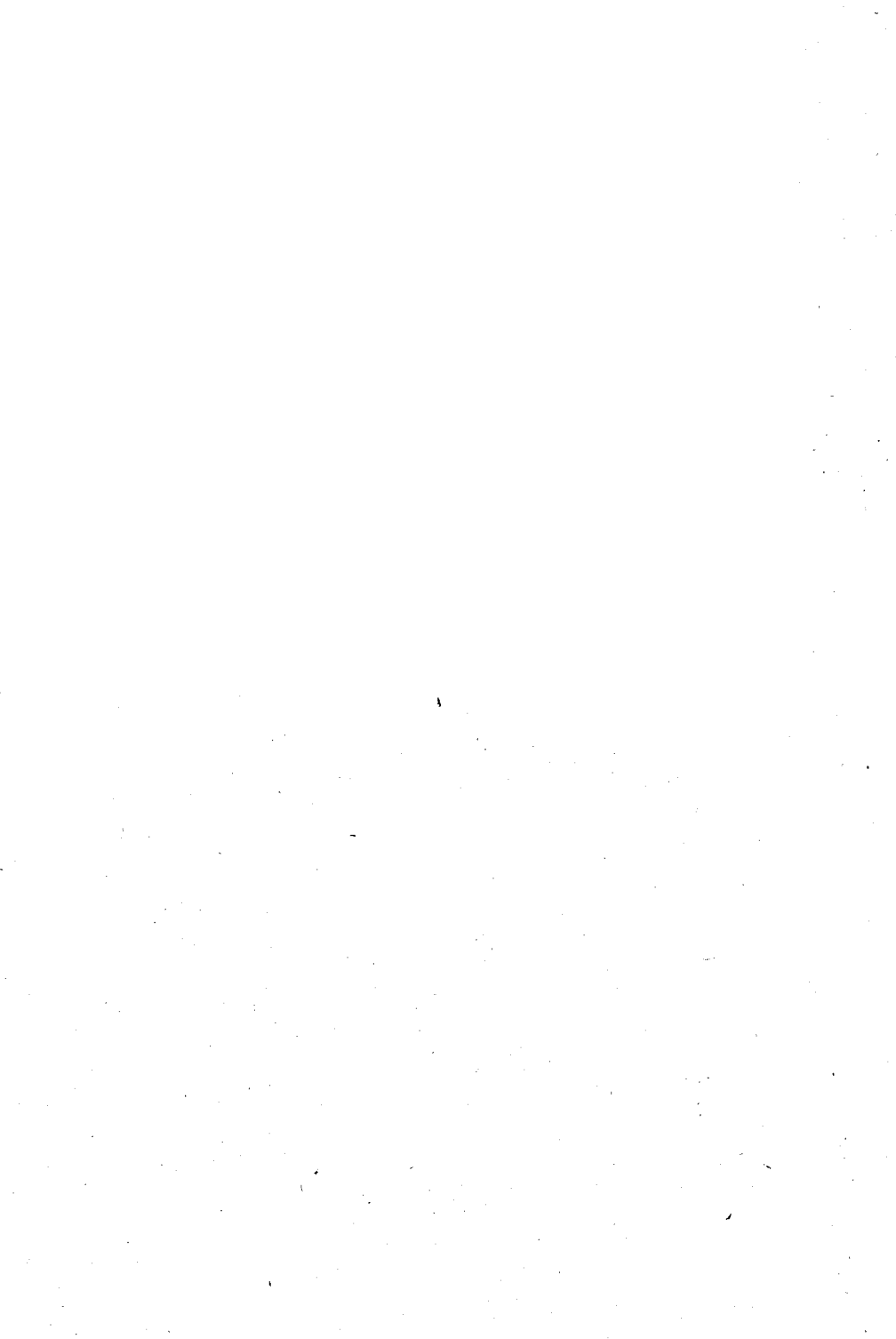
Узнав об открытии Сьонед, Рохан просит ее вступить в контакт с драконами, которые не могут размножаться из-за недостатка пещер, пригодных для выведения потомства, и подсказать им, что давно покинутое из-за мора ущелье Ривенрок ныне безопасно. Прибывает посол государства Фирон, принц которого умер бездетным, и сообщает о решении совета предложить престол Полю, связанному с покойным принцем родством как по отцовской, так и по материнской линии. Рохан обещает дать окончательный ответ во время Риаллы, поскольку, согласно закону, это требует согласия остальных принцев. Сьонед обращается к мужу с просьбой заново отстроить разрушенный четырнадцать лет назад Феруче.

В Пустыню прилетают драконы, раз в три года проводящие здесь брачный сезон и откладывающие яйца. Семья принца отправляется в Скайбоул, где находятся древние пещеры. Рохан открывает Полю тайну добываемого здесь «драконьего золота». Сьонед делает попытку вступить в контакт с юной драконшей. Пока обмен мыслями невозможен, но драконша привязывается к Сьонед.

Самозванец Масуль, по дороге убивший посланцев Миревы, прибывает в Виз. Киле, взволнованная его сходством с отцом, прячет молодого человека и готовит его к появлению на Риалле. Юный фарадим Риян, сын старых друзей Сьонед, приставленный следить за Киле, обнаруживает, что та скрывает кого-то в загородном домике. Здесь он сталкивается со странствующим фарадимом Клеве, выполняющим некое поручение леди Андраде. Ничего не объясняя, Клеве приказывает юноше уйти, узнает Масуля, но не успевает сообщить об этом. Масуль убивает Клеве.

Перед Риаллой Рохан и Поль совершают путешествие по стране и останавливаются в поместье неподалеку от жилища

Миревы. Колдунья приходит взглянуть на юного принца, безошибочно узнает в нем кровь диармадимов, но не понимает, откуда она взялась. По прибытии в Марку Поль решает выдержать местное испытание на смелость и подняться на отвесную скалу. Во время подъема на него вновь совершают покушение. Телохранительница мальчика Мазта погибает от стрелы с опознавательным знаком меридов. Принцесса-регент Пандсала, используя свой дар, испепеляет лучника и спасает Поля.

КНИГА 2

**ЗВЕЗДНЫЙ
СВИТОК**

Главы 15—31

Я получила огромное удовольствие от «Принца драконов» — а вы знаете, сколько времени я увлекалась драконами. Эти драконы совсем другие — может быть, даже более поразительные... Книгу отличают тщательная проработка деталей, замысловатый сюжет (вернее, несколько сюжетов) и прекрасная находка — использование света для передачи сообщений, способность психики испускать своеобразные лазерные лучи, неподвластные пространству!

Энн Маккефри,
автор эпопеи «Всадники Перна»

ЧАСТЬ 2

КОЛДОВСТВО

ГЛАВА 15

Распущенные волосы Сьонед, уютно пристроившейся в высокой зеленой траве, ерошил ветер с залива Брокуэл. Принцессу заливал солнечный свет, превращавший ее в неразличимую тень: этому фокусу обучил ее выросший в Пустыне муж. Отсюда она могла незаметно следить за раскинувшимся внизу лагерем, состоявшим из примерно девяноста палаток, разбитых на одиннадцать островков разного цвета. Каждая группа палаток неуклонно следовала одному и тому же образцу — в центре стоял огромный шатер принца, окруженный меньшими по размеру палатками вассалов, помощников и прислуги. Ее собственный шатер, огромное сооружение из голубого шелка, последнее экстравагантное приобретение покойного принца Зехавы, занимал лучшее место на западном берегу реки Фаолейн. Над ним развешалось знамя с драконом; хотя сам Рохан еще не прибыл, она по праву делила с мужем власть и титул верховного принца. Герб с драконом принадлежал ей не меньше, чем ему. Рохан ясно показал это во время их первой *Риаллы*. Она тихонько улыбнулась, припомнив, как у остальных принцев отвисла челюсть, когда Рохан нарушил все традиции и под руку привел ее на заключительный пир. После этого все остальные жены дружно потребовали того же и большей частью добились своего. Однако никто из них не делил с мужем власть так же безоговорочно, как это делала Сьонед. Доказательством этого был и герб с драконом, державшим в когтях золотое кольцо *фарадима*, в центре которого красовался камень принцессы — огромный изумруд.

Гербы тоже были нововведением Рохана, которому охотно последовали остальные принцы. За последние десять лет каждый из них сам придумал себе герб и принялся лепить

эти изображения на одежду слуг и все свое добро. Атри оставалось только завидовать этому обычаю; Чейн оставался единственным лордом, который имел право на собственную эмблему. Лагерь пестрел цветами и развевающимися знаменами с самыми немислимыми символами. Некоторые из них были прекрасны, другие всего лишь терпимы. Реющее на высоком серебряном столбе знамя Фессендена — серебряное руно на поле цвета морской волны; развеваемый ветром стяг Гилада — три серебряных луны на стыдливо-розовом фоне — водруженный над палатками столь же смехотворной окраски. Дорвальский белый корабль на голубом поле стоял на локоть выше крибской белой свечи на красном; можно было не сомневаться, что уязвленная гордость принца Велдена подскажет ему привезти на следующую Рйаллу флагшток подлиннее. Над палатками ее кузена Волога бриз лениво перебирал алые складки с изящными серебряными фляжками, слегка подчеркнутыми черным. Знамя Оссетии — пшеничный сноп на темно-зеленом фоне — было перевито серыми лентами, всем напоминавшими о том, что принц Чейл недавно потерял сына и внука. Сьонед заметила, что здесь царило спокойствие, особенно бросавшееся в глаза по сравнению с праздничным оживлением всех остальных, и от души пожалела бедного старика, вынужденного прибыть на Рйаллу несмотря на боль свежей утраты.

В раскинувшейся под ней радуге не доставало еще трех цветов, и о том же напоминали пустые места, оставленные для тех, кто еще не прибыл. Брат Давви был в пути, но уже к вечеру его бирюзовые палатки встанут рядом с ее голубыми, поскольку Сир граничит с Пустыней. Завтра, когда придут Рохан, Поль, Мааркен и Пандсала, по другую руку разместятся фиолетовые цвета Марки. Они не поплыли на Рйаллу по Фаолейну, как делалось обычно, ибо ни Поль, ни Мааркен не могли и шагу ступить на что-нибудь плавучее. Перед Пандсалою не стояло таких трудностей, и это лишний раз напоминало о странностях фарадимского дара принцессы-регента: она могла путешествовать по воде, не испытывая тошноты. Андраде и ее свита — в которой должна была присутствовать и будущая жена Мааркена — могли приехать тогда, когда заблагорассудится леди Крепости Богини. Ее белые палатки должны были стоять поодаль от всех остальных. От внимания Сьонед не укрылось, что для Анд-

раде было оставлено несколько мест; пусть властная леди сама решает, где ей больше нравится.

Сьонед села на корточки и даже рот приоткрыла, подумав о том, сколько работы предстоит Рохану на этой Риалле. Последние три встречи по сравнению с той первой казались удивительно мирными. Торговые договоры, пограничные договоры, брачные договоры — практически каждый соглашался на что угодно. Это дружелюбие Сьонед объясняла главным образом проницательностью Рохана и его искусством сглаживать противоречия между самыми разными властителями и их советниками и спланировать их в более-менее тесную группу. Проницательность проницательностью, но приходилось учитывать и другие вещи. Риаллы 701-го и 704-го годов были пропущены; в первый год континент поразил Великий Мор, а три года спустя всех повергла в шок гибель Ролстры. Горькая морщинка обозначилась у рта Сьонед при воспоминании о том, что никто не верил, будто Рохану под силу одолеть могущественного и хитроумного Ролстру. Воспоминание об их последнем поединке насмерть под куполом из звездного света, сплетенным самой Сьонед, все еще бросало ее в дрожь. Заранее заготовленная Ролстрой подлость не удалась, и Рохан убил его в честном бою. Однако то, как она использовала запретный звездный свет и управляла им, находясь за тридевять земель от места битвы, все еще являлось ей в кошмарных снах.

В последующие годы принцы постарше тянули время, ожидая увидеть, каким верховным принцем окажется Рохан. Более молодые выжидали тоже, надеясь прощупать его сильные и особенно слабые стороны. Но сейчас все они знали ему цену — и как принцу, и как человеку, понимали его силу и побаивались ее.

Сьонед помяла в пальцах траву, пытаясь определить ее влажность; давал себя знать навык дочери лорда, обладавшего обширными угодьями. И хоть полжизни ее прошло в лишенной растительности Пустыне, старая привычка была жива; поняв это, женщина улыбнулась. Детство в Речном Потоке казалось таким далеким... Сейчас поместье принадлежало младшему сыну Давви Тилалю, который восемь лет прослужил Рохану оруженосцем. Сейчас Тилалю было двадцать четыре года, и он созрел для женитьбы. Сьонед напомнила себе, что надо будет заключить пари с братом на то, скольким юным дамам разбили сердце черные кудри и свер-

кающие зеленые глаза молодого лорда. Скромность Давви и недооценка им чар собственного отпрыска могли обернуться для нее немалой выгодой.

Ах, если бы приходилось заботиться только о делах семейных... Принцесса заметила, что ее пальцы скрючились наподобие когтей дракона, и приказала себе успокоиться. Кстати говоря, этот пресловутый сын Ролстры как раз и был их семейным делом. Она обвела глазами лагерь и прикинула, сколько принцев предпочтет поддержать требования этого молокососа, лишь бы доставить Рохану неприятности. Первым среди них по праву был Мийон Кунакский: высокий, худой, надменный тридцатилетний мужчина, в конце концов сумевший вырвать власть у собственных советников, которые много лет правили страной от его имени. Он казнил их всех и, как говорили, сделал это собственным мечом. Правда, перемена власти не привела к перемене традиционной политики Кунаксы. Мийон мечтал о северной Пустыне и именно поэтому давал убежище меридам, которым когда-то принадлежали эти земли. Принадлежавший Пустыне город Тиглат — строго говоря, никакой не порт — был единственной более-менее безопасной гаванью к северу от Радзина. Кунакские товары — шерсть, ковры, одежда, лучшие мечи и скобяные изделия на всем континенте — приходилось отправлять в основном сушей, поскольку лорд Эльтанин Тиглатский ненавидел меридов больше, чем сам Рохан, и обкладывал кунакцев огромными пошлинами за право бросать якорь в его водах. Поэтому кунакские купцы гораздо чаще предпочитали пользоваться караванами, несмотря на всю дороговизну и сложность транспортировки товаров сушей. Мийон достаточно реально смотрел на вещи, чтобы не зариться на расположенный далеко южнее Радзин, где разгружались огромные торговые корабли принца Ллейна, но тем более жадные взгляды бросал он на Тиглат. Мийон бы поддержал любое требование самозванца независимо от того, поверил бы он ему или нет; это была хорошая возможность заставить Рохана повлиять на Эльтанина и убедить последнего снизить плату за пользование портовыми сооружениями, от которой у купцов лезли на лоб глаза.

Кабар Гиладский и Велден Крибский были моложе, и у них чесались руки помериться с Роханом силой. До этого года они вели себя довольно спокойно, но еще на прошлой Риалле было заметно, что они ищут удобного повода, чтобы бро-

сильный вызов верховному принцу. К ним в любой момент мог присоединиться Саумер Изельский; все зависело от того, захочется ли ему досадить принцу Вологу, с которым у него был общий остров и общий внук. Позиция принца Чейла тоже была под вопросом; они с Роханом часто не сходились во мнениях, поскольку Чейл люто ненавидел отца Рохана, покойного принца Зехаву. Сьонед даже подозревала, что в войне против Пустыни Чейл поддерживал Ролстру, но какие бы ни существовали тому доказательства, принцы предпочитали закрывать на них глаза и делать вид, что все это давно поросло быльем. Когда дела касались его самого, Рохан был очень щедр. Однако скорбь по сыну и внуку должна была погрузить Чейла в апатию, которая могла обернуться и к добру, и к худу. Оставалось только гадать.

Твердыми сторонниками Рохана были Ллейн, Волог и Давви. Оставались четверо. Клута Луговинный, как всегда, всеми правдами и неправдами будет придерживаться своего традиционного нейтралитета. Старые привычки не умирают: Клута всю жизнь прожил, не спуская глаз с границ и опасаясь, как бы его земли вновь не стали аренной битвы. Что же касается самой Марки, то голос Пандсалы как регента был Рохану обеспечен, но он считался недействительным. Если бы было решено, что претендент именно тот, за кого себя выдает, Пандсала лишилась бы своего титула. Пиманталь Фессенденского было очень просто подкупить несколькими сотнями квадратных мер оставшегося без правителя Фирона, представитель которого в данном деле вообще не имел права голоса. Так же, как Рохан и Пандсала.

Любопытно: палатки внизу, как по заказу, сгруппировались в строгом соответствии с политическими симпатиями. Шатры Кабара, Велдена и Мийона были разбиты на западе; Ллейн и Волог стояли неподалеку от голубых палаток самой Сьонед, рядом с которыми было оставлено место для Давви и Пандсалы; Клута, Пиманталь, Саумер, Чейл и черный шатер, служивший пристанищем леди Энеиде из Фирона, располагались ближе к востоку. Трое противников, трое сторонников и четверо колеблющихся. Сьонед подумала о том, что мог бы предложить этим четверым Рохан, чтобы привлечь их на свою сторону, и на каких страхах будет играть Мийон, чтобы заручиться их поддержкой.

Конечно, все эти расчеты были построены на том, что ни претендент, ни его противники не смогут представить не-

опровержимых доказательств своей правоты. Временами Сьонед верилось, что Андраде и Пандсала сумеют убедить всех, будто ребенком, которого родила любовница Ролстры леди Палила, была Чиана. Но она тоже реально смотрела на вещи и, хмуро глядя на палатки, в которых честолюбивые принцы плели интриги, направленные к собственной выгоде, знала, что ей и Рохану следует готовиться к худшему.

Она встала и потянулась, машинально глядя на север, откуда в Виз скакали Рохан и Поль. Ей нужно было многое рассказать им о крюке, который пришлось сделать с Чейном и Тобин, чтобы сбить в Радзине табуны предназначенных для продажи лошадей; поэтому их проезд через Сир и Луговину скорее напоминал паническое бегство с поля боя, чем торжественный и величавый поезд верховной принцессы. Но гораздо больше ее интересовали подробности того, как провели лето *они*. Мааркен постоянно связывался с ней, а несколько раз Сьонед сама наблюдала за ними, стремясь убедиться в том, что Поль действительно вышел живым и здоровым из катастрофы, разыгравшейся во время его подъема на скалу у замка Крэг. Но ей не терпелось самой услышать обо всем от мужа и сына. Главным образом, от мужа — и предпочтительно в постели...

Тут она вспомнила о том, что еще не все готово к их приезду, бегом спустилась с холма и, тяжело дыша, ворвалась в шатер. За огромным столом Рохана расположилась Тобин, составляя меню завтрака, которым по регламенту ей предстояло кормить принцев на четвертый день Риаллы. Принцесса подняла глаза на вошедшую Сьонед и улыбнулась.

— Ты знаешь, что даже после стольких лет я не могу придумать ничего лучшего, чем Камигвен? Ее организаторский талант остался непревзойденным.

— Весь Стронгхолд до сих пор держится на заведенном ею порядке. Можешь представить себе, что бы она сделала из Скайбоула, попади он ей в руки. Хотя нужно сказать, что Оствель ей мало чем уступает.

— Что ты делаешь? — спросила Тобин, когда Сьонед открыла сундук и стала рыться в его содержимом.

— Надо кое-что найти. Хочу устроить Рохану сюрприз.

Когда Сьонед достала два знакомых хрустальных кубка, Тобин рассмеялась.

— Неужели те самые, которые ты купила здесь на ярмарке двадцать один год назад? Не может быть!

— Они и есть. А когда придет Давви, я раскупорю бутылку его лучшего моховичного вина и... Что там за шум?

Обе женщины заторопились к выходу из шатра и высунули головы наружу. Сьонед спросила дежурного стража, что означает вся эта кутерьма; тот небрежно приветствовал их и ответил:

— Миледи, я думаю, что это приехал принц Давви. Послать оруженосца и попросить передать принцу приглашение прибыть к вам?

Но она уже бежала навстречу брату, уворачиваясь от лошадей, повозок и слуг, одетых в бирюзовое. Давви стал принцем Сирским после гибели их близкого родственника Ястри, участвовавшего в войне с Роханом на стороне Ролстры; Давви, хотя и не был рожден для этой чести, оказался хорошим правителем и надежным союзником, и причиной тут были не столько родственные узы, сколько дружба и общие взгляды на жизнь.

Он отдавал приказ разбивать палатки, но голос сестры заставил его обернуться. Давви был мало похож на нее, если не считать зеленых глаз, которые радостно вспыхнули, когда он сграбастал ее в объятия.

— Полюбуйся на себя— вот так верховная принцесса! Одета в старый кожаный костюм для верховой езды, волосы— настоящий кошмар, сапоги с дырками... Просто беда с тобой, Сьонед!

Она состроила ему гримасу.

— Разве можно так грубо разговаривать с верховной принцессой? Хорошо выглядишь, Давви. Правда, немного располнел, но тебе это к лицу.— Она шутливо похлопала брата по животу.

— Уф-ф! Ну, я тебе это припомню! — Давви ущипнул ее за подбородок и расхохотался.— Сьонед, ты только посмотри, кого я привез!

Сьонед обернулась и увидела стоявших рядом Костаса и Тилаля. Она обняла обоих и заставила повернуться кругом.

— Давви, и как тебе удалось произвести на свет таких красавцев? Богиня свидетельница, сам ты вовсе не красавец! Костас, ты с каждым разом становишься все величественнее. А Тилаль... Да никак ты все еще растешь?

— Нет, разве что вы стали меньше,— откликнулся он.—

Но я вижу только одно: женщину еще более прекрасную, чем раньше. Правда, Костас?

— К великому сожалению остальных участниц Риаллы,— ответил старший брат, сокрушенно качая головой.

— Оставьте ваши комплименты для девушек, чьи сердца вы приехали разбить,— возразила она.

Племянники действительно были очень красивы. Тилаль казался чуть выше, пронзительные зеленые глаза выделялись на его лице, обрамленном пышными черными кудрями. Костас внешне ничем не напоминал брата; его вьющиеся русые волосы были гладко зачесаны назад, под широкими бровями поблескивали почти черные глаза. Он был мускулистее брата и шире его в плечах, но таким же тонким в талии и бедрах. Сьонед тут же решила, что заключит пари и на Костаса. Этой пары было достаточно, чтобы заставить трепетать каждую незамужнюю женщину в радиусе пятидесяти мер. Сьонед улыбнулась и сказала им об этом.

Давви неодобрительно фыркнул.

— Спасибо тебе! Они и так совсем зазнались, а ты их поощряешь. Пойдем-ка прогуляемся и поболтаем, а они для разнообразия пусть займутся полезным делом и проследят за разгрузкой.

Сьонед взяла Давви за руку, и они двинулись к реке. Гуляя вдоль берега, брат и сестра тешили родительскую гордость и говорили о своих детях. Давви настоял, что сегодня вечером он устраивает у себя семейный обед.

— У тебя и без того хватает забот, чтобы следить за тем, как двое моих обжор уничтожают твои припасы!

— Ну ладно. Но вино за мной! А сейчас расскажи, что тебя тревожит.

— Неужели это так заметно? Ну что ж... Мне нужен твой совет, Сьонед.

— Звучит серьезно...

— Серьезнее некуда. Знаешь, Висла всегда мечтала женить Костаса на Гемме, но оба они и слышать об этом не хотели. Думаю, что причиной тому смерть ее брата Ястри. Но как бы то ни было, она продолжала оставаться принцессой Сирской и жила в том же доме, где прошло ее детство. Мы сделали для нее все возможное, даже выделили приданое на случай, если бы она предпочла выйти замуж не за Костаса, а за кого-нибудь другого.

— Ну, а сейчас ей в приданое досталась вся Оссетия. Я начинаю понимать, что к чему... Но продолжай.

— Все до ужаса просто. Мать Геммы была сестрой Чей-ла, и тот, за кого она выйдет замуж, станет принцем Оссетским. О Богиня, то ли мне так кажется, то ли это хуже всего, что было до сих пор... Да, кстати, как дела с самозванцем?

— Потом,— покачала головой Сьонед.— Рассказывай о Гемме.

Давви отвел в сторону ветку ивы.

— Костас красив, а если захочет, может быть обаятельным. Кроме того, у него есть способности к управлению. И тем не менее он набитый дурак. Как только пришло сообщение о смерти Иноата и Йоса... ну... в общем, он справился с этим из рук вон плохо. Сьонед, он честолюбив, но недостаточно умен, чтобы скрыть это. Будь Костас немного сообразительнее, он воспользовался бы возможностью успокоить Гемму и постарался бы утешить ее горе. Она была очень привязана к своим оссетским кузенам — возможно, потому что Иноат был намного старше.— Он умолк и задумался.— Гемма — девушка с характером и временами довольно упрямая. Из тех, которые, приняв решение, потом никогда не отступают от него.

— Не лучшее качество для правителя... Но сейчас это неважно. Продолжай.

Он бегло усмехнулся.

— Слышу речь верховной принцессы... Так о чем это я? Ах, да. Костас не смог справиться с собой и во всеуслышание заявил, что они с Геммой во время Риаллы поженятся. Она ответила на это так, как сделала бы на ее месте любая гордая и благородная девица. Сьонед, она наотрез отказала Костасу, а он с тем же упрямством поклялся, что непременно женится на ней и после моей смерти объединит Оссетию с Сиром.

— Ничего себе...— пробормотала Сьонед.

Давви наклонился, набрал горсть гальки и принялся бросать ее в воду.

— Мне по душе эта девочка. Она заменила нам с Вислой Риазу, которую мы потеряли во время Мора. Но я люблю ее не только поэтому. Когда Гемма не проявила интереса к Костасу как к будущему правителю Сира, я начал ее уважать.

— Да, временами с ним бывает трудно,— дипломатично заметила сестра.

Давви фыркнул.

— Скажи лучше, что временами он бывает полнейшим идиотом — за примером далеко ходить не надо! Гемма вовсе не торопилась замуж. А теперь она выскочит за первого встречного, только не за Костаса. Когда два года назад умерла Висла, она очень помогла мне. Гемма и Данлади — дочка Ролстры от леди Аладры — мое единственное утешение на старости лет.

— Данлади?

— Тихая девочка, светловолосая, очень застенчивая. Странная дружба, потому что Гемма очень властная.

— Еще страннее другое. Именно Ролстра вовлек Ястри в войну, которая стоила ему жизни.

— Я уже говорил, что у Геммы странный выбор друзей и недругов, но мнений своих она не меняет. Они с Данлади однолетки; когда умерли Ястри и Ролстра, обе были детьми и обе стали своего рода изгнанницами. Сьонед, они мне как дочери.

Она опустила на корточки и принялась подбирать гальку.

— Знаешь, если Гемма будет брыкаться и голосить, Костасу не удастся жениться на ней в Последний День. — Брат не ответил, просто опустился рядом, и Сьонед подняла испуганные глаза. — Ты хочешь сказать, что он не постеснялся бы обесчестить Гемму и силой заставить выйти за него замуж? Рискованное предприятие. Закон на этот счет очень суров.

— Похоже, именно это он и задумал, — угрюмо ответил Давви. — Я считал, что вы с Роханом что-нибудь придумаете. По правде говоря, я не хочу, чтобы Костасу достались и Сир, и Оссетия. Костас мой сын, я люблю его, он хороший парень и сумеет управиться с тем, что я ему оставляю. Но...

— Но ты не полностью доверяешь ему, — тихо закончила она.

— Ужасно говорить так о родном сыне, правда? Будь на его месте Тилаль, я не колебался бы ни секунды. Сьонед, вы с Роханом сделали из него хорошего человека.

— Спасибо тебе и Висле, материал был отличный.

Давви пожал плечами.

— Перед тобой такая проблема не стоит. Правда, Поля пока еще слишком юн...

— Думаю, разница в том, что Поля с рождения готовили нести ответственность за два государства, а не за одно. Ко-

стас же хочет присоединить Оссетию просто из честолюбия, но плохо представляет себе, чем это грозит.

— Кроме того, Поль будет фарадимом,— тихо напомнил Давви.

Сьонед испуганно воззрилась на брата.

— Ты намекаешь, что Костас хочет, чтобы Гемма нарожала ему «Гонцов Солнца»?

— Пожалуй. Сама знаешь, в роду принцев Оссетских это не новость. Вот вторая причина, по которой я не хочу, чтобы он владел двумя странами. Ему не слишком по душе большие возможности Поля. Не смотри на меня так — ты прекрасно знаешь, что не он один такой. Поль будет верховным принцем и «Гонцом Солнца». Это сочетание приводит в трепет очень многих.

Она швырнула камни в воду и вскочила.

— Отец Бурь! Неужели это прекратится только тогда, когда все принцы станут фарадимами?

— Не знаю,— честно ответил он.— Опять же, будь на его месте Тилаль, я бы не беспокоился. Он долго прожил у вас. Он не завидует, не обижается и не боится ни вас, ни того, кем станет Поль.— Давви тяжело вздохнул и покачал головой.— Сьонед, я иногда думаю, что бы сказали о нас родители.

Сьонед положила руку ему на плечо.

— Ты лучше помнишь их, чем я. И что же, по-твоему, они сказали бы?

Он смущенно замаялся.

— Наверно, что не стоило мне жениться на Висле. Если бы не это, тебя никогда не отправили бы в Крепость Богини.

— И я никогда бы не вышла за Рохана, а ты никогда бы не стал принцем Сирским. Не глупи, Давви.

— Ты была такая маленькая,— пробормотал он, не глядя сестре в глаза.— Я не знал, как тебя воспитывать. А Висла...

— Она хотела быть хозяйкой в новом доме. А я была не таким уж легким ребенком,— криво усмехнувшись, добавила она.— Мне не за что тебя прощать, милый. Что было, то было. Мы делаем выбор, а потом смотрим, что из этого получится. Мысль не новая, однако верная.

Наконец он слегка улыбнулся.

— Да, но события можно слегка подтолкнуть.

Сьонед вернула ему улыбку.

— Тогда подтолкни Гемму к палаткам Чейла. Наверно, он ждет не дождется, когда же увидит свою наследницу.

— М-да... Видно, все-таки тебе на роду было написано стать верховной принцессой.

— Именно это я и твержу Рохану.

— Я повторю ему эти слова при первой же встрече.— Они повернули к лагерю, но через миг Давви остановился у ивы и взял сестру за локоть.— Так что ты можешь рассказать про самозванца?

— Не так уж много,— призналась она, перебирая узкие зеленые листья.— Конечно, он появится здесь и попытается предъявить свои права. Беда в том, что в ту ночь, когда родилась Чиана, здесь стояла полная неразбериха.

— Бьюсь об заклад, сейчас она рвет на себе волосы.

— Если бы только это! В честь нашего приезда во дворец лорда Визского давали обед, и Чиана пыталась обольстить Чейна, уговаривая поддержать ее. Как будто Чейн может всерьез относиться к этому человеку...— Она внезапно хихикнула.— Я думала, Тобин вот-вот лопнет!

— От ревности?— недоверчиво спросил Давви.

— От смеха! Теперь ты понимаешь положение Чианы? Если самозванцу поверят, все ее претензии пойдут прахом. Она просто в бешенстве. А ее поведение заставляет призадуматься даже тех, кто никогда не сомневался в том, что она дочь Ролстры.— Она с досадой пожала плечами.— Если бы у нее была хоть капля ума, она бы делала вид, что замечать соперника ниже ее достоинства. Но нет, она будет клянчить о поддержке каждого, не жалея для этого ни улыбок, ни собственного тела.

— Слава Богине, что Поль пока слишком юн,— усмехнулся Давви.

— Да, но Рохана от нее не спасет ничто. Давви, у нее нет никакой логики! До нее не доходит, что Рохан тоже ни за что не поверит самозванцу.

— Может, она станет приставать к нему совсем по другой причине.

— Гм-м... Как Янте на Риалле шестьсот девяносто восьмого года? Ты знал, что Янте пыталась обольстить Рохана?

— Нет. Но вижу, что ей это не удалось.

Сьонед быстро отогнала от себя воспоминание пятнадцатилетней давности: Рохан в Феруче, раненый, отравленный дракотомом, и Поль, плод той ночи...

Но брату она сказала совсем другое:

— Конечно, нет. Однако она и Чиана два сапога пара: они будут цепляться за мужчину даже тогда, когда их отпихивают обеими руками. А теперь пошли обратно. Тебе надо распорядиться насчет обеда и отдохнуть с дороги. Будь любезен послать Чейлу записку с предложением прислать к нему его наследницу. В лагере Чейла ее будут охранять так же тщательно, как Поля в нашем. А то и тщательнее.

* * *

Вернувшись в шатер, Сьонед увидела, что там всюю идут приготовления к импровизированной вечеринке. Оствель обвел глазами ее поношенный костюм для верховой езды и тут же затолкал в комнату, где лежало платье, подобающее верховной принцессе.

— Ты что, забыла про прием для тех, кто уже прибыл на Риаллу? — спросил он. — Оденься и причешись.

— А без вечеринки никак нельзя? С этими людьми можно поговорить и завтра.

— Чем раньше, тем лучше. Переодевайся, да побыстрее, потому что они могут быть здесь с минуты на минуту.

— Ты специально придумал все это; чтобы помучить меня, — пробурчала она и облачилась в выбранное Оствелем платье из синего шелка. Сьонед обходилась без горничной, чем на первых порах шокировала мать Рохана. Но причина здесь была самая прозаическая: вся ее одежда была настолько проста, что при необходимости позволяла одеваться в мгновение ока. Поэтому она настояла, чтобы в их покои не входил никто, кроме нее самой, Рохана и его оруженосца. Для всех прочих верховных принцев и принцесс уединение было вещью желательной; для Рохана и особенно для Сьонед оно было самым главным.

Она взяла в руки лоскут неплотно связанного шелка и, теряясь в догадках относительно его назначения, откинула полог.

— Оствель, это очень красиво, но что с ним делать?

— Это последний крик моды — вернее, станет им, как только остальные женщины увидят его на тебе. — Он водрузил кусок шелка на голову Сьонед, распустил его по плечам и наконец собрал сзади, чтобы открыть лицо. — Эта штука назы-

вается «кружева», и ты создашь не только новую моду, но и новый промысел.

— Какая я умная...— пробормотала Сьонед себе под нос. Она потрогала голубую шелковую паутинку в виде соединенных между собой цветков.— Чей промысел?

— Твой собственный. Сегодня утром я нашел ткача, который делает такие штуки пачками, купил сразу четверть его товара и посоветовал ему поднять цену во время ярмарки. А он в благодарность за твою поддержку обещает переехать из Криба в Марку и обучить тамошних ткачей делать такие вещи,— довольно улыбнулся Оствель.

— Ну ты и ловкач!— восхищенно воскликнула Сьонед.— При нашей монополии на торговлю шелком это же золотое дно!

— Ну что ж, моя доля в этом промысле будет очень скромной— скажем, всего пятьдесят процентов прибыли,— поклонился он.

— Пятьдесят!

В этот момент стали прибывать гости, горевшие нетерпением отведать хлеба, сыра, мяса и вина, стоявших на столах под открытым небом. Тобин и Чейн пришли чуть позже остальных. На принцессе была такая же вуаль из темно-красного кружева, обрамлявшего ее точеные черты, как сплетенные лучи солнечного света. Завистливые взгляды других дам подтвердили полную правоту хитроумного Оствеля; было ясно, что принцессы недолго останутся в одиночестве.

Вечеринка была неофициальная, но не совсем дружеская. Слишком много разногласий накопилось за эти три года, слишком едкими шутками перебрасывались разные компании. Естественно, собрались все. Ллейн, опиравшийся на подаренную Роханом трость с головой дракона, сел под деревом. К нему присоединились Клута и Чейл. Старики представили молодежи суетиться и болтать, предпочитая наблюдать со стороны и комментировать происходящее, пользуясь привилегиями своего возраста и опыта. Мийон Кунакский похвалил вуаль Сьонед так непринужденно, словно на его границе не стояла армия Пустыни, затем извинился и отошел поговорить с Кабаром и Велденом. Сделано это было не слишком тонко, но в полном соответствии с расчетами Сьонед. Давви проводил время, беседуя со своим кузеном Вологом Кирстским, напротив которого сидел Саумер

Изельский. Последний выглядел умиротворенным: возможно, в таком настроении он поддержит Рохана и отвергнет требования претендента. Сьонед отдала должное такту брата и переключила внимание на *атри*.

Казалось, в этом году их собралось больше, чем на предыдущих Риаллах; многие приехали сюда подыскивать себе жен. Патвин с Холмов Каты, до сих пор вдовевший после смерти дочери Ролстры Рабии; молодой Сабриам Эйнарский; Аллун из Нижнего Пирма; Тилаль из Речного Потока — юным леди было из кого выбирать. И это не считая наследных принцев вроде Костаса, которые тоже нуждались в невестах.

Сьонед со всеми здоровалась, потчевала их прекрасным гиладским, оссетским и сирским и благодарила Богиню за то, что Пустыня находится на отшибе. Она давно бы взбесилась, если бы все эти люди толпились вокруг круглый год, интриговали, злословили, ревновали и следили за каждой ее улыбкой. Однако Чейн и Тобин были в своей стихии и не жалели своих чар. Тобин всюю любезничала с молодым Милошем Фессенденским, младшим и любимым сыном Пиманталя; видно было, что двадцатилетний юноша готов потерять голову. Сьонед приветствовала взглядом ее политическую мудрость. Поддержка Фессендена много значила. Чейн собрал вокруг себя Велдена, Мийона и Кабара и заговорил о мечях и конях. Эта беседа тоже была задумана заранее: надо было заставить гордых молодых людей постараться произвести впечатление на знаменитого лорда и похвастаться своими знаниями. Молодежь флиртowała, люди постарше потягивали вино и беседовали; к закату вино кончилось, и Оствель приказал подать еще несколько бочонков.

Беседуя с принцессой Аудрите о Поле, Сьонед вспомнила, что не видит здесь трех лиц. Аудрите тут же заметила ее беспокойство и спросила о его причине.

— Тут кое-кого не хватает, — призналась Сьонед.

Аудрите опустила густые черные ресницы и принялась вглядываться в толпу.

— Ах, да. наших друзей лорда и леди Визских и леди — нет, простите — *принцессы* Чианы. — Губы Аудрите искривились, как будто она попробовала что-то кислое, и Сьонед фыркнула. — Они будут извиняться, что долго собирались, но на самом деле им легче показаться невежами, чем появиться здесь.

— А я и рада, что их нет. Все юные леди, должно быть, тоже. Чиана не стала бы понапрасну терять время.

— Фи, кузина! — Аудрите притворилась шокированной, и обе женщины рассмеялись. — Впрочем, Чиана — это пустяки. Сегодня я слышала очень неприятную вещь о Киле. Она заявила, что Лиелл собрал сведения о претенденте и что все они характеризуют этого молодого человека с самой лучшей стороны.

Сьонед нахмурилась.

— Так вот почему в тот вечер отношения между ней и Чианой были более холодными, чем обычно... Как замороженный сироп.

— Конечно, вы можете рассчитывать на нашу поддержку. Естественно, этот человек самозванец, но даже если бы он был тем, за кого себя выдает, ни моему мужу, ни его отцу не нужен новый Ролстра. Кроме того, Рохан присоединил Марку по законам войны, и это было подтверждено всеми принципами.

— За исключением Мийона, которого советники удержали в замке Пайн. — Сьонед бросила взгляд на высокого, темноволосого принца и слегка прищурилась.

— Я бы не стала переживать из-за него. Он недостаточно опытен и будет делать ошибку за ошибкой.

— Согласна, но в данном случае мы не можем рассчитывать на чужие ошибки. — Она вздохнула. — Я знаю, что вы с Чадриком и Ллейном сделаете для нас все, и благодарна за это. — Затем Сьонед извинилась и отошла немного в сторону, ожидая, пока слуги не закончат расставлять вокруг столов десять высоких столбов с незажженными факелами. Затем она сосредоточилась, взмахнула рукой, и факелы ожили. Послышалось удивленное бормотание, а затем, как и рассчитывала Сьонед, все взгляды обратились на нее. Она умильно улыбнулась. Никогда не мешало напомнить этим людям, что их верховная принцесса еще и «Гонец Солнца».

Оствель подал ей новый кубок.

— Показухой занимаешься, — укорил он.

— А ты, я вижу, совсем в старики записался? Какая радость быть фарадимо, если время от времени не подурачиться? Ты же видел, какое лицо было у Мийона, когда факел загорелся как раз над его головой!

Оствель отступил на шаг и поклонился кому-то, кто стоял слева от Сьонед.

— Принцесса Найдра, — сказал он, отдал еще один легкий поклон, что-то вежливо пробормотал, извинился и оставил их наедине.

— Добрый вечер, ваше высочество, — сказала Найдра. — Я пришла полюбоваться вашей вуалью. Она восхитительна.

— Благодарю вас. В ответ разрешите похвалить ваши жемчуга. Я никогда не видела такого розового оттенка. Просто прелесть что такое.

— Мой муж очень щедр. — Она подняла темные глаза и благодарно посмотрела на лорда Нарата из Порт Адни — плотного, жизнерадостного человека, увлеченного беседой с принцем Саумером.

Сьонед подозвала слугу и попросила его принести Найдре кубок вина. Пока женщины обменивались ничего не значащими любезностями, Сьонед внимательно рассматривала собеседницу. Найдра была старшей дочерью Ролстры и единственной, если не считать Пандсалы, кто остался в живых из его законных детей и имел право на титул принцессы. Она не слишком напоминала своих более знаменитых сестер. Цвет и разрез глаз у Найдры были такие же, как у Янте, а достоинства в ней было ненамного меньше, чем в Пандсале, но на этом сходство кончалось. Найдра была спокойной, мягкой и абсолютно лишенной честолюбия.

— Я хотела сказать вашему высочеству, что с каждым днем все больше благодарю вас за вашу доброту.

Сьонед неуверенно улыбнулась.

— Простите, не понимаю...

— Я жалею только о том, что не сумела подарить мужу наследника, но во всем остальном мне нечего желать. Я живу так, как мне нравится, и обязана своим счастьем вам и верховному принцу. — Она опустила глаза. — А все благодаря вашей щедрости и вашему приданому...

— Ох, Найдра, что вы... Я жалею только о том, что мы не сумели сделать то же для всех ваших сестер.

— Да... Останься в живых Русалка, Киприс и Павла, они бы тоже вышли замуж. А так... Нас всего несколько: я, Пандсала, Киле, Мория, Мосвен, Данлади... — Найдра подняла взгляд и пожала плечами. — Как вы знаете, три последних до сих пор не замужем. И не потому что у них не хватает поклонников или приданое маленькое, а потому что брак дочерям Ролстры, кажется, противопоказан. Смерть Рабии во время третьих родов после двух нормальных окончательно

доказала это. Знаете, я ведь и сама чуть не умерла, не сумею доносить дитя.— Принцесса долго смотрела Сьонед прямо в глаза, а затем отвела взгляд.— Как будто на нас и наших детях лежит проклятие...

Тем временем слуга принес вино. Эта пауза дала Сьонед возможность переварить перечень сестер и страшный вывод, сделанный Найдрой. Когда лакей ушел, Сьонед осторожно спросила:

— Что вы хотите этим сказать, миледи?

— Ничего, ваше высочество. Просто хотела поделиться с вами своей печалью.— И тут Найдра снова поглядела Сьонед прямо в глаза, что этой дочери Ролстры было совсем не свойственно.— С вашего позволения, я присоединюсь к мужу.— Она благодарно поклонилась и быстро ушла.

Морщинка на лбу верховной принцессы разгладилась, но Сьонед продолжала неотступно думать над словами Найдры. Наверно, принцесса все еще горевала из-за потери единственного зачатого ею ребенка... Как раз это Сьонед слишком хорошо понимала: ее все еще мучило воспоминание о собственных выкидышах. Но казалось, что Найдра намекает на что-то другое. Проклятие, тяготеющее над дочерьми Ролстры и их детьми? Смешно... Здравомыслящие люди считают, что это всего лишь суеверие. Три дочери Рабии совершенно здоровы, а у Киле прекрасные сын и дочь. А Янте... Сьонед сделала глоток вина, чтобы избавиться от горечи во рту, которая всегда появлялась при воспоминании о матери Поля. Проклятие; что за чушь...

Но даже присоединившись к Ллейну, Чейлу и Клуте, она все еще думала о восемнадцати дочерях, родившихся у Ролстры от разных женщин, из которых в живых осталось только семь.

И только тут до нее дошло, что в этот каталог Найдра не включила Чиану.

* * *

На следующее утро Сьонед проснулась от громких приветственных криков, звяканья сбруи и зычного голоса своего мужа, требовавшего объяснений, почему его ленивая жена до сих пор нежится в постели. Едва вспомнив про халат, она напялила его, опрометью выскочила из шатра и угодила прямо в объятия Рохана.

— Рохан... Ох, милый, я так соскучилась! — Она обвила руками его шею и уткнулась лицом в плечо. Он пах здоровым потом, кожей и лошадью: любимый, неистребимый запах, к которому она так привыкла...

— Клянусь Отцом Бурь, женщина, ты меня задушишь! И надень что-нибудь, на тебя же все смотрят! — смеялся он, все крепче прижимая Сьонед к груди.

— Ох, замолчи! — сказала она и действительно заставила Рохана замолчать, прижав к его губам. Затем, когда до нее дошло, что приветствие несколько затянулось, Сьонед отстранилась и заявила: — Ну вот, теперь смотрят на нас обоих, так что можешь не волноваться!

— Странно, что на это зрелище еще не любитесь весь лагерь, — буркнул он и снова поцеловал ее.

Мааркен подтолкнул Поля.

— Давай, тащи всех сюда, будем продавать билеты по две монеты за штуку, а выручку пополам!

Рохан отпустил Сьонед, и она обернулась к сыну. В его улыбке появилось что-то взрослое, напоминавшее о случившемся за лето, пока они были в разлуке. Кроме того, он вырос. Сьонед протянула руки, и Поль шагнул навстречу матери, прижавшись щекой к ее солнечным волосам. Когда мальчик слегка напрягся — достаточно маленький, чтобы желать материнских объятий и в то же время достаточно взрослый, чтобы помнить о своем достоинстве — Сьонед отпустила его и увидела Пандсалу. Та молча стояла рядом и следила за ними. Сьонед улыбнулась принцессе.

— Ради Богини, чем вы его кормили в замке Крэг? Он так вырос за лето, что вот-вот выскочит из туники!

В глазах Пандсалы заиграли веселые искорки, и она обменялась со Сьонед рукопожатием.

— Ваше высочество, во всем виноваты горный воздух и солнце. Рада видеть вас.

— Я тоже. А еще больше я рада тому, что вы так хорошо выглядите после визита моего дракончика. — Она посмотрела на Поля. — Признавайся, много ты хлопот доставил ее высочеству?

— Он доставил нам только радость, — тихо сказала Пандсала. — Вся Марка не хотела расставаться с ним.

Поль выглядел таким самодовольным, что Сьонед решила его немного подразнить.

— Никакого баловства, никаких выходок, никакого не-

послушания? Не верю! Пандсала, выдайте секрет, как вам удалось превратить его в нормального человека!

— Мама! — обиженно воскликнул Поль, и Сьонед рассмееялась. — Я был очень хорошим гостем!

— В самом деле, ваше высочество, — повторила. Пандсала.

— Принцесса все расскажет тебе, когда мы устроимся, — многозначительно произнес Рохан. — Надеюсь, ты предложишь нам ванну, постель и завтрак, пока люди Пандсалы будут разбивать палатки?

— Все будет, как только вы сунете нос в шатер, — заверила она и повернулась к регенту. — Принцесса Тобин пригласила вас к себе. Возможно, вы захотите отдохнуть, пока Оствель и ваш сенешаль присмотрят за устройством лагеря.

— Спасибо, ваше высочество. Это было бы верхом гостеприимства. — Она поклонилась и отошла, сопровождаемая служанкой.

Тут дошла очередь до Мааркена.

— Андраде уже прибыла? — шепнул он ей на ухо.

— Будет то ли сегодня, то ли завтра. Ты не забыл про наше пари? — Она отступила и с улыбкой посмотрела на племянника. — Родители заждались тебя. И Сорин тоже несколько раз забегал, спрашивал, когда ты приедешь. Он в лагере у Волога.

— Сорин? Ах да, конечно! Ведь через несколько дней он станет рыцарем! — Мааркен обернулся к оруженосцу. — Пожалуйста, найди в лагере Кирста моего брата и скажи ему, что я у родителей. — Снова повернувшись лицом к Сьонед, он продолжил: — Вечером обедаем все вместе?

— Естественно. — Мааркен зашагал в палатку родителей, и Сьонед помахала рукой мужу и сыну, приглашая их в шатер. — В ванну, за стол, а потом в постель!

— Мама, но я совсем не устал!

— Значит, устанешь.

Немного позже, когда горячая ванна и завтрак остались позади, ее предположение полностью оправдалось: широко зевая, Поль отправился в отведенную ему огромную спальню, и Рохан со Сьонед улыбнулись ему вслед.

— Ты всегда права?

— Не всегда. Но не ошибаюсь я *никогда*.

Он фыркнул.

— А если ошибаешься, то не признаешься.

— Ты тоже.— Она вновь наполнила чашки горячим тей-зом, откинулась на спинку кресла и посмотрела на мужа, сидевшего напротив.— Конечно, Мааркен держал меня в курсе, но я хочу обо всем услышать от тебя.

— Знаешь, слова Пандсалы — это не просто вежливость. По-моему, каждый, кто встречался с Полем, мечтал украсть его,— улыбнулся Рохан.

— Этого я и ожидала. Расскажи мне про вассалов.

— Их там почти не осталось. Большинство Марки принадлежало Ролстре, а имениями управляли сёнешали. Там всего четыре атри. Больше других мне пришлось по душе лорд Гарик из поместья Лосиная Ловушка. Этот старый хитрец обвел вокруг пальца самого Ролстру, припрятал большую часть своего богатства, в результате чего приданое двух его прелестных внушек не уступит приданому принцесс.

— Гм-м... Опять принцессы и их приданое...— Она пересказала ему свою беседу с Давви, не забыв упомянуть про данный брату совет.

— Мудро, любимая. Чейлу очень понадобится Гемма. Она сможет его утешить.— Рохан устало потер лоб.— Какие еще новости мне нужно знать?

Сьонед подробно изложила все, что знала, что подозревала и что слышала. Рохан терпеливо выслушал этот длинный монолог, а потом задумчиво кивнул.

— В день перед нашим отъездом произошло кое-что интересное. Пандсала еще весной велела прочесать всю Марку и собрать сведения об этом претенденте. В конце концов выяснилось, что вырос он в поместье Дасан и зовут его Масуль. Когда поступило сообщение, лорд Эмлис Дасанский уже уехал из замка Крэг вместе с остальными, и расспросить его не удалось. Осведомитель Пандсалы сказал, что в конце весны Масуль исчез, имея при себе немного денег, ту одежду, которая была на нем, меч и лучшего коня лорда Эмлиса. Конь был найден в Эйнаре. Но готов поспорить на что угодно, Масуль уже здесь, в Визе.

— И что о нем говорят? Возможно ли, чтобы он был сыном Ролстры?

Рохан устало потянулся; Сьонед подошла и стала разминать ему тугие, мускулистые плечи.

— А-ах... замечательно... Говорят, что он высок ростом, что у него темные волосы и зеленые глаза. Жил со своими

дедом и бабкой в Дасане. Дочери их служили в замке Крэг, одна из них была нянькой у Киле и Ламии. А теперь ты говоришь, что Киле распространяет слух, будто Масуль действительно ее брат. Ты не находишь, что это интересно?

— Становится ясным приглашение, которое она послала Чиане. Знаешь, мы все лето не могли прийти в себя. Они всю жизнь друг друга терпеть не могли, особенно с тех пор, как Чиана пыталась обольстить Лиелла. Киле хочет отплатить ей публичным унижением.

— Дочери Ролстры всегда были достойны восхищения,— пробормотал Рохан.

— Ну, мне нравилась Найдра, да и тебе тоже. Вчера вечером я разговаривала с ней, и она сказала очень странную вещь. Мы говорили о ее сестрах, и...

— Сьонед! Рохан! — В комнату заглянула Тобин. — Ваш сын заявляет, что умирает с голоду, и спрашивает, не пора ли поесть. Должна сказать, я с ним согласна. Уже полдень.

— Неужели мы так долго разговариваем? — удивился Рохан. — А когда это Поль успел улизнуть?

— Сейчас поедим, и ты ляжешь спать,— сказала ему Сьонед.

— Как, один? — Лицо Рохана уныло вытянулось.

— Сейчас у тебя нет сил, чтобы исполнить супружеский долг,— смеясь, сказала она. — Я приготовила тебе сюрприз. Спи пока можешь, потому что ночью тебе спать не придется.

— У тебя даже угрозы звучат приятно...

Поздно вечером они отправили обиженного, но послушного сына в кровать и ушли из шатра. Стражи, обученные Маэтой искусству охранять единственных наследников, исправно несли свою службу, так что Полю ничто не угрожало. Во время обеда Мааркен и Поль рассказали об обстоятельствах гибели Маэты, и вся семья выпила за упокой. Когда они вернутся в Пустыню, остаток ее пепла будет развеян по ветру, который вызовут принцесса-фарадим, которой она служила, и юный, необученный принц-фарадим, за которого она отдала жизнь. Следовало как можно раньше начать обучение Поля, чтобы он мог отдать последний долг своей родственнице. Сьонед обучит его: ей нет дела до того, что скажет по этому поводу Андраде...

— Куда ты ведешь меня? — спросил Рохан, когда они шли по берегу мимо моста.

— На двадцать лет назад,— ответила она, кладя голову

ему на плечо.— Ты тогда совершил великий подвиг, вырвав меня из злобных когтей бесчестного соблазнителя...

— Подвиг, да? — засмеялся Рохан. — Это когда мы не сумели вытерпеть несколько дней, оставшихся до нашей свадьбы? — Он крепче прижал ее к себе. — Тогда я думал, что люблю тебя. Но это не идет ни в какое сравнение с тем, что я испытываю сейчас.

— Да, романтичности ты не утратил, — признала она и вызвала тонкий язычок пламени, загоревшийся в раскинувшейся перед ними влажной траве. Этот неяркий огонь осветил плакучую иву. Раздвинув ветви, она показала Рохану уютное гнездышко, которое сама устроила вчера днем и которое до самого вечера стерег недремлющий страж. Рохан скользнул внутрь; Сьонед погасила огонек и забралась следом.

— Тут намного приятнее, чем было в прошлый раз, — заявил Рохан, похлопывая по расстеленным на земле одеялам. — Помню, тогда мы спали на твоей юбке. — Он протянул руку и нащупал два стакана и бутылку, стоявшие у ствола ивы. — И ты еще обвиняешь меня в романтичности! — Слабый свет лун и звезд пробивался сквозь серебристо-зеленую листву, бросая на его лицо холодный, нежный отсвет. Сьонед взяла его руки, прижала к своим щекам, повернулась и поцеловала каждую ладонь.

— Я люблю тебя, — сказал Рохан.

Не размыкая губ, они опустили на одеяло и долго целовались. Сьонед забылась в его теплых руках, ощущая только вкус пахнувших вином губ. Блаженная слабость окутала ее, знакомая сладкая боль пронзила потерявшее вес тело, в мозгу промелькнуло воспоминание о застенчивом юноше, впервые любившем ее под этой ивой, и Сьонед улыбнулась, так и не сумев оторваться от его рта.

ГЛАВА 16

Принц Волог Кирстский приходился Сьонед двоюродным братом; об этом никто бы и не вспомнил, останься она никому не известным «Гонцом Солнца» из Крепости Богини. Но она вышла замуж за Рохана, ставшего верховным принцем; дальнейший ход событий привел к тому, что ее родной брат унаследовал титул принца Сирского. После этого Волог обнаружил, что связан кровными узами с очень важными людьми.

Он был достаточно умен — и достаточно горд — чтобы не заискивать перед ними и не злоупотреблять этой связью. Да в этом и не было нужды. Общественное и имущественное положение Волога было таким, что Рохан с удовольствием прибегал к его помощи, которая была выгодна им обоим. В свою очередь, и Волог считал Рохана сердечным другом и щедрым родственником, всегда готовым помочь. Волог не завидовал дару, который достался Сьонед в наследство от их общей бабушки, поскольку относился к тем редким людям, которые довольны тем, что у них есть, ценят жизнь за то, что она им дает, и не стремятся к тому, что выходит за известные им самим пределы.

Несомненно, он радовался перспективе превращения Кирста и Изеля в одно государство. Но делал он это в частном порядке, вовсе не желая трудностей, которые вполне способен был причинить ему Саумер Изельский до тех пор, пока на престол не взойдет их общий внук. При сильной поддержке Рохана удалось женить единственного сына Саумера на старшей дочери Волога. Позднее и наследник Волога женился на любимой дочери Саумера. От этого последнего союза родился сын, который и стал наследником обоих престолов, когда единственный сын Саумера умер бездетным.

До двенадцати лет этот мальчик рос то у одного, то у другого деда, пока Волог не предложил Саумеру отправить его на воспитание в Стронгхолд. Формально для этого согласия Саумера и не требовалось, но Волог был достаточно умен, чтобы понять, что такой тонкий вопрос, как обучение их общего наследника, требует взаимного согласия. Волог тайно радовался своему триумфу, а на людях клялся Саумеру в вечной дружбе. Каждому из них было удобно забыть о том, что их предки несколько столетий только тем и занимались, что отбивали друг у друга пограничные земли и угоняли стада.

У Волога была еще одна дочь, младшая и любимая. Аласен была обворожительной девушкой двадцати двух зим с отсвечивавшими золотом каштановыми волосами и глазами цвета морской волны у кирстского побережья. Тонкие приподнятые брови и нежный, серьезный ротик дополняли ее красоту; речи ее были такими же умными, как и ее лицо. Она была гордостью и радостью Волога.

Но когда Волог с ворчливой нежностью представлял дочь Сьонед в первое утро Риаллы, на Аласен не было лица. Щеки ее были мертвенно-бледными, глаза обведены темными кругами, а губы искажены страдальческой гримасой. Сьонед понимала, что все это вызвано отнюдь не трепетом перед верховной принцессой. Невозможно было не узнать признаки продолжительной морской болезни.

— Похоже, путешествие из Кирста не доставило тебе особой радости, — лукаво заметила она. — Волог, кажется, кровь нашей бабушки в твоем роду еще не перевелась!

— У меня нет дара фарадима, ваше высочество, — быстро сказала Аласен, и от этой прямоты у Сьонед взлетели вверх брови. — От морской болезни страдают не только «Гонцы Солнца».

Волог пожал плечами.

— Разберемся позже, Сьонед. Думаю, тебе в любом случае будет приятно с ней познакомиться.

Сьонед правильно поняла намек: она *должна* разобраться, в самом ли деле у Аласен есть дар. На губах у нее вертелся вопрос, почему в таком случае Волог давно не отправил девочку к Андраде, но полный любви взгляд, которым он смотрел на дочь, объяснил все без слов. Аласен не нуждалась в этом, а отец не мог заставить себя отправить девушку

на испытание против ее воли. Следовательно, оставалось обратиться только к Сьонед.

— Конечно, я рада с ней познакомиться, — улыбаясь, сказала она. — Если ты уже сносно себя чувствуешь и у тебя нет никаких других дел, не составишь ли мне компанию? Сегодня я собиралась на ярмарку. Муж запрещает мне покупать подарки сыну, чтобы не разбаловать его, но я и не собираюсь его слушаться.

Волог гулко расхохотался.

— Права матери важнее приказаний мужа, и это правильно! Богине ведомо, что мы с женой бессовестно баловали Аласен!

— Отец Рохана однажды сказал ему, что отцы должны позволять дочерям все; приучать женщин к дисциплине — это долг мужей. — Сьонед тихонько рассмеялась, но от ее внимания не ускользнуло, что при упоминании о мужьях губы Аласен сжались. — Не могу сказать, что принц Зехав сам следовал своему совету, потому что он баловал и дочь, и жену до самой своей смерти. Может быть, поэтому Рохан и не поверил ему! — Она обернулась к девушке. — Ну как, Аласен, пойдешь со мной на ярмарку?

Поняв, что над ней подшучивают, девушка успокоилась и подарила Сьонед прелестную улыбку.

— Я с радостью присоединюсь к вам, ваше высочество.

Сьонед взяла Аласен за руку.

— Если тебе еще трудно называть меня по имени, то говори просто «кузина». Слава Богине, в данном случае это святая правда, не в пример большинству других, к которым я вынуждена так обращаться по этикету. — Она сморщила нос, и Аласен снова улыбнулся.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Каждый раз, когда мне приходится называть так принца Кабара, я напоминаю себе: какое счастье, что это неправда.

— Наш дорогой гиладский кузен чересчур высокого о себе мнения, да?

— Он напыщен, нагл и совершенно невыносим, — сердито выпалила Аласен и вдруг вспыхнула. — Отец прав: меня так разбаловали, что я забываю говорить о других принах с должным уважением.

— Говорить можно одно, а чувствовать совсем другое. Мы родня, Аласен, так что при мне можешь говорить все,

что захочешь. — Сьонед подмигнула ей. — Богиня свидетельница, я всю жизнь так и поступаю!

Обе женщины были одеты по-будничному, и когда они присоединились к толпе, спешившей через мост, никто не отличил их от горожанок, торопившихся на ярмарку. О чинах и привилегиях в этот день никто не вспоминал; слава Богине, хоть раз в году можно было отдохнуть от соблюдения строгого этикета. Продавцы не жалели титулов, обращаясь ко всем одинаково — от служанок до блистательных принцесс, причем титул был тем громче, чем красивее была женщина. Однако все мужчины — что лорд, что конюх — на ярмарке именовались одинаково: «ваше превосходительство». Неписанный обычай диктовал всем приходиться в простой одежде и не козырять чинами.

Однако рыже-золотистые волосы Сьонед были слишком хорошо известны, хотя огромный изумруд, с которым она не расставалась, был скрыт тонкой кожаной перчаткой. На почтительные поклоны она отвечала улыбками и кивками, что приводило только к новым почестям. Она вежливо отказалась пройти в голову толпы, ожидавшей, когда ее пустят на мост; тем не менее ей тут же освободили проход. Когда принцессы оказались на другом берегу реки, купцы бросали ради них других покупателей. Если этого не делали, она безропотно отходила в сторону, однако вскоре всю ярмарку облетела весть, что здесь сама верховная принцесса, которая не желает, чтобы ее узнали. Мало-помалу шумиха улеглась, и Сьонед смогла всерьез приступить к покупкам.

— Вас всегда так встречают?

— Да, на первых порах. Давно прошли те времена, когда мне удавалось оставаться неузнанной. Ты ведь впервые на Риалле, верно?

— Да, и мне здесь очень нравится! Конечно, я ездила в Порт Адни на тамошний рынок, но он не идет с этим ни в какое сравнение! — Она обвела рукой веселую суматоху вокруг палаток купцов, толпы покупателей, оруженосцев и пажей, бегущих с поручениями, подмастерьев, подтаскивающих новые товары взамен раскупленных... Ярмарка пестрела цветными навесами, всюду стоял шум и царило праздничное настроение, а в дальнем конце огромного поля находились загоны, благоухавшие крепким запахом овец, коз, коров и лошадей. Их блеяние и мычание было почти таким же

громким, как многоголосый говор заключавших сделки. Обе принцессы отправились посмотреть на животных.

— Посмотри-ка на этого теленка с белой звездочкой,— сказала Сьонед.— Когда он вырастет, то превратится в чудовищного быка и станет отцом многочисленного потомства, похожего на него как две капли воды.

— Откуда вы знаете такие вещи?

— Я выросла в поместье, а не во дворце,— улыбнулась Сьонед.— Этот малыш — потомок той породы, за которой я ухаживала, когда была девочкой. Эта кровь так же узнаваема, как кровь знаменитых жеребцов лорда Чейналя.— Словно поняв, что речь идет о нем, теленок шустро подбежал к ограде и понюхал протянутую руку Сьонед.— Ты принесешь Давви хороший барыш, маленький.

— С какой стати принцу интересоваться скотом? — удивилась Аласен.

— Принцу должно быть дело до всего происходящего, что бы это ни было. Разведение породистого скота — конек принцессы Пандсалы. Ей пришло в голову, что скрещивание лучших пород, имеющихся в каждой стране, может сильно улучшить стадо. А заодно и поднять цены на скот,— хихикнув, добавила она.— Может быть, разведение породистых коров не такое благородное дело, как разведение лошадей, но куда более практичное.

— Отец сказал, что в этом году здесь торгуют и ястребами. Это тоже идея принцессы-регента? Можно на них посмотреть?

— Именно туда мы и идем. А идея принадлежит мне,— сказала Сьонед, и они стали взбираться на поросший деревьями холм.— Когда я была девочкой, мы не могли позволить себе иметь ловчих птиц. Лучших из них разводили в Марке, и предназначались они только для очень богатых людей. Ястребы и сейчас дороги, но большинство уже может позволить себе такие траты.

В тени деревьев стояли клетки с птицами. Несмотря на удаленность от шума и суеты ярмарки, на головах некоторых были колпачки. Сьонед с удовлетворением смотрела на дело своих рук. Торговля шла бойко, о чем свидетельствовали прикрепленные ко многим клеткам таблички, свидетельствовавшие, что птица уже продана. На табличках были проставлены цвета принцев и атри. Ей было приятно видеть, что люди приходили сюда с самого утра.

Аласен как завороченная смотрела на прихорашивавшуюся самку ястреба с янтарной головкой. Длинное крыло было вытянуто на всю клетку, приглашая всех полюбоваться бронзовыми, зелеными и золотыми перьями.

— Ну разве она не прекрасна? — прошептала девушка.

— Мне всегда хотелось летать, — вполголоса откликнулась Сьонед. — А особенно в детстве, когда над Речным Потокм пролетали драконы.

— Наверно, полет дает поразительное чувство свободы, — мечтательно промолвила Аласен. — Все, что тебе нужно, это небо и солнце...

— Примерно то же испытывают фарадимы, — заметила Сьонед и увидела то, что ожидала. У Аласен моментально напряглись плечи, и она отвернулась от клетки. Старшая из принцесс предпочла сделать вид, будто ничего не заметила. — Я хочу побаловать сына и купить ему одну из этих птиц. Помоги мне выбрать лучшую.

— Но разве не все они принадлежат ему?

— Ему принадлежит право разводить их, которое мы за приличную сумму уступаем этим славным сокольникам, а они затем пожидают плоды своего труда.

К ним подошел бородатый молодой человек, низко поклонился, протянул руку, чтобы показать свой товар, и взмахнул широкими рукавами; как крыльями; это впечатление усиливалось острым, крючковатым носом и парой маленьких блестящих глаз.

— Ястреба для ваших величеств? Нигде не найдете лучше моих! Право получено лично от высокого и могучего принца Поля, из его собственных властительных рук. Скажу не хвалясь, мои ястребы рождены от предков, не уступающих родословной той паре, от которой родился сам юный принц — легендарной леди матери и могущественному владельческому отцу. Позвольте показать вам птиц, которых не далее как сегодня утром хвалила сама верховная принцесса, выдающийся знаток всего на свете, в том числе и ястребов, и говорила, что за любую из этих птиц не жаль отдать знаменитый изумруд с ее руки...

Сьонед тут же спрятала в карман руку в перчатке, скрывавшей «знаменитый изумруд».

— Может быть, может быть... Так сколько же ты хочешь за свою птицу?

Он назвал сумму, от которой Сьонед растерянно замор-

гала. Пандсала установила жесткую верхнюю границу отпускной цены. При покупке оптом эта цена значительно снижалась, и все же розничная цена значительно превышала эту границу. Идея заключалась в том, чтобы сделать птиц доступными, а не получать на них сверхприбыль.

К удивлению Сьонед, Аласен начала торговаться. Ее опыт оказался очень полезным для верховной принцессы, которая на это была совершенно не способна. Если ей что-нибудь нравилось, она не могла заставить себя начать сбивать цену, а гордость не позволяла ей повернуться спиной и уйти. Большинство купцов замечало это с первого взгляда. Но Аласен была прирожденной артисткой, обожавшей игру, и вскоре заставила сокольника рвать на себе волосы и выщипывать бороду в попытке изобразить нечеловеческие мучения. Сьонед хранила безмолвие и наслаждалась этим зрелищем.

Наконец Аласен повернулась к Сьонед.

— Вам лучше посмотреть на других птиц. Думаю, я вскоре присоединюсь к вам: шкура у этого человека такая же толстая и непробиваемая, как скорлупа яйца, из которого не смог вылупиться дракон!

Стремясь внести свой вклад в это развлечение, Сьонед отправилась осматривать другие клетки. Она приценилась и нашла названные суммы столь же чудовищными. Принцесса пересчитала цветные таблички, прикинула в уме итог и возвратилась к Аласен, которая тем временем сбила цену до того уровня, с которого должен был начинаться настоящий торг.

Пристально глядя в глаза сокольнику, Сьонед нарочито медленно стянула с себя перчатки. Увидев изумруд, человек захлопал глазами. Он посмотрел на ее лицо, волосы, снова на изумруд, чтобы удостовериться, что не ошибся, а затем испустил отчаянный вопль, который заставил сбежаться всех остальных продавцов. На мгновение Сьонед подумала, что сейчас он рухнет наземь и начнет кататься в пыли в знак раскаяния. Но он ограничился тем, что крикнул другим сокольникам:

— Ее высокороднейшее, несравненное и всемилостивое королевское высочество верховная принцесса!

Сьонед смерила их взглядом и подбоченилась.

— Благослови вас Богиня,—сладким голосом сказала она.— Я рада видеть, что торговля идет хорошо и приносит

вам прекрасную прибыль.— Принцесса улыбнулась, и сокольники виновато потупились. Аласен поднесла руку к губам, чтобы скрыть улыбку.

— Если память мне не изменяет,— продолжила Сьонед таким тоном, который указывал, что с ее памятью все в порядке,— на этих ястребов была установлена твердая цена. Я не считаю, что следует торговать без разумной прибыли: рынок есть рынок. Но мой сын будет огорчен, что его щедрость по отношению к вам не сопровождалась вашей щедростью по отношению к покупателям. Простой подсчет показал мне, что за каждую птицу вам переплатили по меньшей мере вдвое. Продали вы пятерых. Таким образом,— заключила она, по-прежнему улыбаясь,— вы должны моему сыну пять ястребов.— За этим последовала многозначительная пауза.— Я жду.

— Но... в-ваше королевское высочество...

Сьонед не обратила на него внимания.

— Моей кухне понравилась вот эта — с янтарной головкой. Для себя я выбираю того, что с зеленым колпачком. Это два. Доверяю вам самим отобрать лучших из остальных и прикрепить к их клеткам таблички с именем моего сына. Мы поняли друг друга? Чудесно! Думаю, не стоит добавлять, что я пересчитала непроданных птиц, и в случае продажи их по цене выше разрешенной вы будете должны моему сыну еще *восемь* мерых. Так и случится, если вы не прекратите нарушать правила торговли.

— Но ведь если цены внезапно резко упадут, это вызовет скандал! — попытался протестовать один из сокольников.

— Наши первые покупатели придут в бешенство! Я умоляю вашу высочайшую милость пересмотреть...

Тут подала голос Аласен.

— Они правы, кузина. Насколько я понимаю, тут есть два выхода. Либо наши добрые друзья возместят разницу, когда покупатели придут забирать птиц... — Услышав дружный стон, юная принцесса сделала паузу, а потом продолжила: — ...либо они будут называть ту же начальную цену, но спускать ее так быстро, чтобы каждый покупатель решил, будто он великолепно торговался.

— Похоже, ты совершенно права,— задумчиво сказала Сьонед, строго-настрого запретив себе улыбаться. До чего же хитра эта девчонка! — Действительно, этим честнейшим купцам было бы трудно признаться в том, что они обсчита-

ли своих первых покупателей. Что вы на это скажете, друзья мои?

Бородатый сокольник перевел дух.

— Ваша всемилостивейшая милость гениальна, как всегда. Мы позволим будущим покупателям... позволим им... — Он запнулся, и один из коллег ткнул его локтем. — Торговля будет продолжаться до тех пор, пока цены не достигнут уровня, установленного регентом, — закончил он с таким видом, словно наглотался уксуса.

— Замечательно! — просияла Сьонед. — Итак, за вами пять ястребов — те два, о которых я говорила, и три по вашему выбору. На клетках прикрепите следующие таблички: мою, верховного принца, моего сына, принцессы Тобин и принцессы Аласен Кирстской, с которой вы имеете честь разговаривать.

Этот подарок заставил Аласен округлить глаза. Сьонед взяла ее за руку, обвела сокольников еще одним насмешливым взглядом и быстро повела девушку вниз. Не успели они отойти на почтительное расстояние, как Сьонед безудержно расхохоталась.

— О Богиня, я целый год не слышала ничего смешнее! Но ты представляешь себе, какую бешеную цену они заламывали? Пандсала придет в ярость!

— Миледи... я не могу принять такой подарок...

— Как так? Ты вполне заслужила его. Если бы птица не досталась мне даром, я все равно купила бы ее для тебя. Аласен, ты сказала, что любишь следить за летящими птицами, и я сразу представила себе эту золотоголовую красавицу, расправившую крылья и устремившуюся к солнцу... Все, об этом больше ни слова!

Аласен помедлила, а потом улыбнулась.

— Кроме спасибо, вы от меня ничего не услышите! Но зато вам придется много услышать от людей, которые отныне сочтут себя мастерами сбивать цену!

Они вернулись на ярмарку и подошли к рядам, где торговали съестным. Над ними стояла такая мешанина искусительных запахов, что Сьонед с наслаждением втянула в себя воздух. Бродя между прилавками с мясом, сыром, печеньем, овощами, пирогами, фруктами — свежими и консервированными — и сотнями бутылок вина, она выбрала все, что было нужно для сытного и вкусного завтрака.

— А теперь спустимся к реке, выберем тихое место и как

следует закусим,—сказала она, протягивая Аласен глиняный кувшинчик со свежими ягодами, вымоченными в меду с травами. Все остальное Сьонед умудрилась взять в руки и при этом успела увернуться от целой оравы хохочущих юных пажей.— А потом мне придется вернуться, поискать что-нибудь для Поля и... Ах! — Принцесса сохранила равновесие и обернулась к толкнувшей ее красивой женщине средних лет со странно настойчивым взглядом.

— Прошу прощения, благородная леди,—пробормотала женщина.

— Ничего страшного,—жизнерадостно откликнулась Сьонед.— Ужасная толчея, не правда ли?

— Да. Но я вижу, что вы не взяли хлеба для вашей трапезы. Могу рекомендовать лучшего пекаря Виза. Он торгует чуть дальше, в этом же ряду.

— Спасибо за предложение, но...

— От такого товара не отказываются,—прервала ее женщина.

Сьонед готова была улыбнуться и ответить еще одним вежливым отказом. Но взгляд женщины был таким настойчивым, таким отчаянным, что она невольно остановилась.

— В самом деле? — небрежно спросила Сьонед, гадая про себя, как далеко может зайти назойливость этой женщины.

Она зашла достаточно далеко, чтобы вызвать у Сьонед острое любопытство. Женщина дернула верховную принцессу за рукав и прошептала:

— Пожалуйста, ваше высочество...

— Ну что ж, показывайте.

Идя вслед за женщиной, Сьонед и Аласен подошли к киоску с ярким навесом, выкрашенным в желто-красные цвета Виза. Местные купцы вовсю пользовались законным поводом для прославления цветов своего лорда, который представляла им ярмарка в честь Риаллы. В корзинах громоздились груды свежее испеченного хлеба, рассортированного по вкусу и размеру. Киоск венчала вывеска пекаря, похожая на огромную восковую печать. На ней была изображена стилизованная океанская волна; тот же символ украшал стенки киоска, выкрашенные белой краской.

Стоявший за прилавком худой старик поднял глаза и прищурился, увидев провожатую Сьонед.

— А, Ульрикка... Нашла мне еще одного покупателя, да?

— Для этой леди только самое лучшее,— сказала Ульрикка.

— У меня есть глаза,— проворчал старик и отдернул желтую занавеску за спиной.— Последи, чтобы никто ничего не стянул, пока я не вернусь,— велел он и исчез.

— Лучшее?— пробормотала Сьонед, обращаясь к Ульрикке, которая сделала вид, что не слышит. Аласен вопросительно посмотрела на принцессу, и та слегка пожала плечами.

Через мгновение старик вернулся, неся в руках большой каравай, завернутый в чистый, но слегка испачканный мукой кусок полотна. Сьонед достала заранее приготовленные монеты, но старик покачал головой.

— Не нужно денег. Я знаю, кому служу.

— Но даже высокородные платят за еду. Я уверена, что по достоинству оценю ваш лучший товар.— Она насильно вложила в его ладонь две золотые монеты, на которые можно было купить сотню таких караваев.

— Я тоже так думаю, благородная леди,— поклонился он и повернулся к следующему покупателю.

— Сьонед... Куда девалась эта женщина?— Аласен озбоченно оглядывалась по сторонам.— Я не видела, как она ушла. Кто это был?

— Понятия не имею.— Сьонед тоже обернулась, но не обнаружила и следа Ульрикки. Пожав плечами, она повела Аласен на берег реки и выбрала место под шпалерой, увитой цветущим виноградом. Принцесса умышленно разбросала еду как попало и поверх всего положила неразвернутый каравай. Он был черствым и, судя по всему, давно вышел из печи; холст не столько защищал руки Сьонед, сколько скрывал подозрительный каравай от посторонних глаз. Именно Аласен первой заметила отметку на нижней корке, и была это не пекарская океанская волна, а грубый контур вырезанного ножом летящего дракона.

— Это послание?— широко открыв глаза, спросила Аласен.

Сьонед покачала головой.

— Всего лишь адрес.— Она надрезала каравай ногтем большого пальца.— Я разломлю хлеб, как будто мы собираемся положить в него сыр. А если ты сдвинешься чуть вправо, люди, которые расположились над нами, ничего не увидят. Спасибо. Ага!— Она вытащила из каравая намазан-

ный маслом сложенный кусок пергамента размером с ладонь и развернула его. Когда оттуда выпал золотой кружок, у нее захватило дух.

— Кольцо? — выдохнула Аласен и тут же ответила на свой вопрос. — Кольцо фарадима!

Сьонед положила записку и кольцо в карман.

— Да, — ответила она. — Давай поедим. Открывай вино.

Закончив трапезу, они собрали остатки, спустились к реке и начали бросать птицам крошки. Только тогда Сьонед вынула записку.

— Это дороже золота, — пробормотала она. Аласен дрожала от нетерпения, пока Сьонед не пробежала глазами краткое послание и не сунула его на прежнее место. — Есть только один способ отделить «Гонца Солнца» от его колец. Записка лишний раз подтверждает это.

— Что в ней говорится?

— Прости, Аласен, я не могу сказать этого. Могу лишь подтвердить твою правоту. Это действительно кольцо фарадима. Они делаются из особого золота — сама видишь, кольцо с красноватым отливом.

— И этот «Гонец Солнца» мертв.

— Да. Иначе оно бы находилось на его пальце. — Она посмотрела на свои руки. — Я единственная, кто позволил украсть у себя кольца и при этом остался в живых... чтобы никогда не надеть их снова.

— Но записка...

— Я не могу сказать этого, Аласен.

— Вы думаете, что я слишком молода и легкомысленна, да?

— Я была моложе тебя, когда вышла замуж за Рохана и стала принцессой, так что с моей стороны было бы нечестно попрекать тебя возрастом. Но есть вещи, о которых тебе лучше ничего не знать, потому что честное неведение — лучшая защита от опасных вопросов. Достаточно и того, что ты уже узнала: «Гонец Солнца» мертв, а я получила послание. Чем меньше будешь знать, тем лучше для тебя. Даже принцессам с даром фарадима не положено знать все.

— Но *вы* же знаете все, — пробормотала Аласен.

— Ох, моя милая, если бы! — Она ненадолго умолкла. — На сей раз ты не подпрыгнула, когда я назвала тебя фарадимом...

Аласен разломала сыр на кусочки и бросила их рыбам.

— Ты когда-нибудь слышала про Сьону, нашу с твоим отцом общую бабушку? Она была фарадимом в Крепости Богини и на Риалле встретила принца Синара. Они полюбили друг друга. Поднялся ужасный шум, потому что в те времена принцы и лорды не женились на фарадимах — во всяком случае, не на прошедших обучение. Боялись, что у таких пар талант будет передаваться потомству, а родители смогут обучать их без присмотра Крепости Богини.

— Времена изменились, — сказала Аласен, украдкой посмотрев на Сьонед.

— Это Андраде изменила их в угоду себе. До меня в роду принцев Кирста не было ни одного фарадима. Ты вторая. Знаешь, быть принцессой и фарадимом одновременно совсем не так страшно.

— Но ведь это добавляет мне ценности, правда? — выпалила Аласен. Она бросила в воду остатки сыра. На них тут же набросились две серебристо-зеленых рыбы, закипела вода и началась драка.

— Ах, вот оно что... — пробормотала обо всем догадавшаяся Сьонед. — Если бы не я и мой неравный брак с Роханом, ты — конечно, если захотела бы — могла бы признать, что у тебя дар, пойти учиться и быть только «Гонцом Солнца». Но благодаря мне ты становишься вдвойне завидной невестой...

— Это не ваша вина, — быстро заявила Аласен. — Вы правы, я знаю, что обладаю талантом фарадима. И всегда знала это. Только не думала, что можно быть принцессой и «Гонцом Солнца» одновременно. Но я принцесса Кирстская, и это накладывает на меня какие-то обязательства. Даже если бы я обучалась в Крепости Богини, положение обязывает меня выйти замуж за принца или лорда. Так что выбора у меня нет, сами видите.

— Но часть твоей души... — догадалась Сьонед.

— Да, какой-то внутренний голос говорит мне: если я не буду учиться, то сделаю лишь половину того, что написано мне на роду. Но я не хочу, чтобы ко мне относились как к вашему породистому теленку или овце и ценили во мне не меня самое, а мой дар фарадима. Конечно, вполне достаточно и того приданого, которое дает за мной отец. Однако к такой жизни я подготовлена. — Она подняла глаза на Сьонед. — Я думаю, что только жизнь может научить принцессу, как ей быть одновременно и «Гонцом Солнца».

— Но не забудь,—ласково напомнила ей Сьонед,—ты хочешь летать...

Аласен коротко кивнула.

— Я не могу ничего с этим поделать. Но и уступить себе тоже не могу.— Она развела руками.— Прошу прощения... Не следовало приставать к вам со своими проблемами, особенно после этой записки.

— Знаешь, девочка, передо мной стояла противоположная проблема. Я была подготовлена к судьбе «Гонца Солнца», но представления не имела о том, что требуется от принцессы... Вставай, пора возвращаться в лагерь.

Сьонед проводила Аласен до палаток Волога и пошла к себе в шатер. Наступил полдень, и Рохан устроил небольшой перерыв, оторвавшись от донимавших принца забот. Сьонед поцеловала мужа и для начала рассказала ему о ястребах. Рохан фыркнул.

— Ты права, Пандсала лопнет от злости! Надо будет предупредить ее. Похоже, эта Аласен очень умная девушка.

— Как жаль, что она слишком стара для Поля...

— Я думал, твое сердце принадлежит Сьонелл. Так же, как — Богиня знает — сердце этой малышки принадлежит ему.

— У каждого принца должен быть выбор,— нежно сказала она.— Такой же, какой был у тебя.

— Гм-м... Выражайся точнее. Выбор у принца быть должен, но этот выбор обязан непременно совпадать с твоим.— Он шутливо дернул ее за косу.— А мне похвастаться нечем. Утро прошло бестолково. Все торгуются как только могут. Ллейн сидел здесь, о чем-то думал, ни слова не сказал и ушел. И никто пока не догадывается, что будет главным на этой Риалле.

— Фирон и Масуль. Но главным образом Масуль,— добавила она.— О нем по-прежнему ни намека?

— Ни малейшего. Но Лиелл попросил разрешения завтра обратиться к принцам. Не знаю, что и думать. Ясно только, что ничего хорошего он не скажет.

— Тогда подумай, пожалуйста, об этом.— Сьонед протянула Рохану кольцо и сложенный пергамент и рассказала, как они к ней попали.— Кое-что проясняется, согласен?

Он прочитал записку вслух:

— «Это кольцо принадлежало Клеве, который мертв. Его другие кольца исчезли, как и пальцы, на которых они

были надеты. Его труп собирались сжечь на костре, как нищего, но опознали и похоронили на подобающем огне. Его убийца неизвестен. Но примите меры предосторожности: в городе говорят, что отцу некоего сына угрожает та же опасность, которая обычно грозит Пустыне». — На мгновение Рохан закусил губу, а затем сказал: — Клеве был хорошим человеком. Нашим добрым другом. Как ты думаешь, он прибыл сюда с поручением от Андраде?

— Да. Я не хочу привлекать внимания к пекарю, а то сходила бы к его киоску. Но если хочешь, я найду его.

— И подвергнешь опасности? Нет. Либо он, либо та женщина сообщили нам все, что нужно. — Он сжал в кулаке золотое кольцо. — О Богиня... Бедный Клеве. Эти варвары отрезали ему пальцы, бросили умирать и обрекли на костер для нищих...

Сьонед накрыла его руки своими ладонями.

— Клеве был здесь, в Визе. Городе Киле. Женщины, которая защищает Масуля. Он обнаружил то, что стоило ему жизни. Это может означать только одно.

Рохан отошел от нее, все еще сжимая кольцо.

— А что же дальше? Тут не обо мне речь — «опасность, которая обычно грозит Пустыне». Конечно, наем на мери-дов. Но «отец некоего сына»? — Внезапно он развернулся. — Чей сын доставляет нам больше всего хлопот? Конечно, Ролстры! Но тот давно мертв... так что опасность угрожает...

— Подожди, я не успеваю за тобой! — запротестовала Сьонед.

— ...настоящему отцу Масуля! Разве ты не понимаешь? Кто мог бы стать самым опасным свидетелем? Человек, который выглядит, говорит и двигается, как Масуль, и кто в то же время не собирается умирать!

Брови Сьонед сначала взлетели вверх, а потом сошлись на переносице.

— Ты преувеличиваешь, — резко сказала она. — Здесь есть дюжины отцов, у которых есть сыновья...

— Однако интересует нас только один из них, — напомнил он. — Но как мы будем его искать?

— А кого бы начал искать он сам?

— Скорее всего, людей, которые больше заплатят — как за молчание, так и за выступление. К нам он еще не приходил, поэтому я думаю, что он оставил нас на закуску. Так

к кому бы он пошел в первую очередь? К Киле? К Мийону? К самому Масулю?

— Если Киле приказала кому-то убить Клеве — а я думаю, что так оно и было — она бы не мешкая убила и этого человека. Полное молчание. — Сьонед тоже стала расхаживать по комнате. — К кому еще он мог бы обратиться? С кем он может быть давно знаком?

— Я не...

Реплику Рохана прервало появление стража.

— Прошу прощения, ваши высочества, — сказала женщина. — Принцессы Пандсала и Найдра просят уделить им минуту вашего времени.

— Да, конечно, — рассеянно сказал Рохан и вдруг устался на Сьонед. — Так ты думаешь...

Вошли сестры, и первые же слова Пандсалы подтвердили подозрения Рохана и Сьонед.

— Милорд, миледи, прошу прощения за то, что вынуждена отвлечь вас от дел, но сегодня утром к Найдре приходил один человек...

— Позвольте мне высказать догадку, — сказала Сьонед. — Он заявил, что является настоящим отцом самозванца и хотел, чтобы вы заплатили ему за молчание.

У Найдры расширились глаза.

— Откуда вы знаете?

Пандсала страшно побледнела и прошептала:

— Какая же я дура!

— Вы и не могли этого знать, — сказал Рохан. — А как только узнали, сразу пришли ко мне. Принцесса Найдра, пожалуйста, расскажите мне, как это случилось.

— Он сказал, что я дочь своего отца, а потому должна желать выставить вас и всех ваших из Марки, и если я не заплачу ему...

— Конечно, вы прогнали его? — прервал принц. — Я ценю вашу преданность, миледи, но предпочел бы, чтобы вы сразу же сообщили об этом мне.

Она стиснула руки.

— Милорд, простите меня, я не подумала, что это может иметь для вас значение... Я думала, что ему нужны только деньги...

— И были совершенно правы, — более мягко сказал Рохан. — Я ни в чем не виню вас, миледи. Пожалуйста, повторите все, что он сказал.

— Он сказал, что был любовником замужней женщины, которая родила от него сына. Все они служили в замке Крэг. Он был матросом на барке... Я его не помню, но это ничего не значит. Я слушала этого мужчину так долго только потому, что была ошеломлена его наглостью...— Найдра поразительно быстро взяла себя в руки и рассказала им все, что знала.

Мужчина был высоким, темноволосым и зеленоглазым — как раз таким, каким, судя по описаниям, был Масуль. После пожара на барке он на время остался в Визе, а потом служил на разных судах. Распространившиеся этой весной слухи заставили его вернуться в Виз, дожидаться Риллы и проверить, чего стоят сведения, которыми он располагает.

— Милорд, как только он ушел, я тут же поспешила к Пандсале. Я была настолько оскорблена тем, что он мог подумать, будто я могу предать вас и принцессу Сьонед, которые были так добры ко мне...

— Вы не смогли бы найти его? — спросил Рохан. — И для виду сказать ему, что вы передумали?

Найдра покачала головой.

— Прошу прощения, милорд, — с несчастным видом ответила она. — Когда я оправилась от этой неслыханной дерзости, то велела ему убираться вон и не смею сомневаться в моей преданности. А потом поспешила к Пандсале, чтобы предупредить ее об этом лжеце — на случай, если он решит прийти и к ней.

Сьонед тихо вздохнула.

— Ну, и к кому же он пойдет в следующий раз? Естественно, не к вам, Пандсала. Возможно, к Киле, но я не хочу об этом думать. Его убьют тут же, как только он откроет рот.

Найдра побелела.

— Миледи... Вы ведь не думаете, что она способна...

— Она способна на все. — Сьонед повернулась к мужу. — Если бы я оказалась на его месте, то пошла бы к Чиане. Денег у нее немного, но зато теряет она больше всех.

Единственная потеря, которая не угрожала Чиане, так это потеря ее плохого характера. Когда девушку вызвали в шатер и вкратце рассказали о случившемся, она яростно накинулась на Найдру:

— Дура набитая! Тебе надо было задержать его у себя и позвать всех нас!

— Хватит! — отрубил Пандсала.

— И не подумай, принцесса-регент! — сварливо ответила Чиана; в глазах ее пылала злоба. — Если бы не ваши с Янте дурацкие интриги, ничего бы этого не случилось!

— Миледи, — со всей возможной мягкостью сказал Рохан, — сейчас речь идет не о том. Нас интересует, как быть дальше. Попробуйте успокоиться и как следует подумать.

— О да, вам легко приказать мне успокоиться, ваше высочество, это ведь не *ваше* происхождение поставлено на карту!

Пандсала угрожающе шагнула к своей единокровной сестре.

— Молчать!

— Не думай, что ты смеешь мне приказывать, коварная сука!

Рохан пробормотал себе под нос какое-то ругательство.

— Прекратите немедленно! Чиана, возвращайтесь в лагерь Киле. Да, я знаю, что это последнее место на свете, где вам хотелось бы оказаться, но оно единственное, где вы сможете себе помочь.

Она тяжело вздохнула, бросила на Пандсалу испепеляющий взгляд и кивнула.

— Да. Пожалуйста, извините меня. — Она поклонилась ему и вышла из шатра.

— Я прошу прощения за ее манеры, милорд, — с трудом выдавила Пандсала.

Сьонед слегка улыбнулась.

— Пандсала, у этой девушки вообще нет никаких манер.

Принцесса-регент закрыла глаза и пробормотала:

— Увы, она права. Если бы не Янте, не глупость Палилы и не моя попытка внести изменения в план, ничего этого не случилось бы.

— Ты была молодая и отчаявшаяся, — тихо сказала Найдра. — Впрочем, как и все мы.

Сьонед кивнула.

— Я не могу простить то, что вы пытались сделать. Но понять могу.

Пандсала встретила взгляд Сьонед и внезапно заговорила так, словно они были наедине:

— Несмотря на то, что мы соперничали из-за Рохана?

— Он был для вас обеих только символом. Символом свободы в образе мужчины. Но я думаю, вы научились тому, чему никогда не научилась бы Янте: можно быть свободным даже в тюремной камере.

Пандсала застыла на месте, а затем вполголоса произнесла:

— Я никогда никому этого не говорила, но... он поступил мудро, что выбрал вас.— Внезапно вспомнив о том, что Рохан стоит рядом, она вспыхнула и тревожно оглянулась на принца.— Простите меня, милорд. С вашего разрешения, мы с Найдрой покинем вас.

Когда сестры удалились, Рохан перевел дух и опустился в кресло.

— Иди ко мне, Сьонед...

— Как ты можешь сидеть тут и...

— А что мне еще остается? Иди сюда.— Он посадил Сьонед к себе на колени и снова вздохнул.— День становится все более и более интересным... Кстати, когда я буду выбирать себе любовницу, не забудь напомнить мне, что она должна помещаться на моих коленях. У тебя слишком длинные ноги.

— Я раскаиваюсь в этом недостатке, мой принц. Но все же хочу знать...

— Сьонед, если я прикажу искать его во всех палатках и даже во всем Визе, то этим дам знать нашим врагам, что считаю показания этого человека жизненно важными для себя — и тем самым убью его с большей гарантией, чем если бы сделал это собственным мечом. Поэтому я и собираюсь подождать и посмотреть, что из этого выйдет. Вот и все, что мне остается, если уж нельзя заново познакомиться с женой после целого лета отсутствия.

Через несколько мгновений за пологом прозвучал голос оруженосца Рохана:

— Ваши высочества...

— Проклятие,— пробормотал Рохан, и Сьонед поднялась с его колен.— Да, Таллаин, входи,— позвал он.

Таллаин — единственный оставшийся в живых сын лорда Эльтанина Тиглатского — был светловолосым и темноглазым хорошо сложенным юношей девятнадцати зим, и до произведения в рыцари ему оставался лишь год с небольшим. Рохану всю жизнь везло на оруженосцев, и Таллаин не был исключением. Вальвис, младший сын мелкого земле-

владельца, стал его признанным полководцем, ближайшим из атри и хорошим другом: Тилаль, племянник Сьонед, давно стал важным лордом, был сам себе хозяин, но по-прежнему оставался предан им; Таллаину в один прекрасный день предстояло начать править укрепленным городом на севере, важным бастионом, прикрывавшим границу от вторжения меридов и кунакцев, и юноша ни на секунду не забывал об этом.

Он поклонился, отбросил со лба копну непослушных пшеничных волос и сказал:

— Прошу прощения, милорд и миледи. Кто-то оставил у шатра сумку. Я видел этого человека. На нем была простая темная туника. Ни цвета, ни герба я не узнал.

Рохан принял у него сумку из грубой коричневой шерсти и развязал шнурок.

— Ах,— тихо сказал он, доставая прекрасный стеклянный нож.— Мериды...

Таллаин застыл на месте, но тут вмешалась Сьонед.

— Значит, «то, что называют грозой Пустыни»?

— Я предполагал это. Еще одно предупреждение. Все интереснее и интереснее,— повторил он.— Спасибо, Таллаин. И не беспокойся. На самом деле это не имеет к нам никакого отношения.

— Тем не менее я прикажу удвоить стражу, милорд.

— Нет, не надо.

Таллаин поклонился, но вид у него при этом был несчастный.

— Как пожелаете, милорд.

Когда молодой человек ушел, Рохан потрогал пальцем острое лезвие.

— Я слишком часто видел такие ножи и не боялся даже тогда, когда они были направлены в меня.

— Как ты думаешь, что они хотят этим сказать?

— Просто пытаются предупредить, что они здесь. Хотят, чтобы я беспокоился о Поле, а не о том «отце некоего сына», о котором нас предупредил наш друг пекарь.— Он посмотрел на жену снизу вверх.— Сьонед, если бы я действительно был героем, в чем ты обвинила меня прошлой ночью, то прочесал бы весь лагерь и никому не дал бы покоя, пока не нашел бы этого человека — если бы нашел его живым. Считается, что герои действуют под влиянием импульса и не успевают подумать. Но это получается только у героев. Вот

поэтому они и герои.— Он сделал паузу и покрутил в руках нож.— Когда я был молод, то обладал импульсивностью юности и ничем не дорожил. Хотя нет, я отвечал за свою страну, и с этим как-то нужно было считаться, но тогда я не был верховным принцем. Мне не приходилось думать обо всем и вся. А теперь приходится. И вынуждает меня к этому титул верховного принца.

Сьонед задумчиво кивнула.

— Иными словами, когда-то тебя ограничивало то, что ты *можешь* сделать. А теперь ограничивает то, чего ты *делаешь не имеешь права*.

— Именно. Нет на свете другого человека, кроме тебя, который сумел бы понять, что я имею в виду. Кем бы я стал, если бы сломя голову скакал вперед и топтал подковами людские жизни, потому что я верховный принц и имею право на это? Если бы я был всего лишь Роханом — правителем Пустыни, то мог бы попытаться делать все, что мне нравится, ибо существовал бы на свете некто более могущественный, который при желании мог бы остановить меня. Но теперь такого человека нет.— Он закончил свою тираду, насмешливо пожав плечами:— А перечень достоинств героя не предусматривает колебаний в вопросе о том, как пользоваться данной ему властью.

— Я представляю себе героя совсем по-другому,— тихо сказала она.— Вот он, сидит передо мной.

— Ты, любовь моя, слишком пристрастна.

— Еще бы,— готовно согласилась она.— Но временами поглядывай на тех, кто окружает тебя и видит в тебе пример для подражания. Посмотри на сына, который боготворит тебя. Рохан, если быть героем значит находить в себе смелость пользоваться властью не по собственному произволу — значит, ты и есть герой, любимый.

Он снова пожал плечами.

— То, что ты называешь смелостью, здесь выглядит как трусость... Но все эти разговоры не дают ответа на вопрос, где же искать отца Масуля.

— А разве мы говорили об этом? — нежно спросила она.

Он едва заметно улыбнулся; эта улыбка исчезла прежде, чем успела добраться до его губ.

— Думаю, что нет. На самом деле мы говорили о том, как схватить и казнить Масуля, не дав ему открыть рта. Еще до того, как нам понадобятся показания его отца.

Он опустил глаза на нож — нож меридов, от которого это древнее племя убийц и получило свое название: «нежное стекло» — и внезапно бешено метнул его. Мгновение спустя нож затрепетал в деревянном столбе на противоположном конце шатра.

— Ко всем чертям споры о власти! Сьонед, даже если мне придется наплевать на собственные законы, я выкорчую этих убийц и казню их — если понадобится, своими собственными руками. Поль *не* будет всю жизнь оглядываться, боясь получить в спину нож мериды!

Сьонед долго смотрела на нож. Ей стоило большого труда оторвать взгляд от все еще подрагивавшего клинка и перевести его на мужа.

— Тогда сделай так, чтобы Мийону было выгодно выставить их из Кунаксы.

— Что ты предлагаешь? — горько спросил он.

— Дать ему что-то взамен. Лучше всего, чтобы это заодно мешало ему поддерживать Масуля.

— Например?

Она хладнокровно вытащила из столба нож меридов и взяла его так, что стеклянное лезвие отразило дневной свет.

— Натрави на него Чиану, — сказала она.

ГЛАВА 17

Как и ее отец, Пандсала не верила в разговоры. Она предпочитала действие.

Принцесса-регент сидела в расписанной кричащими красно-желтыми полосами палатке Лиелла и с каждой секундой все больше злилась, что ее заставляют ждать. К тому моменту, когда ее наконец допустили к сводной сестре, Пандсала готова была рвать и метать. Необходимость сдерживаться только добавляла ей ненависти к этой надменной красавице, которая встретила принцессу самой широкой и самой фальшивой из своих улыбок. Из всех родных и сводных сестер Киле следовало умереть первой. Пандсала жалела, что не казнила ее много лет назад.

— Пандсала! Надеюсь, тебе не пришлось слишком долго ждать. Мои оруженосцы лишь минуту назад сообщили, что ты здесь: они ненавидят прерывать нас с Лиеллом, когда мы остаемся наедине.— Киле чмокнула воздух около правой щеки Пандсалы.— Если бы ты знала, как я завидую тому, что ты не замужем! Таких женщин никто не упрекнет в том, что они не уделяют внимания мужу и детям.

Пандсала уклонилась от объятий, поклявшись не забыть Киле и эту шпильку насчет отсутствия у нее мужа и детей.

— Извини, что оторвала тебя,— через силу произнесла она.

— Не за что. Мы с тобой так давно не беседовали... Может, приказать подать пару лошадей и отвезти тебя в город? Я бы показала тебе дворец, а потом мы могли бы слегка закусить. Этот дворец—место весьма странное, но мне удастся сделать его если и не красивым, то, по крайней мере, удобным для жилья.

Пандсала на мгновение задумалась, не стоит ли помучить

чить Киле, заставив сестру теряться в догадках о цели ее визита, но затем решила, что ей самой не хватит терпения.

— Боюсь, придется отказаться от удовольствия побывать у тебя дома, Киле. У меня к тебе неприятный разговор.

— Да? — Киле указала на кресла. — Чем я могу помочь тебе, Пандсала?

— Сегодня ко мне пришла Найдра и рассказала одну совершенно поразительную вещь.

Прошелестев шелковыми юбками, Киле опустилась в кресло.

— У меня еще не было возможности поговорить с ней. Как ее дела?

Пандсала отвела душу, предоставив сестре умирать от любопытства. Они с Киле люто ненавидели друг друга и не скрывали этого. Эта игра начинала доставлять принцессе своеобразное удовольствие.

— О, нормально. То, что она рассказала, куда интереснее. Кажется... — Она эффектно затянула паузу, затем понизила голос и продолжила: — Киле, в Визе объявился какой-то человек, который утверждает, что он и есть настоящий отец претендента...

Киле широко раскрыла глаза, но искусно скрыла от Пандсалы свою подлинную реакцию на эту новость.

— Невероятно! И что же это может значить? — выдохнула она.

— Чтобы понять, что это значит, достаточно один раз взглянуть на него. Он потребовал у Найдры денег за молчание, считая, что дочь Ролстры должна желать прогнать Рохана из Марки. Да как он смел подумать такое? Отец не дал нам ничего, а Рохан — все.

— О да, он сделал для нас очень много, — серьезно ответила Киле, и Пандсала в который раз поразилась умению сестры лгать не моргнув глазом.

— Я пришла к тебе как к еще одному человеку, преданному верховному принцу, попросить дать твоих людей, чтобы найти этого человека. Они знают Виз лучше, чем мои слуги. Если он действительно отец этого претендента, то пусть скажет об этом во всеуслышание. А если нет... — Она пожала плечами. — Если нет, то его нужно как следует проучить за ложь, которая касается важных государственных дел. Ты можешь мне, Киле?

— От всей души, Пандсала. Вся история о том, что у от-

ца мог родиться сын, кажется мне невероятной, а тут еще этот человек... — И вдруг Киле улыбнулась. — А вдруг это правда? Вдруг Палила действительно спуталась с каким-нибудь конюхом или поваром в надежде родить сына и сделать вид, что это ребенок отца?

Пандсала искренне засмеялась.

— Эта сука была способна на что угодно, правда? О Богиня, ты помнишь, как дружно мы ее ненавидели? По правде говоря, моя дорогая, я ужасно удивилась, когда ты дала пристанище ее дочери. — Она снова засмеялась, увидев, что стрела попала в цель.

— Эта маленькая... — Киле спохватилась, но было слишком поздно. Пандсала продолжала кивать и улыбаться. — Чиана моя гостья. Она очень помогла мне в подготовке Риаллы, — продолжила леди Визская, безуспешно пытаясь оправдаться.

— Я целых шесть лет прожила с ней в Крепости Богини, — напомнила Пандсала. — Честно говоря, дорогая сестра, стоило бы признать этого самозванца тем, за кого он себя выдает, лишь бы насолить Чиане!

Киле откинулась на спинку кресла, уронила руки и открыла рот. Пандсала тихонько засмеялась.

— Ты только представь ее обесчещенной, лишенной титула, разжалованной в дочери служанки. На это мы с Янте и обрекли ее с самого рождения, и именно за это меня и сослали в Крепость Богини. Должна признаться, я с удовольствием полюбовалась бы на то, как дочь этой твари моет посуду в каком-нибудь трактире!

— Да, зрелище было бы любопытное, — внезапно фыркнув, признала Киле. — Однако я пригласила Чиану в надежде подыскать ей мужа и наконец сбить с рук. Я знаю, что Найдра сыта ею по горло, да мне и самой надоело дышать с ней одним воздухом.

— Так что даже жалко, что требования претендента ни на чем не основаны... — Она забросила крючок и приготовилась отвечать на вопросы. Они не заставили себя ждать.

— Это была странная ночь, правда? Ты ведь была там, — небрежно сказала Киле. — Конечно, тогда стоял настоящий кавардак, но я все думаю: что там произошло на самом деле, Пандсала? По-настоящему это знали только ты и Янте.

— И леди Андраде, — спокойно напомнила Пандсала. — Ты права насчет той ночи. Это был настоящий хаос. Но

я была там, Киле. И я знаю. Вот почему я не могу позволить исказить истину... Так ты не откажешь мне дать своих людей, чтобы обыскать город, лагерь и ярмарку? Им придется искать незнакомца по описанию и задерживать всех, кто под него подходит. Он может носить цвета какого-нибудь принца или лорда, но я сомневаюсь в этом, поскольку все слуги обычно знают друг друга в лицо. Ему грозила бы опасность быть узанным.

— Так ты думаешь, что у него нет хозяина?

— Судя по тому, что я знаю, нет. Тот, кто разговаривал с Найдрой, был в обычной одежде без всяких цветов и гербов. Так ты сделаешь это, Киле? Я твоя должница.

— Буду рада помочь,— с жаром ответила Киле.— Как он выглядит?

Пандсала тщательно перечислила все приметы, которые смогла сообщить ей Найдра, подвергнутая сестрой куда более тщательному допросу, чем допрос Рохана. Затем Киле проводила ее, излучая готовность к сотрудничеству, и женщины попрощались с самым дружелюбным видом. Пандсала вернулась в свой лагерь, где ожидали приказа двадцать слуг, сменивших цвета Марки на простые туники.

— Следить за каждым слугой, который выйдет из шатра леди Киле. Они будут искать высокого зеленоглазого мужчину. А теперь слушайте внимательно: этот человек *не должен* попасть в руки моей сестры. Как только найдете, немедленно доставите его ко мне живым и невредимым. Ни слова людям верховного принца или кому-нибудь другому. И не дайте что-нибудь заподозрить людям Киле. В случае успеха получите щедрую награду. Вопросы есть? Тогда ступайте.

* * *

Говоря о том, что следует дать всему идти своим чередом, Рохан кривил душой. Он выбрал момент, чтобы побеседовать с Таллаином, велел ему собрать всех стражей и слуг и передать им описание человека, с которым Рохан желал поговорить. Тому, кто увидит такого человека, следовало немедленно привести его в шатер.

— Но передай им, что это надо сделать скрытно,— закончил он.— Никакого шума, никакого обыскивания палаток и никаких расспросов.

В конце дня Рохан оторвался от важных пергаментов

и почувствовал непреодолимое желание прогуляться по берегу. Он пытался объяснить эту измену долгу принца тем, что хочет подышать свежим воздухом и собраться с мыслями, но прекрасно знал, что обманывает сам себя.

Как только он вышел из шатра, сказав Таллиану то же самое, что говорил себе, к нему подошла Сьонед.

— Подходящий денек для прогулки, правда? — спросила она.

— Подходящий, — откликнулся Рохан.

— Для встреч все готово, — лениво уронила Сьонед, когда они подходили к берегу. — Еды достаточно, чтобы прокормить целую армию, а вина столько, что в нем поместилась бы половина торгового флота Ллейна.

— Вот и хорошо.

— Поль говорит, что у него есть для меня подарок, который я надену на Пир Последнего Дня. Но не признается, что это такое.

— Я услышал об этом первым. — Он сорвал с куста цветок и начал задумчиво обрывать лепестки.

— Признайся, Рохан, что ты с удовольствием заглянул бы в каждую палатку, каждый дом, каждую хижину в радиусе ста мер отсюда.

— По-моему, ты и сама можешь признаться в том же, — улыбнулся он.

— На самом деле не так уж много шансов найти его, правда?

— Не так уж.

Они молча шли вдоль берега, приближаясь к мосту через Фаолейн. С ярмарки возвращались люди, нагруженные свертками и сумками и обсуждавшие на ходу покупки и последние слухи. Никто в этой толпе не обращал внимания на Рохана и Сьонед, просто одетых и державших в карманах руки с красноречивыми кольцами. Кое-кто, правда, узнавал их, кланялся и после ответного легкого кивка шел своей дорогой.

— В этом году здесь прорва народу, — заметил Рохан.

— Хочешь сказать, что в такой толпе ничего не стоит затеряться?

— Да. Особенно молодому принцу с двумя ревностными телохранителями. Глянь-ка. — Он указал на Поля, шедшего по берегу в сопровождении Мааркена и Оствеля.

— Похоже, сегодня днем никому из нас не сидится на месте, — криво усмехнувшись, пробормотала Сьонед.

— Неудивительно. — Он отвел жену в сторону и повел навстречу Полю. — Я все думаю, куда исчез Риян, — внезапно сказал он. — Клута здесь, но Риян так и не пришел поздороваться с Оствелем.

— Думаю, он слишком занят. Сам знаешь, все лето он провел в Визе, по поручению Клуты приглядывая за Лиеллом. Но когда мы обедали во дворце Лиелла, мальчика там не было. Чиана сказала, что он поехал к переправе через Фаолейн встречать поезд принца. — Сьонед помахала Полю, и мальчик заторопился к ним. — Похоже, она была сильно раздосадована. Наверно, ее чары на Рияна не подействовали.

— Любовь моя, у этого мальчика есть вкус! Но мне хотелось бы поговорить с ним. Может, он что-нибудь слышал.

— Я попрошу Клуту вечером прислать его к нам. — Тем временем подошел Поль, приветствовавший их вежливым поклоном и озорной улыбкой.

— Ты уже побывала на ярмарке? — спросил Поль у матери. — Я тоже ходил туда, только чуть попозже, — добавил он, насмешливо и в то же время огорченно поглядывая на Мааркена и Оствеля. — У меня было там небольшое дельце.

— Подарок для меня? — догадалась Сьонед.

— Может быть!

— Какой бы он ни был, я знаю, что он мне понравится, — ответила она, приглаживая светлые волосы сына. Затем Сьонед обернулась к Мааркену и спросила: — Надеюсь, ты сумел выбрать время, чтобы посетить по крайней мере дюжину ювелиров и поискать свадебное ожерелье?

Молодой человек скорчил гримасу, и Оствель хихикнул.

— Перестань, Сьонед. Не смущай мальчика. Всего полдюжины, я считал.

Они были готовы вернуться в лагерь Пустыни, когда кто-то в толпе неподалеку тревожно вскрикнул. На мосту началась драка, и люди с визгом бросились врассыпную. К перилам привалился высокий, плохо одетый человек. С его шеи струйками текла кровь.

— О Богиня, его убили! — выкрикнул мужской голос.

— Вот они! Хватай их, не давай им уйти!

Рохан и Оствель уже бежали к ступенькам. Поль готов был сделать то же, но Сьонед мертвой хваткой вцепилась в его плечо. Между ними и мостом стоял Мааркен с мечом

наголо. Он настороженно осматривал толпу, готовый охранять Поля и Сьонед до последнего вздоха.

Но меч был нужен не ему, а Рохану, который с самого рождения Поля не носил этого оружия. Сквозь толпу пробился человек, одетый в желтое и коричневое, и прыгнул на него, сверкая клинком. В обеих руках Рохана тут же очутились сапожные ножи, и он вступил в схватку с ловкостью и искусством человека, который привык к этому с рождения. Оствель схватился с другим человеком в цветах меридов, который прыгнул на него прежде, чем лорд Скайбоула успел выхватить меч. Они покатались по склону и с шумом упали в реку.

— Отец! — крикнул Поль, пытаясь вырваться из объятий Сьонед.

Бой закончился очень быстро. Мало кто мог превзойти Рохана в схватке на ножах; его нынешний соперник к их числу явно не относился. Обливаясь кровью от дюжины ран, он из последних сил взбежал по ступенькам, обернулся, широко открыл глаза, перевалился через перила и рухнул в быструю реку. Вскоре он вынырнул и принялся колотить по воде руками и ногами. Течение стремительно несло его вниз. На середине реки человек попал в водоворот, вскрикнул и тут же исчез.

Тем временем Оствель сумел одолеть своего противника и держал его голову под водой, заставив вдоволь нахлебаться. Рохан помог Оствелю выволочь человека на берег. Они трясли его, хлестали по лицу; через некоторое время мужчина зашевелился, и его вырвало.

Тем временем Сьонед выпустила Поля, и Мааркен вслед за ним спустился к реке. Вокруг толпились пораженные, что-то бормочущие люди. Никто, кроме Сьонед, не вспомнил про лежавшего на ступеньках моста.

Она подошла к нему и с первого взгляда поняла, что тут уже ничем не поможешь. Мужчине перерезали горло; сквозящую рану, из которой уже не текла кровь, виднелась белая кость. Рукав мертвеца зацепился за гвоздь, тело поникло, а широко открытые зеленые глаза, казалось, смотрели сквозь Сьонед...

Сойдя со ступенек, она увидела, что через толпу пробивается женщина, таща за собой упирающегося пленника. Сьонед напряглась, поскольку на одежде женщины не было ни цветов, ни эмблем.

— Командир Пеллира, ваше высочество, из стражи принцессы-регента,—кланяясь, сказала женщина.— К сожалению, мы не успели схватить остальных.

— Кто это?— тихо спросила Сьонед.

— Я не убийца!— перестав вырываться, закричал пленник.— Я возвращался с ярмарки, а она схватила меня!

— Не лги ее высочеству!— прорычала страж Пандсалы.— Он следовал по пятам за убитым. Я это знаю, потому что сама шла следом за *ним*.

— Отведите его в наш шатер и охраняйте,— сказала Сьонед, внезапно почувствовав, что ужасно устала.— Позже мы допросим его.

Она стояла рядом с Полем и Мааркенем и следила за тем, как Оствель откачивает второго убийцу. Когда тот задержался и принялся глотать воздух, Рохан помог ему сесть. На лице пленника читалась благодарность, смешанная со смертельным ужасом.

Рохан встал и встретился взглядом со Сьонед. Из пореза на его челюсти сочилась кровь. Жена покачала головой, и он тихо вздохнул.

— Этот будет жить,— сказал он ей.

— Цвета меридов,— хрипло произнес Оствель.

— Нет,— сказал Поль.— Отец, посмотри на свои руки и руки Оствеля.— Он жестом показал на их пальцы, испачканные коричневой и желтой краской.— Он не мерид. Его тунику перекрасили совсем недавно и не слишком тщательно. Видите, как она линяет? Да и когда мериды шли на убийство в одежде с их собственными цветами? Это на них не похоже.

— У тебя острый глаз,— признал Оствель.— Но если это не мерид, то кто же?

— Это надо у него спросить.— Носком сапога Рохан пнул в голень сидевшего на песке человека.— Отведите его в лагерь и обсушите. Оствель, я думаю, тебе тоже стоит переодеться, пока ты не умер от простуды. Захватите и труп,— добавил он.

— Он мертв?— Поль поднял глаза на мост.

— Да. Абсолютно.— Сьонед боролась со стихийным желанием прижать сына к сердцу и защитить его от этого безумного и страшного мира. Но было достаточно и того, что на плече мальчика остались синяки от ее пальцев.— Поль, ты не поможешь мне подняться на берег?

Поль молча обнял мать за талию, и Сьонед успокоило

ощущение его близости, его тепла и жизненной силы. Этот неопытный, необученный, ни разу в жизни не проливавший кровь мальчик за лето стал одного с нею роста. Скоро он превратится в мужчину. Нечего и пытаться защищать мужчин от мира. Тем более, если эти мужчины — принцы...

Она слышала, как Мааркен приказывает разыскать в реке утопленника, слышала кашель Оствеля, визгливые протесты убийцы, бормотание медленно рассасывавшейся толпы. Но она не слышала голоса своего мужа и, оказавшись на берегу, первым делом принялась разыскивать взглядом Рохана. Он неподвижно стоял у моста, глядя, как несколько человек поднимают труп и спускаются с ним со ступенек. Принц поднял глаза, и Сьонед увидела в них усталый и бессильный гнев.

Он присоединился к Сьонед и Полю, который наконец решил прервать гнетущее молчание.

— Отец, я никогда не видел, как ты пользуешься ножами...

Когда они шли к палаткам, Рохан не смотрел в сторону сына.

— Неплохо, да? — спросил он с горечью, причину которой Сьонед понимала, а Поль нет. Мальчик вспыхнул и сжал губы. — Любой идиот может пользоваться ножом, Поль. Это очень эффектно и... героично. Только не приносит никаких результатов.

* * *

Мааркен не привык лечить нервы с помощью бутылки и бессознательно избегал людей, которые имели обыкновение заливать горе вином. Но сегодня вечером он дорого дал бы за то, чтобы оказаться в компании собутыльников. Он сидел в сгущавшейся темноте и в одиночку смаковал крепкое сирское. После осмотра трупа ему требовалось поддержать силы.

Дело совсем не в крови, сказал он себе, вновь наполняя чашу. Горло мужчине перерезали чрезвычайно искусно, и смерть его была мгновенной. Мааркен был моложе Поля, когда попал на войну, и видел там вещи куда страшнее — целые поля, усеянные искромсанными в куски телами мужчин и женщин, в которых с трудом можно было узнать

когда-то живые существа. Так что ему приходилось встречаться со смертями и пострашнее.

Он встал и принялся расхаживать по личной палатке, которую занимал как без пяти минут лорд Белых Скал. Ноги его не слушались. Он слишком много выпил. Почему-то это убийство потрясло его больше, чем гибель Маэты в замке Крэг. Всю весну и лето он знал о трудностях, с которыми приходится сталкиваться дяде, но только при виде трупа мужчины с зелеными глазами понял, насколько близка и велика грозящая им всем опасность. Личные заботы Мааркена меркли по сравнению с угрозой, исходившей от самозванца.

Мааркен знал, насколько уязвимым было положение Рохана. И трудность заключалась вовсе не в претензиях самозванца. Самым главным здесь был дар фарадима. Авторитет Поля держался на всеобщем убеждении, что он не станет тираном и не будет пользоваться своим талантом «Гонца Солнца» наряду с властью верховного принца, чтобы подавить всякое сопротивление. Однако он был сыном не только отца-принца, но и матери-фарадима. И каков бы принц ни был с виду, многие боялись двух сил, объединенных в одном человеке.

Мааркен снова сел и закрыл глаза. Перед его глазами вновь возник труп высокого темноволосого человека с зелеными глазами, широко открытыми навстречу последнему лучу солнечного света. Едва ли имело смысл представлять труп в качестве доказательства: мало ли на свете зеленоглазых мужчин? Кто мог теперь утверждать, что именно этот мужчина был отцом самозванца?

— Проклятие... — пробормотал он, сжимая в кулаке чашу. Должен был существовать какой-то способ, с помощью которого можно было убедить людей...

— Милорд, почему вы в такой вечер сидите один?

Женский голос прозвучал так неожиданно, что Мааркен от испуга расплескал вино.

Сквозь полумрак к нему приближалась хрупкая тень.

— Не стоит грустить в одиночестве, милорд. Поделитесь своим горем со мной.

Не успев подумать, молодой человек вызвал Огонь и зажег свечу.

— Чиана? — не поверил он своим глазам. — Что вы здесь делаете?

— Вы фарадим! Как интересно! — Она тихонько засмея-

лась и подошла ближе. Пальцы Чианы легли на спинку кресла рядом с его плечом, и почему-то этот жест показался более интимным, чем если бы она действительно коснулась его. — Я пришла скрасить ваше одиночество, милорд.

— Спасибо за заботу, миледи, — сказал он, наконец вспомнив про этикет. — Я не хочу вас обидеть, но предпочел бы остаться один. Сегодня вечером я не гожусь для того, чтобы составить даме подходящую компанию.

Она снова засмеялась, на этот раз низким, грудным смехом.

— Готова держать пари, что вы для женщины самая лучшая компания. Особенно по вечерам.

Холодные пальцы нежно коснулись его шеи. Мааркен давно отвык от женской ласки, но эта женщина была ему не нужна. Он поднялся, проклиная вино, от которого кружилась голова. Чиана смотрела на него снизу вверх; пламя свечи освещало ее нежные губы и сияющие, возбужденные глаза, обрамленные искусно завитыми локонами.

— Простите меня, миледи, однако...

— Вы слишком скромны, — игриво сказала Чиана. — Но я могу сказать, милорд... — Ее глаза блуждали по его лицу, груди, рукам. — Да, определенно могу сказать...

Несмотря на то, что между ними стоял стул, Мааркен чувствовал себя так, словно ее руки действительно касались его тела. Но даже винные пары не могли заставить его уступить этой женщине. Он еще не потерял здравого смысла. Мааркен знал, почему она здесь. Дело было вовсе не в его обаянии. Она боялась самозванца и готова была кинуться на шею каждому мужчине, который женился бы на ней и предоставил ей свой титул вместо того, который готов был вот-вот уплыть. Но ни один мужчина не смог бы сказать даме в лицо, что она коварная маленькая сучка.

— Благодарю за комплимент, леди Чиана. Очень приятно, хотя и несколько неожиданно, слышать его от столь красивой женщины. Но...

— Мааркен! Мааркен, они здесь!

Он вознес краткую, но очень выразительную хвалу Богине, которая послала ему кузена, явно забывшего хорошие манеры. Когда в палатку ворвался Поль, Чиана отпрянула. При виде ее челюсть Поля отвисла чуть не до земли, но принц быстро оправился.

— Приехала леди Андраде, и отец велит поторопиться, —

сказал он, кланяясь Чиане.— Прощу прощения, что помешал...

Тон Чианы был холодным и официальным.

— Придется вернуться в шатер сестры. Благодарю за приятную беседу, лорд Мааркен. Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем возможность продолжить ее в следующий раз.— Она преклонила колени перед Полем.— Ваше высочество...

— Миледи...— ответил он, когда Чиана проплыла мимо, и беззвучно присвистнул.— Мааркен, мне действительно очень жаль...

Мааркен потушил свечу.

— Оставаться наедине с прекрасной дамой приятно только тогда, когда эта дама тебе нравится.

— Если ты скажешь мне, что я пойму это, когда вырасту, я тебя стукну,— улыбаясь от уха до уха, ответил Поль.— Пошли! Леди Андраде не терпится увидеть тебя.

Хотя Мааркен отнюдь не мог сказать, что он сам умирает от желания видеть леди Андраде, по пути к голубым палаткам ему приходилось сдерживаться, чтобы не убыстрять шаг. Еще труднее оказалось сдержаться, когда он вошел и отыскивал глазами Холлис. Но тут Поль опять забыл про хорошие манеры.

— Он был вовсе не у тети Тобин и дяди Чейна,— доложил мальчик.— Он был в своей палатке с леди Чианой.

Мааркен покраснел до ушей. Только что он был донельзя благодарен кузену, но теперь с величайшим удовольствием придушил бы это отродье. Губы Рохана подозрительно задрожали, а Сьонед закашлялась, чтобы скрыть смехок. Андраде оглядела его с головы до ног, ненадолго остановив взгляд ниже пояса. Безучастной осталась лишь одна Холлис. Она стояла в стороне вместе с Андри и высоким темноволосым юношей, которого Мааркен не знал. Ее темно-голубые глаза были обведены темными кругами, свидетельствовавшими о крайней усталости. Она выглядела похудевшей; лицо, всегда лучившееся энергией, казалось каким-то потускневшим.

— Ну,— хмыкнула Андраде, прерывая неловкое молчание,— говоришь, в собственной палатке? Что ж, самое время Чейну отдать тебе Белые Скалы.

— Он уже отдал их мне, миледи,— с поклоном ответил Мааркен.

— Так что, никто не собирается попросить у меня разрешения сесть? — проворчала она. — А заодно и принести чего-нибудь выпить?

Пока Мааркен и Андри выполняли обязанности оруженосцев, Поль и черноволосый юноша принесли недостающие кресла. Холлис с тяжелым вздохом села, и мальчик засуетился над ней с таким видом, будто она была его собственностью.

— Приятное было путешествие? — прошептал Мааркен брату, когда они наполняли кубки.

Андри скорчил гримасу.

— Лучше не напоминай. Столько времени трястись в седле...

Едва братья закончили разносить вино, как вошли их родители. Андраде подождала, пока они не поздороваются с Андри, а потом жестом показала им на кресла, как будто шатер принадлежал ей, а не Рохану. Правда, все к этому давно привыкли.

— Сегодня вечером Сорин дежурит у Волога и не может прийти, — сказал Чейн, опускаясь в кресло. — О Богиня, знаешь ли ты, как это грустно? Все мои сыновья могут смотреть мне прямо в глаза! Так нечестно. Когда они родились, я был намного выше!

— Ладно, что с тебя, старика, взять... — откликнулась Андраде. — Надеюсь, все остальные еще не впали в маразм. И что вы теперь будете делать, когда настоящий отец Ма-суля мертв?

Рохан откинулся на спинку кресла.

— Похоже, ты недалеко от нас ушла.

— Может, глаза и уши у меня не те, что прежде, но они еще действуют. Так каковы ваши планы?

— Для начала я бы предпочел услышать о твоих. «Гонец Солнца» Клеве следил за Киле по твоему поручению, верно? И что он обнаружил?

Редко кому удавалось осадить леди Крепости Богини. Мааркен посмотрел на Холлис, уверенный, что она ответит ему лукавым взглядом. Но Холлис безучастно смотрела в свой нетронутый кубок, и черноволосый мальчик суетился над ней сильнее, чем прежде.

— Как ты узнал про Клеве? — требовательно спросила пораженная Андраде.

— Сегодня мы получили записку и доказательство того,

что он мертв,—мягко как мог ответил Рохан.—Андраде, они отрезали ему пальцы и сняли с них кольца. Клеве убили, потому что он что-то узнал. Ты имеешь представление о том, что это могло быть?

Лицо Андраде застыло. Лишь спустя несколько мгновений она прошептала:

— Нет. Я... я знаю, что он умер. Риян сообщил мне. Но он не сказал, *как* это случилось.— Чтобы оправиться от потрясения, она припала к кубку.— Клеве умер, и то, что он узнал, исчезло вместе с ним. Настоящий отец Масуля умер, и его свидетельство тоже исчезло вместе с ним. Нельзя сказать, что вы успешно справляетесь с делами, Рохан.

Поль стоял между креслами родителей и слушал, широко раскрыв глаза. Но в этот момент он напрягся и шагнул вперед; оскорбление, нанесенное отцу, заставило его нахмуриться. С Полем так мог разговаривать Мааркен, да и то когда кипел от возмущения; Андраде же разговаривала так со всеми.

Она заметила это, как замечала все вокруг.

— Меат говорил мне, что ты умеешь вызывать Огонь,—отрывисто сказала она, обращаясь к мальчику.

— Умею, миледи.

— А что еще ты умеешь делать без обучения?

— Не знаю,—дерзко ответил Поль.— Никогда не пробовал.

Она коротко хохотнула.

— О да, ты действительно сын своего отца!

— И моей матери,—добавил Поль. Мааркен скрыл невольную улыбку. Если Поль и побаивался своей грозной родственницы, то умело скрывал это.

— Гм-м, да. И матери тоже,—сказала Андраде.— Тобин, забирай мужа и сыновей и возвращайся к себе. Сейчас у меня нет времени для обмена семейными новостями. Поль, можешь идти с ними. Холлис, Сеяст, попросите Уриваля поторопиться. Я устала и хочу лечь в постель еще до полуночи.

Андраде следила за тем, как все выполняют ее приказы, не обращая внимания на взгляд, которым Поль спросил родителей, следует ли ему делать то, что велела двоюродная бабушка. Ей понравилось, что у мальчика есть характер, но это же заставило ее почувствовать себя слишком старой. Понадобились бы все ее силы и вся властность, чтобы сделать

из него хорошего, послушного «Гонца Солнца». Если это вообще было возможно.

— Я хочу знать ваши планы,—повторила она, когда все ушли.—Только не говорите мне, что верите в торжество истины. Это не игра, в которую играют по правилам.

— Что вы предлагаете?—холодно спросила Сьонед.—Конечно, можно было бы купить голоса других принцев, но это означало бы, что мы сомневаемся в собственной правоте.

— Конечно, правота—это лучшая защита,—ехидно бросила Андраде.—Но нам сейчас нужно не защищаться, а нападать.

— Я думала, что вы, как обычно, все решите за нас,—парировала Сьонед.—А от нас потребуются лишь читать по бумажке заранее написанные роли. Значит, это вы сами не слишком успешно справились с делом, Андраде.

Старуха на мгновение умолкла, глядя в лицо своей любимой ученицы.

— Неужели ты так и не согласишься, что я никогда не требовала от вас слепого и бездумного подчинения? Если бы ты была набитой душой, я не выбрала бы тебя в жены Рохану.

— Поверю, если вы докажете это. Пока что вы опять доказали обратное, утверждая, что выбор сделали не мы, а вы.

Внезапно Андраде почувствовала усталость от этого бессмысленного старого спора.

— Хорошо, вы сами сделали выбор, но возможность выбирать предоставила вам я. Я отдаю приказы только своим «Гонцам Солнца». А тебе я вообще давным-давно не отдаю никаких приказов. Я поняла, что это бесполезно.

— И поэтому вы говорите всем и каждому, что я больше не «Гонец Солнца»?

— Перестаньте,—спокойно сказал Рохан.—Андраде, ты спросила о моих планах и сама ответила на свой вопрос. Наше единственное оружие—правда. Здесь я не могу торговаться, не могу упрасивать или приказывать. Претензии Масуля должны быть отвергнуты, в противном случае Поль никогда не сможет без опаски править Маркой. Правда—это единственное, во что я верю.

— Ну, а я нет,—прошептала Андраде, снова почувствовав себя столетней старухой и пытаясь сделать вид, что это просто усталость.—Я сомневаюсь в силе такой правды.—Она обхватила пальцами чашу, глядя на свои браслеты, тонкими

цепочками соединенные с кольцами.— Это тревожит меня. Как видно, мои методы против Ролстры бессильны.— Тут она дала волю гневу и швырнула кубок на пол.— О Богиня! Почему он никак не может умереть и оставить нас в покое?

Мгновением позже она раскаялась в своей вспышке и с досадой пожала плечами.

— Прошу прощения. Вы получите новый ковер взамен испорченного.

Когда к Сьонед вновь вернулся дар речи, голос ее был тихим, почти извиняющимся.

— Миледи... Хотя я больше не ношу ни одного кольца, кроме подаренного мужем, то, что вы дали мне, по-прежнему незримо присутствует на моих пальцах. Скажите нам, что мы, по-вашему, должны делать.

Более тронутая, чем она могла себе представить, Андраде покачала головой:

— Я устала. Мы поговорим завтра.— Она рывком встала на ноги и пробормотала: — Неужели Уриваль еще не разбил эти проклятые палатки?

Палатки уже стояли, и Уриваль отдавал распоряжения достать из багажа ковры, столы, кресла, кровати и другую мебель. Сегев помогал ему, а другие «Гонцы Солнца» нашли для Холлис кресло, в котором она могла бы отдохнуть. Сегодня у Сегева не было возможности еще раз дать ей дранат, и она начинала чувствовать его нехватку. Сегев торопился выполнить порученное и наконец сбежал под предлогом того, что хочет поискать вина. Он спрятался в тени неподалеку от белых палаток Андраде и вытащил пробку из бутылки. Не доверяя ловкости своих рук, он не стал класть траву в чашу, а насыпал порошок прямо в бутылку. У человека, который раньше не получал наркотика, такой раствор не вызвал бы ничего более страшного, чем головная боль.

К его возвращению белый шатер был полностью обставлен. Леди Андраде покоилась в легком полотняном кресле, принесенном верховным принцем и верховной принцессой. Холлис сидела рядом. Сегев налил им вина и низко поклонился каждому, как следовало вести себя простому «Гонцу Солнца» с одним кольцом в присутствии верховного принца и высокопоставленных фарадимов.

— А вот и последняя новость этого вечера,— тем временем говорил принц Рохан.— Найдра опознала в трупe того самого человека, который приходил к ней утром. Кстати го-

вора, Пандсала придумала небольшой заговор: никто в их семье не умел противиться искушению руководить событиями.

Верховная принцесса благодарно кивнула, когда Сегев налил ей вина.

— Кажется, у нее был небольшой разговор с Киле, которая послала своих людей прочесать весь Виз в поисках этого человека, в то время как люди Пандсалы следовали за ними, как драконы за самкой оленя.

— Ну, и что из этого вышло? — спросила Андраде.

— Они шли за людьми Киле до самой ярмарки, а там тот, кто хотел найти этого человека, нашел его. — Сьонед слегка пожала плечами. — Рохан верит, что следует давать вещам идти своим чередом. Вот они и пошли.

Сегев подивился, что они так свободно говорят при нем. Впрочем, здесь его считали своим, «Гонцом Солнца», членом личной свиты Андраде. Он тихонько улыбнулся и занял место в тени, за креслом Холлис.

— Человека Киле придется отпустить, — добавил Рохан. — Саму Киле обвинить не в чем. Она действовала по приказу Пандсалы. И хоть мы прекрасно знаем, что она убила бы отца самозванца при первой же возможности, это дела не меняет.

— Опять мимо, — проворчала Андраде. — А что с этим меридом, который не мерид?

— Мы думали, что ты захочешь принять участие в его допросе, — деланно небрежно сказал Рохан. Он сделал знак Сегеву, тот шагнул вперед и поклонился. — Пожалуйста, передай моему оруженосцу, чтобы он сходил за этим человеком и привел его.

— Сию минуту, ваше высочество.

Пленника держали в лагере верховного принца. Пока этот человек с поникшей головой и связанными за спиной руками сидел у костра, его одежда почти высохла. Оруженосец Рохана Таллаин кивнул стражам, и те рывком подняли пленника на ноги. Его голова поднялась, и Сегев чуть не задохнулся. Как сюда попал один из людей Миревы?! Он вспомнил все, что успел услышать за сегодняшний вечер, и заставил себя успокоиться. Нужно было немедленно сообщить обо всем. Этот человек должен был умереть еще до того, как раскроет рот и хоть слово скажет о Миреве, ее намерениях и, что было бы хуже всего, о самом Сегеве. Юноша

быстро отпрянул от костра и закусил губу. Мужчина не видел его, и при небольшом везении можно было сбежать, не будучи узанным.

— Почистите его, — сказал Таллаин. — Его ждут верховный принц и леди Андраде.

Сегев немного подождал, удостоверился, что полностью овладел голосом, а потом сказал:

— Пожалуйста, передайте леди Андраде мои извинения. К-кажется, поездка утомила меня сильнее, чем я думал.

Таллаин понимающе улыбнулся.

— Я слышал, что путешествовать с леди Андраде несладко. Я скажу ей, что ты отправился спать.

— Благодарю, — ответил Сегев и пустился бежать.

Отойдя подальше от палаток, он несколько раз вдохнул в себя прохладный ночной воздух. Надо было полностью успокоиться. Конечно, поняв, *кто* подослал убийц к отцу самозванца, он изрядно перепугался. Но когда Сегев спускался к реке, сердце у него колотилось совсем по другой причине. Юноша уже давно жил среди фарадимов и сумел привыкнуть даже к самой леди Андраде. Но в верховной принцессе было нечто такое, что заставляло его нервничать; от нее хотелось держаться как можно дальше.

Оказавшись на берегу, он принудил себя забыть об этом и несколько мгновений любовался тихой, усыпанной звездами поверхностью реки. По пути в Виз им не пришлось перебираться через водные потоки, и Сегев радовался, что ему не понадобилось притворяться, что его тошнит. Мирева научила его, как следует изображать обычную реакцию фарадимов на воду. Да, Мирева научила его многому, но Андраде и растущее честолюбие научили его гораздо большему. Возможность дурачить обеих женщин радостно возбуждала его. Он был первым из наследников Древней Крови, который с одинаковым искусством владел и магией диармадимов, и магией фарадимов. Риалла предоставляла ему бесконечные возможности для применения своих даров; одной из них была возможность избавиться от этого опасного человека.

Добравшись до излучины реки, он пошел вдоль берега, топча ногами гальку, глядя в звездное небо и постепенно успокаиваясь. Юноша решил прибегнуть к способу «Гонцов Солнца» и принялся ткать тонкие, почти прозрачные пряди серебряного света. До сих пор этого не делал ни один фарадим, за исключением принцессы Сьонед. В этой пряже не бы-

ло никаких цветов, кроме сияющего блеска звезд. Будучи в Крепости Богини, он не дерзал вступать в подобный контакт с Миревой. Впрочем, учитывая его тайное решение отступить от планов колдуньи, это было и к лучшему. И сейчас, летя на блистающем луче в сторону Вереша, он скрыл свои планы под личиной полного повиновения.

Мирева находилась в середине каменного круга. Она могла стоять в этой позе и несколько минут, и несколько дней. Было заранее оговорено, что на протяжении Риаллы она будет ждать контакта каждую ночь. Сегев обмотал конец своей звездной веревки вокруг каменной пирамиды и увидел, что она начала светлеть.

— *Очень впечатляюще. Андраде хорошо обучила тебя.*

Неужели в ее голосе слышался намек на ревность? Сегев выругал себя за то, что выдал свои новые возможности.

— *Ты сама послала меня учиться, миледи. Но мне нужно многое рассказать тебе.*— Он быстро сообщил ей о нависшей опасности и закончил мольбой избавить его от угрозы разоблачения. Миреве должно было польстить сознание его полной зависимости от нее.

Сегеву почудилось, что она со свистом втянула в себя воздух.

— *Клянусь адом! Будь они прокляты, эти идиоты! Кто позволил им действовать без приказа? Они должны были следить, а не убивать! Теперь этот глупец умрет. Я кое-что сделала с ним до его ухода. Как и с тобой, Сегев. Пусть это будет тебе наукой.*

Он побелел. Сделала? От этого предупреждения стыла кровь в жилах.

— *Да, миледи,*— смиренно откликнулся Сегев.— *Есть и еще кое-что. Хотите послушать?*

Мирева не ответила. Он видел, как женщина стала легонько покачиваться взад и вперед, стоя перед пирамидой с вытянутыми руками; лицо колдуньи страшно исказилось. Сердце Сегева болезненно забилося, но через несколько мгновений Мирева заговорила снова.

— *Все кончено. Рассказывай.*

Он изложил подробности своего обучения в Крепости Богини, сообщил о неудачной попытке украсть свитки, о приучении Холлис к дранату. У жадно слушавшей Миревы горели глаза, а когда он рассказал о гибели «Гонца Солнца» Клеве, колдунья рассмеялась.

— Чудесно! Помогай самозванцу всем, чем можешь, хоть этот глупец весной отказался от нашей поддержки. Где сейчас свитки?

— У Уриваля. Они ничего не подозревают. Я имел доступ к свиткам, но в день нашего отъезда их забрали. Уриваль не спускает глаз со своих седельных сумок. Но к концу Риаллы свитки будут у меня.

— Отлично! — Серо-голубые глаза Миревы заискрились, и на мгновение она стала похожа на ту прекрасную девушку, которая учила его любви. — Сегев, я буду следить за звездным светом; свяжешься со мной в следующую безлунную ночь, когда не сможет ткать ни один фарадим.

Сегев летел обратно на берег Фаолейна, дрожа от облегчения. Он выдержал испытание куда более страшное, чем все испытания Андраде вместе взятые. А заодно и избавился от непосредственной угрозы, хотя и понятия не имел, каким образом расправилась с пленником Мирева. Юноша напомнил себе, что и представления не имеет о пределах могущества Миревы. Грозные слова «*кое-что сделала*» все еще звучали в его ушах.

Но тут Сегев подумал о Звездном Свитке и хитро улыбнулся. Когда свиток окажется в его руках, он не отдаст его Миреве. Он так долго мечтал об этом. Свиток останется у него.

* * *

Ожидая, пока в шатер приведут пленника, Уриваль бросил на Андраде многозначительный взгляд. Он ничего не сказал, просто смотрел на нее, пока леди не ответила ему нетерпеливой гримасой.

— Мы не успели затронуть одну деликатную тему, — сказала она Сьонед и Рохану. — Речь идет о свитках, которые Меат весной привез нам с Дорваля. В этом деле есть кое-что странное. Холлис, ты тоже имела к этому отношение. Расскажи обо всем их высочествах.

— Свитки посвящены главным образом истории фарадимов, — объяснила Холлис. — Большинство их перевел Андри. Это было довольно трудно, потому что мы то и дело путались, натываясь на ложные следы, и никак не могли найти ключ. Дальнейшие куски полностью противоречили предыдущим. Перевод еще далеко не закончен. Но все они рас-

сказывают о «Гонцах Солнца», которые покинули огромную старую крепость на острове и отправились на континент, чтобы сразаться с группой колдунов.

— Похоже на сказку, которую рассказывают детям на ночь,— откликнулся Рохан.

— Ваше высочество, но эти люди существовали на самом деле! Например, леди Мерисель; временами Андри клянется, что чувствует ее присутствие в Крепости Богини.— Она помолчала, а затем продолжила: — И те, другие, с которыми прибыли сражаться фарадимы... они тоже существовали. Кое-что из того, что они умели, умели и фарадимы, но...

— Но при этом они не разделяли наших моральных принципов,— насмешливо закончила Андраде.

Казалось, Холлис не знала, как реагировать на это замечание. После секундного замешательства она вновь открыла рот.

— Похоже, что они управляли множеством людей и готовы были распространить свою власть на весь континент, но тут древние фарадимы оставили Дорваль и вступили с ними в борьбу... Ваши высочества, эти свитки производят сильное впечатление.

Андраде удивленно хмыкнула.

— Что значит любимое детище... Глянь, как разговорила!— сказала она Уривалю.— За всю дорогу двух слов не вымолвила, а теперь не остановишь...

Молодая женщина улыбнулась.

— Миледи, просто мне нужно было немного отдохнуть.

— И увидеть Мааркена, да?— фыркнула Сьонед.— Прости, но Мааркен не мастер притворяться. И прошу тебя больше не называть нас «вашими высочествами». Холлис, если у тебя нет другой родни и если ты позволишь, когда вы поженитесь, я буду горда назвать тебя своей сестрой не только как родственницу, но и как фарадима.

Голубые глаза Холлис расширились.

— Ваше высочество! Я...

— Никаких «высочеств»! Для тебя она не верховная принцесса,— подмигнул Рохан.

— Я побилась с Мааркеном об заклад, что с первого взгляда узнаю его Избранную,— улыбаясь, объяснила Сьонед.— Это оказалось нетрудно!

Ошеломленная Холлис переводила взгляд с одной на другого и наконец что-то благодарно пробормотала.

— Так, одно дело улажено,— вздохнула Андраде.— Хоть какая-то польза. Иди спать, Холлис. Я хочу поговорить с Роханом и Сьонед. Да и пленника скоро доставят.

Холлис поклонилась и вышла из шатра. Сьонед одобрительно кивнула.

— Мааркен будет с ней очень счастлив.

— Ты наступаешь мне на пятки,— добродушно проворчала Андраде.— Как ты узнала? Он сам тебе сказал?

Не успела довольная Сьонед открыть рот, как полог белого шатра откинулся, и на пороге показался Таллаин.

— Милорд, он здесь. Когда он услышал, *кто* хочет его видеть, то не слишком обрадовался.

— Что, испугался старой ведьмы? — спросила Андраде.— Ладно, веди его сюда.

Но стражи сумели довести его только до порога. Темные волосы и смертельно бледное лицо человека внезапно засияли холодным светом ночных звезд. Полные ужаса глаза остановились на Андраде, он вытянул вперед скрючившиеся, побелевшие пальцы и ничком упал на ковер.

Потрясенный Таллаин отпрянул.

— Милорд... что...

Рохан, опустившись на колени рядом с распростертой фигурой, тщетно пытался обнаружить в мужчине признаки жизни. Стражи были ошеломлены: они ждали чего угодно — попытки к бегству, угроз, оскорблений — но только не этого.

— М-милорд,— прошептал один из них,— клянусь, мы пальцем его не тронули!

Рохан медленно кивнул, ненадолго коснувшись груди мертвеца.

— У него просто остановилось сердце, — пробормотал он.

Андраде не могла оторвать от трупа глаз — скорее испуганных, чем гневных.

— Так,— наконец сказала она.— Значит, колдуны все еще живы.

Рохан поднял голову и нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

Казалось, Андраде не расслышала его.

— Немедленно уберите это с моих глаз,— распорядилась она, указывая пальцем на труп.— Лучше всего было бы уто-

пить его в море. Оно не должно знать Огня. Ничто не может очистить тело, к которому прикоснулась эта мерзость.

Когда стражи, которым Рохан велел помалкивать о случившемся, унесли тело, Сьонед повернулась к Андраде.

— Что вы имели в виду, когда говорили о колдунах? — повторила она вопрос мужа.

— Именно то, что сказала. — Она тяжело вздохнула. — О Богиня, убивать на расстоянии, используя звездный свет... — Андраде сотрясла дрожь, и леди плотнее закуталась в плащ. — Есть еще один свиток, о котором Холлис не упомянула, но, кажется, настало время рассказать о нем. Мы называли его Звездным Свитком по орнаменту у заголовка. Речь в нем идет о колдовстве. Возможно, там говорится и о таких вещах.

— Его перевели полностью? — спросил Рохан.

— Еще нет. И я не знаю, следует ли это делать. Если он содержит *такие* знания, то нет. О, Андри доказал бы вам, что мы обязаны изучить Звездный Свиток до конца, взять из него все, что он может предложить, и бить колдунов их же оружием, включая дранат... Но в кого бы тогда превратились фарадимы?

Хотя в голосе Андраде звучала горечь, Рохан едва не улыбнулся тетке.

— В кои-то веки мы с тобой совершенно согласны...

Сьонед задумчиво кивнула.

— Теперь я понимаю, почему вы просили Тобин передать мне, чтобы я прихватила с собой этот пакет. — К удивлению мужа, она вынула сложенный кусок пергамента и передала его Андраде. — Хотя он очень стар. Рохан отобрал его у Ролстры больше двадцати лет назад. Не испортился ли он?

— Как может испортиться зло? В дранате хорошо только одно: его используют против чумы, — пробормотал Уриваль, потирая свои кольца с таким видом, словно они причиняют ему боль.

— Значит, он должен был сохранить силу, — поразмыслив, сказала Андраде. — Выбора не остается: это все, что у нас есть. Я бы не хотела просить Пандсалу доставить мне из Вереша новую порцию. Она не тот человек, которому бы я решилась доверять в таком деле.

— Думаю, вы ошибаетесь в ней, — мягко ответила Сьо-

нед.— Впрочем, сейчас это неважно. Что вы собираетесь с ним делать?

— Самостоятельно провести несколько опытов — наподобие тех, что проводит Андри. Уриваль, перестань смотреть на меня с таким видом! Кому и изучать колдовство, как не старой ведьме вроде меня? — Она невесело засмеялась и принялась крутить в руках пакетик. — Ты ведь пользовалась им в тот год, когда вам пришлось возвращаться через пустыню, правда, Сьонед?

— Всего чуть-чуть. Щепотку на бокал вина, а в последующие дни еще меньше. Той ночью Ролстра тоже немного дал мне. Такая же доза лечит чуму. — Эти воспоминания заставили ее понуриться. — Будьте осторожнее.

— Будет, — угрюмо заверил Уриваль.

— Ты думаешь, Ролстра знал о старом колдовстве? — спросил его Рохан.

— Если бы знал, то непременно воспользовался бы им, а не стал бы травить дранатом бедного Криго, — покачал головой Уриваль. — Я охрип от предупреждений, которых никто не слушает.

— Ты бы предпочел, чтобы этим снова занялся Андри? — огрызнулась Андраде. — Меня приводит в отчаяние, что он совсем не так боится Звездного Свитка, как следовало бы. — Андраде поглядела на их высочеств. — Надеюсь, вы внушили своему дракончику, что к таким вещам следует относиться с уважением. Андри был сущим наказанием, но упрямство Поля просто уморит меня.

Сьонед помедлила, а затем сказала:

— Андраде... Я не хочу, чтобы Поля баловали или обучали отдельно от всех, но обещайте, что вы не будете слишком третировать его. Он не похож на остальных, даже на Мааркена и Рияна. Обещайте мне не забывать, кто он и кем станет в недалеком будущем.

— Это не удалось бы мне при всем желании, — сухо ответила Андраде. — А теперь оставьте меня. Можете не хмуриться, сегодня вечером я не собираюсь принимать наркотик. Все, что мне нужно, это сон.

Рохан и Сьонед молча возвратились в свой шатер. Он устало опустился в кресло у стола.

— Так вот почему на Меата напали по дороге в Крепость Богини... Сегодня куда ни глянь, всюду чертовщина. Ты обратила внимание, как она говорила об Андри?

— Как бы то ни было, он больше не ребенок.

— Нет. Но я не могу относиться с подозрением к племяннику, с которым столько раз играл в драконов... Да, интересная у нас семья, ничего не скажешь, — криво усмехнувшись, добавил он.

Сьонед протянула ему пижаму и начала раздеваться.

— Вот. Если ты собираешься полночи не спать, то по крайней мере сделай это с удобствами.

— А что *ты* думаешь об этом Звездном Свитке? — спросил он, стягивая с себя тунику и рубашку, перед тем как облачиться в голубой шелк.

— Я думаю, что доводов «за» и «против» примерно поровну, — осторожно сказала Сьонед. — Старые колдуны *существуют*. То, что случилось сегодня... — Ее передёрнуло. — Принято считать, что фарадимы переселились на континент триста лет назад. Неужели они так долго скрывались?

— Но где? Почему? Чего они ждали? — Когда в ответ Сьонед лишь пожала плечами, Рохан сказал: — Что-то ты подозрительно спокойна. Не потому ли, что знаешь, как пользоваться звездным светом?

Не глядя на мужа, она разглаживала дрожащими пальцами складки своей ночной рубашки.

— Я до смерти испугалась, — прошептала она, — и все сделала инстинктивно. Никакого другого света не было. Я должна была знать, где ты... — Наконец она рискнула встретиться с ним взглядом. — Рохан, а вдруг я...

— Одна из колдунов? — Он покачал головой. — Разве ты не помнишь, как мы говорили о том, что такое дар? Сам по себе он не добро и не зло. Носителем добра и зла является человек с таким даром. Ты достаточно мудра, чтобы понимать это.

— Ну, если ты так считаешь... — Она снова пожала плечами и более уверенно добавила: — Для «Гонцов Солнца» эти люди представляют угрозу. Не знаю, как насчет принцев. Но Поль и «Гонец Солнца», и принц. Возможно, это делает его вдвойне опасным для них. Они преодолели множество трудностей, но все же убили единственного свидетеля, который мог опровергнуть показания этого Масуля, и сделали вид, будто это дело рук меридов. Значит, они все еще прячутся. — Она вздохнула и погасила свечу. — Не ложись в постель, пока не согреешь ноги.

— Фу, какая проза... Почему ты решила, что я не засну до глубокой ночи?

Сьонед легла, натянула на плечи одеяло и только тогда ответила:

— Потому что я хорошо тебя знаю, милорд принц драконов.

ГЛАВА 18

Все догадывались, что до обращения Лиелла Визского никаких серьезных дел принцы решать не будут. Рохан провел полночи, пытаясь придумать, чем занять собрание, чтобы оно не превратилось в бесплодную говорильню, но потом сдался. Проклятая Киле все рассчитала точно. Ко времени выступления ее мужа принцы должны были понять, что Рохан не способен руководить ходом встречи.

Как обычно, к нему на помощь пришел принц Ллейн. Он настоял на том, чтобы сделать неслыханно многословное сообщение о состоянии судоходства на всем континенте. Торговым флотом Ллейна пользовались все, поэтому каждый волей-неволей должен был прислушиваться к его словам. Рохан про себя благословил старика и принялся смотреть на водяные часы.

Это был новый прибор, более совершенный, чем привычные песочные часы. Песок мало-помалу растачивал узкий стеклянный перешеек, сыпался сквозь него все быстрее, и дни казались короче. Здесь же вода из верхнего шара через отверстие, проделанное в рубине без изъяна, перетекала в нижний шар, на который были нанесены соответствующие деления. Крышкой верхнему шару служил прикрепленный на петлях золотой дракон с изумрудами вместо глаз. Рохан приказал сделать эти часы два года назад, когда один ремесленник из Фирона прислал ему письмо с описанием принципа действия прибора; Рохану хотелось основать мануфактуру и наладить торговлю такими часами. Но Ллейн бубнил и бубнил, а воды в нижнем шаре как будто не прибывало, и Рохан начал сомневаться в плодотворности своей идеи. Какая разница, сколько прошло времени? Нет ничего хуже ожидания...

Когда вода покрыла пятую отметку клепсидры, в шатер

неслышно проскользнул страж в голубой форме Пустыни и направился к креслу Рохана. Не моргнув глазом, Ллейн немедленно свернул доклад. Рохан поблагодарил его высочество принца Дорвальского за ценное сообщение, а затем обратился к другим принцам.

— Кузены, вчера Лиелл Визский попросил уделить ему несколько минут нашего внимания. Как все мы знаем, на это имеет право любой атри, которому есть что сказать. — Он слегка улыбнулся, намекая на то, что выступление Лиелла ничем не отличается от беспомощного бления какого-нибудь обиженного вассала. — Вы согласны выслушать его?

— Ну, если это не займет много времени, почему бы и не выслушать? — лениво протянул Кабар. Кое-кто из собравшихся за столом не сумел скрыть улыбку.

— Может быть, стоит пригласить наследных принцев? — любезно сказал Давви. — Наши сыновья кое-чему научились и дома, и при дворах лордов, у которых воспитывались, но ни разу не видели, как работают владетельные принцы.

— Отличное предложение, — поддержал Клута. — Пусть мой парень полюбуется, что значит быть принцем. Надо дать ему урок, — ворчливо закончил он.

Возражать никто не стал, учитывая, что в этом году на Риалле присутствовали всего четыре наследных принца. Воллог и Пиманталь явно огорчились, что не привезли с собой старших сыновей; сыновья Велдена и Кабара были еще совсем маленькими. Мийон же вообще не был женат, хотя ходили слухи, что по крайней мере несколько детей имело право называть его отцом.

Рохан встретил невинный взгляд зеленых глаз шурина, очень напоминавших глаза Сьонед, и одобрительно кивнул. Полю нужно было сидеть здесь, чтобы все могли сравнить его с претендентом, которого Лиелл обязательно представил бы собранию после своего обращения. Пока оруженосцы ходили за Чадриком, Костасом, Халианом и Полем, образовался короткий перерыв. Рохан использовал это время, чтобы показать принцам водяные часы и объяснить их устройство. Надо было ковать железо пока горячо и создавать спрос на продукцию Фирона, который вскоре должен был перейти под его управление. Саумер Изельский лукаво намекал на то, что такие часы ни к чему в Пустыне, где круглый год можно определять время по солнцу, но зато они очень пригодятся в его дождливой стране.

Прибыл принц Чадрик, поклонился и занял приготовленное для него место за креслом своего отца. Ллейн что-то пробормотал ему, и губы Чадрика раздвинулись в улыбке. Вскоре пришли Костас, Халиан и Поль, щеки которого горели от поспешного умывания, а волосы были влажными от мокрого гребешка. Явно польщенный приглашением, он одарил всех солнечной улыбкой, на которую присутствующие ответили благосклонными кивками; правда, кое-кто был вынужден сделать это помимо своей воли. Обаянию Поля было трудно сопротивляться.

Рохан готов был приказать впустить Лиелла, когда полог распахнулся и на пороге возникли четыре незваных гости. Три из них были принцессами, четвертая — полномочным представителем своей страны. Сьонед и Пандсала стояли по краям, в середине находились юная Гемма и леди Энеида. Мужчины ошарашенно уставились на них. Несмотря на неслыханные доселе претензии на управление государством наряду с мужем, Сьонед ни на одной Риалле не позволяла себе принимать участие во встречах принцев. Женщинам просто не разрешалось на них присутствовать, и даже верховная принцесса не дерзала нарушить эту возмутительную традицию. Но предложение Давви пригласить на встречу наследников придавало этой встрече неофициальный характер. Рохан понимал, что его жена не преминет воспользоваться такой возможностью.

— Доброе утро, милорды! Когда пришел вызов, я была с сыном и взяла на себя смелость послать за принцессой Геммой, а по дороге встретила леди Энеиду и принцессу-регенту. — Она улыbnулась, как будто это счастливое совпадение действительно было совпадением. Никто не мог противостоять чарам ее зеленых глаз, и Сьонед прекрасно знала это. — Кузен, — вежливо подсказала она Чейлу, — вашей наследнице нужно кресло.

Четыре капли воды упало из верхнего сосуда в нижний, прежде чем старик, раздираемый противоречивыми чувствами, сумел принять решение. На его лице явственно боролись возмущение неслыханным нарушением традиций и удовлетворение от удачного хода Сьонед. Как обычно, в присутствии Сьонед традиции не выдерживали. Он жестом пригласил Гемму сесть рядом и даже собственноручно принес ей кресло.

Тем временем Сьонед продолжила свою речь.

— Прошу прощения за то, что вынуждена вас покинуть. Вскоре у меня соберутся ваши жены, а мне еще многое надо сделать.— Она подарила всем еще одну чарующую улыбку, поклонилась мужу и удалилась.

Лишь долгая тренировка позволила Рохану сдерживать улыбку. Сьонед ввела в обычай устраивать эти завтраки еще три Риаллы тому назад. При мысли о сплетнях, которыми будут обмениваться с верховной принцессой их жены, сестры и дочери, у принцев вытянулись лица. Женщины обычно пересказывали друг другу то, что мужчины предпочитали хранить за семью замками; из докладов Сьонед Рохан обычно узнавал о том, куда дует ветер, намного чаще, чем со слов самих принцев.

Леди Энеида, тонкая и прямая как меч, стояла рядом с принесенным ей креслом.

— Милорды, хотя в настоящее время у Фирона нет принца, ее высочество пригласила меня присоединиться к вам как полномочного представителя своей страны.— Во всеуслышание предъявив свое право присутствовать здесь, она уселась на место.

К тому времени Пандсала уже сидела за креслом Поля, которое стояло не за креслом его отца, но рядом с ним. Это тоже слегка шокировало других принцев, но они вовремя вспомнили, что вскоре после рождения Поля признали его право на самостоятельное владение Маркой. Отсюда следовало, что он может на равных основаниях участвовать во встречах принцев. Правда, регенту никто такого права не давал, но теперь ни у кого не хватило бы духу протестовать. Кроме того, многим очень хотелось посмотреть, как поведет себя Пандсала при столкновении с тем, кто мог оказаться ее братом.

Рохан подал знак Таллаину и небрежно откинулся на спинку кресла. Это была единственная поза, которую ему оставалось принять. Воодушевление, горевшее на лице Поля, добавило верховному принцу решимости. Полю не расстанется с Маркой еще до того, как вступит во владение ею.

Лиелл вошел не один. Вслед за ним в шатре появился высокий молодой человек. Его темные волосы, обрамлявшие яркие зеленые глаза, имели едва уловимый рыжеватый оттенок; еще более рыжей казалась ухоженная короткая борода. Юноша был одет в гладкую тунику из лучшего синего

шелка — такого темного, что он казался почти фиолетовым. Мускулистые ноги обтягивали кожаные штаны рыжевато-коричневого цвета; сапоги из тонкой кожи были выкрашены в тон тунике. На одном пальце его красовалось массивное серебряное кольцо, на другом — тонкий золотой перстень; на щеку свисала серьга с аметистом. Воцарилось напряженное молчание. Взгляд молодого человека медленно передвигался от лица к лицу, ненадолго задержался на Поле, а затем обратился прямо на верховного принца. Юноша не поклонился.

Несколько секунд все молчали. Затем с места вскочила побелевшая от гнева Пандсала.

— Склони голову и колени перед благородными принцами, смерд! — прошипела она.

— Приветствую тебя, дражайшая сестрица, — с улыбкой ответил Масуль.

— Родство еще надо доказать, — негромко отозвался принц Ллейн, и это спокойное напоминание сразу разрушило овладевшее всеми оцепенение. Рохан снова благословил старика и притронулся к руке Пандсалы. Она опустилась в кресло, дрожа от ярости.

— Лорд Лиелл, я полагаю, что вы хотите объясниться, — сдержанно сказал Рохан.

— Да, ваше высочество. — Лиелл поклонился, но Масуль этого не сделал. — Однако мои слова не идут ни в какое сравнение с тем впечатлением, которое мог вызвать у ваших высочеств один вид этого человека. Моя жена, леди Киле, подробно расспросила его и пришла к выводу, что это действительно ее брат, родившийся у покойного верховного принца Ролстры от его любовницы леди Палилы. Я тоже разговаривал с лордом Масулем и остался убежден его доводами.

Когда Лиелл присвоил Масулю не принадлежащий ему титул, Пандсала со свистом втянула в себя воздух, но осталась неподвижной и безгласной. Надеясь, что она и в дальнейшем сможет держать язык за зубами, Рохан посмотрел на Лиелла и слегка приподнял бровь.

— Прошу прощения за дерзость, — продолжал лорд Визский, — но...

— Нашего внимания требовали *вы*, — сухо напомнил Рохан. — Вот вы и говорите.

Бледные щеки Лиелла зарделись, и он нервно облизал гу-

бы. Но на него никто не смотрел. Присутствие Масуля заставило лорда Визского ступешаться.

Самозванец выступил вперед. Кабар и Велден отодвинули свои кресла, чтобы он мог встать между ними.

— Милорды, я сам могу изложить свою историю,— сказал он.

— Лживую от начала до конца!— прошептала Пандсала, но слышали ее только Рохан и Поль.

— Я родился здесь, в Визе, двадцать один год тому назад на парусной барке, принадлежавшей верховному принцу Ролстре. Я знал это всю мою жизнь. Данный факт подтверждается записью в городской книге регистрации новорожденных, которая будет представлена вашему вниманию. В ту же ночь в том же месте родилось еще несколько детей, и их имена также внесены в эту книгу.— Жестом Ролстры он засунул большие пальцы за пояс штанов. Киле хорошо обутила его, подумал Рохан.

— Принцесса-регент может засвидетельствовать, какая неразбериха творилась там в указанную ночь. Эта неразбериха возникла во многом благодаря ее собственным усилиям и усилиям принцессы Янте.— Он послал Пандсале насмешливую улыбку.— Если бы леди Палила произвела на свет мальчика, тот имел бы перед ними преимущество, что было для них крайне нежелательно. Поэтому они привезли с собой несколько других беременных женщин, искусственно вызвав у них роды в тот момент, когда у Палилы начались схватки, и надеясь, что по крайней мере одна из них родит девочку, которой можно было бы подменить ребенка в случае, если у леди родится мальчик. Таков был план принцессы Янте, которым она поделилась с сестрой. Но принцесса Пандсала пошла к леди Палиле, рассказала ей о заговоре и предложила в случае рождения восемнадцатой, никому не нужной дочери принца заменить ее мальчиком, который, согласно их расчетам, мог родиться у одной из других женщин.

Согласитесь, план был довольно рискованным. В ту ночь на корабле стоял настоящий хаос: рождались дети, туда и сюда сновали люди, принцессам приходилось бегать между покоями Палилы и трюмом. Множество людей все видело и слышало.

Во-первых, все слышали ликующий голос леди Палилы, возвестивший о том, что у нее родился сын. Во-вторых, когда в покои вошел счастливый отец, там присутствовало два

младенца. Одним из них была Чиана. Другим...— Масуль опять устремил глумливый взгляд на Пандсалу.— Другим был мальчик. Истинный сын Ролстры. Я.

— Лжец! — выпалила Пандсала.— Оба ребенка были девочками. К тому моменту мальчик еще не родился!

Рохан задержал дыхание. Было бы лучше, если бы Пандсала вообще не упоминала о рождении мальчика. Но винить ее не приходилось: Пандсала была вне себя.

— Взгляни на меня, сестра! Разве у меня не отцовские глаза, не его рост, не его фигура? Разве цвет моей бороды не напоминает цвет волос Палилы?— Он снова обратился к остальным.— Женщина, которая называла себя моей матерью, была светловолосой и темноглазой. Ее муж был таким же. Оба они имели рост ниже среднего. Как же мог у двух маленьких, белокурых людей родиться высокий, темно-волосый, зеленоглазый сын?

Тут на выручку пришел преданный, серьезный Давви, опора власти Рохана и Поля.

— Оба мои сына выше меня, а моя покойная жена не доставала мне до подбородка. Походку и манеры можно перенять. А что касается зеленых глаз, так таких людей много. Вот и у принца Поля глаза абсолютно того же цвета. Может быть, он тоже сын Ролстры?

Давви, Давви, поверивший в ложь, к которой прибегла Сьонед, а Рохан поддержал, потому что каждый уважающий себя принц варваров стремится передать власть сыну... Рохан сидел с бесстрастным лицом, но внутри у него все переворачивалось.

— Я хочу спросить уважаемого кузена Сирского, есть ли свидетельства, которые доказывали бы обратное?— С места поднялся Велден Крибский, встал рядом с Масулем и уперся руками в стол.— Может ли принцесса-регент точно сказать, чьим был чей ребенок? Кто еще мог бы засвидетельствовать, что в ту ночь у Палилы вообще родилось дитя?

Голос Пандсалы мог бы заморозить Долгие Пески в разгар лета.

— Единственным свидетелем родов была моя сестра Янте. Но она мертва.

Велден развел руками и широко раскрыл темные глаза, изображая полное замешательство.

— Я спрашиваю вас, милорды, возможно ли, чтобы этот

человек был сыном Ролстры? Живых свидетелей обратного нет. Но есть свидетельство наших собственных глаз.

С места на противоположном конце стола поднялся Мийон.

— Посмотрите на него, кузены,—шелковым голосом сказал он.— Многие из вас прекрасно знали покойного верховного принца. Есть ли сходство?

Старые принцы безмолвствовали, но Пандсала молчать не могла.

— Я бесспорная дочь Ролстры, и я утверждаю, что этот человек джет!

— Так похож он на Ролстру?—не унимался Мийон.— Достаточно похож, чтобы быть его сыном?

— Высокий, темноволосый, зеленоглазый? Я могу найти сотню таких мужчин. Это не доказательство!

— Но регистрационные книги Виза утверждают, что этот человек родился именно в ту самую ночь.

— Вы хотите сказать, что я не захочу узнать родную мне плоть и кровь?—воинственно спросила Пандсала, привставая в кресле.— Вы смеее утверждать, что я лгу?

— Ни в коем случае, миледи!—запротестовал он, выкатив глаза.— Но... возможно, ваше положение мешает вам непредвзято отнестись к этому человеку.

Настоящее безумие, сказал себе Рохан. Если смотреть на все с такой точки зрения, то кем бы ни был Масуль, на самом деле законным наследником Ролстры является именно Поль...

Тут свое отношение к делу Масуля высказал Кабар Гилладский.

— Милорды, прошу понять одно: если этот человек действительно сын Ролстры, то нужно очень тщательно подумать, прежде чем принимать решение, является или не является он по праву рождения принцем. *Одним из нас.*

Это означало, что Мийон и его сторонники не столько желают видеть Масуля занимающим замок Крэг, сколько горят желанием не дать править Маркой Полю.

— Да, верно, верховный принц Рохан победил Ролстру в войне и объявил Марку собственностью своего сына,—продолжал Кабар.— Но если этот человек говорит правду, то он является одним из нас. Принцем.

— Посмотрите на него,—сказал Мийон.— С одной стороны свидетельство ваших собственных глаз, а с другой—

недостаток заслуживающих доверия свидетельств о событиях той ночи.

Краешком глаза Рохан следил за выражением лица Поля. Мальчик сидел очень тихо и, как зачарованный, смотрел на Масуля. Неужели это и в самом деле родственник Поля, его родной дядя? Если они действительно хотели, чтобы Маркой управляли потомки Ролстры, то Поль как нельзя лучше отвечал этому требованию. Но в этом случае они не хотели бы, чтобы Поль правил заодно и Пустыней...

— Слишком много совпадений,— меж тем говорил Мийон.— Я поговорил с леди Киле—еще одной из дочерей Ролстры— и она после разговора с этим человеком сделала вывод, что он ее родной брат.

Натрави на него Чиану, раздался у него в мозгу голос Сьонед. Рохан опустил взгляд на свое кольцо—окруженный изумрудами огромный топаз, похожий на глаз дракона—ждущий, недреманный... Драконы искусно выбирали момент для атаки. Рохан же был сыном одного дракона и отцом другого.

Клута и Саумер расспрашивали Масуля о его жизни в поместье Дасан, о том, умеет ли он владеть оружием, о его взглядах на все, начиная с торговли шелком до строительства нового порта в устье Фаолейна. Масуль признался в своем полном невежестве в таких вопросах, но это внушило остальным мысль, что его невежеством можно будет воспользоваться. Хитрец ловко маскировался. Ответы, которые он давал, были прямыми и не лишенными логики: этого было вполне достаточно, чтобы признать его принцем. Безобидным и никому не внушающим страха.

Рохан чувствовал, как земля под его ногами малопомалу превращается в зыбучий песок. Если бы с помощью какой-нибудь магии можно было восстановить истину и неопровержимо доказать, что Масуль лжец...

Магии.

Могущественные «Гонцы Солнца» могли видеть отдельные картины своего собственного будущего. Сьонед с шестнадцати зим знала, что ее ждет Рохан. Несколько лет спустя она сама видела и показала ему, что держит на руках дитя со светлыми волосами Рохана, и хотя она была бесплодна, оба поняли, что Сьонед каким-то образом сумеет дать Рохану сына. Да, фарадимы иногда могли заклинять будущее, но могли ли они так же заклясть и прошлое?

Той ночью там была Андраде. И Пандсала. Их устные свидетельства были признаны не внушающими доверия, поскольку обе они были лицами заинтересованными: первая приходилась Рохану теткой, вторая была назначена им принцессой-регентом. Но если бы каждая из них могла показать ясную картину того, что произошло той ночью...

Рохан поднялся и посмотрел на водяные часы. Беседа сразу прекратилась; он без всяких усилий отвлек внимание присутствующих от Масуля. Поняв это, молодой человек вознегодовал. Самозванец, считавший себя пупом земли, был явно раздосадован тем, что этот хрупкий, тихий мужчина вдвое старше его пользуется у остальных столь непрерываемым авторитетом.

— Милорды и миледи,— сказал Рохан,— становится поздно, а мне кажется, что для принятия столь важного решения всем нам требуется как следует подумать в тишине и уединении. Могут быть представлены и другие свидетельства. Лорд Лиелл, прошу вас быть готовым к тому, что вы будете вызваны на встречу принцев еще раз.— Он сделал вид, что просматривает свои заметки.— Кузены, сегодня днем нам предстоит обсудить взаимные торговые соглашения Кунаксы, Фессендена, Изеля и Оссетии. До тех пор объявляется перерыв. Благодарю за внимание наследников и полномочных представителей, принявших участие в заседании, и надеюсь, что они приобрели поучительный опыт.

Масуль никому не поклонился и на этот раз. Он вышел в компании Мийона, Кабара и Велдена; забытый Лиелл тащился следом за ними. Чадрик сделал несколько шагов к Рохану, как будто хотел что-то сказать, но затем передумал и помог отцу выйти из шатра. Вскоре Рохан остался наедине с Полем, который задумчиво смотрел в пространство. Чтобы дать мальчику собраться с мыслями и сформулировать вопросы, Рохан медленно прошелся по шатру, остановился у водяных часов и провел пальцем по резному дракону, следившему, как сквозь рубин неумолимо, капля за каплей, просачивается время.

— Отец...

— Да, Поль?

— Почему ты не хочешь продолжить это разбирательство днем?

— Вспомни, *чи* торговые соглашения нам предстоит рассматривать.

Последовала короткая пауза.

— Мийона... Волей-неволей ему придется отвлечься, а ты сумеешь присмотреть за ним. Но ведь остальных это не касается?

— Нет. Но проследив за торговыми соглашениями, которые заключат с Мийоном другие, можно будет во многом определить позицию, которую они займут и в этом деле.

— Ох! — Последовала еще одна пауза, и Поль возбужденно выпалил: — Если он будет вредничать со своей шерстью и железом, они могут разозлиться и перейти на нашу сторону!

— Возможно. — Рохан обернулся и спросил: — Какое у тебя сложилось впечатление о том, что происходит?

— Похоже, Мийон очень легко поддается влиянию, — проникательно заметил Поль. — Кажется, он считает себя очень умным. Но на самом деле он всего лишь упрям и горд.

— Опасная смесь. И что бы ты сделал, чтобы... как ты сказал? Оказать на него влияние?

— Заставил бы Чейла, Пимантая и Саумера разозлиться на него.

— И ты думаешь, что с моей стороны было бы мудро сделать это у всех на виду? — Рохан покачал головой. — Знаешь, именно так поступал Ролстра. Он нарочно создавал трения между государствами, чтобы потом вмешаться и властью верховного принца разрешить конфликт, который он же и создал. Это не мой метод, Поль. Если Мийон сам настроит их против себя, прекрасно. Но мне придется действовать более тонко и дать ему понять, что такое настоящий ум. — Он улыбнулся. — Он рвался в бой, а моя армия, всю весну и лето простоявшая на его границе, не добавила ему любви ко мне.

— Но почему Киле поддерживает Масуля? Похоже, она делает для него все возможное.

— Интересная женщина, — признался Рохан. — Вполне вероятно, что она участвовала в убийстве «Гонца Солнца». Кстати, я бы совсем не удивился, если бы это сделал сам Масуль. У этого человека врожденный инстинкт к убийству. Посмотри, он играет с Пандсалоу как кошка с мышкой. — Рохан тяжело вздохнул. — Поль, между желанием иметь силу и желанием ее надлежащим образом использовать лежит пропасть. Фарадимы получают свою силу по наследству, а потом учатся пользоваться ею. Но принцем или атри мо-

жет стать человек, который не в состоянии понять этого. Он относится к власти как к чему-то само собой разумеющемуся, но не видит главного. Ролстра был как раз таким. Он наслаждался властью ради власти. Я понятно выражаюсь?

— Кажется, я понял,— медленно сказал мальчик.— Он выступил против тебя, потому что у тебя были власть и мама: Но он вовсе не собирался сделать с помощью этой власти то же, что сделал ты. Он просто не мог вынести, что у тебя есть эта сила.— Поль запнулся, но все же продолжил:— Из того, что я сегодня услышал, следует, что принцесса Янте была такой же, как ее отец, верно?

Рохан постарался сохранить спокойствие.

— Да. Она была такой же, как ее отец.— Он потянулся и сказал:— Пойдем поедим. Мне предстоит трудный день. Наверно, ты захочешь вернуться на выгон и позаниматься с лошадью Чейна?

— Как ты догадался, что я был там?

Рохан был рад возможности посмеяться.

— Твоя мать—или это была Тобин?— удостоверилась, что ты умылся и причесался перед тем, как идти сюда, и даже почистил сапоги. Но ты забыл вытащить из заднего кармана палочку, которой чистят копыта...

Поль скорчил гримасу.

— Это была тетя Тобин. А я-то думал, что ты сейчас скажешь что-нибудь таинственное—как обычно делает мама, когда догадывается о том, что ей не следовало обо мне знать.

— Учись искусству наблюдения. Оно может тебе очень пригодиться—и не только для того, чтобы при случае поразить собственного сына.

* * *

В это время в другой палатке тоже с глазу на глаз разговаривали отец и сын, но здесь сын удивлял отца.

— Почему ты не пришел и не рассказал это раньше?— упрекнул Оствель Рияна.— Что, Клута держал тебя под замком?

— Вроде того,— ответил Риян.— Извини, отец, но я воспользовался первой же представившейся мне возможностью. Меня отпустили только потому, что сегодня утром Сьонед просто приказала Клуте сделать это. Халиан требует

моего постоянного присутствия, хотя я считаюсь оруженосцем Клуты.

— А разве ты не мог...

— Нет,— прямо ответил Риян.— Я не мог послушаться Халиана или сделать что-нибудь необычное. Так же, как не смел рассказать об увиденном никому, кроме леди Андраде. Если Киле и этот Масуль убили Клеве...

— ...то они не поколебались бы сделать то же самое и с тобой.— Оствель удивил своего единственного отпрыска, заключив его в жаркие объятия.— Прости за то, что я ворчал на тебя. Ты поступил совершенно правильно.— Он выпустил сына и сел в кресло.— Итак, у нас теперь есть нечто вроде доказательства.

— Очень косвенное. Клеве никогда по-настоящему не говорил мне о своих подозрениях. И я ни разу не подошел к дому достаточно близко, чтобы увидеть кого-то другого, кроме Киле. Я не видел Масуля. Я не видел, как он убивал «Гонца Солнца».— Он стиснул руки, и между побелевшими костяшками блеснули арки колец фарадима.— Отец, насколько я знаю, Халиан в союзе с Киле и намеренно держит меня вдали от тебя. Я не доверяю никому, и это пугает меня.— Он на мгновение умолк и покачал головой.— Единственное, что мы можем сделать, это рассказать обо всем Рохану и Сьонед. Может быть, они сумеют использовать это против Киле и как-нибудь напугать ее.

— Если она узнает, что ты что-то видел, это только подвергнет тебя новой опасности. Я не могу и не буду рисковать тобой, Риян.— Он поглядел в глаза сына и добавил:— Ты все, что осталось у меня от твоей матери.

Риян редко слышал от Оствеля упоминание о той, которую едва помнил. Юноша проглотил комок в горле. Стоя рядом с креслом отца, он изучал его лицо, его дымчато-серые глаза...

— Как ты думаешь, что на моем месте сделала бы мать?

Оствель печально пожал плечами.

— Если бы ты знал, сколько раз за эти годы я спрашивал себя о том же... Скорее всего, она повторила бы твои слова.— Он уселся поудобнее и продолжил:— Сегодня мы с Мааркенем и Полем снова ходили на ярмарку и занимались тем, что собирали последние слухи. Масуль — сын Ролстры; нет, никакой не сын и не может им быть; наоборот, должен быть им; сколько времени Рохан позволит ему оста-

ваться в живых...—Оствель стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Мне кажется, что срок жизни Масуля зависит только от самого Масуля,—пробормотал Риян.

— Попытайся убедить в этом других. Они не знают верховного принца так, как ты и я. Он скорее отрежет себе руку, чем предпримет против самозванца что-нибудь тайное или бесчестное.

— А потом заявит, что лучше лишиться руки, чем чести.

— Но попробуй сказать ему, что он слишком благороден, и он рассмеется тебе в лицо. Он говорит, что делает это для свободы.

— Чьей?—недоуменно спросил молодой человек.

— Его собственной. Не волнуйся,—добродушно прибавил отец,—я тоже этого не понимаю. Он говорит, что когда ты действуешь, то попадаешь в ловушку этого действия. Но ожидая и наблюдая за ходом событий, сохраняешь свободу выбора. Можешь решать, что делать, а что нет.

— Ты прав. Я ничего не понимаю.

— Я думаю, это идет со времен его первой Риаллы,—задумчиво сказал Оствель.—Тогда Рохан сделал то, что заставило других людей предпринять ответные шаги. Принц почувствовал себя в ловушке—а я говорил тебе, что он очень этого не любит. Тебе нужно понять в нем еще одно: он никогда не станет использовать нас. Он точно знает, на что мы способны, знает все наши достоинства и недостатки и в соответствии с этим строит свои планы. Но никогда не будет заманивать нас в ловушку и заставлять что-то делать. Так однажды поступили с ним, и это ему очень не понравилось. Имея дело с Роханом, ты всегда действуешь по собственной воле. Он не станет выворачивать тебя наизнанку и заставлять делать то, что он хочет. Но ты все равно делаешь это, потому что он знает тебя вдоль и поперек.

— Он настоящий принц драконов,—слегка удивленно сказал Риян.—Дракон сначала выжидает, какой дорогой пойдет стадо, а уже затем начинает охоту.

— Каждому видно, что ты делаешь то же самое,—предостерег отец.—Ты никогда не мог утаить от меня свои мысли. Знаешь, у тебя глаза матери, а она ничего не могла скрыть от меня. Так что даже и не думай об этом, Риян. Рохан и Поль должны публично разоблачить этого человека, иначе права Поля всегда будут подвергать сомнению.

— Жаль,— коротко бросил Риян.

— Что бы ни пришло тебе в голову, я запрещаю,— предупредил Оствель.

— А я ни о чем и не думал, отец.

— Хорошо. Вот и продолжай «не думать».— Серые тучи в глазах Оствеля немного прояснились.— Сядь и расскажи мне об остальном. Я устал от интриг и политики. Как тебе понравилось возвращение к Клуте? Он хорошо учил тебя?

Риян рассказал отцу о том, как ему живется в крепости Суэйл, испытывая не меньшее облегчение от разговоров о таких простых и всем понятных вещах, как лучший способ снимать с лошади седло или смешные словечки незаконных дочерей Халиана. Но хотя эта легкая болтовня помогала ему расслабиться, в глубине души Риян обдумывал способ, с помощью которого можно было бы продолжать следить за Киле; ведь именно таким был приказ воспитывавшего его принца.

Эта возможность представилась ему в тот же день. Леди Чиане что-то потребовалось в визском дворце, она собралась съездить туда верхом и пригласила с собой принца Халиана. С ее стороны это была довольно прозрачная хитрость: если бы Халиан поехал с ней, то он не смог бы слушать людей, которые сомневались в ее высоком происхождении. Риян, которого Халиан немедленно попросил у Клу-ты взаймы, ехал с ними и вяло прислушивался к их флирту. Compliments и дразнящий хохоток Чианы, которые должны были обворожить Халиана, были давно и безуспешно опробованы на Рияне; он слегка посмеивался при мысли о том, что арсенал Чианы очень небогат. Но Халиан гло-тал все и, похоже, искренне считал, что он первый, кого Чи-ана пыталась залучить в свои сети. Юноша и жалел этого простака, и чувствовал к нему презрение. Принц благово-лил к Чиане, и она могла бы принести ему очень много радости, если бы он оказался настолько глуп, чтобы сде-лать ее своей женой.

По прибытии во дворец она сунула ему поводья, как про-стому груму, и разрешила отправляться по своим делам. Ха-лиан, увлеченный Чианой, только помахал ему рукой.

Риян следил за поднимавшейся по лестнице парой, иро-нически думая о том, что бы сказала Киле, узнав, что ее се-мейный очаг используют как дом свиданий. Надо отдать Чиане должное, она не была набитой душой; вокруг толпи-лось множество слуг, которые могли засвидетельствовать,

сколько времени она провела наедине с Халианом, в том числе запершись наверху, в спальне. Если бы Халиан решил, что он может переспать с Чианой просто так, то его ждал неприятный сюрприз. Риян пожал плечами и отвел лошадей на конюшню, где перекинулся парой слов со знакомым грумом.

После короткого спора с самим собой он поехал к сельскому домику, где был убит Клеве. Вскоре он остановился неподалеку, сжав губы и нахмутив брови. Солнечный свет стекал с крыши, как теплая медовая глазурь, трава была усыпана полевыми цветами; ничто не напоминало о разыгравшейся здесь трагедии. Привязав лошадь, он осторожно открыл дверь и вошел внутрь.

Комнаты были так же пусты, как в ночь убийства Клеве. Никто здесь не был: на кровати лежали все те же смятые простыни, на столе стояли фаянсовые тарелки с испортившейся едой. Риян покачал головой, ругая себя за глупость. Если никто не возвращался сюда, чтобы уничтожить доказательства, значит, их здесь и не было. Но он должен был попытаться найти хоть что-нибудь...

Риян обнаружил темные пятна на полу, которые могли быть пятнами крови, и другие следы поспешного бегства, которые он пропустил в прошлый раз — мужскую рубашку, закинутую под кровать пинком ноги и забытую там, а также женскую сережку под столом, не видную при свечах, но зато хорошо заметную при дневном свете. Сережка могла принадлежать Киле. Но обыск всех ее шкапулок с драгоценностями мог не дать никакого результата: конечно, она избавилась от второй сережки сразу же, как только заметила пропажу первой. И все же улики были... Это заставило его пересмотреть свое объяснение царившего здесь беспорядка. Никто не возвращался сюда, потому что не осмеливался. Возможно, во время ночных поисков он что-то переставил местами, и это заставило вторгшегося сюда бежать без оглядки. Возможно, кто-то даже видел, как он входил и выходил отсюда. Если это правда, то он чудом остался жив... Риян спрятал сережку в карман и продолжил поиски.

Ближе к сумеркам он нашел искомое доказательство в чулане, в задней части дома. Живое изображение Рияна подсказало ему, что там может лежать одежда или что-нибудь другое, принадлежавшее Клеве, вроде рубашки или серьги, забытых во время панического бегства.

Но он не был готов найти там узел из плотной шерсти, покрытый засохшей кровью, в котором лежало полотенце с завернутыми в него тремя отрезанными пальцами.

Риян уронил зловещий сверток и в ужасе отпрянул. В горле его застрял крик. Шатающегося, полублестящего, едва успевшего выбежать из кладовки Рияна тут же стошнило всем содержимым желудка. Когда юноша, опустошенный и измученный, мыл лицо, ему достаточно было посмотреть на свои кольца, как приступ тошноты повторился снова.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он сумел вернуться. Красно-желтое, запачканное засохшей кровью одеяло лежало там, где он его бросил. Как и полотенце... Риян дрожа опустился на колени, заставил себя прикоснуться к пальцу и попытаться снять с него кольцо. Они нужны Андраде, снова и снова повторял себе юноша. Они нужны Андраде как доказательство.

И вдруг он остановился, глядя на гладкие кольца, украшавшие отчлененные пальцы.

Клеве носил шесть колец, доказывавших, что он мастер, умеющий пользоваться как солнечным, так и лунным светом. Но в окровавленном полотенце лежали три отрезанных пальца и только два серебряных кольца.

Он набрал полные легкие воздуха, пытаясь успокоиться. Отец сказал ему, что Сьонед каким-то образом сумела получить одно из золотых колец; таким образом они узнали про смерть Клеве. Должно быть, оно было снято с левого большого пальца, отсутствовавшего в этой скорбной коллекции. Другое золотое кольцо носили на правом большом пальце. Это было самое почетное кольцо из всех — пятое кольцо, означавшее полный статус «Гонца Солнца». На омертвевшей коже еще виднелся белый ободок от кольца, которое Клеве носил большую часть жизни.

Где же было пятое кольцо?

Риян вскочил, подошел к окну и распахнул настежь, давая доступ чистому воздуху. Потом он вынул из стопки, хранившейся в белье в шкафу, чистую простыню и завернул в нее улику. Во вторую простыню юноша завернул одеяло — толстое желто-красное одеяло, изделие кунакских ткачей. Не оставалось никаких сомнений: в этом одеяле куда-то тащили труп Клеве. Говорили, что Масуль высок, мускулист и широкоплеч; у него бы хватило сил, чтобы в одиночку справиться с этой ношей. Риян снова почувствовал приступ

тошноты, поняв, что пока сам он рыскал вокруг домика, Масуль относил тело Клеве туда, где его могли найти мусорщики. Почему он не возвратился тогда, когда Риян еще был в доме? Молодой человек горько пожалел об упущенной возможности, но тут же опомнился и понял, что сама Богиня сжалилась над ним той ночью.

Почему же Масуль не отрезал Клеве руки целиком? Даже если бы он снял с него все кольца, на загорелой коже неминуемо остались бы белые ободки. А без рук никто не опознал бы в нем фарадима. Спустя секунду ответ был готов. Труп без рук мог означать только одно: убитого «Гонца Солнца».

Значит, Масуль поленился избавиться от отрезанных пальцев; глупая ошибка. Нет, роковая. Неужели он верил, что если ничего не нашли в первый раз, то не найдут никогда, и что никто не вернется, чтобы провести более тщательные поиски, которые только что предпринял Риян? Или спешка заставила его потерять осторожность? Боялся ли он вернуться сюда, или его наконец подвела собственная наглость?

Риян думал о перепуганном бедняге, который нашел тело Клеве. Теперь он понимал, почему никто не поспешил сообщить об этом. Кому хотелось быть обвиненным в убийстве и расчленении тела «Гонца Солнца»? Как золотое кольцо попало к Сьонед? Эта тайна мучила юношу, пока он прятал простыни в седельные сумки. Возможно, кто-то отправился разыскивать Клеве, когда до него дошли какие-то слухи, или увидел остальные кольца, снятые с его пальцев, чтобы продать. Это не имело большого значения, и Риян велел себе не испытывать терпение Богини. Богиня сама присматривает за своими фарадимами; он обязан был в это верить. Имела значение только страшная улика, которая была надежно укрыта в кожаных сумках.

Он вернулся в дом и еще раз вымыл лицо и дрожащие руки. Наступили сумерки; должно быть, Чиана и Халиан с нетерпением ждали его возвращения. Он пустил лошадь галопом. Стук копыт и прохладный вечерний воздух развеяли страх и добавили решимости его гневу. Он увидит, как Масуль казнят за это, а вместе с ним и Киле. Они убили «Гонца Солнца». Он надеялся, что Андраде изберет для них казнь не менее жестокою, чем учиненное этой парой преступление.

Халиан и Чиана уехали без него. Риян пожал плечами, ничуть не беспокоясь о том, какому наказанию подвергнет его принц за пренебрежение своими обязанностями. Юноша

оставался во дворце ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы опорожнить две большие чаши вина, а затем поскакал в лагерь. Он не стал останавливаться у светло-зеленых палаток Луговины, а поехал прямо к шатру верховного принца.

Не сказав ни слова, Риян прошел мимо Таллаина. Он поклонился и бросил мрачный взгляд на своего отца и Рохана, который тут же умолк, как только на его стол легли седельные сумки.

— Доказательство,— коротко бросил он.

Оствель открыл кожаные сумки и затаил дыхание. Когда перед Роханом разложили их содержимое, принц не промолвил ни слова. Он долго изучал улики, а потом посмотрел Рияну в глаза.

Тому понадобилось лишь несколько минут, чтобы рассказать о приключившемся днем. Оствель выглядел убитым, но в глазах Рохана медленно разгорался такой гнев, который способен был все сокрушить на своем пути.

— У одного из них хранится кольцо Клеве,— закончил Риян.— Я в этом уверен. Догадываюсь, что это было пятое, золотое кольцо, которое носится на большом пальце. Кольцо полного «Гонца Солнца».

— Для Киле слишком велико,— пробормотал Рохан.— Но Масулю в самый раз. Да.

— Если он посмеет надеть его, то окажется у нас в руках.

— Возможно. Возможно.— Рохан сложил простыни и снова поместил свертки в седельные сумки.— Твой отец рассказал мне остальное. Но сейчас я, твой принц, должен отдать тебе приказ, которому тебе будет трудно подчиниться, потому что ты «Гонец Солнца».— Он поглядел Рияну прямо в глаза.— Ничего не говори об этом Андраде. Ни слова.

Риян не колебался ни секунды.

— Я был вашим слугой со дня рождения.

Светлые брови слегка изогнулись.

— Что, ни малейших угрызений совести? Андраде это не понравится. Ты ведь не только мой слуга, но отчасти и ее.

— Мой принц, все, что у меня есть, принадлежит вам,— со скромным достоинством ответил Риян.

Рохан задумчиво кивнул.

— Ты оказываешь мне честь, Риян. Возьми с собой Таллаина и возвращайся в лагерь Клуты. Если кто-нибудь спро-

сит, пусть он скажет, что как только ты вернулся в лагерь, я послал за тобой. Это избавит тебя от необходимости объясняться с Халианом. Что же касается твоего отсутствия днем...

— Я отчитываюсь перед принцем Клутой, милорд, а не перед Халианом.

— Я понял. Но если возникнут какие-нибудь трудности, дай мне знать.

— Да, милорд. — Он поклонился, шагнул к пологу, но затем остановился и обернулся. — Я прошу вас об одолжении. Вы можете пообещать, что они будут умирать долго?

У Оствеля в горле застрял какой-то негромкий звук. Но Рохан просто кивнул.

— Да, Риян. И Масуль, и Киле будут умирать очень долго.

— Спасибо, милорд. — Полностью удовлетворенный, Риян поклонился снова, доверяя своему принцу так же безоговорочно, как доверял отцу, и вышел.

Оствель поднял седельные сумки и прижал их к груди.

— Вы знаете, какое наказание следует за убийство фарадима?

— Да. Но не сейчас. Только после того, как будут отвергнуты его требования. Оствель, до тех пор у меня связаны руки. — Он стиснул кулаки с такой силой, словно сжимал горло Масуля. — О Богиня, — прошептал он, — с каким наслаждением я убил бы его *сию минуту*! — Тут он поднял глаза. — За Рияном нужно следить в оба. Если Масуль что-нибудь заподозрит, его песенка спета. У тебя есть друзья среди «Гонцов Солнца», приехавших вместе с Андраде?

Оствель кивнул.

— Я попрошу их о личном одолжении, и Андраде ничего не заподозрит.

— Хорошо. Отныне все пойдет так, как нужно нам, мой друг. Не для того мы зашли так далеко и сделали так много, чтобы видеть, как все это разрушается у нас на глазах.

Оствель слегка поклонился.

— Я никогда не верил в такую возможность, мой принц, — тихо сказал он.

Когда он ушел, забрав с собой седельные сумки, Рохан пробормотал:

— Мне бы толику твоей уверенности, мой друг...

ГЛАВА 19

В недалеком прошлом принцесса Аласен была мастерицей прятаться от любого, кого приставлял к ней отец. Если уж ей удавалось перехитрить всех даже в родном замке Новая Рития, то спрятаться в толпе, тянувшейся на скачки, было проще простого. Затесавшись в середину, Аласен стала обыкновенной молодой девушкой, облаченной в простое платье, и узнать ее мог бы лишь тот, кто обратил бы внимание на серебряную фляжку — герб ее отца, украшавший прикрепленный к поясу кошелек из тонкой кожи.

Над местами, предназначенными для принцев, натягивали тент из зеленого шелка; трибуны быстро заполнялись. Толпа рассыпалась, каждый поспешил выбрать себе место получше, но Аласен продолжала идти к загонам, где молодые люди, которым предстояло посвящение в рыцари, до начала скачек должны были демонстрировать свое искусство владеть лошадьёю.

Она нашла место у самых перил, положила локти на окрашенное дерево и принялась следить. Оруженосец ее отца, Сорин из крепости Радзин, привел на травянистую лужайку четырнадцать знатных юношей на прекрасных лошадях. Молодые люди сделали паузу, приветствуя собравшихся здесь друзей, знакомых и родственников. Затем они стали объезжать огороженное пространство, меняя аллюры и направления движения с помощью подававшихся скакунам невидимых команд, срезая диагонали и выписывая замысловатые узоры, но при этом сохраняя идеальный строй. Сорин скакал на одной из лошадей своего отца — изящной серой в яблоках кобыле с черной гривой и хвостом; Аласен подумала о том, есть ли шанс убедить отца купить для нее это животное, и решила, что такой шанс есть. Волог был в прекрасном на-

строении, несмотря на скандал с появлением Масуля, и особенно подействовали на него приватные беседы с верховным принцем. Кроме того, он был доволен, что дочь подружилась с «кузиной Сьонед». Так что уговорить его купить кобылу было вполне возможно, и совсем не обязательно в качестве свадебного подарка.

Аласен не питала иллюзий насчет того, зачем отец взял ее в этом году в Виз. Уже два года в Новую Ритию прибывали молодые люди, жаждавшие с ней познакомиться. Пожалуй, для принцессы она слишком долго ходила в девушках, но это было понятно: Аласен была младшим и любимым ребенком Волога, и отец хотел как можно дольше держать ее при себе. Однако этой осенью ей должно было исполниться двадцать три года; настала пора выходить замуж. Раз она отвергла всех молодых людей, которые приезжали на остров Кирст, Волог решил, что остальных дочь увидит на Риалле. Но отец ждал, что уж здесь-то Аласен выберет себе мужа, и она знала это.

Затем в центр загона выехал сам Сорин и принялся совершать сложные вольты, курбеты и высокие прыжки, призванные не столько продемонстрировать искусство всадника, сколько показать будущим покупателям все достоинства лошади. Под перилами, неподалеку от Аласен, стоял лорд Чейналь, опытным взглядом замечая каждый нюанс устроенного сыном зрелища. Многие всадники, которым предстояло принимать участие в сегодняшних скачках, ехали на его лошадях; остальные принадлежали Колии, лорду Реки Кадар, его единственному серьезному сопернику в коннозаводстве. Поколения лордов Радзинских и Кадарских наслаждались этим дружеским соперничеством, безбожно насмехаясь и глумясь над лошадьми друг друга и радостно предвкушая встречу на новой Риалле.

Аласен похлопала искусству Сорина и помахала юноше, когда тот проезжал мимо, чтобы получить приз. Он улыбнулся и подмигнул ей. Пожалуй, Сорин был самым красивым из всех знакомых ей молодых людей — высокий, стройный, чертами напоминавший точеное лицо отца. И всадником он был тоже лучшим. Аласен относилась к нему с гордостью старшей сестры, но для обоих было облегчением, что их дружба не была затронута Огнем. Их родители пару раз обсуждали возможность свадьбы, но из этого ничего не вышло. Они с Сорином весело смеялись в ответ на каждое та-

кое предложение. Он был бы прекрасным мужем любой женщине, но не ей. Несмотря на свои двадцать лет и множество рыцарских достоинств, Сорин все еще оставался кем-то вроде игривого жеребенка с вечно сбитыми коленками и поцарапанным носом. Аласен была слегка удивлена, увидев его повзрослевшим и уверенным в себе.

Внезапно она вспомнила, что у Сорина есть брат-близнец Андри, отказавшийся от обычной карьеры знатного юноши ради того, чтобы стать «Гонцом Солнца». Интересно, каким стал этот юноша? Серьезность целей должна была отложить отпечаток на его внешность. Аласен подумала и решила, что жизнерадостность и чувство юмора, которые она так ценила в Сорине, за годы пребывания в Крепости Богини у Андри должны были исчезнуть.

Настала очередь других молодых людей, и взгляд Аласен приковала к себе великолепная гнедая радзинской породы, на которой ехал юноша, носивший светло-зеленые цвета Луговины. Оруженосец заставил кобылу танцевальным шагом обойти весь загон, и зрители задохнулись от удовольствия, когда лошадь сменила направление движения с изяществом птичьего пера, подхваченного летним ветерком. Юноша был среднего роста, темные волосы говорили о том, что предки его происходили из горного Фирона, и тягаться с Соринем красотой ему явно не приходилось. Но когда оруженосец проезжал мимо, одного его взгляда хватило, чтобы Аласен полностью переменила это мнение. Опушенные длинными черными ресницами, его широко расставленные бархатно-карие глаза с бронзовыми точечками смело глядели из-под прямых, густых темных бровей. Эти поразительные глаза делали его лицо не просто приятным, но почти прекрасным. Оказавшись прямо перед Аласен, он натянул поводья; юноша не шевельнулся в седле, но кобыла внезапно поднялась на дыбы, сгруппировалась, опустилась на передние ноги и лягнула задними. Это было движение боевого коня, точное и смертельное, и толпа взорвалась аплодисментами.

— Отлично проделано! — восхищенно воскликнула Аласен.

— Вы находите? — прозвучал за ее плечом низкий мужской голос.

— О да, — ответила она, не оборачиваясь, очарованная мастерством молодого всадника. — Просто великолепно!

Сэр, вы не знаете, кто это? Он носит цвета Луговины, но каждый оруженосец всегда выступает в цветах своего лорда.

— У него есть собственные цвета — голубой и коричневый цвет Скайбоула. Его имя Риян, и он мой сын.

Тут Аласен всмотрелась в приятное, улыбающееся лицо. Лоб и нос у них были семейными, и Аласен поняла, что в зрелости сын будет таким же видным мужчиной, как и его отец. Но глаза у них были совершенно разные: те, что смотрели на нее сейчас, были серыми, в тон обильной седине, пробивавшейся в пышных русых волосах.

— Так, значит, вы лорд Оствель, — сказала она, возвращая ему улыбку.

— Он самый. Благодарю за похвалу в адрес моего сына. Отцовская гордость это одно, но услышать комплимент от юной леди... — Он насмешливо развел руками. — А вы, должно быть, принцесса Аласен Киртская.

— Как вы догадались? Я нарочно надела свое самое старое и простое платье и попыталась ничем не выделяться среди толпы! — Она звонко рассмеялась.

— Едва ли это удалось бы вам, миледи. Узнал же я вас очень просто: я был знаком с вашей матерью, а вы очень похожи на нее. Но окончательно подтвердили мою догадку зеленые глаза. Они точно того же цвета, что у принца Давви, а разрез у них такой же, как у принцессы Сьонед.

— В самом деле? Я знаю, что похожа на мать, но неужели вы думаете, что у меня есть хоть немного сходства с верховной принцессой?

— Кажется, это вам льстит. Но могу сказать одно: быть похожей на самое себя тоже очень неплохо. Посмотрите, какое сильное впечатление вы произвели на вон того молодого человека. — Он кивком указал на стоявшего рядом с лордом Чейналем юношу, который не сводил с нее голубых глаз. — Он предпочитает смотреть на вас вместо того, чтобы наблюдать за выступлением родного брата.

— Родного брата? — недоуменно переспросила Аласен.

— Сорина. Ваш юный воздыхатель — это Андри Радзинский, будущий лорд Крепости Богини.

Забыв о достоинстве, с которым должна была держать себя взрослая женщина двадцати двух зим, она уставилась на юношу. Так вот он, близнец Сорина!

— Кажется, они не слишком похожи, не так ли, милорд?

— Когда-то их было невозможно отличить друг от дру-

га. Но в последние годы они росли врозь и сильно изменились.— Голос Оствеля внезапно стал абсолютно бесстрастным, и Аласен испуганно подняла глаза. Заметив это, Оствель снова улыбнулся.— Но я отвлекаю вас от окончания зрелища. Они собираются галопом скакать навстречу друг другу. Конечно, эта безумная мысль принадлежит Сорину. Надеюсь, что Риян не опозорится и не вывалится из седла.

— Сомневаюсь, что с ним хоть раз случилось нечто подобное с тех пор, как вы посадили его на пони,— фыркнула она.

Всадники построились в шеренгу, а затем разделились пополам. Молодые люди рысью разъехались на противоположные края лужайки, развернулись на месте и по сигналу Сорина поскакали навстречу друг другу со скоростью, которая должна была уничтожить их. Однако каким-то чудом они умудрились не столкнуться, проскочили в интервалы между лошадьми и снова выстроились в шеренгу, наслаждаясь устроенной толпой овацией.

— Замечательно... — пробормотал лорд Оствель. — Только не передавайте сыну мои слова,— попросил он.

— Но он заслуживает вашей похвалы, милорд. Если не считать Сорина, он здесь лучший всадник.

Из груди Оствеля вырвался смешок.

— Не поощряйте отцовскую гордость, миледи! Лучше скажите, что вы думаете о кобыле, на которой он выступает?

— Как боевой скакун, она великолепна. Но как простая верховая...— Девушка покачала головой.— Эта лошадь захиреет, если ей не дадут каждый день скакать бешеным галопом.

— Согласен. Она слишком нервная. Нужно будет подарить Рияну настоящего рыцарского коня. А какая лошадь понравилась вам больше остальных?

Она запнулась, но предпочла ответить честно:

— Конечно, серая Сорина.

Лорд Оствель тяжело вздохнул.

— Этого я и боялся... Я снова согласен с вами. Но Чейн потребует за нее половину моего годового дохода и не согласится уступить даже ради старой дружбы!

Толпа зашевелилась, направляясь на трибуны, чтобы полюбоваться первым заездом, и Аласен прижали к перилам. Оствель поддержал ее.

— Все в порядке,— заверила она.— Но думаю, что надо переждать, пока не схлынет толпа.

— Не надо ждать. Если позволите, я провожу вас. Вы не хотите поздравить Сорина?

— О да, пожалуйста!

Вместе они прошли туда, где стоял лорд Чейналь, окруженный своими сыновьями и Рияном. Оствель взъерошил темные волосы сына, как будто тот был десятилетним мальчиком, а не без двух дней рыцарем; Риян перенес это спокойно, улыбнулся, и в его глазах замерцали золотые и бронзовые искорки. Аласен была представлена и заметила, что Риян не чета Сорину — помимо только что подтвержденной искусственности в рыцарских искусствах он обладал галантностью, вполне достаточной для того, чтобы не вспыхнуть от смущения при виде хорошенькой девушки. Риян поклонился, любезно улыбнулся, и снова Аласен увидела в нем черты Оствеля.

Ее вниманием тут же завладел Сорин, потребовавший своей доли похвал. Аласен засмеялась.

— А что ты такого сделал? Просто сидел! В таком огромном седле я и сама бы усидела!

Разобиженный Сорин обернулся к отцу.

— Позвольте поблагодарить вас, милорд, что вы избавили нас от сестер! Андри, это та самая девушка, о которой я тебе рассказывал, и которая вот уже восемь лет отравляет мне существование. Принцесса Аласен Кирстская — мой брат, лорд Андри.

Аласен ожидал сюрприз. Андри очень изящно поклонился, прямо посмотрел ей в глаза и, не изменившись в лице, повторил титул и имя девушки голосом, который заставил ее вспыхнуть.

— Так вы младшенькая Волога,— сказал лорд Чейналь.— Мужчине, в замке которого хранится такое сокровище, можно только позавидовать. Видно, придется попросить у вас прощения за моего совершенно безнадёжного детеныша, который за все время пребывания в Новой Ритии так и не сумел научиться хорошим манерам.

Хотя от улыбки Чейна у девушки заискрились глаза, она соорудила унылую гримасу:

— В самом деле, милорд, мне очень жаль. Мы перепробовали все, но — увы... — На нее смотрели глаза такие же серые, как у лорда Оствеля, но пронизанные блеском солнеч-

ного света на лунном камне, в то время как глаза последнего больше напоминали темное серебро.

— Она имеет в виду,— пожаловался Сорин,— что в классной комнате швыряла в меня книгами. Не пытайся отпираться, Алли, ты знаешь, что это правда. У меня до сих пор остались шрамы.

— А если она хорошо целилась, то и пустая голова в придачу,— поддразнил его Андри.

Лорд Чейналь застонал.

— Невоспитанный, дерзкий, капризный... Оствель, чем я заслужил такого отпрыска?

— Не иначе как в наказание за какой-нибудь смертный грех... Чейн, нам пора уйти с солнцепека. Конечно, жителям Пустыни это нипочем, но мне кажется, принцесса Аласен предпочла бы оказаться в тени.

— Неужели в Пустыне действительно стоит такая ужасная жара?— спросила она.

Лорд Чейналь улыбнулся, и Аласен увидела в лице отца еще одного взрослого сына.

— Жара там такая, что не успели бы вы вздохнуть, как на вашем прелестном носике высыпало бы сразу сорок веснушек!

— Перестань флиртовать с посторонними женщинами, или я все расскажу маме,— улыбаясь, пригрозил Сорин.

— В самом деле?— Лорд Радзинский вытянулся во весь рост. Он был выше своих сыновей всего лишь на ширину пальца, но зато далеко превосходил их развитой мускулатурой и шириной плеч.— Мальчик, я говорю красивым женщинам комплименты, потому что это мне нравится, а в тот день, когда я перестану...

— ...вступит в права наследования Мааркен,— лукаво вставил Андри,— потому что без этого ты не протянешь и трех часов!

Его светлость издал вздох великомученика.

— Моя дорогая Аласен, если у вас когда-нибудь будут сыновья, то пусть они рождаются по очереди. Можно быть сытым по горло и одним сыном — Оствель и Рохан не дадут соврать. Но двойняшки — это больше, чем может вытерпеть нормальный человек... А сейчас прошу прощения, но мне надо взглянуть на своих подопечных в первом заезде. Если захотите заключить пари, то рекомендую поставить на мою

вороную кобылу в пятом заезде. — Он поклонился, улыбнулся и был таков.

Аласен позабавило перебрасывание шутками между отцом и сыновьями, так отличавшееся от взаимоотношений Волога с ее братьями Латамом и Волнайей. Подчеркнутая уважительность и вежливость принцев Кирстских находились в вопиющем противоречии с градом насмешек, которыми осыпали друг друга Чейн и его выводок. Однако девушке очень нравилась эта непринужденность: Аласен инстинктивно ощущала, что их дружеское поддразнивание тем сильнее, чем сильнее эти трое любят друг друга.

Кроме того, она удивила самое себя, приняв приглашение присоединиться к ним. В кои-то веки можно будет избавиться от присмотра отца и насмешек неугомонного Сорина. Все равно она расстанется с ними, когда выйдет замуж. Воспоминание о причине приезда в Виз слегка ухудшило ей настроение. Возвращаясь на трибуны, девушка заставила себя думать о чем-нибудь другом.

Сорин, Риян и лорд Оствель двигались впереди, Аласен и Андри отстали на пару шагов. Они шли молча; после веселой болтовни это казалось довольно неожиданным. Наконец Андри открыл рот.

— Миледи, почему вы сегодня без сопровождения?

— Я люблю время от времени убегать, — призналась она. — У отца есть привычка следить за мной, как будто я сделана из фиронского хрусталя.

— Достаточно один раз взглянуть на вас, чтобы понять, что так оно и есть, — пробормотал он.

Аласен бросила на Андри испуганный взгляд. Он смотрел куда угодно, но только не на нее. Она слышала комплименты с младенчества, но слова Андри звучали скорее как неохотное признание неприятного, но неизбежного факта, чем как комплимент. Сейчас он держался именно так, как в присутствии хорошеньких девушек держался Сорин; его щеки пылали, а шаги были чересчур длинными. Она покровительственно улыбнулась. Мальчики были забавными созданиями, но Аласен считала себя достаточно взрослой, чтобы понимать, что она предпочитает взрослых мужчин. Однако Андри был очень мил и по-своему красив, хотя его черты отличались от черт Сорина. У таких родителей, как эlegantная принцесса Тобин и неотразимый лорд Чейналь, не

могло быть некрасивых детей. А Аласен была равнодушна к красивым молодым людям.

И Сьонед, и Тобин, сидевшим на трибуне для принцев, казалось, что в этом году на Риалле собралось больше молодежи, чем когда-либо раньше; большинство ее — так же, как Аласен — надеялось подыскать себе подходящую пару. Снисходительные законы верховного принца относительно того, кто имеет право присутствовать на Риалле, привели к тому, что в свиту каждого принца вошло невероятное количество благородных юношей и девушек, их слуг и стражей, хранивших прихваченное с собой добро. Самим же принцам никакой стражи не требовалось; каждый из них нес персональную ответственность за поведение своей свиты и строго-настрого следил, чтобы буянам в ней места не было. Никому не хотелось начинать войну из-за какого-нибудь пустякового спора между теми, кто прибыл сюда с невинной целью заключить брак.

Младшим сыновьям и дочерям, которым не грозила опасность унаследовать родительские имения, приходилось при этом рассчитывать лишь на свои чары. Рохан и Сьонед, желавшие повысить притягательность брака, когда-то всерьез подумывали о том, чтобы давать каждой паре приличную сумму, которая помогла бы им найти свое место в жизни. Однако Тобин вдребезги разбила это намерение, сказав, что если они хотят всем и каждому раззвонить о драконьем золоте, то лучше уж каждому устроить экскурсию в пещеры. Поэтому были найдены другие способы наделять деньгами достойных, но бедных молодых мужчин (а значит, и женщин). Как ни странно, самым удачным из них оказались скачки. Прежде призы получали только победители, но теперь те, кто занял второе и третье место, получали по небольшому кошельку серебра. Поговаривали, что некоторые молодые люди проигрывали нарочно, чтобы получить деньги, а не вручавшиеся за победу драгоценные камни, которые они не могли позволить себе надеть, а получить за них истинную цену во время Риаллы было невозможно.

Наследникам и атри не нужно было рассчитывать на собственное обаяние: высокое положение и без того привлекало к ним внимание молодых женщин. В этом году здесь собралось немало неженатых молодых людей, украшением которых был владетельный принц Мийон Кунакский. Сьонед благодарила Богиню, что Поль слишком молод для женить-

бы на одной из кокетничающих дурочек, которыми были заполнены трибуны. В перерывах между заездами они с Тобин развлекались тем, что исподтишка обсуждали парочки, которые возникали прямо на глазах.

Халиан Луговинный и Костас Сирский также были в большой цене и положительно купались в женском внимании. Еще одной прекрасной партией считался вдовец Патвин с Холмов Каты, когда-то женатый на дочери Ролстры Рабии; женщины осаждали его со всех сторон, ибо в дополнение к огромному богатству и ласковым карим глазам лорд обладал роскошным замком на вершине холма, славившимся своими садами. Молодые Колия с Реки Кадар, Аллун из Нижнего Пирма и Ярин из Снежной Бухты также испытывали настоящую осаду.

— Бьюсь об заклад, что еще до наступления зимы внучка Клуты Изаура выйдет замуж за Сабриама Эйнарского, — шептала Сьонед Тобин, кивая в сторону парочки, которая пыталась прикрыть свои соединенные руки складками женской юбки.

— Каждая песчинка в Пустыне знает, что Аллун в конце концов уступит сестре Сабриама, — отвечала Тобин. — Посмотри, как Киера таращит свои большие глаза на бедного мальчика! А что, надо признаться, интересная будет пара.

— Гм-м... Мне гораздо более интересно, кто пойдет за Тилалю. Кстати, куда это он исчез? А ты глянь на Чейла! Вот он сидит, сияет от гордости и отгоняет всякого, кто пытается поговорить с Геммой даже издали! Как же девушка умудрится произвести на свет следующего принца Оссетии, если он не дает ей ни с кем и словом перемолвиться?

— А кто это с ними? Я имею в виду блондинку, у которой такой вид, словно ее выстирали и повесили сушиться на веревку.

— Я думаю, это Данлади. Еще одна из дочерей Ролстры. Ее матерью была леди Аладра.

— Ох, Сьонед, скорее! Кажется, Чиана добралась до Мийона! А рядом с ними Халиан, похожий на тучу, идущую со стороны Вереша! Нет, это *потрясающе* интересно!

Начался следующий заезд, и они принялись следить за тем, сумеет ли и на этот раз завоевать победу всадник, скакавший на лошади Чейна. Почти на всех его конях ехали младшие сыновья, надеявшиеся выиграть тот или иной приз. Чейн был щедр, но своих питомцев доверял лишь тем юно-

шам, которых знал лично. Признания могущественного лорда Радзинского было достаточно, чтобы многие молодые дамы обратили внимание на того, кому он оказал честь скакать на своей лошади.

Тобин неистово аплодировала.

— Мы снова выиграли! Чудесно! Кто это, Сьонед? Мне отсюда не видно.

Рохан неслышно опустился в кресло рядом с женой и негромко откликнулся:

— Это же наш Тилаль. Я с величайшим наслаждением высыплю ему в руки целую реку гранатов. Ну что, дамы, вы уже решили, кто будет носить свадебное ожерелье, которое Тилаль сделает из этих самоцветов?

— Та, которая станет громче всех хлопать! — задорно ответила ему Сьонед.

Многие встречали приветственными криками победителя, совершавшего круг почета, но взгляд Сьонед был прикован к тому, что ее глубоко поразило. Костас, делавший вид, что улыбается и машет рукой младшему брату, на самом деле не сводил глаз с Геммы. Та же сидела, зарывшись носом в книгу и ни на что не обращая внимания. Бледная, тоненькая Данлади тревожно щурила голубые глаза. Сьонед откинулась на спинку кресла и нахмурилась.

В следующем заезде победила лошадь лорда Колии. Молодой человек готов был плясать от радости и гордости, когда поздравлял победителя, и от полноты чувств даже обнял кобылу за шею. Владетельное трио рассмеялось, а потом переключило внимание на новую скачку. В ней принимал участие Мааркен.

— Я так хочу, чтобы он выиграл, — сказала Тобин с беспечностью, которая никого не обманула. — Я не могу позволить себе расстаться с моими драгоценностями, когда ему наконец понадобится ожерелье для невесты.

Рохан хмыкнул, и они со Сьонед обменялись улыбками, которых даже не пытались скрыть. Вскоре Мааркен одержал легкую победу. Забыв о сдержанности, Тобин подпрыгнула на месте и сорвала голос, бурно приветствуя успех сына. Рохан и Сьонед расхохотались, и даже суровый выговор Тобин не заставил их замолчать.

Когда в проходе появился продавец фруктового мороженого, Рохан сунул ему несколько монет и купил три порции. Тобин отняла у брата чашку с яблочным мороженым.

— Это я взял для себя! — возопил Рохан. — Я платил, мне первому и выбирать!

— Замолчи и веди себя прилично, — посоветовала Тобин, передавая брату моховичное мороженое, которое тот сунул ей. — Люди могут подумать, что тебе все еще двенадцать лет.

— Эгоистка! Как будто неродная! — проворчал он. — Посмотри-ка, там Сорин! — Когда Тобин отвернулась, он выхватил у нее из рук яблочное и вновь заменил его моховичным.

— Рохан! — Тобин ткнула его локтем в ребра.

Сьонед чуть не расхохоталась.

— Еще минута, и вы оба впадете в детство и начнете играть в драконов. Ай да верховный принц, ай да леди Радзинская! Лучше скажите мне, как зовут того красавца, на котором скачет Сорин. Он похож на сына Пашты.

— Так оно и есть. Это Джосенель, близнец принадлежащего Андри Майсенеля. Когда мальчики стали оруженосцами, мы подарили каждому по хорошему коню. Рохан, отдай мороженое!

Он держал чашку с яблочным так, чтобы сестра не могла до нее дотянуться.

— По хорошему коню? Да это же стальные мышцы, обтянутые солнечным светом! Он выиграет у остальных три корпуса и хвост!

— Пашта никогда не производил на свет лучшей пары, — сказала Тобин. — Можешь не спорить, братишка. — Она лизнула подтаявшее мороженое, которое держала в руках, и состроила ему гримасу. — А оно вкуснее, чем твое яблочное!

— Ах, вкуснее? — Он попытался снова обменять чашки, и брат с сестрой рассмеялись как дети.

Увидев следующую лошадь, Сьонед, на чье мороженое из зимней вишни никто не покушался, моментально перестала улыбаться.

— Рохан... глянь-ка, кто едет на жеребце лорда Кадарского...

Он оглянулся. С его лица медленно сошла веселость, в глазах погас огонек.

— Ну? — подтолкнула Тобин. — Я жертва преклонного возраста, и глаза у меня уже не те, что прежде. Кто это?

— Масуль, — без всякого выражения отозвался Рохан.

Казалось, что все увидели самозванца одновременно. Звучавшая на трибунах оживленная речь сменилась мертвой тишиной. Откуда-то донеслось последнее нервное хихиканье, и все смолкло. Масуль сидел на великолепном гнедом жеребце. Характерная белая звездочка и белые бабки указывали на то, что конь был из конюшен лорда Кадарского. Однако молодой человек не носил цветов Реки Кадар. Сам лорд Колия был поражен при виде самозванца, сидевшего на одной из его лошадей. Масуль был одет в шелковую рубашку темно-фиолетового цвета Принцовой Марки.

Он сбрил бороду, и каждый невольно обратил на это внимание. План полностью удался: теперь, кроме пугающе зеленых глаз, все волей-неволей увидели красивые очертания его щек и подбородка. Когда лошади проходили мимо трибун, Сьонед на мгновение встретила с ним взглядом. Масуль довольно улыбался. В ней проснулся гнев: этот мерзавец посмел надеть цвета Марки! Слава Богине, Пандсала предпочла остаться в своем шатре. Рохан рассказал жене о том, как вела себя принцесса-регент на вчерашней встрече, и Сьонед поняла: окажись здесь Пандсала, она не постеснялась бы сорвать фиолетовый шелк с плеч Масуля.

Принцесса метнула взгляд на мужа, казалось, раздумывавшего, не стоит ли нанести самозванцу оскорбление действием. В черных глазах Тобин полыхала ярость, щеки пылали, но Рохан в гневе бледнел и его лицо начинало казаться высеченным из льда.

Старт заезду давал сам Лиелл. Он поигрывал огромным красно-желтым флагом, в то время как плясавшие от нетерпения лошади выстраивались в линию. Сьонед посмотрела на дистанцию и с ужасом убедилась, что это была скачка до залива Брокуэл и обратно. На поле стояли препятствия; там, где лошади должны были покинуть дорожку и скакать в холмы, в ограждении был оставлен проход. Большая часть заезда была скрыта от глаз зрителей; там могло произойти что угодно. Она слишком хорошо знала это. Двадцать один год назад Рохан едва не погиб, принимая участие именно в этой скачке, победа в которой принесла Сьонед ее изумруды...

Сорин похлопал Джосенеля по лоснящейся шее солнечного цвета, и жеребец отогнул белое ухо, прислушиваясь к словам хозяина. Сьонед посмотрела на других лошадей. Да, Сорина следовало считать фаворитом. Два всадника выступали на лошадях лорда Колии и несли его оранжево-

белые цвета; двое в гладких красных рубашках представляли принца Велдена Крибского. Рядом с Сорином стояла еще одна лошадь Чейна; оба всадника были в красно-белом. Восьмая лошадь принадлежала лорду Сабриаму, о чем говорили оранжево-желтые цвета Эйнара, а девятый всадник — младший брат лорда Патвина — выступал в ярко-красной рубашке с голубыми полосами. Было ясно, что борьба между ними развернется лишь за третье место; за первое предстояло спорить Сорину и Масулю.

Тобин, оправившаяся от первоначального шока, тем, кто был не знаком с нею, могла бы показаться образцом самообладания. Но Сьонед слишком хорошо знала золовку, и от ее взгляда не укрылась пульсирующая жилка на шее, ставшая заметной, когда Тобин наклонилась, чтобы поставить к ногам чашку с недоеденным мороженым. Затем она положила на колени маленькие, изящные, судорожно сжатые руки с побелевшими от напряжения костяшками. Казалось, Тобин руководило лишь вполне понятное желание матери, чтобы победу одержал ее сын. Но ледяное, лишенное выражения лицо Рохана говорило о большем. Сорин должен выиграть, сказала себе Сьонед. Обязан.

Лиелл резко опустил флаг, и лошади полетели вперед, как стрелы, выпущенные из девяти луков. Оставив за собой облако пыли, они проскакали мимо трибун и исчезли за оградой. Публика ахнула, а затем вновь воцарилась странная, беспокойная, напряженная тишина.

И тут Сьонед сделала то же, что сделала много лет назад, когда Рохан скакал на Паште: не сходя с места и не привлекая к себе внимания, она быстро сплела тонкую солнечную ткань и полетела следом за всадниками, благодаря Богиню за то, что солнце светит ей прямо в лицо. Увидев девять лошадей, порознь скачущих к деревьям, она испытала смутное чувство, что кто-то еще наблюдает за ними, пользуясь солнечным светом — возможно, Мааркен или Андри, тревожившиеся за брата. Соблюдая осторожность, чтобы не дать перепутаться солнечной ткани, она скользнула к холмам и подождала, пока из рощи не появятся всадники.

Лидировал Масуль, Сорин держался следом, а все остальные отставали по крайней мере на два корпуса. На фоне темной гальки Джосенель казался пятнышком солнечного света. Сорин пригнулся к самой шее коня и настолько слился со своим жеребцом, что каждый шаг лошади судорогой

мышц отдавался в теле всадника. Сьонед еще никогда не видела такой манеры езды. Чейналь, лучший конник континента, сидел на лошади прямо и непринужденно; Сорин же становился с нею одним целым.

Из-под белых бабок гнедого, на котором ехал Масуль, летели камни. Самозванец подошел к крутому, опасному повороту на полном ходу, и ему пришлось крепко натянуть поводья, изогнув шею животного, чтобы не сорваться в пропасть и не упасть в море. Оскорбленный жеребец споткнулся и сбился с шага; тем временем Сорин, лучше оценивший ситуацию, сбавил скорость и догнал Масуля.

Шедший за ними всадник Велдена ошибся, и его испуганная лошадь, осев на задние ноги, резко остановилась у самого края обрыва. Человек вылетел из седла и исчез в пропасти. Конь, дрожа всем телом, захромал в сторону.

Сьонед не стала ждать, пока все всадники минуют опасный поворот. Она вернулась на трибуны и увидела, что Рохан и Тобин внимательно смотрят на нее. Они только что сообразили, что Сьонед с ними не было.

— Всадник сорвался со скалы, — сказала она. — Один из велденовских. Если он остался жив, то нуждается в помощи.

Рохан коротко кивнул и оставил их, плечом прокладывая себе путь на поле. Тобин вцепилась в ее руку, но у Сьонед не было времени успокаивать золовку. Она снова сплела солнечный свет и полетела вперед, надеясь перехватить Сорина и Масуля еще до того, как они снова появятся из леса.

Но лошади скакали быстрее, чем она думала. Деревья остались далеко позади. Взмыленный жеребец Масуля прижал уши и оскалил зубы; только железная хватка всадника мешала ему поддаться боевому инстинкту и броситься в атаку. Кровь капала с бедра гнедого, в которое его злобно укусил золотистый. Сьонед удивилась тому, что два боевых коня продолжают слушаться своих всадников.

Сорин еще теснее прижался к шее лошади; его рубашку в клочья рвали низко расположенные ветки. Руки в перчатках держали поводья у самых удил. Три шага лошади шли голова в голову, а затем Джосенель начал выходить вперед.

Внезапно прямо на пути Сорина ударил фонтан Огня. Его лошадь бешено шарахнулась, глаза коня побелели от страха. Джосенель врезался в гнедого, и огромный жеребец споткнулся. Придя в себя, лошади поскакали ноздря в ноздю; даже снопы искр из-под их копыт взлетали в воздух од-

одновременно. Сьонед увидела мелькнувший в воздухе гибкий конец хлыста Масуля и выгнувшуюся спину Сорина, в плечо которого впилась сталь. Когда юноша накренился в седле, Джосенель попытался сохранить равновесие. Масуль держал своего жеребца рядом с Сориним и проехал по самому краю Огня, толкнув Джосенеля прямо в пламя, достававшее тому до груди.

Сорин выпрямился и подал сигнал своему коню. Под потемневшей шкурой жеребца вздулись мышцы, и Джосенель сделал длинный прыжок, перемахнув через Огонь, который опалил ему брюхо и заставил затлеть белый чепрак. Пламя моментально исчезло, оставив в пыли тонкую черную полосу, которую тут же затоптали копыта шести лошадей, скакавших позади...

Оцепеневшая Сьонед заставила себя вернуться на трибуну. Зрение вернулось к ней в тот момент, когда два жеребца молнией летели по дорожке на первое препятствие. Масуль нещадно погонял своего коня; светлый конец его хлыста потемнел от крови. Первое препятствие было пройдено чисто, второе тоже. К третьему препятствию Сорин почти нагнал своего соперника. В это время лошадь лорда Колии, бравшая первый барьер, упала, всадник вылетел из седла и кубарем скатился с дорожки. Казалось, этого никто и не заметил.

Если бы пальцы Тобин были ножами, они бы до кости разрезали руку Сьонед. В тишине раздался крик, ему откликнулся чей-то голос на трибуне для простонародья, и вскоре завопила вся толпа. Нет, она не подбадривала всадников, а пыталась таким образом снять невыносимое напряжение. Сьонед услышала, как из горла Тобин вырвался тихий стон; терпение принцессы подходило к концу.

Гнедой и золотистый и последнее препятствие взяли чисто и понеслись рядом. Ребра и храп гнедого были покрыты кровавой пеной, но хлыст раз за разом продолжал вливаться в его бока. Измученный конь напряг остатки сил и пересек линию финиша на шаг впереди золотистого.

Не выпуская руки невестки, Тобин принялась проталкиваться сквозь толпу, и Сьонед волей-неволей пришлось пройти вперед, чтобы проложить ей дорогу посреди скопища бесновавшихся людей.

— Дайте пройти! — кричала она. — Освободите дорогу! Дайте пройти верховной принцессе!

— Сьонед! — слышался знакомый голос. — Сюда!

Она плечом проложила себе путь к Оствелю, не выпуская руки Тобин. Он стоял у самых перил, указывая место, под которое можно было поднырнуть.

— Веди всех в загон, иначе будет беда. Чейн просто рвет и мечет.

— Ты его осуждаешь? — гневно бросила Тобин, пролезающая под ограждением.

Рохан уже стоял на дорожке, ожидая Сорина, который успокаивал своего фыркавшего, дрожавшего жеребца. Тобин торопилась к сыну, но принц сгреб ее за плечи.

— Нет! Тебя растопчут, Тобин. Постой здесь.

— Я стащу этого лживого ублюдка с коня и скормлю драконам! — прошипела она. — Пусти!

Несколько мгновений Рохан удерживал ее, а потом резко приказал:

— Прекрати! Вокруг люди!

Конечно, на Сьонед этот довод не подействовал бы, но Тобин, родившаяся и выросшая в семье владетельного принца, была приучена сохранять лицо перед окружающими. Она отстранила руки брата и пригладила волосы.

— Вовсе не обязательно ломать мне кости, — ядовито сказала она.

Расценив эти слова как знак того, что сестра пришла в себя, Рохан кивнул. Тем временем Сорин подъехал ближе, и Сьонед испугалась, что Тобин сейчас взорвется заново. Та могла отличить отметины, оставленные сучьями, от порванного и окровавленного плеча рубашки, в которое впился стальной хлыст. Но Тобин промолчала, хотя гнев, вспыхнувший в ее продолговатых глазах, был еще более лютым, чем прежде.

Почувствовав, что кто-то теребит ее за рукав, Сьонед обернулась. Рядом стояла Аласен, ее лицо было пепельным.

— С Сорином все в порядке? — прошептала девушка, и Сьонед вспомнила, что они вместе выросли при дворе Волога.

— Все будет хорошо. Останется только шрам на память.

Верхом на успокоившемся Джосенеле подъехал Сорин и неохотно улыбнулся Аласен.

— Я не ранен, Алли. Но пусть меня унесут отсюда черти,

пока я не убил эту скотину. Если он окажется от меня меньше, чем в мере, я за себя не ручаюсь.

— Как и твой отец,— вставил Рохан. Принц говорил спокойно, но глаза его сверкали.— Не стоит оскорблять свиней, Сорин. Они воспитаны куда лучше Масуля. Может, отведем лошадь на конюшню и позаботимся о ней?

Тобин, не ожидавшая такого предательства, гневно обернулась к нему. Больше всего на свете ей хотелось схлестнуться с Масулем. Но она послушалась предупреждения, которое читалось во взгляде Сьонед, и дрожащей рукой взяла Джосенеля за уздечку.

— Пошли отсюда,— пробормотала Тобин и повела их туда, где Оствель успокаивал бледного от ярости Чейналя.

Рохан вдумчиво смотрел на Аласен.

— Такие зеленые глаза могут быть только у одного человека на свете. Принцесса, вы не окажете мне любезность остаться здесь и понаблюдать кое за кем?

Она поняла с полуслова.

— Конечно, ваше высочество. С величайшим удовольствием.

Сорин оглянулся и саркастически хмыкнул.

— Пофлиртуй с Масулем. Это вскружит ему голову, и он не поймет, что на самом деле ты хочешь выцарапать ему глаза.

— Если бы я решила испачкать об него руки, то выцарапала бы ему кое-что пониже,— парировала она и направилась к группе, собравшейся вокруг победителя.

Рохан захлопал глазами, усмехнулся и посмотрел в сторону Чейна, который в конце концов вырвался из объятий Оствеля и готов был разбушеваться.

— Не здесь,— коротко приказал он, прежде чем Чейн успел открыть рот.— Нужно осмотреть лошадь.

Чейн побагровел, и на секунду Сьонед показалось, что он не послушается Рохана. Но лорд с трудом проглотил слюну и кивнул.

— Как скажете, мой принц.— Он бережно провел пальцами по брюху и ногам коня, а затем заглянул сыну в глаза.— Придется объясниться. Надеюсь, тебе это удастся.

— Не здесь,— повторил Рохан, и они пошли к загону.

По пути к ним присоединились Поль, Мааркен и Андри. Сьонед внимательно рассмотрела лица братьев, но увидела

на них лишь гнев. Чтобы окончательно убедиться в том, что никто из них не использовал солнечный свет, она поманила взглядом Мааркена.

— Ты следила за скачкой? — прошептала она. — Средствами фарадима? — Когда племянник удивленно посмотрел на нее и покачал головой, Сьонед подозвала Андри и получила тот же ответ.

— А ты сама? — подозрительно спросил Мааркен. — Что ты видела?

— Сначала я хочу поговорить с Соринном.

Оказавшись в загоне, Сьонед первым делом разлучила Сорина с отцом. Рохан отвлек Чейна, спросив, каким образом можно вылечить лошадь, и они повели Джосенеля в стойло. Меж тем Сорин доверил матери осмотреть его плечо и спину и только поморщился, когда она стала промывать раны принесенной грумом чистой водой. Пока Тобин работала, Сьонед посмотрела на Оствеля. Тот кивнул и увел неохотно подчинившегося Поля помогать Рияну готовиться к следующему выезду.

— Сорин, — наконец сказала Сьонед, — расскажи, как все выглядело с твоей точки зрения.

Сорин сидел на перевернутом ведре; тем временем мать бинтовала его раны. Голубые глаза под спутанными русыми волосами задумчиво прищурились. Затем он кивнул.

— Если ты говоришь про мою точку зрения — значит, у тебя есть своя. Я должен был догадаться. Это была честная скачка, пока на обратном пути мы не выехали из рощи. Тут передо мной вспыхнули языки пламени. Джосенель испугался и врезался в лошадь Масуля. Вот тогда он и ударил меня хлыстом.

— Андри, — сквозь зубы сказала Тобин, — сделай повязку из того, что осталось от рубашки Сорина.

Затрепал красно-белый шелк, и Сорин продолжил:

— Масуль объехал Огонь, а мне пришлось перескочить через него. Этот ублюдок толкнул меня прямо в пламя. Вот как Джосенель получил свой ожог. Но я продолжал скакать — и лишился победы, будь оно все проклято!

— Скажи спасибо, что не лишился жизни, — сказал Мааркен. А затем, чтобы разрядить обстановку, добавил: — Или своей смазливой физиономии, если бы он хлестнул тебя по лицу.

— Огонь... — пробормотал Андри, придерживая на плече

брата-близнеца самодельную повязку, пока мать скрепляла ее концы.— Огонь «Гонца Солнца»?

Сьонед кивнула.

— Вот почему я спрашивала вас с Мааркенем, не следили ли вы за скачкой. Я ощущала присутствие кого-то другого. Если там не было никого из вас...

Тобин подняла взгляд. Тон ее был угрожающе спокойным.

— Ты хочешь сказать, что это дело рук кого-то из наших?

Андри отвечал матери, но при этом смотрел на Сьонед.

— Мы здесь не единственные, кто умеет вызывать Огонь. Мама, если тебе не нужна моя помощь, то я пойду и расскажу обо всем Андраде.

— Я с тобой,— сказал Мааркен.— Сорин, никому ни слова.

Брат убито кивнул.

— Лучше бы вы сначала все объяснили *мне*, Андри.

— Слава Богине, что есть кому объяснять,— ответил близнец и ушел вместе с Мааркенем.

— Может быть, кто-нибудь растолкует и *мне*, почему случившееся вообще нуждается в объяснении?— грозно спросила Тобин.

— Что бы там ни было,— сказал Сорин, поднимаясь на ноги,— здесь не место говорить об этом. Гляди сам.— Он кивнул в сторону новых посетителей. В загоне появились Лиелл, Киле и Масуль. Последний вел в поводу загнанного жеребца.— Отец сильно занят?

— Да. Я тоже уйду,— сказала Тобин.— Сьонед, займись ими. Я за себя не отвечаю.— Она резко повернулась и с гордым видом прошла мимо вновь прибывших, не удостоив их взглядом.

— Говорить буду я,— прошептала Сьонед.— Не отвечай им. Ты уже знаешь, что это провокаторы. Предоставь все мне.

Первой к ним подошла Киле, едва скрывавшая ликование под маской изысканной вежливости.

— Ваше высочество... Милорд, какое счастье, что вы невредимы! Как ваша лошадь?

— Оправилась,— заметила Сьонед,— чего нельзя сказать о вашей. Лорд Лиелл, разве вам не следует позаботиться о собственном жеребце?

— Откуда вы знаете, что он мой? — разинул рот Лиелл, а затем торопливо добавил: — Ваше высочество...

— На чепраке жеребца остались ваши цвета, а у этого молодого человека едва ли хватило бы денег на то, чтобы купить такое животное. — *Не говоря о том, что он не умеет ценить такие подарки,* добавили ее глаза, когда Сьонед жестом указала на опущенную шею жеребца, его окровавленные бока и храп.

— Отличная скачка, милорд, — сказал Масуль Сорину со снисходительной улыбкой.

Сорин коротко кивнул.

— Во всяком случае, запоминающаяся.

Масуль обернулся к Лиеллу.

— Вам следует внять совету верховной принцессы и осмотреть лошадь. Я уверен, что ты захочешь пойти с мужем, дорогая сестра.

Улыбка Киле больше напоминала оскал, глаза красноречиво сулили «брату» много теплых слов за то, что тот позволяет себе обращаться с ними как с простыми слугами. Но она постаралась сделать хорошую мину при плохой игре и заявила:

— Конечно. Встретимся в конце соревнований на трибуне для принцев, ваше высочество.

Сьонед насмешливо приподняла уголок рта, когда Киле присвоила Масулю титул, которого он не носил, но ничего не сказала, пока Киле и Лиелл не увели жеребца. Как она и ожидала, Масуль пер напролом; недостаток тонкости лучше всего остального доказывал, что перед ней сын кого угодно, но только не Ролстры.

— Лорд Сорин, — сказал он, — думаю, вам будет приятно знать, что я не собираюсь подавать жалобу.

Сьонед ожидала чего-то в этом роде, но Сорин нет. Густые темные брови сошлись на его переносице.

— Жалобу? На *меня*?

Масуль пожал плечами.

— Ваша репутация конника предполагает, что вы умеете править лошастью. После этого столкновения мне несколько дней придется ходить с синяками. Удивительно, как мы оба сумели удержаться в седле. Если бы это произошло на дорожке, на виду у судей, у меня не осталось бы другого выхода кроме как принести формальный протест. Но поскольку этого больше никто не видел...

Сьонед поняла, что Масулю угрожает опасность лишиться нескольких зубов. Сорин унаследовал характер обоих вспыльчивых родителей. Она быстро сказала:

— Я уверена, что лорд Сорин не менее вас склонен к щедрости, хотя шрам у него на плече останется и тогда, когда ваши синяки заживут без следа. Но мне очень приятно видеть, что молодые люди пришли к согласию. Мы ведь не хотим, чтобы результаты скачки были аннулированы, правда? Споры на соревнованиях вспыхивают, как Огонь «Гонцов Солнца»...

Масуль не смог скрыть оторопи. Зеленые глаза, цветом очень напоминавшие глаза Ролстры — Сьонед только сейчас поняла, что смотрит прямо в них — сузились, на скулах проступили желваки. Из перехваченного судорогой горла вырвалось:

— Я никогда не сталкивался с делами фарадимов. Не в обиду вам будь сказано, верховная принцесса, но у меня нет особого желания знакомиться с ними и впредь.

— Я не оскорблена и не удивлена. Огонь опасен в любом виде. Он часто обжигает пальцы. — Сьонед одарила его ледяной улыбкой. — Я позволяю вам удалиться.

Масуль застыл на месте, затем издевательски поклонился и шагнул прочь. Сорин плюнул в пыль.

— Присоединяюсь, — пробормотала Сьонед. — Но намек он понял, а именно этого я и добивалась.

— Какой намек? — негодуяще воскликнул Сорин. — Этот сын последней грязной... имел наглость обвинять меня в том, что я нарочно врезался в него!

— И ни словом не упомянул о настоящей причине случившегося, — напомнила ему Сьонед. — Сорин, я хочу сказать тебе только одно. Вечером, после вручения призов, мы все соберемся в шатре Андраде и обсудим случившееся. А пока помалкивай. И улыбнись. Погляди, сколько красивых девушек жаждет утешить тебя...

— Единственная вещь, которая могла бы меня утешить, это заехать ему кулаком в морду, — проворчал Сорин. — Мне не нравится его физиономия.

— Твоя ему тоже, — сказала Сьонед. — Сорин, постарайся расслабиться. Увидимся вечером. Но если днем в тебя не влюбится по крайней мере пять из этих девушек — значит, ты не сын своего отца, — лукаво подмигнула она.

Сорин тихонько фыркнул и обратил внимание на собравшихся вокруг загона юных дам — сперва неохотно, но затем все более входя во вкус. Вскоре он понял, что красивый молодой лорд с романтической повязкой на раненом плече может пробудить к себе такой интерес, какого никогда не досталось бы на его долю, победи он хоть в десяти заездах.

ГЛАВА 20

Белый шатер Андраде заполнился только около полуночи. Стоявшие на страже «Гонцы Солнца» были облачены в тонкие перчатки, которые не столько защищали их от осеннего ночного холода, сколько скрывали то, что далеко не все эти люди были фарадимами; под голубыми, коричневыми и черными плащами разнообразной формы прятались гербы и цвета Рохана, Чейналя и Пандсалы. Лишь тщательное наблюдение за несколькими палатками могло бы подсказать, кто тайно собрался той ночью у леди Крепости Богини. Но такому наблюдению мешали очень позднее время и обильный, лишь недавно закончившийся банкет, после которого его участников волновали только две вещи — как добратся до постели и что сделать, чтобы утром не раскалывалась голова. Оствелю были даны строгие указания: никто из гостей верховного принца не должен был сидеть с пустой чашей дольше мгновения ока.

Первыми прибыли Рохан, Поль и Пандсала. Все трое еще дымились от гнева, вспоминая, с каким видом Масуль принимал приз за победу в скачках, которым служили аметисты Принцессы Марки; естественно, именно потому Масуль и выбрал этот заезд. Он едва поклонился Рохану и насмешливо улыбнулся. Хотя Масуль сидел за нижним столом вместе с Лиеллом и Киле, но до и после трапезы собрал вокруг себя целый двор. Это вызвало у Пандсалы такой лютый гнев, что она не притронулась к еде. Рохан скрывал свои чувства лучше; Поль следовал скорее примеру отца, чем своего регента. Съонед была единственной, кому удалось испортить Масулю триумф: по никому не понятной причине он испуганно дернулся, когда в наступивших сумерках принцесса поднялась с места и жестом руки заставила зажечься свечи

и факелы, а потом послала ему улыбку, полную смертельного яда.

Кресла в шатре Андраде были расставлены вокруг маленькой жаровни с тлеющими углями, согревавшей прохладный полночный воздух. Уриваль уселся рядом с Андраде; по другую сторону жаровни сидел Поль, занимавший место между Роханом и Пандсалою. Никто не говорил ни слова. Чуть позже прибыли Чейн и Тобин со всеми тремя сыновьями; вслед за ними вошли Оствель и Риян. Последней пришла Сьонед, которая привела с собой Аласен Кирстскую. Когда девушку формально представляли собравшимся, она не поднимала глаз и стискивала руки. Андраде вопросительно посмотрела на Сьонед и прикоснулась к своим кольцам. Сьонед кивком подтвердила ее догадку. Леди Крепости*Богини не отрывала глаз от юной принцессы, севшей между Сьонед и Андри.

— Здесь должна быть Холлис, — негромко сказала Сьонед, разыскивая взглядом Мааркена.

Молодой человек вспыхнул. Встретив недоуменные взгляды родителей, он тяжело вздохнул и признался:

— Я должен был рассказать вам раньше. В ближайшие дни я собираюсь сделать ее официальным членом нашей семьи.

Ошеломленная Тобин откинулась на спинку кресла. Чейн просто разинул рот. Сьонед шепотом попросила Андри разыскать Холлис, а затем сказала:

— Извини, Мааркен, я не смогла придумать, каким образом можно было бы пригласить ее, чтобы это не показалось странным тем, кто ничего не знал.

— Сьонед, любимая, — пробормотал Рохан, — ты действуешь так же тонко, как дракон, налетающий на незащищенное стадо.

Мааркен все еще с тревогой смотрел на родителей.

— Я так и не смог найти подходящего момента, чтобы все рассказать. Я понимаю, что у вас еще не было возможности как следует узнать Холлис, но надеюсь, что вы оцените ее по достоинству.

Тобин улыбнулась своему первенцу.

— Милый, я была готова полюбить любую женщину, которую ты выберешь, а ты все сделал так, что это легче легкого. Но я никогда не прощу Сьонед, что она узнала обо всем первой.

— Я ничего ей не говорил,— защищался он.— Просто мы поспорили, сумеет ли она вычислить мою невесту.

Чейн потянулся через Сорина пожать Мааркену руку.

— Если она так же умна, как и прекрасна, то ты счастливчик. Еще один «Гонец Солнца»... Сколько у нее колец?

— Шесть, как и у меня.

— Твой дед Зехава всегда говорил, что хочет красивых внуков,— поддразнил племянника Рохан.— Он может быть доволен— правнуки будут не хуже.

Пока остальные присоединялись к поздравлениям, Андраде только улыбалась. Наконец она сказала:

— Сьонед, на сей раз я не ударила для этого палец о палец. Честно говоря, это произошло даже вопреки моей воле. Пусть однажды они расскажут вам, как это вышло.

— Миледи! — машинально запротестовал Мааркен, покраснев до ушей.

— Если не расскажешь, я сама расскажу! — пригрозила она, улыбаясь, и подмигнула, напугав тех, кто знал ее едкий юмор или не знал его вовсе.

Андри вернулся в палатку один, совершенно сбитый с толку.

— Мааркен... Я сказал ей, что она должна прийти сюда, и объяснил, почему, а она сказала...

— Наверно, стесняется,— бросила Андраде, но взгляд ее стал острым как бритва.

Андри покачал головой.

— Она сказала, что сознательно не хочет присоединяться к нам, потому что... потому что это было бы обманом.

Мааркен задохнулся, как будто его ударили под ложечку. Он отодвинул кресло и быстро вышел из палатки, сопровождаемый ошеломленными взглядами. Все умолкли.

Рохану пришлось дважды откашляться, прежде чем он смог задать единственный разумный вопрос:

— Андри, почему она так сказала?

— Не знаю. Может быть, слишком устала. Большую часть лета она неважно себя чувствовала. Да и я бы на ее месте тоже испугался, если бы меня позвали на такое собрание. В конце концов, мы с ней мелкая сошка...

— Кратко, но неубедительно,— сказала Андраде.— Аласен, я надеюсь, мы не слишком напугали вас? Нет? Хорошо. Андри, садись. Если с этим не сможет справиться Мааркен, то мы и подавно, поэтому лучше перейти к делу.

Сьонед, похоже, ты единственная из нас, кто может объяснить, что к чему. Так начинай, пока мы не умерли от любопытства.

— Да, миледи.— Сьонед еще раз обвела глазами собравшихся и приступила к рассказу.— Сегодня во время скачки кто-то вызвал Огонь, угрожавший Сорину, но не Масулю. Потом Масуль зашел к Сорину, и они обменялись парой слов...

— Поскольку оба остались живы и здоровы,— прервала Андраде,— можно предположить, что слова эти были относительно вежливыми.

— Можно. Но когда я намекнула на Огонь «Гонцов Солнца», Масуль повел себя очень странно. Он знает о случившемся не хуже меня или Сорина. Только я заставила его поверить, что это сделал один из нас.

Сорин негромко выругался.

— Ты хотела, чтобы он подумал, будто пламя вызвали для него, а не для меня!

— Я хотела заставить его попотеть. То, что выбьет его из колеи, будет нам на руку.

— Хорошая мысль,— сказал Рохан.— Но все дело в том, что мы знаем: Огонь был предназначен для Сорина.

— Он поднялся как раз передо мной,— подтвердил юноша.— Масулю было легко объехать его.

Чейн наклонился и зажал коленями ладони.

— Значит, у нас появился еще один фарадим-перебежчик, как тот, которого подкупил Ролстра?

— Сильно сомневаюсь,— спокойно ответил Уриваль.— Попытаюсь объяснить, почему. Сьонед, он признался, что вообще видел Огонь?

— Вслух? Нет.

— Тогда возможны три варианта. Во-первых, он не ожидал этого, но теперь знает, что кто-то желает помочь ему, и не хочет подвергать опасности этого человека, признаваясь, что он видел Огонь. Во-вторых, он знал это заранее и точно представлял себе, что Огонь предназначен для Сорина, а потому не желает признавать, что на него работает кто-то, обладающий даром фарадима. Третий вариант следует из его реакции на твое замечание об Огне, Сьонед. Он мог поверить, что это действительно сделал «Гонец Солнца», и испугался, что стоит пожаловаться, как ему будут угро-

жать более страшные вещи. Ты думаешь, он действительно испугался нас?

Сьонед нахмурилась, а затем задумчиво кивнула.

— По крайней мере, он стал очень осторожен, когда узнал, на что мы способны. Сорин, он показался тебе испуганным?

— Скорее озабоченным, чем испуганным, хотя ты действительно заставила его понервничать, когда зажигала свечи.— Вдруг он улыбнулся.— Я думаю, Масуля напугало то, что Поль окружен «Гонцами Солнца».

— Какой бы из вариантов Уриваля ни был верен, теперь этот самозванец будет нас бояться,— сказал Чейн.

— *Нас?*— удивленно спросила Тобин.— В первый раз слышу, чтобы ты относил себя к «Гонцам Солнца»...

Он пожал плечами.

— Моя жена, два сына, невестка и племянник фарадимы. Мой старший сын собирается жениться на «Гонце Солнца». Мы сидим в шатре леди Крепости Богини, где все кишит фарадимами, и ты еще удивляешься, что я говорю «нас»?

— Приятно слышать, что лорд Радзинский наконец признал это,— сухо сказала Андраде.— Но вопрос заключается в том, как обратить этот страх себе на пользу.

Рохан задумался.

— Учítывая, что Масуль был так же удивлен, как и Сорин, можно сделать вывод, что он понятия не имеет о том, кто ему помогает. В таком случае можно было бы...

— Что можно было бы, отец?— спросил Поль.

— Воспользоваться этим и представить дело так, чтобы он не узнал, кто ему помогает.— Он обернулся к Пандсале.— Вы могли бы справиться с гневом и попробовать убедить его?

Она замешкалась, а потом покачала головой.

— Я слишком погорячилась. Несколько дней назад, когда я разговаривала с Киле, мы согласились, что ради унижения Чианы можно было бы пойти на что угодно. Но после вчерашней стычки с Масулем...— Она развела руками и бесильно уронила их на колени.— Мне очень жаль, потому что мысль действительно отличная. Но внезапный переход на его сторону вызвал бы подозрения. Если бы даром обладал кто-нибудь из моих сестер, это было бы возможно. Но при одной мысли о нем мне хочется плюнуть.

— Не вам одной,— откликнулась Тобин.— Сорин, как твое плечо?

— Заживает, мама. Не беспокойся.

— Ладно, раз так, не будем понапрасну тратить время...— Рохан вытянул ноги и устался на свои сапоги.— Предположение о том, что Огонь был предназначен для Ма-суля, можно отвергнуть, ибо мы знаем, что это неправда. Нужно обсуждать правдоподобные варианты: что он не знает, от кого к нему поступает помощь, но приветствует ее, либо что он на самом деле все прекрасно знает.— Он помолчал, а затем поднял взгляд на Уриваля.— Милорд, теперь я хотел бы выслушать ваши доводы, почему в этом деле не мог участвовать перекупленный «Гонец Солнца».

Золотисто-карие глаза Уриваля потемнели, его угловатое лицо затвердело, словно вырезанное из камня. Он обвел глазами присутствующих, как незадолго до того Сьонед, но сделал это не для того, чтобы привлечь их внимание. Уриваль заглянул в лицо каждому и увидел в глазах одних понимание, в глазах других — полное недоумение. Когда он заговорил, видно было, что все присутствующие удовлетворили каким-то критериям, ведомым лишь одному Уривалю.

— Я не подозреваю никого из фарадимов. Я учил их всех, я знаю их. Человек, которого я подозреваю, это неизвестный приверженец древнего колдовства, ради борьбы с которым «Гонцы Солнца» покинули Дорваль. Некоторые наследники этих колдунов сохранились до наших дней. Новость неприятная, но в ней нет ничего удивительного.

— Но они манипулируют со звездным, а не с солнечным светом,— возразил Андри.— То, что случилось сегодня, случилось в разгар дня!

Взгляд Оствеля был устремлен на жаровню; при свете пылающих углей его глаза отливали красным, как будто были сделаны из рубинов.

— Моя покойная жена была родом из горного Фирона, как свидетельствуют ее черные волосы. Там, где она выросла, рассказы о колдунах никто не считал легендами. Существовало два дара. Один из них мы видим у фарадимов. Другой очень похож на него, но направлен совсем на другое. Если колдуны хотели, они могли пользоваться солнечным светом, но предпочитали звездный, веря, что он более могуществен, а безлунная ночь — самое подходящее время для колдовства. Камигвен всегда думала, что «Гонцам Солнца»

запрещено пользоваться звездным светом только потому, что им пользуются эти другие. Древние фарадимы не желали, чтобы свои по ошибке приняли их за врагов.

Сьонед пробормотала:

— Когда мы были маленькими, она рассказывала мне эти сказки. Но я никогда в них не верила.

Пальцы Андраде отбивали медленный ритм на подлокотниках кресла, и камни ее колец отбрасывали маленькие радуги.

— Запрещение использовать звездный свет так же незыблемо, как и запрещение пользоваться даром фарадима для убийства.

Тут Оствель поднял глаза на Сьонед.

— В самом сплетении звездного света нет никакого зла. Сьонед сделала это в ту ночь, когда Рохан бился с Ролстрой один на один. Другие тоже участвовали в этом — принцесса Тобин, регент, Уриваль и сама леди Андраде. Никто не подозревал вас в том, что вы стали колдунами. Должно быть, это было запрещено просто потому, что так делали в старину. Разве зло таится в звездном свете, а не в том, кто его использует? — Он помолчал мгновение, а затем поклонился Андраде. — Миледи, простите меня за то, что я осмелился вторгаться в дела фарадимов.

— *Осмелился?* — Она фыркнула. — Ты такой же наш, как если бы носил кольца.

— Благодарю вас. Тогда я продолжу. Если «Гонцы Солнца», как доказала Сьонед, способны сплести звездный свет, то Андри ошибается, считая, что колдуны могут пользоваться только одним видом света. Они могут предпочитать его, но... — Он пожал плечами. — Все это заставляет сделать вывод, который едва ли придется вам по вкусу. Нет никаких причин предполагать, что колдуны не умеют вызывать Огонь или применять свет солнца или лун. Следовательно, нет никаких причин предполагать, что они не могут стать фарадимами.

Уриваль оскорбленно выпрямился.

— Ты хочешь сказать, что я мог учить потомков наших врагов?

— Милорд, несомненно одно: вы учили людей, которые понятия не имеют об источнике своего дара. Сила одна. Использование разное. — Он обернулся к Андраде. — Есть какой-нибудь способ различить их?

Но ответил ему Андри.

— Милорд, я перевел еще не все свитки. Может быть, мы найдем ключ именно в них...

— Свитки? — Внезапно Аласен вспыхнула и вжалась в кресло, испугавшись того, что осмелилась задать вопрос, состоявший из одного-единственного слова. — Простите, я...

Андри тепло улыбнулся.

— Нет, это я должен просить прощения. Я забыл, что не все о них знают. В основном они посвящены истории того, как древние «Гонцы Солнца» покинули Дорваль, чтобы сражаться с колдунами на континенте. — Он обернулся к Оствелью. — А леди Камигвен ничего не говорила вам о старом языке?

— Насколько я помню, нет. Правда, далеко в горах до сих пор говорят на разных диалектах.

Молодой фарадим подался вперед.

— Но в свитках написано, что именно туда и бежали остатки разбитых колдунов!

— Значит, каждый человек с даром, родившийся в горах, может нести в себе Старую Кровь? Ба! — Уриваль щелкнул пальцами. — Да будет тебе известно, мой дед родился на плоскогорье у истоков реки Ушш, а его предки жили там с незапамятных времен. Значит, и я колдун?

— Нет, милорд, — спокойно ответил Оствель. — Но в вас тоже может течь Старая Кровь.

— Моя мать была родом из места, которое называлось просто Гора... — откликнулась Пандсала.

Сьонед и Рохан на мгновение встретились взглядом, а потом принцесса сказала:

— Все это теории, Оствель. Признаю, что они не лишены интереса, но как их применить к нынешним условиям?

— А я думаю, Сьонед, что они очень подходят к нынешним условиям, — вмешалась Тобин, поняв значение взгляда, которым обменялась венценосная пара. Мать Пандсалы приходилась Полню бабушкой; если она относилась к представителям Старой Крови, то таким же был и Поль. — Если все это верно, то среди потомков колдунов могут найтись такие, которые не захотят подчиняться своим древним врагам. А мы не сможем разоблачить этих людей, потому что их искусство ничем не отличается от нашего.

Все это время Риян задумчиво жевал губу. Вдруг он выпалил:

— Отец... Значит, моя мать была Старой Крови? Выходит, и я тоже?

— Вы с ней являетесь доказательством того, что дело не в крови,— отрезал Оствель.— Рохан, ты пользуешься той же властью, которой пользовался Ролстра. Как по-твоему, чем порождается зло — властью или человеком, который ею пользуется?

— Ответ ясен,— бросила Андраде.— Пандсала, не хочу оскорблять твои чувства, но Ролстра был годен лишь на то, чтобы командовать свинарником.

— Чувства, которые я испытываю к отцу, ничем не отличаются от ваших, миледи,— напредила ей принцесса-регент.— Сравнение лорда Оствеля кажется мне совершенно правильным. Что ж, если моя мать действительно Старой Крови, так тому и быть. Но... Кажется, я догадываюсь, как можно отделить колдунов от фарадимов! В роду Ролстры не было и намека на «Гонцов Солнца». Однако я стала фарадимом. Миледи, вы сами пришли к выводу, что дар передался мне от матери. Но я отличаюсь от других фарадимов. Я без труда могу плавать по воде.

Сьонед изумилась прямоде Пандсалы. Слова принцессы были равносильны признанию в том, что она является прямым потомком колдунов.

— Если так,— услышала она собственный голос,— нам осталось только провести испытание...

— Пожалуй,— тихо сказала Пандсала.— Это может оказаться полезным. Но похоже, в жилах лорда Рияна тоже течет Старая Кровь; если у него с водой те же сложности, что и у фарадимов, испытание не поможет.

— Меня тошнит,— отозвался молодой человек,— но не сильно. Это что-нибудь значит?

— Кто знает? — пожал плечами Уриваль.— Впрочем, все равно это ничего не дает. Вы требуете абсолютно убедительного испытания на чистоту фарадимской крови, но не понимаете главного: если человек достаточно умен, чтобы учиться искусству «Гонцов Солнца», то он сумеет притвориться, что испытывает тошноту, и оставит нас с носом!

Андри откашлялся.

— Любое знание может пригодиться,— спокойно сказал он.

У Рияна по-прежнему был озабоченный вид, но Сьонед догадалась, что виной тому не его возможные предки.

— Ты что-то хочешь сказать, Риян? — подбодрила она юношу.

— Миледи... Я думаю, этот человек среди нас, но маскируется так искусно, что его невозможно заподозрить. Однако сейчас речь о другом... Не для того ли колдуны выдали одну из своих женщин замуж за Ролстру, чтобы сын, родившийся от этого брака, со временем стал верховным принцем? Если бы это случилось, они могли бы выйти из подполья и бросить вызов фарадима.

Волей-неволей Сьонед посмотрела на Андраде, хотевшую, чтобы от их брака с Роханом родились принцы-фарадимы. *Чем же мы отличаемся от них?* — спрашивали ее глаза. Андраде отвела взгляд.

— Иными словами, Масуль дает им возможность свергнуть власть нынешнего верховного принца, тесно связанного с нами, — сказал Уриваль и опустил глаза на свои девять колец. — Интересно, знал ли о них Ролстра...

Рохан слегка заерзал в кресле и напомнил Аласен:

— Миледи, вы собирались рассказать нам о том, что видели днем.

— Да, ваше высочество, — поспешно сказала она. — После скачки к Масулю подошли Киле и Лиелл, принц Мийон, принц Кабар и жена Кабара Кенза. Чуть позже к ним присоединились принц Велден и лорд Патвин, который назвал Масуля братом — очевидно, в память о покойной жене, леди Рабии. Принц Саумер стоял неподалеку и следил за ними так, как будто отведал уксуса. Наследник Клуты Халиан выглядел не лучше, но смотрел он главным образом на Чиану. — Аласен слегка улыбнулась. — Она повисла на Мийоне и слишком поздно поняла, куда он идет. Масуль мерзко усмехнулся и сказал Чиане, что он был бы рад разделить с ней свой приз, поскольку хотел бы быть щедрым принцем, заботящимся о простом народе. Я думала, она вцепится ему в глотку.

— Могу себе представить, — сухо сказал Оствель. — Леди попала в неловкое положение. Должен сознаться, мне это нравится.

— Киле тоже нравится, — напомнила Сьонед. — И это меня тревожит.

Рохан поднялся и стал расхаживать по комнате, словно сидеть ему было уже нелегко.

— Что же получается? Патвин вслед за своим принцем

Велденем переходит на сторону самозванца. Саумер в любой момент может выкинуть какой-нибудь фортель. Если Халиан так отчаянно влюблен в Чиану, то он может повлиять на Клуту — отец никогда не согласится женить сына на дочери служанки. Но рассчитывать на это я не буду. Спасибо, принцесса Аласен, вы мне очень помогли.

Но мы так и не решили, что делать с незнакомцем, который помогает претенденту. Масуль вырос в горах Вереш, поэтому он может прекрасно знать колдуна и только притворяться, что понятия об этом не имеет. У нас достаточно доказательств, что колдуны существуют: нападение на Меата, который вез свитки в Крепость Богини; сами свитки; несколько других случаев — но мы по-прежнему не знаем, кто эти люди и где они обитают. Одно к одному. Любопытная картина складывается, не правда ли?

Он потер шею и вздохнул.

— Андраде, мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз. Благодарю всех остальных за то, что пришли на эту встречу. Теперь идите спать, а с утра начинайте следить за каждым, кто может оказаться нашим врагом.

* * *

Мааркен стоял у палатки Холлис, впервые в жизни испытывая приступ нерешительности. Холодный ветер пронизывал его шелковую рубашку, но причина колотившей молодого лорда дрожи гнездилась глубоко внутри. Мааркен понимал, что стой он здесь хоть до утра, это не поможет справиться с хаосом в его чувствах. Успокоить его могли бы только объяснения самой Холлис.

Внутри горела одинокая лампа, отчего палатка казалась большим белым фонарем. На стенку падала тень Холлис, понурившей плечи, опустившей голову и расхаживавшей из угла в угол, словно животное в клетке. Он откинул полог и вошел.

— Холлис...— Это имя застряло в горле у Мааркена, когда женщина стремительно обернулась к нему.— Холлис,— хрипло повторил он,— скажи, почему... Что изменилось?

Ее глаза были полны ужаса... и слез. Холлис затрясла головой, и длинные светлые волосы рассыпались по ее спине.

Мааркен не отступился.

— Сегодня вечером я говорил с родителями. Они ждут тебя с нетерпением. Когда Андри передал мне твои слова...

— Я опозорила тебя,—прошептала она.—Мааркен, прости, я никогда не думала...

— Тогда о чем же ты думала? Ты не разговаривала со мной, не пыталась увидеть, даже не *смотрела* на меня! И сейчас не смотришь, хоть и глядишь мне в глаза!—Он слышал свой хриплый от возбуждения голос, видел ее смещение...—Холлис, *посмотри* на меня!

Женщина повернулась к нему лицом, в ее глазах пылал гнев.

— На тебя есть кому смотреть! Думаешь, я не слышала, что сказал принц Поль? Вот пусть твоя леди Чиана на тебя и пялится!

— Чиана? О Богиня! Холлис, она была в моей палатке незваной и нежеланной гостьей. Ты не можешь ревновать меня к ней!

— Конечно, она из семьи верховного принца и подходит тебе, знатному лорду, куда больше, чем я!

Мааркен в три шага оказался на другом конце палатки и схватил Холлис за плечи.

— Тебе *придется* поговорить со мной, понимаешь? Скажи, почему. Немедленно!

— Пусти меня! Черт побери, Мааркен, если ты не уберешь руки...

Он зажал ей рот поцелуем. Сначала Холлис вырывалась из его объятий, как испуганный лесной зверь, но затем жалобно всхлипнула, прильнула к нему и раскрыла губы для поцелуя. Его гнев тут же улетучился, затянувшая душу ледяная корка растаяла. Мааркен поднял ее на руки и отнес на стоявшую в углу походную койку. Руки Холлис дрожали и путались в его одежде, и Мааркен, не отрываясь от ее губ, невольно рассмеялся, удивленный ее спешкой и неловкостью.

— Неужели это та женщина, которая пришла ко мне под покровом Богини, чтобы сделать меня мужчиной?—лукаво прошептал он.—Кажется, ты забыла все, что знала, мой неуклюжий «Гонец Солнца»!

— Пользуйся ртом по назначению!—приказала она, становясь той Холлис, которую Мааркен так хорошо знал. Он засмеялся и послушался.

Когда Мааркен встал, чтобы снять рубашку, на тонкую

стенку палатки упала чья-то тень. Он повернул голову и увидел свечу в дрожащей руке черноволосого мальчика. В мозгу молодого лорда прозвучал насмешливый голос: «Привыкай, привыкай! Теперь каждый раз, когда ты останешься наедине с красивой женщиной, тебе будут мешать дети!»

— Я... Извините меня, миледи, простите, я не знал, что вы не одна...— В другой руке юноша нес чашку с дымящимся *тейзом*, и рука эта так тряслась, что бедняге угрожала опасность обвариться.— Я только подумал, что вам захочется еще... я не знал...

Холлис села и запахнула на себе одежду.

— Спасибо, Сеяст,—с поразительным спокойствием сказала она.— Ты очень заботлив.

— Оставь чашку и иди,— велел Мааркен, и мальчик втормошил едва не выронил и чашку, и свечу.

— Прошу прощения, милорд, миледи...

— Прощаю,— добродушно сказала женщина, и мальчик перевел дух. Но когда Мааркен обвил рукой талию Холлис, в глазах юноши блеснуло что-то взрослое и очень опасное.— Все в порядке, Сеяст,—прибавила она, и мальчик исчез.

Мааркен почувствовал, что Холлис отдалилась от него, и с тоской в сердце принялся следить за тем, как она решительно застегивает лифчик. Настроение было испорчено, и оставалось мало надежды на то, что оно улучшится. Внезапно Мааркену бешено захотелось придушить глупого мальчишку, но вместо этого он встал с койки и принес Холлис чашку.

Женщина сделала глоток и посмотрела на него через ободок.

— Каждый вечер он готовит для меня отвар и приносит его в одно и то же время. Когда ты пришел, я только-только успела выпить первую чашку. Этот отвар хорошо помогает при усталости.

— Наверно, я должен быть благодарен ему за столь трогательную заботу. Андри говорил мне, что он стал твоей тенью. Но должен признаться, что его вкус восхищает меня даже больше, чем его забота.

— Он еще совсем мальчик и думает, что влюблен в меня. В этой жизни не так уж много любви, чтобы ее отвергать, от кого бы она ни исходила... Кроме того, я не хочу обижать его. Мааркен, он перерастет это чувство.

— Так пусть поторопится.

— Ох, перестань говорить глупости...— В знак примирения она протянула ему чашку.

Он сделал большой глоток, обжег себе язык, но глотнул еще, еще и передал чашку ей.

— Я вернусь к Андраде. До тех пор, пока ты не захочешь, чтобы я остался.— *Пожалуйста, захоти этого сейчас*, молили его глаза.

Она уставилась в пустую чашку.

— Да, ты прав. Тебе надо вернуться.— Она сделала паузу и испустила тяжелый вздох.— Я не хотела обидеть тебя. Просто... я не знаю их, а они не знают меня. У твоей семьи слишком много власти, слишком много разных видов власти. Ты можешь понять, что мне трудно представить себя частью такой семьи?

— Все, что им нужно, это возможность узнать тебя, и они будут любить тебя так же, как я.

— Пожалуйста, не торопи меня,— беспомощно прошептала Холлис, по-прежнему не глядя на него.

Мааркену хотелось взять ее лицо в ладони и повернуть к себе.

— Ладно, не буду. Но мы принадлежим друг другу, Холлис. Мы Избранные друг друга.— Он поцеловал ее в макушку и ушел.

В белый шатер он не вернулся. Он спустился к реке, уселся на скалу и невидящим взглядом уставился в темную воду. Тело его томилось по телу Холлис, а голова болела так, словно он выпил две бутылки вина, а не чашку какого-то несчастного тейза.

* * *

Когда все, не исключая и Сьонед, покинули белый шатер, Рохан снова сел в кресло. Напряженный день утомил его, судорогой свел мышцы, пульсировал по жилам... Но если Рохан выглядел просто уставшим, то Андраде была измучена до предела. Пылавшие в жаровне угли ярко освещали глубокие морщины, залегшие вокруг рта и на лбу тетки. Она держала в голове так много жизней и влияла на судьбы стольких людей... В том числе и на его собственную. Она привела к нему Сьонед.

Рядом с ней сидел Уриваль. Его золотисто-карие глаза

под нависшими густыми бровями поблекли и ввалились. Оба фарадима выглядели ужасно старыми.

— Сьонед может видеть в Огне кусочки будущего,— отрывисто сказал Рохан.— Можешь ли ты увидеть прошлое?

Андрате резко выдохнула, и у Уриваля сразу потемнели глаза. Их руки метнулись навстречу, пальцы переплелись, и внезапно Рохан все понял. Как же он раньше не догадался? Эти двое любили друг друга, и любовь их длилась дольше жизни самого Рохана.

— Я часто думала, перенял ли ты этот маленький фокус у меня или научился ему самостоятельно,— как всегда, хладнокровно сказала Андрате.— Не рассусоливать, а сразу брать за глотку, верно?

— Мы все устали.— Рохан сложил руки на груди, чтобы не было заметно, что у него дрожат пальцы.— У нас нет времени, чтобы золотить пиллюлю. Так можешь или нет?

— Как говорит твой сын, «не знаю, никогда не пробовал».— Она выпустила руку Уриваля и переплела длинные пальцы.— Догадываюсь, какую именно ночь ты хотел бы увидеть в Огне.

— Андрате...— начал Уриваль, но было уже поздно. Голубые глаза Андрате прикрыли веки, и в ответ на ее безмолвный призыв в жаровне разгорелись угли.

Рохан затаил дыхание. Она поднесла к губам сложенные руки и изо всех сил зажмурилась; ее лицо превратилось в туго натянутую маску, так что под кожей проступили тонкие кости. В бронзовом подсвечнике поднялся Огонь, задрожал, выровнялся и прыгнул к потолку. В пламени начала появляться туманная картина.

Река тихо покачивала освещенную фонарями барку Ролстры. По палубе тревожно сновали моряки. Показалась узкая лестница и крошечная, темная комната, где в родовых муках корчились три женщины, за которыми присматривала принцесса Пандсала. Внезапно картина изменилась; показался обшитый панелями коридор, в котором толпились служанки. Рука в кольцах Андрате беззвучно постучала в закрытую дверь. Затем дверь открылась.

Огонь бешено полыхнул и потух, издав звук, похожий на свист меча, вкладываемого в ножны. На лбу Андрате заблестели капли пота, она открыла рот и без сил упала в объятия

Уривалья. Тот крепко прижал ее к себе и бешено глянул на Рохана.

— Доволен? — прошипел он.

Рохан опустился на колени рядом с теткой и взял за руку, испуганный ее прерывистым дыханием.

— Андраде... прости меня...

— Нет, — хрипло прошептала леди Крепости Богини. — Успокойся. — Она сделала глубокий вдох, затем еще один и выпрямилась. — Я только задохнулась. Теперь я знаю, почему такие вещи запрещены. — Андраде вытянула руку и задумчиво посмотрела на свои дрожащие пальцы. — О Богиня... Никогда со мной не случилось ничего подобного. Это похоже на падение в бесконечный колодец, в темноту... — Она осеклась и помотала головой, пытаясь стряхнуть с глаз капли пота. — Это возможно. Я справлюсь.

Уриваль мрачно выругался.

— Ничего подобного ты не сделаешь, потому что он и просить не станет! Не будь душой!

Андраде не обращала на него внимания.

— Рохан, ты видел что-нибудь полезное?

— Барку, помещение в трюме, нескольких женщин в коридоре, твою руку, стучащую в дверь. Вот и все.

— Я недостаточно долго продержалась, — с досадой сказала она.

— Еще немного, и ты потеряла бы сознание, а там поминай как звали! — проскрежетал Уриваль. — Ты окончательно выжила из ума?

— Не больше чем обычно. Не будем ссориться, мой старый друг. Рохан, если это будет необходимо, я сделаю. Когда мне предстоит устроить этот спектакль?

— Если ты считаешь, что справишься, то через два дня. Но...

— Никаких «но». Я сделаю это только потому, что Пандсала не справится. Чтобы показать то немногое, что ты видел, потребовались все мои силы. А у нее для этого не хватит ни таланта, ни квалификации. — Андраде крепко сжала руку племянника. — И все же сначала попытайся придумать что-нибудь другое. Я сделаю это ради Поля. Но только в том случае, если ничего иного не останется.

— Только если я не смогу найти другой выход, — пообещал он. — Ты и так напугала меня до полусмерти.

— Для меня это тоже был не сахар,— в своей привычной саркастической манере откликнулась она.— Иди спать.

Рохан прижал ее пальцы к своей щеке, а потом к губам.

— Прости меня, тетя,— сказал он. Андраде с непривычной нежностью погладила его по волосам: такое она позволяла себе крайне редко. В горле у Рохана застрял комок. Прежде чем оба они успели смутиться, принц встал и вышел из палатки.

Когда за ним упал белый шелковый полог, Рохан услышал голос тетки:

— Уриваль, принеси мне Звездный Свиток.

Рохан едва доплелся до своего шатра. Он получил то, чего хотел. Но это приводило его в ужас.

ГЛАВА 21

Скучать в возрасте Поля невыносимо. Но в сочетании с сознанием того, что вокруг творятся странные вещи, важные вещи, имеющие к нему самое непосредственное отношение, и тем, что никто не берет на себя труд объяснить ему происходящее, скука превращалась в угрюмое желание сделать что-нибудь. Все равно что.

На четвертый день Риаллы его тетя Тобин всегда давала завтрак. Все сбегались в лагерь Пустыни и начинали есть, как подышающие с голоду драконы. Поля слонялся между палатками, озаренными утренними лучами, подходил то к одной, то к другой группе и задумчиво жевал булку с сосиской, заедая ее сухофруктами. Принцы, атри, леди и оруженосцы вежливо кланялись проходившему мимо наследному принцу, но им и в голову не приходило ради него оторваться от увлекательной беседы. На самом деле никому не было до него дела. Даже родные Поля были слишком заняты и только улыбались ему. У отца был серьезный разговор с Ллейном и Чадриком; пока мать любезничала с Мийоном, Тобин предприняла сложный обходной маневр, подвела к ним Чиану и удалилась; Чейн и Сорин обсуждали достоинства лошадей с лордом Колией; важный Андри стоял с Вологом и Аласен Кирстскими, а Мааркен сновал взад и вперед, время от времени подходя к столу на козлах, за которым сидели Андраде, Холлис и этот назойливый черноволосый мальчишка, упрямо пытавшийся найти такое угощение, которое могло бы вызвать у Холлис аппетит. Полно казалось, что все его предали. Он не был глуп, не разбалтывал чужих секретов и в один прекрасный день должен был стать верховным принцем — но никому из них и в голову не приходило посвятить его в великие замыслы и интриги, в изобилии

зрелище вокруг, словно драконьи яйца. Сейчас он обрадовался бы даже компании этой зануды Сьонелл; та, по крайней мере, уделила бы ему внимание...

Он поплелся к стоявшему в центре большому очагу, у которого суетился Оствель. Здесь готовили все новую и новую еду. Лорд Скайбоула, на время Риаллы вернувшийся к своим старым обязанностям главного сенешаля Стронгхолда, тихонько чертыхался. Очередная порция дров упрямо не желала разгораться. Полю пришла в голову шальная мысль. Он дениво повел рукой, дрова вспыхнули, испуганный Оствель отшатнулся и выругался еще раз.

Внезапно Поль понял, что все взгляды обратились на него; кое-кто даже повернулся спиной к собеседнику и выпучил глаза. Он одарил каждого солнечной улыбкой. Пусть попробуют не обратить внимания на *это*!

— Ну что, помогло? — самым невинным тоном осведомился Поль у Оствеля.

Лорд Скайбоула разогнулся и мрачно посмотрел на него.

— Не вздумай выкинуть этот номер еще раз, — сквозь зубы процедил он.

Все удовольствие от фокуса исчезло. Оствель никогда не разговаривал с ним подобным тоном, никогда не смотрел на него с таким суровым осуждением. Поль попытался побороть неловкость и присоединиться к присутствующим, но в толпе продолжали шептаться и пялиться на него, не исключая и родителей, глаза которых полыхали холодным зеленым и ледяным голубым пламенем. Внезапно Поль оказался в центре всеобщего внимания, и его щеки вспыхнули, когда отец, а следом и мать демонстративно отвернулись.

И тут он увидел Масуля, стоявшего под деревом рядом с Лиеллом, Киле и Кабаром Гиладским. Лицо самозванца было таким же белым, как лицо Поля — красным. Мальчик обвел взглядом остальных участников сборища. Кое-кто пытался вернуться к прерванной беседе, но большинство, судя по всему, вполголоса говорило о нем. Краска сошла со щек мальчика. Родители наверняка решили, что он сделал это нарочно, чтобы напомнить Масулю, кому тот посмел бросить вызов. Поль был больше чем принцем: он был «Гонцом Солнца»...

Затем к нему подошла Пандсала, и Поль впервые испытал к своему регенту нечто вроде симпатии — она избавила его от одиночества и молчания. Пандсала тихо заговорила

о погоде, и Поль постепенно успокоился. Она подвела юного принца к Гемме и Чейлу Оссетскому, которому приходилось терпеть присутствие кузенов Поля — Костаса и Тилала. Пока Чейл выдавливал из себя какую-то вежливую фразу о великолепном угощении, Тилаль улыбнулся Полю, поклонился Гемме, взял мальчика за руку и отвел в сторону.

— Да, кузен, это был не самый мудрый поступок в твоей жизни, — сказал молодой человек. — Но не думаю, что мать тебя сильно осуждает.

— Ты видел лицо Масуля?

— Нет, я следил за Клутой. — Тилаль взял с подноса проходившего мимо слуги пирожок, сунул его в рот и продолжил: — Ты ведь знаешь, притворяться он не мастер. Риян говорил мне, что Халиан ходит вокруг отца кругами, стремясь привлечь его на твою сторону. Ведняге втемяшилось в голову жениться на Чиане — помоги ему Богиня! Но старик упирается. Думаю, ты вовремя напомнил ему о себе. Если Масуль получит власть над Маркой, то Луговина снова окажется меж двух огней. А Клуте совсем не улыбается, чтобы его страна опять стала полем битвы. Особенно если одной из воюющих армий будет командовать принц-фарадим, которому ничего не стоит сжечь хлеб на корню.

Поль облегченно вздохнул.

— Спасибо. Я воспользуюсь этими сведениями, когда отец и мать начнут кричать на меня.

— О, днем это вылетит у них из головы.

— Только если я на время исчезну... Слушай, может, сходим на ярмарку? Мне нужно купить пару вещей. У тебя есть время?

— Сначала попроси разрешения. Я не знаю, сочтут ли они мой меч достаточно грозным, чтобы защитить тебя.

— Меня тошнит от необходимости на все спрашивать разрешения и от того, что мне ничего не говорят!

Тилаль снова улыбнулся, и Поль не смог не ответить ему тем же: достаточно было посмотреть в веселые зеленые глаза кузена, чтобы обиду как рукой сняло.

— Я что, очень избалованный? — неуверенно спросил он.

— Нет, просто ты ведешь себя как всякий мальчишка, которому не терпится стать взрослым. Видел бы ты меня до того, как я начал править Речным Потоком! Когда кончится завтрак, буду ждать тебя у своей палатки, идет? Я сам спро-

шу позволения у твоих родителей. Если повезет, ты улизнешь от них до самого вечера.

Поль благодарно кивнул. Он нашел подходящее дерево и оперся о него, наблюдая за высокородными и думая о том, как он любит Тилалю. Он с рождения знал племянника матери; в то время молодой человек был оруженосцем Рохана. Тилаль был посвящен в рыцари в тот день, когда Полно исполнилось восемь, и то, как он вручал Тилалю традиционные хлеб, соль и золотую пряжку для пояса, стало одним из любимых воспоминаний Поля о собственном детстве. Следующей весной Тилаль уехал из Стронгхолда, чтобы жить с родителями в столице Сира Верхнем Кирате. Через год он стал хозяином объединенных поместий Речной Поток и Речная Заводь. Первое из них было родиной Давви, Сьонед и самого Тилалю; второе стало частью Речного Потока, когда Давви женился на наследнице этого имения. Так Тилаль начал править обширными землями вдоль реки Ката, где располагались лучшие поля и луга континента.

Над маленькой бирюзовой палаткой, стоявшей посреди лагеря сирцев, развевался зелено-черный раздвоенный вымпел Тилалю. Увидев наследника верховного принца, оруженосец, возрастом уступавший Полу, поклонился ему до земли. Из палатки вышел Тилаль с большим кожаным кошельком в руках. Он приветливо улыбнулся и взмахом руки отослал оруженосца.

— Похоже, тетя Сьонед рада отослать тебя куда-нибудь, — сообщил он. — Она еще сердится, но не думаю, что тебя накажут. Все ее мысли заняты чем-то другим. — Он привесил кошелёк к поясу, проверил меч и сказал: — Все в порядке. Пошли. Если поторопимся, то успеем на ярмарку до того, как туда нагрянет толпа.

— Бьюсь об заклад, девушки от тебя не отстанут, — лукаво подмигнул Поль. — Я следил за тобой все утро, пока вы с Костасом не подошли к Чейлу.

— О, большинство девушек сегодня будет сидеть в лагере и чистить перышки к Последнему Дню. Надо же оставить что-нибудь и другим молодым людям, правда? — спросил Тилаль. Голос его звучал легкомысленно, но в глазах таилась насмешка над самим собой. — Вчера Костас сказал мне, что на ярмарке появился купец из Кунаксы, торгующий изумительными клинками. Я хочу купить меч для отца.

— Как ты думаешь, Сорину и Рияну будет приятно полу-

чить что-нибудь в этом роде? — на ходу спросил Поль. — Мне хочется сделать им подарок, поэтому я взял с собой ку-чу денег. Кроме того, надо зайти к торговцам шелками и к лучшему хрустальных дел мастеру Фирона.

Кунакский оружейник оказался настоящим художником. Тилаль купил у него чудесный меч, сверкающий клинок которого был украшен изображением яблонь, отягощенных плодами. Под наблюдением кузенов мастер выгравировал на нем герб Сира. По указанию Тилалья рукоять подогнали под ладонь его отца. Пока Поль выбирал два подходящих ножа в подарок Сорину и Рияну, Тилаль достал пригоршню мелких гранатов, чтобы вставить их в места, предусмотрительно оставленные мастером для этой цели.

Работа заняла много времени, но результат превзошел все ожидания. Солнечные лучи полыхали на длинном клинке, заставляли вспыхивать темные камни и отражались от отделанного золотом эфеса. Тилаль бережно завернул меч в тончайшую шерсть, заплатил за покупку и счастливо вздохнул, когда они отошли от палатки.

— Это те гранаты, которые ты выиграл на скачках? — спросил Поль. — А ты не собираешься из остальных сделать ожерелье?

— Возможно.

Мальчик искоса посмотрел на кузена.

— О, понимаю. Еще не родилась на свет дама, ради которой ты стал бы заказывать свадебное ожерелье.

К его удивлению, на челюсти у Тилалья проступили желваки, а в глазах загорелся гнев.

— Хоть ты и принц, но это не твое дело.

Поль остолбенел. Да что же это за день такой, что все друзья и родные злятся на него? Он умолк, и братья принялись обходить ряд за рядом, пока не остановились перед лавкой с хрусталем, который больше напоминал мыльные пузыри, переливавшиеся на солнце нежным розовым, зеленым и голубым цветом.

К тому времени Тилаль оттаял, вновь став кузеном и добрым другом.

— Кому подарок? Матери?

— Нет. Другой даме. — Поль покатился со смеху, когда черные брови Тилалья взлетели вверх. — Как твердят мне все и повсюду, для *этого* я пока слишком мал! Я разбил бокал, принадлежавший жене хозяина трактира в Дорвале, и хочу

подыскать ему замену.— Он указал на хрупкий кубок в форме фантастического желтого цветка, окруженного зелеными листьями; ножка в виде стебля была украшена тонкими хрустальными шариками, изображавшими капли воды.— Думаю, этот подойдет.

— Прекрасный выбор, высокочтимый лорд,— одобрил купец.

— Довезешь ли ты его до Грэйперла?— засомневался Тилаль.

Купец фыркнул.

— Я упакую кубок так тщательно, что ему не сможет повредить самая страшная зимняя буря. Одну минутку, благороднейший лорд.

Когда бокал положили во вдвое превосходивший его размером деревянный футляр, плотно набитый овечьей шерстью, Поль попросил доставить покупку в отцовский шатер. Поняв, кто стал его покупателем, купец обомлел, обругал себя, не раздумывая схватил другой кубок и протянул его Полю. Он был сделан из великолепного пурпурного хрусталя с голубым ободком; постепенно темневшая ножка бокала переходила в угольно-черную подставку. Кубок обвивали три тонких золотых полосы, смыкавшихся в кольцо у самого ободка.

— Мой принц...— смиренно сказал купец и низко поклонился.

Поль вспыхнул снова и от души понадеялся, что возраст избавит его от этой невыносимой привычки.

— Но я не могу...

— Пожалуйста,— сказал фиронец.— От имени нашей гильдии и всего народа заверяю вас, что мы не можем дожидаться, когда перейдем под милостивое правление столь высокородного и могущественного принца.

— Очень любезно с вашей стороны, но...

— Пожалуйста, ваше высочество.— Темные глаза купца смотрели на него с такой мольбой, что Поль невольно вспомнил о страхе леди Энеиды перед вторжением Мийона Кунакского. Казалось, фиронец искренне хотел, чтобы он стал их принцем. Надо будет рассказать об этом отцу.

— Я с величайшей благодарностью принимаю этот подарок,— сказал Поль. Вскоре упакованный кубок улегся рядом с первым, дожидаясь отправки в шатер верховного принца.

— Ну-ну...— пробормотал Тилаль, когда они отошли от лавки.

— Я ничего не мог поделаться,— пожимая плечами, ответил Поль.— Они решили передать нам власть над Фироном. Лучше мы, чем кунакцы...— Он резко остановился, вспомнив, что Тилаль тоже имеет права на этот престол.

— И лучше ты, чем я! — улыбнулся кузен.

— Правда? Так ты не хочешь стать принцем?

Тилаль сделал вид, что вздрогнул всем телом.

— Чтобы я отправился в эти снега? Ты хочешь моей смерти?

— Ну, снег там лежит совсем не всегда, — возразил Поль.

— Вполне достаточно и того, что есть. Не нужен мне Фирон, Поль. Я так и сказал отцу. Он слишком далеко. Далеко от всех...

От *всех*? Тилаль сильно преувеличивал, но Поль, наученный горьким опытом, не стал настаивать на уточнениях.

— Ну, если ты так решил... Мало найдется людей на свете, которые стали бы воротить нос от трона... Ладно, сейчас купим что-нибудь поесть и сходим к ястребам. Мать говорит, что купила мне птицу, а я до сих пор не сумел выкроить время взглянуть на нее.

Они выбрали закуски и, жуя на ходу, стали подниматься на холм. Поля, ускользнувшего от суровой опеки Мааркена и Оствеля, потянуло на приключения. Птицы, сидевшие в клетках с колпачками на головах, могли подождать. Пара шла напролом через деревья и кустарник. Тилаль превратил это в игру и принялся обучать Поля некоторым уловкам, необходимым для лесной охоты; мальчику, выросшему в Пустыне, это было в диковинку.

— Как-нибудь осенью ты приедешь в Речной Поток, и я покажу тебе, что такое *настоящая* охота,— хмыкнул Тилаль, когда Поль еще раз наступил на ветку и вздрогнул, испуганный громким хрустом.

— Милорд Чадрик иногда брал нас с собой, но мы не слезали с лошадей, потому что охотились на оленя. Еще раз покажи, как тебе удастся ходить без шума.

Тилаль показал, и у Поля начало что-то получаться. Ногам следовало ставить легко и осторожно, управлять каждой мышцей и всем телом ловить запахи, звуки и малейшее движение ветерка...

— Если подойдешь ближе, я закричу,— спокойно сказала женщина.

Тилаль схватил Поля за локоть, и оба замерли на месте. Голос, доносившийся из колючих кустов, был Полю незнаком, его обладательница оставалась невидимой, но гнев, отразившийся на лице Тилала, доказывал, что он хорошо знает эту женщину.

— Я не шучу, Костас! На мой крик сбежится множество свидетелей этого позорного...

— Нет, Гемма. Звать на помощь бесполезно. Наверху кричат коршуны, внизу шумит ярмарка. Кто тебя услышит? Кроме того, я не собираюсь причинять тебе вреда. Только подойди ко мне, побудь со мной...

— Нет!

Поль хотел было броситься вперед, но пальцы Тилала до синяков сжали его запястье.

— Нет,— выдохнули кузен.— Подожди.

— Но он собирается...

— Даже Костас не способен на это.

Поль задумался. Изнасилование считалось тягчайшим преступлением. Если вина обвиняемого была доказана, он подвергался медицинской операции, устранявшей возможность рецидива. Однако если обвинение было ложным, имущество женщины конфисковывалось в пользу мужчины, а сюзерен дамы должен был заплатить за ее ложь огромный штраф. И Костас, и Гемма прекрасно знали закон; как на преступление, так и на обвинение в нем мог бы решиться только круглый дурак.

Именно на это и намекнула Костасу Гемма. Поль и Тилаль явственно слышали ее слова:

— Я уверена, что ты хочешь детей. Но можешь не надеяться, что их рожу тебе я!

— Если ты обвинишь меня, я докажу свою невиновность, а ты лишишься Оссетии, потому что она и есть твое имущество. Я буду принцем Оссетским с тобой или без тебя, но предпочел бы, чтобы все произошло честно.

— Честно? — бросила она.— Ты думаешь, что мой дядя Чейл доведет дело до суда? Стоит мне только пожаловаться, и он убьет тебя!

— Что стоит твой Чейл против *моего* дяди, верховного принца Рохана? Ничего! Четыре свидетеля с безупречной репутацией засвидетельствуют, что я весь день провел с ними.

Хватит, Гемма, — нежно сказал он. — Брось упрямитесь. Мы были суждены друг другу еще до того, как ты стала наследницей Чейла. Прими мое предложение, и — клянусь — я сделаю тебя счастливой и буду мудро править обеими нашими странами...

Рука Тилала, сжимавшая завернутый меч, побелела. Он услышал достаточно. Выпустив Поля, молодой человек скользнул в просвет между кустами. Дрожавший от гнева принц последовал за ним и приготовился следить, как на узкой дорожке сойдутся два родных брата.

— Четыре свидетеля с репутацией более безупречной, чем моя или сына верховного принца? — Голос Тилала вонзился в спину Костаса как меч. Старший брат резко обернулся; в его глазах горела ярость. — Как ты посмел? — прошипел Тилаль. — Черт возьми, Костас, оставь ее, пока я не забыл, что ты мой брат!

В ответ Костас обнажил меч. Тилаль начал срывать покрывало с оружия, купленного для отца. У Геммы хватило здравого смысла не закричать; вместо этого она бросилась между братьями. Однако ее смелость вызвала у Поля раздражение. Он шагнул вперед, схватил ее за руку и оттащил в сторону.

— Они не будут драться, миледи, — спокойно сказал он, обращаясь не столько к Гемме, сколько к кузенам. — А если попробуют, я расскажу об этом всем и каждому. Опустить меч, Костас. *Немедленно*. Тилаль, если ты развяжешь еще хоть один узел...

Разгневанные братья грозно обернулись к нему. Полю понял, что охвативший его трепет отступил куда-то глубоко внутрь. Его руки и голос не дрожали, ноги крепко упирались в землю. Мальчик чувствовал себя сильным и слабым одновременно: ему хватало воли и самообладания, чтобы справиться с их гневом, но этот странный внутренний трепет нес в себе предупреждение, которого он не понимал. Неужели и его отец ощущал нечто подобное? Может, именно это и есть испытание силы, которой должен обладать тот, кому суждено стать верховным принцем?

Сила у Поля была; это и пугало, и радовало его. Костас вложил свой меч в ножны. Боевая стойка Тилала расслабилась. Теперь дрожала одна с трудом дышавшая Гемма.

— Миледи, вы желаете обвинить этого человека в попытке изнасилования?

Принцесса так замотала головой, что ее светло-каштановые волосы рассыпались по щекам и шее.

— Нет, ваше высочество. Не желаю.

— Мудрое решение, миледи.— Он ослабил хватку и посмотрел на братьев. На свете не было ничего более романтического, чем сражение двух разумных людей за одну и ту же женщину.— Вы оба любите ее.

Тилаль злобно уставился на него, но тут же отвернулся. У Костаса был такой вид, словно он вот-вот вынет свой меч и на сей раз обратит его против Поля. В мальчике росло чувство жалости к обоим, обостренное страхом того, что ему не хватит сил совладать с кузенами.

— Тогда почему бы не спросить, что думает об этом сама Гемма? О Богиня, ну и парочка!— насмешливо фыркнул Поль.— Миледи, вы любите кого-нибудь из этих двух дураков?

Гемма высвободила руку, убрала с лица волосы и заставила себя держаться прямо и гордо.

— Честно говоря, да, ваше высочество. Но отнюдь не Костаса я хочу себе в мужья.

— И в принцы Оссетии,— напомнил Поль.— Тилаль, ты слышишь? Повернись ко мне. Проси ее руки.

— Нет!— вскричал Костас.— Я не позволю!

Поль вздохнул.

— Тилаль, я жду.

Молодой лорд Речного Потока резко обернулся, по-прежнему полный гнева.

— Можете смеяться, ваше высочество!— злобно сказал он.— Да, я люблю ее и любил всегда, но теперь не могу жениться на ней, потому что...

Ну почему все эти вроде бы взрослые люди такие непродолимые тупицы?

— Еще немного, и ты потеряешь свой шанс, Тилаль. Либо сейчас, либо никогда.

Костас нечленораздельно зарычал и бросился на Тилалю. Они покатались по земле; мечи и ножи были забыты, и в ход пошли кулаки— испытанное оружие, которым невыразимо приятно расквасить брату нос или свернуть челюсть.

Несколько мгновений Поль задумчиво следил за этим отвратительным зрелищем. Едва ли они могли нанести друг другу серьезный вред, поскольку силы были примерно равны; кроме того, братья были слишком разъярены, чтобы

даться умело. Но когда старший изловчился дать младшему хорошего тумака, Гемма вскрикнула «Тилаль!» и вцепилась в плечо Поля.

Мальчик скинул ее руку и собрался, вызывая Огонь — несильный, но вполне достаточный, чтобы привлечь их внимание. Над камнем поднялся внушительный сноп красно-золотого пламени высотой с ближайший куст. Пораженная Гемма слегка вскрикнула. Реакция Тилала и Костаса была более бурной: они оторвались друг от друга и вскочили на ноги. Тугой узел внутри Поля развернулся, и все тело мальчика, еще терзаемого опасениями, пронизало возбуждение. Он начинал ценить этот внутренний холодок и понимать, что тот является важной частью его силы.

— Ну, а сейчас, — негромко сказал он, намеренно копируя интонацию своего отца, — может, мы перестанем вести себя как варвары? Отлично. Тилаль, мы с принцессой все еще ждем.

* * *

После завтрака у Тобин Сьонед вернулась к себе в шатер, удовлетворенная если не устроенным Полем маленьким представлением, то успехами Чианы в привлечении внимания Мийона. Ей хотелось остаться одной и немного отдохнуть. Но в личных покоях принцессы ее дожидались Андраде и Пандсала.

— Пожалуйста, никаких серьезных разговоров, — предупредила Сьонед, опускаясь в кресло. — Рохан плохо спал ночью, а значит, и я тоже. Никак не могу придумать для Поля оправдание, которое помогло бы ему избежать отцовской порки.

— Ах, это... — Андраде пренебрежительно махнула рукой. — Кстати, он прекрасно управляет Огнем. Сьонед, мы пришли по делу, которое не терпит отлагательств.

— Прошу прощения, ваше высочество, — тихо сказала Пандсала.

— Оставь извинения на потом, — прервала Андраде. — Сьонед, много лет ты отвергала почти все мои планы. Но сейчас настал решающий момент для всего, ради чего я работала не покладая рук — да и вы с Роханом тоже.

В Сьонед моментально ожили старые подозрения, но она заставила себя расслабиться.

— Это совсем не одно и то же,— осторожно промолвила она.

— Ерунда. В конце концов мы все стремимся к одному. И для этого никогда не представится более благоприятного случая. Конечно, в этом году вам еще не удастся сплотить всех под своим знаменем, но все идет к тому. И начал это сплочение Рохан, когда предложил породниться принцам Кирста и Изеля. После смерти Волога и Саумера этот мальчик — как его? — Арлис унаследует оба государства. То, что этот мальчик родственник Поля, сильно облегчает дело. Поль мог бы лично править и Кирст-Изелем.

— Продолжайте,— пробормотала Сьонед.

— Что же касается Оссетии, то брак Геммы с Костасом также привел бы к объединению Сира и Оссетии под властью родственника Поля. Что может быть лучше?

— Есть и еще что-то? — тихо спросила она.

— Да, ваше высочество,— откликнулась Пандсала.— Фирон. Если он станет частью Марки, то помимо еще одного государства в ваши руки перейдет вся торговля хрусталем. И Порт Адни. У лорда Нарата нет наследника. После его смерти лордство перейдет к Вологу и станет собственностью Арлиса. Кроме того, есть еще и Виз. Когда претендент будет объявлен самозванцем, Киле и Лиелл будут устранены вместе с ним и город перейдет к Клуте.— Она мгновение помедлила, но затем решила: — Я предлагаю сделать то же со всеми, кто поддерживал Масуля. Если после открытого выступления против Поля эти люди не будут лишены престола, то навсегда останутся врагами, с которых нельзя будет спускать глаз. Среди вашей родни и союзников хватит преданных молодых людей, чтобы сделать их принцами Кунаксы, Гилада, Криба и Фессендена.

— Вы согласны с этим? — спросила Сьонед, глядя в холодные голубые глаза Андраде.

— Да,— кивнула та.

— Итак,— сказала Сьонед,— если я вас правильно поняла, наши цели сводятся к следующему. Во-первых, уничтожить Фирон как самостоятельное государство ради нашей собственной выгоды, не обращая внимания на то, что скажут другие принцы. Во-вторых, устроить брак, который позволит объединить две страны под властью моего племянника без оглядки на мысли и чувства обоих молодых людей. В-третьих, свергнуть лорда Визского и его жену за допущен-

ную ими ошибку и в знак нашей доброй воли передать город Клуте. А затем заменить всех, кто смел возражать нам, своими людьми. Все верно, я ничего не перепутала?

Пандсала закусила губу, но храбро ответила:

— Да, ваше высочество.

Андраде слегка нахмурилась, а затем кивнула.

— К сожалению, да.

— *К сожалению!* О Богиня! Пандсала, вам еще простиительно, хотя вы столько лет были регентом Поля. Но вы, Андраде! Вы знаете меня и Рохана с детства! Неужели вы могли всерьез сделать такое предложение?

— На это мне дает право наша общая мечта.

— У нас нет ничего общего! — Она вскочила, сжала кулаки и гневно посмотрела на обеих женщин. — Да-как вы посмели? Чтобы Рохан кроил карту по своему усмотрению, свергал старых принцев и сажал на их место новых! И вы еще считаете, что у нас с вами одна мечта?

Андраде наклонилась вперед, бледная от ярости.

— До каких пор вы с Роханом собираетесь потворствовать этим ничтожествам? Пока они не станут для Поля настоящей угрозой? А я мечтаю об объединении всего континента под властью вашего сына как верховного принца!

— Принца-фарадима!

— А почему бы и нет? Рохан сам начал это, присоединив Марку и способствовал объединению Кирста и Изеля! Разве он стремится не к тому же, о чем я тебе говорила? Лучшего времени для достижения этой цели не будет! Когда Масуля разоблачат как лжеца, всех его сторонников следует сурово наказать! Какой еще предлог требуется, чтобы избавиться от врагов и передать власть над их владениями Рохану? Или ты предпочитаешь, чтобы он залил кровью земли, которыми впоследствии все равно будет править Полю? Это Рохан, который давным-давно повесил свой меч на гвоздь и поклялся никогда не брать его в руки? Неужели угрызения совести могут заставить тебя отвергнуть возможность решить все одним махом?

Сьонед в два шага преодолела разделявшее их расстояние, вцепилась в подлокотники кресла Андраде и наклонилась, глядя ей прямо в лицо.

— Наша с ним мечта — это союз государств на основе общих законов, поддерживаемый не силой меча, но чувством чести и верой в то, что эти законы лучше, чем меч! Ва-

ша мечта — это мир, устроенный так, как нравится *вам*, под номинальным владычеством Рохана!

— Не его, ваше высочество, — отчетливо проговорила Пандсала. — Поля.

Сьонед обернулась к принцессе-регенту.

— И вы хотите оставить ему такое наследство? Конфискованные земли; отторгнутые поместья; страны, перекроенные вопреки закону и мнению людей, которым эти законы должны были служить; принцы, выгнанные из их замков... Или вы предпочитаете сразу убить их?

— А какое наследство он получит сейчас? — возразила Пандсала. — Соперники на каждом углу и страны, готовые в любую минуту продаться самому сильному из его врагов!

— Страны могут объединяться только при всеобщем согласии! — воскликнула Сьонед. — Но бесчестные приемы приведут к тому, что обиженные бывшие принцы будут устраивать заговоры с целью вернуть себе утраченные владения. Представьте себе меридов, число которых возросло в десять раз!

— Тогда убейте их, — просто сказала Пандсала. — Время справедливых законов настанет позже, когда укрепится ваша власть.

— И когда мой муж утратит доверие всех принцев без исключения.

— Они согласятся со всем, что он скажет, и смирятся с этим.

— Вы имеете в виду, что они смирятся, если к их горлу будет приставлен меч? Пандсала, я на их месте ни за что не смирилась бы. Нет, не такой мир мы хотим оставить нашему сыну!

— Но вы же собираетесь присоединить Фирон, правда? — резко прервала ее Андраде.

Сьонед отпрянула.

— Только если захотят сами фиронцы и если на это, как предусмотрено законом, согласятся другие принцы.

— Удобная лазейка для болезненной совести Рохана! Сьонед, ты говоришь как он, но думаешь по-другому. Я учила тебя быть более практичной.

— Вы учили меня многому, Андраде — в том числе и тому, о чем теперь жалеете. Но мой муж научил меня еще большему. Да, мы возьмем Фирон, но по закону. Неужели не понимаете? Я знаю, как вам не по нутру стремление Рохана

все делать по закону, когда он имеет полную возможность брать и делать то, что ему хочется. Но разве вы не видите, что стало бы в этом случае и с ним, и с законами, которые он помогал составлять? Если он сам не будет соблюдать законы, то кто же будет им подчиняться?

— Я пытаюсь дать Рохану возможность распространить действие его законов на весь континент! Либо он возьмет его немедленно, либо потратит на это весь остаток жизни, продолжая строить из себя честного и благородного принца! О Богиня, как заставить тебя понять? Зехава добивался этого мечом, а не разговорами. Рохан...

— Вы хотите сделать из него второго Ролстру,— ледяным тоном сказала Сьонед.— Если вы стремитесь к этому, почему бы вам не поддержать Масуля?

Побледневшая Андраде вскочила на ноги, дрожа от гнева.

— Дура! И ты еще говоришь, что носишь свои кольца? Я подала тебе целый мир на блюдечке, а ты...

— Вы не дали мне ничего кроме колец, которые я действительно ношу—но только как шрамы на пальцах и на душе!

Сьонед тоже трясло. Старая битва продолжалась: беззаветная любовь Сьонед к Рохану воевала с властностью Андраде, требовавшей беспрекословного подчинения. Они спорили и раньше, но никогда еще дело не доходило до явной ссоры, до открытого бунта, грозившего Сьонед обвинением в предательстве дела фарадиров.

— Сьонед, ты такая же, как я.— Голос Андраде разил, словно удар бича.— Все твои планы—лишь отражение моих собственных. Да, я знала вас с Роханом с самого детства. Я сделала вас обоих тем, что вы есть. И в результате получила вашего сына.

— Вы паук!—вскричала Сьонед.— Плетете солнечный и лунный свет как паутину, чтобы поймать и отравить нас! Хотите, чтобы все принадлежали вам, а сами не хотите принадлежать никому? Но я не принадлежу вам! Так же, как Рохан и Поля!

— Ты так ничего и не поняла. В чем состоит твоя цель? Разве не в объединении континента под властью Поля? Одновременно и верховного принца, и обученного мной фарадима?

— *Никогда.*

Это было единственное слово, которое могло сломить железную леди и заставить ее отступить. Увидев, как из глаз Андраде ушел гнев и осталась только жалобная мольба, Сьонед испытала злорадное удовлетворение.

— Я сама буду учить его, — сказала принцесса. — Не вы. Вы можете продолжать утешаться тем, что создали меня и Рохана, но Поль будет тем, что из него сделаем *мы*.

— Нет! — выдохнула Андраде, готовая закричать от ужаса. — Ты не можешь! — Но тут к леди снова вернулась гордость, к пепельно-бледным щекам прихлынула кровь, и Андраде вышла из палатки, гневно шелестя юбками. Через мгновение за ней последовала Пандсала.

Верховная принцесса стояла посреди шатра, дрожа и сгорая со стыда, что Андраде оказалась права по крайней мере в одном: слова, которые говорила Сьонед, принадлежали не ей, а Рохану. И она призналась себе, что была как никогда близка к тому, чтобы отбросить доводы мужа и всем сердцем признать правоту Андраде.

Все детство и юность ее приучали бездумно и беспрекословно слушаться Андраде. Рохана же учили быть принцем, править и отдавать приказы, а не подчиняться. Выполнять чужие распоряжения и не задавать при этом вопросов было так легко, так безопасно... Но власть верховного принца и его принцессы-фарадима постоянно требовала задавать вопросы. Иногда Сьонед до смерти хотелось сбросить с себя ответственность и начать выполнять приказы других. Но она не могла себе этого позволить. Рохан доказал ей, что это невозможно.

Тобин не ведала таких сомнений. Но, с другой стороны, Тобин и не снисла та власть, которой обладала Сьонед. Конечно, Чейн очень считался с мнением жены. И все же, несмотря на всю высоту своего положения, Чейн был вассалом верховного принца, поклявшимся во всем слушаться своего сюзерена. Чейн безоговорочно верил в Рохана. Он мог задавать вопросы, но всецело доверял и повиновался ему.

Сьонед себе такой роскоши позволить не могла. Рохан хотел, чтобы она соглашалась с ним только по зрелом размышлении или вовсе не соглашалась. Если бы она мирно кивала головой, принимая каждое слово мужа, а сама при этом думала по-другому, он бы счел ее набитой душой и перестал уважать. А если бы она позволила Рохану утверждать что-то и не приводить при этом никаких доказательств, он

презирал бы ее еще сильнее — за отказ от ответственности, которую налагает на человека наличие мозгов.

Она прошла в спальню и легла на кровать, подложив руки под голову. Труднее всего приходилось тогда, когда разумом она соглашалась с Роханом, а чувства твердили ей другое. Ум, двадцатью с лишним годами правления приученный к соблюдению закона и всегда руководствовавшийся этим, приходил в ужас от предложения Андраде и Пандсалы. Но любовь к сыну, желание уберечь от опасности и облегчить его долю верховного принца подсказывало, что эти женщины правы. Принять предложение, воспользоваться случаем избавиться от таких препятствий, как Мийон и Киле, и отложить соблюдение законов до той поры, когда ими можно будет пользоваться без всякой опаски...

Сьонед так и виделась насмешливо приподнятые брови мужа.

— Как это было бы удобно! — сказал бы Рохан и улыбнулся, прекрасно зная, что несмотря на все ее чувства Сьонед склонна к варварским поступкам ничуть не больше его самого...

Никто долго не беспокоил Сьонед, и когда она проснулась, было далеко за полдень. Вскоре собиралась зайти принцесса Аудрите и принести последние слухи о том, кто на чьей стороне. А затем с дневного заседания должен был вернуться Рохан — напряженный и беспокойный, каким он всегда становился во время Риаллы. Сьонед не собиралась говорить мужу о визите Андраде и Пандсалы. Чем меньше он будет волноваться, тем лучше.

Выйдя в центральную часть шатра, она с удивлением увидела возвратившегося с ярмарки Поля. У Сьонед не хватило бы духу ругать его за утренний проступок. Тем более сейчас, когда он лежал в кресле, устало свесив руки вдоль туловища.

— Ты уже вернулся? — спросила она. — Хорошо провел время?

Мальчик посмотрел на нее снизу вверх и изогнул темно-золотистые брови, отчего его лицо приняло отцовское выражение.

— О да. Просто чудесно. — Тон тоже был отцовским: ироническим, со слабым привкусом горечи.

— Что случилось?

Рука поднялась и упала снова.

— Не сейчас, мама. Пожалуйста.

Сьонед смотрела на него в полном замешательстве. Попытка сформулировать членораздельную фразу закончилась тем, что вошли три молодых оруженосца с двумя странными деревянными ящиками и огромным тюком, обернутым в шелк. Поль жестом велел им сложить покупки на ближайший стол.

— Похоже, ты не собираешься рассказывать мне, что там внутри,— наконец промолвила она.

Поль снова поднял глаза, как будто видел мать впервые. Легкая улыбка коснулась уголков его рта.

— Ну, могу сказать, что самый большой сверток предназначен тебе.

— Мой подарок? — спросила она, ощущая странное чувство. Поль больше не был маленьким мальчиком, которым оставался еще в начале лета. — Можно открыть?

— Не только можно, но и нужно. Придется примерить. Конечно, ты не заметила, что во время посещения ярмарки за тобой шел человек, правда? Купец крался следом и на глазок снимал с тебя мерку! — Поль засмеялся, но маленький мальчик так и не вернулся. — Сегодня он сказал, что если бы не огненно-рыжие волосы, он ни за что не догадался бы, кто из вас старше — ты или Аласен!

— Купцы — известные льстецы. А что он еще говорил обо мне?

Наконец из взгляда Поля ушло напряжение, и он снова стал пятнадцатилетним мальчиком, а не мужчиной вдвое старше. Сьонед с облегчением рассмеялась, сняла шелковую обертку... и ахнула.

— Поль!

— Не ругайся! — взмолился мальчик, в глазах которого прыгали чертики. — Помнишь, я рассказывал тебе о трактире у Грэйперла? Там были два купца, которые настояли на том, чтобы отплатить мне шелком на платья для тебя и тети Тобин. Красное с серебром — это ее. Они уже шили для Тобин и знали ее мерку. А другое...

Сьонед подняла платье, прислушиваясь к нежному шороху богатого расшитого зеленого шелка.

— Это сказочно красиво... и сказочно вызывающе! Ни одна леди не наденет ничего такого обтягивающего и с таким вырезом!

— Не наденет, потому что не может себе этого позволить,— указал сын.— А ты можешь.

Она прищурилась.

— Этим сладким речам ты научился у отца или у купца?

— Мама! Я говорю правду!

Сьонед скрылась за пологом и сбросила с себя простое летнее платьице.

— О Богиня, пусть это окажется мне впору! — Через несколько секунд она вышла, встала на цыпочки и закужилась на месте.— Ну? Что скажешь?

С порога донесся другой голос.

— Скажу, что сын определенно унаследовал мой тонкий вкус,— отозвался Рохан. Он вошел, улыбнулся и взлохматил Полю волосы. Но ни улыбка, ни шутливый жест не могли скрыть его усталости и читавшейся в глазах тревоги.

— Ты сегодня рано,— отважилась Сьонед.

— И слава Богине! Если бы я впервые увидел это платье накануне пира, тебе пришлось бы полночи отхаживать меня. Поль, ты сам выбирал фасон?

— Такие платья носят крестьянские девушки в Дорвале. Наверно, купец решил, что этот фасон пойдет и маме.

— Пожалуй, он был прав. Сьонед, только не вздумай надевать его летом в Стронгхолде. С таким низким вырезом спереди моментально схватишь ожог.

— Спереди? А это ты видел? — Она повернулась и показала ему приличный кусок обнаженной спины.— Поль, и ты станешь говорить, что скромные дорвальские крестьянки носят такие платья?

— Ну, на их одежду идет немножко больше ткани,— улыбаясь, признался мальчик.— Но они же не принцессы...

Сьонед провела ладонями по обтянутым шелком бокам, заниженной талии и узкой кокетке на бедрах.

— Придется ничего не есть до самого Последнего Дня, иначе я просто не смогу влезть в него,— грустно сказала она.— А если съем что-нибудь на пиру, то платье затрещит по швам.

Принцесса ушла к себе, сняла платье и снова завернула его в шелк. Когда она вернулась к мужу с сыном, Рохан сидел в кресле, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Она обменялась тревожным взглядом с Полем.

— Отец, это правда, что ты помог пожениться тете Тобин и дяде Чейну?

Голубой глаз открылся и уставился на Поля.

— Ну, в известной мере...

— А Вальвис помог тебе и маме?

— Да.

Наполняя бокалы прохладительным, Сьонед спросила:

— А почему это тебя заинтересовало?

— Ну... кажется, я случайно сделал нечто похожее.—

Лицо у Поля было задумчивое, но глаза предательски светились.

— Для кого?— Тут раскрылся второй глаз, и заинтригованный Рохан с любопытством посмотрел на сына.

— Надеюсь, все будет хорошо. Во всяком случае, теперь уже ничего не поделаешь. Это случилось только сегодня.

— О ком ты говоришь?— спросила Сьонед.— Мы знаем про Холлис и Мааркена. Они единственные из наших ближайших родственников, которые...

— Это не Холлис и Мааркен,— бросил Поль.

— Тогда кто же?— потребовал ответа Рохан.

— Тилаль и Гемма.— Когда родители дружно ахнули, Поль пожал плечами и попытался принять равнодушный вид.— Это потребовало времени, но в конце концов я заставил их признать очевидное. Едва ли кто-нибудь будет сильно переживать. То есть, Костас будет, но это его трудности, правда? На самом деле ему была нужна Оссетия, а вовсе не Гемма. А глупый Тилаль не хотел делать ей предложение, потому что она стала наследницей Чейла, но я все-таки заставил его заговорить.— Поль вздохнул.— А потом он никак не мог остановиться. Оказывается, все это время они любили друг друга, надо же! Она была слишком горда, чтобы сказать ему об этом, а он хотел сделать Речной Поток самым богатым именем в Сире и только потом предложить ей пожениться. И никто ничего не говорил. Но теперь с этим все в порядке. Насколько я знаю, они все еще стоят там, говорят без умолку и будут болтать, пока у них уши не отвалятся!

— Тилаль?— выдавила Сьонед.

— И Гемма?— Рохан захлопал глазами.

Поль расхохотался.

— Они ужасно смешные! Обещайте мне, что если я влюблюсь в девушку и примусь за такие же глупости, вы предупредите меня раньше, чем я окончательно выживу из ума!

ГЛАВА 22

Никто не успел сказать о Тилале и Гемме ни слова. Этого и не потребовалось. Появление счастливой пары на пиру под открытым небом, который в тот вечер устраивал Клута, раструбило на весь свет, что Избранные нашли друг друга. Отделенные от всех волной счастья, всецело погруженные в себя, они едва ли помнили о том, что на свете существуют другие люди.

Давви, испытывавший громадное облегчение, просто светился от блаженства. Казалось, Чейл тоже смирился с этой мыслью. Бросалось в глаза отсутствие на пиру Костаса, но все отнеслись к этому спокойно.

У столов собралось множество высокородных; некоторые из них недалеко ушли от Тилаля с Геммой, поскольку в последние дни появлялось все больше пар, нашедших взаимопонимание. Впрочем, одна пара сидела врозь. Лицо мужчины было угрюмым, лицо женщины — бледным и напряженным. Рядом с ним сидели младшие братья, рядом с ней — черноволосый юноша с глазами цвета молодой листвы, на которую упала тень.

Конечно, Андри переживал из-за Мааркена и Холлис, но все его внимание поглощал некто другой. За четыре стола от него сидела принцесса Аласен, окруженная вполне подходящими молодыми людьми, не скрывавшими своего удовольствия от этого соседства. Отец с видимым одобрением поглядывал на эту картину. Отделенный от девушки цветами и веселыми лицами, Андри чувствовал сердцебиение и одышку и не понимал, что с ним творится. Он не испытывал интереса к стоявшим на столе блюдам, и даже огромная башня из теста, залитого сахарным сиропом и украшенного фруктами, не вызвала у него аппетита. Мааркен, погруженный

в невеселые мысли, ничего не замечал, но Сорин все видел и находил компанию брата невероятно скучной.

За одним из столов не умолкал смех Чианы. У нее были причины для хорошего настроения. Халиан сидел справа, Мийон слева, а Масуль расположился на другом конце собрания с Киле, Лиеллом, Велденом, Кабаром и хмурой женой Кабара Кензой.

За столом старых принцев председательствовала Андраде. Как всегда, рядом с ней сидел Уриваль. Эта компания не раздражала ее и позволяла чувствовать себя непринужденно. Принцу Ллейну даже несколько раз удалось рассмешить ее. Неподалеку Оствель, Риян, Чейн и Тобин обменивались с Аудрите и Чадриком рассказами о Поле. Сам мальчик вместе с родителями сидел за одним столом с Пандсалою, Милошем Фессенденским и лордом Колией: оба молодых человека не осмеливались дышать в присутствии верховного принца. Другие высородные сидели где и как придется, то жизнерадостно болтали о всяких пустяках, то умолкали, но никто не говорил о том, что было у всех на уме.

Этот вечер безумно раздражал Сьонед. Она прекрасно знала, что скрывается за радостными лицами. Раннее возвращение Рохана было вызвано тем, что Велден настаивал на голосовании о признании прав Масуля на Марку, но Саумер Изельский предложил еще один день подождать. Этот принц был искренне озабочен, но никто так и не узнал, зачем ему понадобилась отсрочка: то ли он хотел как следует подумать, то ли собирался торжественно представить какие-то новые неопровержимые доказательства. Рохан изводился от беспокойства, что Волог так и не сумел убедить Саумера или, еще того хуже, его высочество Кирстский чем-то обидел его высочество Изельского, и тот в пику своему извечному врагу решил проголосовать за Масуля...

Решение было перенесено на следующий день. Все знали это. И все молчали.

Слава Богине, Поль не догадывался о том, что нынешнее настроение Сьонед мало чем отличается от его утреннего, когда он решил продемонстрировать свое искусство фарадима. Если бы он это понимал, то смотрел бы на нее, открыв рот. В ней тоже крепко желание выкинуть что-нибудь — все равно что, лишь бы сорвать с лиц принцев маску вежливости. Ей хотелось напомнить о той силе, которой обладают они с Роханом и которая есть у Поля. Она жаждала увидеть

их расширившиеся глаза, трепет и даже страх перед принцессой — «Гонцом Солнца» и тем фарадимом, который в один прекрасный день станет верховным принцем.

Обед закончился быстро. После утреннего возлияния и вчерашнего роскошного пира у Рохана никто не желая напиваться, особенно перед завтрашним голосованием. Сюнед и самой ужасно хотелось спать, но она знала, что рассчитывать на это не приходится. Поэтому когда Тобин пригласил ее после трапезы на чашку горячего тейза, обе поняли, что это всего лишь предлог для беседы, которая наверняка затянется до самого утра.

Рохан вернулся в шатер один, оставив Поля под присмотром Мааркена и Оствеля. Вместе с Рияном, Соринем и Андри они приняли приглашение Волога послушать музыку на сон грядущий. Садясь за письменный стол, Рохан слышал нежный звук флейты. Он получал от музыки удовольствие, но его знания по этой части оставляли желать лучшего. Милар, обожавшая музыку, махнула на них с Тобин рукой, потому что оба были начисто лишены слуха и даже не могли правильно повторить ноту. Однако у Поля были явные способности к пению; Рохану показалось, что он слышит голос сына, подпевающий Оствелю. Удивленный принц поднял глаза и прислушался. Оствель редко демонстрировал свой талант, да и то после долгих упрасиваний, а за пределами Стронгхолда или Скайбоула не делал этого вообще. Странно, что он дал себя уговорить. Рохан принялся было перечитывать проекты торговых соглашений, но в это время прибыл гонец из Пустыни. Довольный возможностью отвлечься от проблем Риаллы, он углубился в отчет Фейлин о драконах. Леди Ремагевская прислала прогноз численности популяции на основании количества юных дракончиков, поднявшихся в этом году на крыло. Она была счастлива сообщить, что результаты получены обнадеживающие. Популяция стабилизируется. Если будут найдены подходящие пещеры, то она будет расти, но нынешнее ее состояние уже не вызывает опасений.

Новости от Вальвиса и Эльтанина были не хуже. Отряды воинов Пустыни хорошо взаимодействовали с частями из Марки. Дружеское соперничество в фехтовании на мечах, стрельбе из лука и владении лошадью позволило тем и другим узнать много нового. Жители Пустыни были лучшими конниками, но охотники из Вереша показывали такие фоку-

сы со стрелами, что Вальвис не поверил бы в такое, если бы не видел его собственными глазами. Письмо было снабжено постскриптумом, в котором сообщалось, что несколько женщин и мужчин просят разрешения сменить жительство. Произошло неизбежное: возникло около двадцати новых семей...

Когда в шатер заглянул Таллаин, Рохан все еще улыбался.

— Я надеюсь, не поступило никаких новых депеш? Леди Фейлин пишет разборчиво, твой отец из вежливости прибег к помощи писца, но от почерка лорда Вальвиса я чуть не ослеп.

Таллаин усмехнулся.

— Нет, милорд, больше никаких пергаментов. К вам гость. Он называет себя главным лордом-сенешалем принца Мийона.

Брови Рохана поползли вверх.

— И долго ты заставил его ждать?

— Как обычно, милорд. Впустить его?

— Обязательно. Когда обещали прибыть их высочества Сирский и Оссетский?

— Похоже, скоро. Если ваша беседа затянется, я попрошу их подождать в прихожей.

— Отлично. Да, кстати, Таллаин, отец вложил в пакет письмо для тебя.— Принц протянул пергамент с печатью, и юноша жадно схватил его.— В Тиглате все прекрасно. Гонец уедет завтра утром, так что если хочешь, можешь написать отцу.

— Спасибо, милорд.— Таллаин сунул пергамент в карман туники.— Так пригласить сенешаля? Может быть, подать вина?

Рохан подмигнул.

— Я думаю, этот человек испытывает скорее голод, чем жажду. Подожди минутку, а затем приведи его.

Оруженосец стер с лица улыбку, поклонился и вышел. Рохан откинулся на спинку кресла и расслабился. Он догадывался, о чем хочет поговорить с ним посланец Мийона, и предвкушал от этой беседы большое удовольствие.

Вскоре он удостоился поклона пухлого коротышки, лицо которого скрывали окладистая борода и длинные волосы. Видны были лишь одни глаза — темные, хитрые и очень внимательные. Было выражено множество искренних чувств

и пожеланий здоровья и счастья верховному принцу, верховной принцессе и их достойному наследнику; Рохан выслушал их с иронической улыбкой и не предложил сенешалю сесть.

— Прошу прощения, ваше высочество, но мой высокий хозяин интересуется положением младшей из дочерей Ролстры.

— Принцессы Чианы? — спросил Рохан, намеренно присваивая девушке титул, на который она не имела права. Он решил до поры до времени прикидываться простаком. — Насколько я знаю, она живет по очереди у своих сестер. В настоящее время она обитает здесь, в Визе, у леди Киле.

Сенешаль поклонился снова; выражение глаз коротышки показывало, что он оценил замысел Рохана.

— Возможно, мне следовало выразиться яснее. Моего хозяина интересует ее *будущее* положение.

— Она вольна ехать куда угодно и жить, где ей нравится.

— Ваше высочество, мне трудно с надлежащей деликатностью выразить истинную природу любопытства моего хозяина.

— Тогда попробуйте сделать это чуть менее деликатно, — любезно предложил Рохан, очень довольный собой.

— Ну что ж, ваше высочество, обойдемся без красивой шелковой упаковки. Каково ее имущественное положение?

— Я удивлен тем, что принца Мийона так занимает этот вопрос. Вы просто заинтриговали меня.

Украшенная кольцами рука сенешаля нервно прошла по его бороде. Он заерзал на месте, пожал плечами и наконец сказал:

— Грубо говоря, его волнует, какое за ней приданое...

— Смотря кто станет ее мужем, — ровно ответил Рохан.

— Когда принцесса Найдра выходила замуж за лорда Нарата, она получила земли, лежавшие рядом с Порт Адни и купленные вашим высочеством у принца Волога.

— О да, и они обошлись мне в весьма круглую сумму, — весело признался он.

— Может ли некий человек рассчитывать на такие же условия для принцессы Чианы?

— Некий — да. Но если этот человек принц Мийон, то он может получить и более определенный ответ.

Коротышка согнулся в поясе.

— Ваше высочество, прошу милостивого разрешения удалиться.

Рохан добродушно помахал ему рукой, затем позвал Таллаина и предупредил: что бы ни было, но принца Мийона следует провести к нему еще до того, как в лагере Рохана появятся Давви и Чейл. Юноша понимающе хмыкнул. Оставшись один, Рохан принялся за благодарственное письмо Фейлин. Сьонелл он написал отдельно, прозрачно намекнул на подарок с ярмарки и отложил письмо в сторону, чтобы Сьонед могла добавить к нему несколько строк. Он дошел до середины письма Вальвису, в котором просил подробно описать ход маневров, когда вновь вошел Таллаин.

— Милорд верховный принц, его высочество Кунакский желает говорить с вашим владетельным высочеством.

Рохан растерянно замигал от такой торжественности, но тут же понял, что Таллаин намеренно говорит громко, чтобы его услышал Мийон. Стараясь не улыбаться, принц ответил:

— Впусти скорее. Нельзя заставлять его ждать!

Оруженосец поклонился, сделал каменное лицо, и спустя несколько секунд в покои вошел Мийон. Он кивнул Рохану, с досадой посмотрел на Таллаина и сел там, куда указал Рохан.

— Для красивых слов у меня хватает министров,— без экивоков начал принц.— Кузен, буду с вами откровенным. Что вы дадите за Чианой, если она выберет меня в мужа?

— Кузен, я не знал, что вы собираетесь жениться.

Мийон снисходительно улыбнулся, как делают все, кто считает, что ключ от запертых ворот лежит у них в кармане.

— Отчего бы и не жениться, если это будет выгодно?

— Ай-яй-яй,— покачал головой Рохан.— Вот она, нынешняя молодежь! Другой на моем месте подумал бы, что красота юной леди для вас главное.

— Брак по любви — это роскошь для принцев, у которых нет никаких проблем,— напрямик заявил Мийон.— Кузен, на каких условиях мы можем заключить сделку?

Рохан посмотрел ему прямо в глаза. Они были черными, как стекловидный камень Скайбоула.

— Что вы предлагаете?

— Мою поддержку в обмен на открытие для наших кораблей порта Тиглат.

— С Чианой в качестве... как там выразился ваш человек? Ах, да: красивой шелковой упаковки.

— Естественно, я бы не стал связываться с простолю-

динкой. Я хочу жениться на ней, чтобы убедить других, что именно ей принадлежат права, на которые претендует Масуль.

— Очень романтично. Это все, что вы хотите?

— Свободный доступ к тиглатской гавани — неплохая часть ее приданого.

— Часть, — эхом отозвался Рохан. — Что еще?

— Десять квадратных мер северных земель для моих складов.

— Дальше.

— Две сотни золотых монет, которые вы давали всем ее сестрам, когда те выходили замуж.

— Еще что? — терпеливо спросил Рохан.

— И к чертовой матери ваши армии от моей границы!

Рохан бросил взгляд на водяные часы и улыбнулся.

— Неужели безобидные военные манёвры в пятидесяти мерах от вашей границы заставляют вас так нервничать? Вас и ваших меридов, вооруженных лучшей кунакской сталью?

— Я пришел сюда, чтобы предложить вам...

— Вы пришли сюда за взяткой. — Улыбка Рохана не поблекла, но его глаза и голос стали ледяными. — У вас, Мийон, три цели в жизни: порт, приличный кусок моих земель, чтобы отдать его меридам и скинуть их со своей шеи, и желание доказать, что вы достойны присутствовать на собраниях принцев. Первое и второе зависит только от меня. Третье — ваша собственная проблема. Я не собираюсь помогать вам убеждаться в том, что вы стали взрослым.

Мийон вскочил, дрожа от негодования.

— Как вы смеете!

— Слушай меня внимательно, князек. Ты хочешь жениться на Чиане, потому что думаешь, будто она принесет тебе и то, и другое, и третье. Право пристани в Тиглате, кусок моих земель и похвалы принцев за то, что ты сумел перехитрить меня. Я правильно подвел итог?

— Лучшего предложения вы не получите!

— Ты ошибаешься. В день твоей свадьбы с Чианой я в нескольких местах перейду границу Кунаксы с войском, которого тебе и за двадцать лет не собрать. Вам, жадным маленьким князькам, вполне хватит и трех ярдов моих северных земель, поскольку вы с Чианой бесконечно раздражаете меня. Я тоже хорошо ее знаю, Мийон. Я позволил тебе прожить так долго...

— Позволили мне! — выкрикнул Мийон.

— Не то советники, которые всю юность продержали тебя на цепи, не удосужились обучить тебя хорошим манерам, не то ты слишком много времени провел со своими друзьями меридами. Ты знаешь, кем они были изначально? Братством профессиональных убийц, пользовавшихся острыми как бритва стеклянными ножами. — Рохан положил ладони на стол. — Кузен, как-нибудь ночью ты проснешься и обнаружишь у себя в горле стеклянный нож.

— Они имеют полное право на Пустыню! Все эти земли принадлежали им, пока ваш дед...

— Никаких прав у них нет и не было. Вот поэтому большинство принцев и поддержало моего деда. Черт побери, Мийон, тебе наплевать на их права, и держишься ты за них только потому, что они дают тебе повод проявлять свое честолюбие. Князек, я прекрасно знаю, что все это обещала тебе Киле, но ты ей не доверяешь. Впрочем, как и самозванцу.

— Как вы... — Мийон слишком поздно спохватился, и его лицо покраснело от гнева.

— Ты пытаешься построить мост через реку, но деревья у тебя хватило, чтобы довести его только до середины, и теперь ты хватаешься за того, кто посулит тебе больше досок. Я не предлагаю тебе ничего, Мийон. Я не нуждаюсь в твоей поддержке, а особенно в такой, которая куплена ценой моей чести и будущего моего сына. Можешь падать в реку и тонуть — мне наплевать на тебя. Я позволяю тебе уйти.

На мгновение Рохану показалось, что взбешенный Мийон вот-вот бросится на него.

— Ты и твоя фарадимская сука! — наконец прошипел он. — Шпионы, интриганы! Вы думаете, что принцы будут всю жизнь сидеть сложа руки и любоваться вашими фокусами? Нами не будут править из Стронгхолда и Крепости Богини! Мы терпели фарадимов и верховного принца, но по-разному, а не вместе!

— Мийон, когда ты будешь пересказывать эту историю, будь любезен излагать ее точно. Часы показывают мне, что в эту самую минуту в моей приемной сидят их высочества Оссетский и Сирский и слышат каждое твое слово. Будет очень неудобно, если им придется поправлять тебя на людях.

Умница Таллаин прекрасно выбрал момент. Он вошел в покои и доложил:

— Их владетельные высочества принц Чейл и принц Давви ждут ваше высочество.

— Слышал? — улыбнулся Мийону Рохан. — Я был прав. Подай им вина, Таллаин, и скажи, что я скоро буду. Ну что, Мийон?

Голосом, осипшим от ярости, молодой человек сказал:

— Сегодня ты нажил себе лютого врага, верховный принц.

Рохан больше не улыбался.

— Мой род и твой род стали врагами в тот самый день, когда в замке Пайн приняли первого мериды. Удивляюсь, что тебе потребовалось столько времени, чтобы понять это.

Мийон круто развернулся и вышел из шатра. Тут же во внутренние покои шагнули Чейл и Давви, и Рохан встретил их шутливой гримасой.

— Я боялся, что он скажет что-нибудь вроде «ты горько пожалеешь»!

— Это было убийственно, — откликнулся Давви. — Рохан, он злобный ублюдок. Следи за ним.

Чейл уселся и бросил на Рохана любопытный взгляд.

— Я оценил вашу идею насчет его брака с Чианой. Почему бы им и в самом деле не пожениться? Они стоят друг друга. Но расскажите мне, как вы узнали, что он разговаривал с Киле.

— Кузен, с помощью моих дам сделать это проще простого. Жена Кабара Гиладского терпеть не может Мийона. Вчера, когда наши дамы встречались друг с другом, моя сестра поговорила с ней... — Он закончил фразу пожатием плеч.

— Ах да, несравненная принцесса Тобин! Будь я на двадцать лет моложе, я бы потянулся за ней с Чейналем, верьте моему слову! — Чейл продолжал рассматривать Рохана, но сейчас на его губах играла слабая улыбка. — Я часто вспоминаю юного принца с невинным лицом, который провел нас всех во время его первой Риаллы. Ваш отец гордился бы вами, Рохан.

— Спасибо. Это особенно приятно слышать от человека, который отнюдь не всегда соглашался со мной. — Рохан опустился в кресло, стоявшее в стороне от письменного стола. — Но давайте поговорим о более приятном. Как вам понравилась Гемма?

— Давви хорошо потрудились, — ворчливо сказал

Чейл.— У нее светлая голова и сильный характер. Она напоминает ее мать, мою сестру Чалию. Но я уверен, что вы спрашиваете, как я отношусь к идее брака между ней и парнишкой Давви, Тилалем.

— Мы с его высочеством говорили об этом все утро,— вставил Давви и уныло улыбнулся.— Мы согласились, что я был полным идиотом, не заметив этого раньше. Его высочество любезно соизволил предложить, чтобы свадьба прошла в узком кругу и была отпразднована после Риаллы.

— Из уважения к моему сыну и внуку, а также к молодому Костасу,— кивнул Чейл.

— Который не станет прыгать от счастья, упустив такой выигрыш. Милорды, я очень доволен, что по крайней мере одна вещь в этом году обернулась к лучшему! — Рохан подал знак Таллаину, и тот внес кубки с вином. Они в совершенном согласии выпили за здоровье молодых людей. Случалось такое настолько редко, что на лице у каждого появилась лукавая усмешка.

— Она выходит за человека, который сделает счастливой не только ее, но и всю Оссетию.— Чейл помедлил и пожал плечами.— Ты прав, Рохан, у меня было не так уж много общего с твоим отцом, и на многое мы с тобой смотрели поразному. Мне неприятно в чем-либо соглашаться с Мийоном, однако твой сын с даром фарадима беспокоит и меня. Мне нравятся его задатки, но мальчику еще расти и расти, а власть испортила не одного хорошего человека. Таких примеров хватает.

— Я понимаю ваши сомнения, кузен. Я и сам их испытываю. Но я верю в характер Поля и в ту подготовку, которую он получает у Ллейна, Чадрика и Аудрите.

— А что будет после того, как он съездит в Крепость Богини и узнает фокусы с солнечным светом и Огнем? — Чейл откашлялся и снова пожал плечами.— Ладно, все это в будущем и ко мне отношения не имеет. Главное, что в деле с претендентом я на твоей стороне, и для этого у меня две причины.

Рохан искусно скрыл ликование.

— Благодарю за поддержку, милорд.

— Лучше поблагодари своего предшественника на посту верховного принца,— строго сказал Чейл.— Только круглый дурак предпочел бы тебе второго Ролстру. А поглядев на твоего мальчика, я понял, что от мысли о сыне Ролстры

меня тошнит. Это первая причина. Вторая — Гемма. Если признают права этого самозванца, она и Тилаль будут вынуждены иметь с ним дело, а Гемма совершенно ясно выразилась: после того, что Ролстра сделал с ее братом, она до конца своих дней будет считать Масуля кровавым врагом. — Старый принц крикнул. — Использовать гордость мальчишки, чтобы втравить его в худшую из битв! Знаешь, я часто поддерживал Ролстру, но это дело раскрыло мне глаза.

— Однако Ястри погиб именно в битве со мной, — не мог не сказать Рохан.

— Ты считаешь меня дураком? Да, он был моим племянником, но я знаю, кто послал его на смерть. Конечно, я не в восторге от того, что ты командовал убившими его солдатами, но настоящую ответственность за его смерть несет Ролстра.

Рохан медленно кивнул.

— Простите меня...

— Политика — странная вещь, — задумчиво отозвался Чейл. — Посмотри на Саумера с Вологом. Столько лет держать друг друга за глотку, а сейчас суетиться вокруг их общего внука, как будто они в жизни не украли друг у друга ни одной овцы. Но куда страннее то, что твоим регентом в Марке является дочь Ролстры... — Он вздохнул и покачал головой. — Знаешь, большинство из нас разумные люди. Никому не хочется дрожать за свою шкуру. Мийон этому еще не научился и потому опасен.

— Так же опасен, как принцесса-фарадим, моя жена? — улыбнулся Рохан.

На секунду у Чейла вытянулось лицо, а потом он расхохотался лающим смехом:

— Ох, твой отец бы души в ней не чаял!

— Еще один комплимент, — сказал Рохан, на сей раз улыбаясь во весь рот. — Могу я сказать в ответ, что мой отец высоко оценил бы вашу поддержку и ваш здравый смысл?

Чейл погрозил ему пальцем.

— Ишь, умник! Я вовсе не обещаю, что отныне буду соглашаться с каждым твоим словом,

— Кузен, если бы вы это сделали, я был бы разочарован.

— Ну, раз так, вели принести вина, и мы еще раз выпьем за Гемму и Тилалья. Может, твоему парнишке удастся легче завоевать свою Избранную!

На Рохана уставились полные гнева зеленые глаза Сьонед.

— Как ты мог? Ведь все так хорошо складывалось! Мийон мог стать нашим! Он был у Чианы на крючке! Все, что от тебя требовалось, это чуть-чуть помочь ей!

Рохан терпеливо вздохнул и сказал:

— А если нет? Это дало бы ему отличную возможность унижить меня. Достаточно было бы на совете принцев сказать, что я согласился на все его требования в отношении Чианы, как остальные решили бы, что я умолял Мийона жениться на ней, чтобы таким образом завоевать его поддержку.

— Это бы ему не удалось! — вспыхнула она.

— Еще как удалось бы. Сьонед, он хотел перехитрить меня, увериться, что в чем-то превосходит меня. Вместо этого я дал ему понять, что у него мозгов не хватит тягаться со мной. Никогда. Ты забыла, что он привечает меридов не только у себя в стране, но и при своем дворе? Что они пытались убить Поля? Думаешь, они смогли бы сделать это без его помощи?

— Ты нажил себе врага. Разве это лучше, чем худой мир?

— Предпочитаю иметь открытого врага, о котором знает каждый, чем притворного друга, который сможет дурчить моих *настоящих* союзников. Теперь они будут остерегаться. А когда он начнет приставать к другим принцам, те будут помнить, что мы с ним смертельные враги, и дважды подумают над тем, что он скажет... Кроме того, неужели ты действительно хочешь, чтобы Чиана жила на нашей границе и вместе с Мийоном строила нам козни? Женщина, самое имя которой означает «измена»? Нет, ничего другого мне не оставалось. Жаль, что ты огорчилась, но эти вещи решать мне, а не тебе.

Она ненадолго умолкла, а затем покачала головой.

— Рохан, я понимаю, почему ты сделал это. Но мне не нравится то, что ты использовал меня. И Тобин тоже, заставив нас вести Мийона и Чиану туда, куда ты хотел.

Идея натравить Чиану на Мийона принадлежала Сьонед. Рохан не поддерживал ее, но и не препятствовал, просто пользуясь результатами того, что она делала по собственной

воле. Очень удобная позиция... Он благоразумно промолчал об этом, а вслух сказал:

— Ты изучила все, что нужно знать принцу. Но ты еще не знаешь, что иногда людей просто приходится использовать.

— Это одна из тех вещей, которым я не хотела учиться у Андраде,— спокойно сказала Сьонед.

— О да, это она умеет в совершенстве. Использовать людей некрасиво и не героично. Разница между мной и Андраде вот в чем: я ненавижу то, что мне приходится это делать. Так обстоит дело сейчас. Да, признаю, я хорошо повеселился на моей первой Риалле, заставив Ролстру делать то, что я хотел. Мне нравится использовать дураков, неспособных понять, что собственное честолубие ведет их именно туда, куда мне нужно. Мийона мне ничуть не жаль. Пусть сначала научится кланяться мне. А что касается остальных...

— Они кланяются *слишком* низко?

Он кивнул.

— Поэтому я так ценю Чейла, Ллейна и Давви. Они кланяются так же, как все остальные, но понимают, *почему* это необходимо. А другие... просто кланяются, и все.— Он поглядел на водяные часы и вздохнул.— Опять полночи прошло. А завтра тяжелый день...

— Рохан...— Сьонед стояла рядом с его креслом, а он брал ее за талию.— Любимый, позволь, я помогу тебе уснуть.— Когда Рохан улыбнулся и покачал головой, она продолжила:— Ведь ты совсем измучен. И я тоже. Я не могу уснуть, если не спишь ты. Только один раз, Рохан. Доставь удовольствие твоей фарадимке-жене и дай ей немного поколдовать для тебя.

— Ты ведь все равно сделаешь по-своему, правда? А, ладно. Похоже, на сегодня достаточно. Единственное, чего мне не доставало, так это доводов моей упрямой ведьмы.

— Тогда добро пожаловать,— лукаво сказала она, и Рохан засмеялся.

Вскоре они лежали в объятиях друг друга под шелковой простыней и легким шерстяным одеялом. Сьонед тесно прижалась к боку мужа; ее лицо купалось в прозрачном лунном свете, пробивавшемся через окошко. Она закрыла глаза, принялась сплетать нежные серебряные пряди в тонкую сеть и набрасывать ее на Рохана. Он вздохнул, расслабился и мгновенно уснул.

Сьонед без сна пролежала рядом до самого утра, прислу-

шиваясь к тяжелому, неровному дыханию и ударам сердца, в точности совпадавшим с ее собственными.

* * *

Рохан еще раз посмотрел на Андраде и сказал:

— Его высочество Кунакский.

Поднялся высокий, тощий и неумолимый Мийон.

— Я на стороне принца Масуля.

Ллейн приподнял бровь. Преимущества старости и долгого правления позволяли ему высказываться во время голосования.

— Леди Чиана будет разочарована.

Щеки Мийона вспыхнули.

— Я голосую мозгами, а не тем, что у меня между ног!

— В самом деле,— мирно согласился Ллейн.

Андраде сделала отметку на пергаменте.

— Его высочество Оссетский.

Чейл рывком встал на ноги.

— Я считаю, что этого молодого человека ввели в заблуждение,— рявкнул он, глядя на Масуля, который непринужденно стоял у водяных часов.— Он такой же сын Ролстры, как и я.

— Ну, значит, мы братья,— сказал Масуль и отвесил Чейлу короткий, насмешливый поклон.

— Тихо!—прикрикнула заполнявшая пергамент Андраде.

— Его высочество Дорвальский.

Ллейн, которому понадобилось много времени, чтобы подняться, тяжело оперся на трость с драконом.

— Я пристально следил за всеми обстоятельствами этого дела. Не вижу причин не доверять показаниям леди Андраде и принцессы-регента о событиях той странной ночи. Более того, я не вижу доказательств, которые подтверждали бы справедливость требований претендента. Я сожалею, что это может причинить ему боль, но совесть не позволяет мне признать его права.

— Его высочество Крибский,—сказал Рохан, когда Ллейн сел и перестала скрипеть ручка Андраде.

Велден вскочил и принял воинственную позу.

— Не могу согласиться с кузеном Дорвальским! Нет доказательств, которые позволили бы отвергнуть его требова-

ния! Хотя кое-кто из присутствующих продолжает питать сомнения, лично я никаких сомнений не питаю и считаю, что лучшее доказательство — это наши глаза. Я верю, что он сын Ролстры.

— Его высочество Фессенденский.

Долговязый Пиманталь неуклюже выбрался из кресла.

— Принц Масуль, — только и вымолвил он, слегка поклонившись в направлении молодого человека.

Следя за тем, как Пиманталь опускается обратно в кресло, Рохан задумался, что такого могла ему предложить Киле...

— Его высочество Сирский.

Давви наклонился и уперся костяшками в стол.

— Я согласен с кузенами Оссетским и Дорвальским и их причинами. Но у меня есть еще одна. Даже если бы этот человек был сыном Ролстры и даже если бы я был убежден в этом, Марка много лет назад была присоединена по праву войны, подтвержденному законом. Я получил Сир почти так же. Правда, я остался единственным наследником мужского пола в нашей семье. Но мои права на престол основываются на тех же законах войны, как и право Пустыни на Марку. Если принцы сочтут возможным нарушить собственное соглашение от весны сьмьсот пятого года, которое признало права милорда Рохана на Марку, то... — он обвел стол холодными глазами, — тот же самый принцип — или *отсутствие* его — должен быть распространен и на меня.

Измученный до глубины души, как и все остальные, Рохан невольно воскликнул:

— Давви!

Брат Сьонед спокойно встретил его взгляд.

— Я знал, что ты не согласишься с этим, Рохан. Но верь, я не шучу: если завоеванную и по закону присоединенную страну можно так же легко отобрать и отдать другому, то я не желаю иметь дела с другими принцами. — Он сел.

Рохану потребовалось мгновение, чтобы оправиться. Но голос его был по-прежнему твердым.

— Его высочество Кирстский.

Волог встал так, будто вздернул самого себя на канате, бросил пронзительный взгляд на Масуля и сказал:

— Я не собираюсь менять хорошее правление и многолетний мир на никому не известного крестьянина, который не убедил меня ни в чем, кроме того, что обладает невероятной наглостью.

Мийон Кунакский окаменел от оскорбления.

— Осторожнее, кузен,—выдавил он.— Вам до конца дней придется сидеть с этим человеком за одним столом.

Волог вызывающе хохотнул.

— Черта с два, малыш!

— Милорд...—с укором пробормотал Рохан.— Его высочество Гиладский.

Мгновение он надеялся, что Кензе удалось пронять мужа и вырвать его из-под влияния Мийона. Но Кабар встал, вздохнул и промямлил, что согласен с их высочествами Кунакским, Крибским и Фессенденским. Затем он опустился на место, и перо Андраде закрипело по пергаменту. Рохан мельком поглядел на Саумера. Это был последний сомнительный голос. За Клоту, которому предстояло голосовать сейчас, можно было быть спокойным.

Старик неторопливо поднялся.

— Я хочу сказать, что наиболее мудрыми кажутся мне слова нашего кузена Кирстского. Но, как и кузен Сирский, я хотел бы назвать еще одну причину, определяющую мой выбор. Моя земля не раз была полем битвы между Пустыней и Маркой. Но вот уже пятнадцать лет на ней царит мир, которым я не собираюсь рисковать. Если кто-нибудь думает, что передача Марки этому парню закончится безболезненно, то он ошибается. А кто будет платить за сожженные поля и убитых людей? Я, вот кто! Я провел детство, юность и зрелость, глядя на то, как воюющие армии топчут мои луга, и не собираюсь видеть это в старости. Нет уж, спасибо! — Он плюхнулся в кресло и принялся хмуро рассматривать свои руки.

Пять против, четыре за. Рохан обернулся к Саумеру.

— Его высочество Изельский.

Старинный враг Волога и дед их общего внука неохотно поднялся на ноги.

— Кузены,—сказал он перехваченным от волнения голосом,—я долго думал над этим делом... Я не согласен с тем, что было здесь сказано о доказательствах. Ни та, ни другая сторона не представили свидетельств, которые позволили бы сделать однозначный выбор. И поэтому я хочу задать вопрос. Что дает каждому из них право на эту страну? Верховный принц, еще будучи правителем Пустыни, заявлял, что для успешного правления своими землями каждый принц должен знать, чем именно он владеет. Мы затратили

много труда, доказывая свои права на владение нашими землями, и принятые в результате этого соглашения доставили каждому из нас глубокое удовлетворение. Но если эти соглашения являются высшим законом, то о каком «праве войны» может идти речь? Признавая высшим правом силу, мы неминуемо вцепимся друг другу в глотку — как неоднократно случалось прежде. — Он украдкой посмотрел на Волога, который ответил ему вызывающим взглядом. — Если кто-то имеет право на свои земли, это означает, что он имеет право оставлять их сыну. Как правило, старшему и рожденному в законном браке; но есть примеры, когда их передавали младшему или незаконному наследнику. Если мы отступим от этого права и решим, что война является более законным способом обретения власти над страной или помещением, то тем самым посеем хаос и должны будем готовиться к скорой войне. Никто из нас не будет чувствовать себя в безопасности, от принца до самого последнего атри... — Он надолго умолк, а затем покачал головой. — Я не хочу сказать, что не доверяю леди Андраде или принцессе-регенту. Не хочу сказать, что не доверяю молодому человеку, который стоит перед нами. Я доверяю закону и моей собственной совести. И то и другое говорит мне, что Принцева Марка по праву принадлежит сыну покойного верховного принца Ролстры. — Он быстро обвел взглядом сидевших вокруг стола и опустил в кресло.

Рохан удержал тяжелый вздох, который так и рвался из груди, и загнал внутрь разочарованную усмешку. Саумер сделал это вовсе не назло Вологу или кому-нибудь другому: он был честен в своих опасениях и в своей вере. На самом деле, с мрачным юмором напомнил себе Рохан, ему следовало бы радоваться словам, которые сорвались с губ Саумера: «Я доверяю закону». Он двадцать с лишним лет работал не покладая рук, чтобы внушить принцам эту веру. А раз назвался груздем...

Тишину нарушили хруст пергамента и голос Андраде.

— Итак, результат подсчета голосов следующий: Оссетия, Дорваль, Сир, Кирст и Луговина против; Кунакса, Гилад, Криб, Фессенден и Изель за. — Она оторвала взгляд от своих записей. — Милорды, это означает, что мы зашли в тупик.

Рохан не мог заставить себя встретиться с ней глазами,

зная, что он там найдет. Масуль закусил губу, его пальцы барабанили по резной деревянной подставке часов.

Наконец Рохан поднялся, намеренно приковав к себе взгляды всех присутствующих.

— Милорды, дело обстоит именно так, как сказала леди Андраде. Ни одна точка зрения не получила большинства. Фирон остался без принца, а мой голос и голос принцессы-регента недействительны. Я вижу несколько выходов из этого положения.

Слова Рохана заставили их выпрямиться, но только Масуль осмелился выразить владевшее всеми недоумение.

— Что вы имеете в виду? — И только когда кто-то возмущенно вздохнул, самозванец добавил: — Милорд...

— Я имею в виду, что у нас есть выбор. Представленные доказательства не смогли убедить ни тех, ни других. Но...

Наконец он рискнул взглянуть на тетку. Та медленно кивнула и положила на стол длинные руки с десятью кольцами и мерцающими браслетами.

— Что это значит, миледи? — мягко спросил Ллейн.

— Фарадимы обладают некоторыми возможностями, о которых не знают не только непосвященные, но и подавляющее большинство самих фарадимов. К примеру, кое-кто из нас умеет достаточно ясно видеть будущее, — ответила Андраде.

— Прошу прощения, миледи. Надеюсь, вы не предлагаете нам взглянуть, на что будет похож мир, если в замке Крэг станет править принц Масуль? Я не слышал ничего более...

Андраде продолжала так, будто Мийон не открывал рта:

— Милорды, я сама не раз делала такое. Но в настоящий момент требуется нечто другое. Прошрое. В частности, хранящиеся в моей памяти воспоминания о событиях ночи, имевшей место двадцать один год назад. С помощью некоторых средств... я могла бы вызвать прошлое и дать вам увидеть его. Это трудно и опасно. Однако я надеюсь, что тот, кто не поверил мне, поверит тому доказательству, которое я собираюсь представить.

— Но почему мы должны верить в этот абсурд и позволять его? — воскликнул Велден. — Я никогда не слышал о такой способности. Откуда я знаю, что это не фокус?

— Вы смее сомневаться в слове леди? — В глазах Ллейна сверкали молнии.

— Успокойся, мой друг,— сказала Андраде.— Он прав. Принц Велден, вас удовлетворит, если для начала я покажу сцену из прошлого, свидетелями которой были мы оба?

У ошеломленного Кабара отвисла челюсть; Мийон был встревожен, но старался скрыть это; Масуль насмешливо скривил губы. Пиманталь казался заинтригованным, а Саумер—полным надежды. Наконец принц Изельский сказал:

— Если это может рассеять наши сомнения и не слишком опасно для вас...

— Для меня? Возможно,—ответила Андраде, пожимая плечами.— Но я думаю, еще большая опасность грозит ему.— Она иронически посмотрела на Масуля.— Ну? Ты достаточно уверен в своей правоте, чтобы рискнуть подтвердить ее с помощью искусства «Гонца Солнца»?

— В которое я ни капли не верю,— парировал Масуль.— Но если этого желают их высочества, почему бы и нет?

— Хорошо.— Она встала и поклонилась Рохану.— С вашего позволения, милорд, я вернусь к себе и начну готовиться.

— К завтрашнему утру, миледи? — Внезапная бледность Андраде привела его в ужас.

— К сегодняшнему вечеру. Надо покончить с этим как можно скорее.— Она снова смерила Масуля взглядом.— Ты отнял у нас много сил и времени. У их высочеств хватает более важных дел.

Не добавив к этому ни слова, она вышла из шатра, в котором по-прежнему стояло молчание. Принцы смотрели друг на друга, а потом переводили взгляд на Рохана. Он откашлялся.

Но прежде чем он успел открыть рот, заговорил Масуль — легкомысленно, насмешливо растягивая слова, в которых, однако, сквозила нескрываемая враждебность.

— Ну, кузен,—сказал он Рохану,—похоже, семейная ведьма—ваша последняя надежда. Впрочем, мне все равно. Меня не напугаешь ничем.

— Значит, ты круглый дурак,—спокойно ответил Рохан.— Милорды, встречаемся здесь же на закате. Никто не будет возражать против присутствия верховной принцессы, моего сына и принцессы-регента?

Возражений не было; их и не могло быть. Вновь воцарилась зловещая тишина, и Рохан остался один. Несколько минут он стоял молча, ничего не видя вокруг, а потом рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

— Пресвятая Богиня,— прошептал он.— Что я наделал? И чем это кончится?

Ответов не последовало.

ГЛАВА 23

Псевдопринцесса выросла за спиной Таллаина, едва тот доложил о ее приходе. Сьонед все утро в одиночестве ждала мужа. Таллаин сообщил новость и повернулся, чтобы уйти. Но тут, наступая ему на пятки, в покои вторглась Чиана и затопала по ковру с явным намерением стереть его в порошок.

— Как вы могли допустить, чтобы это случилось? — крикнула она. — Как вы *могли*?

— Тихо, — угрожающе сказала Сьонед.

Но Чиана и представления не имела, что у других людей есть нервы; хуже того, она и не собиралась его иметь. Сьонед встала, испытывая бешеное желание выгнать Чиану вон, пока не вернулся Рохан. Ему понадобятся те крохи спокойствия, которые могла дать только Сьонед. Но Чиана продолжала пронзительно и многословно поносить ее.

— Вам стоило только приказать, и этот претендент был бы мертв! Мой отец казнил бы его, не дав открыть рта! Что толку во власти, если вы ею не пользуетесь? А я должна расплачиваться за вашу трусость! Я должна терпеть насмешки тех, кто сомневается в моем происхождении! Я должна...

До сих пор Сьонед проявляла ангельское терпение, но тут дал себя знать ее характер.

— «Я, я, я»! Ты всегда думаешь только о себе! Дочь Ролстры! Никаких сомнений! Так себя может вести только отродье этой змеи! Пошла вон, или я вышвырну тебя собственными руками!

Казалось, кричит кто-то другой, чья-то чужая рука угрожающе вздымается в воздух... И только изумруд напомнил ей, что занесенная для удара рука действительно принадлежит ей...

— Убирайся,— прошептала она.— Убирайся, пока я не забыла, кто я есть.

— Зато ты забыла, кто я!

Из приемной донесся взволнованный голос Таллаина.

— Ваше высочество, пожалуйста...

— Что, пришел Рохан? Я должна сейчас же поговорить с ним!

Пандсала... Только ее здесь и не хватало... Зашелестел полог, и Сьонед услышала за спиной истерический хохоток Чианы.

— Пандсала! Скажи ей! Мы обе требуем его казни!

При виде единокровной сестры Пандсала вздрогнула; вид у нее был виноватый. Сьонед сжала кулаки.

— Ну?— выпалила Чиана.— Давай! Скажи ей! Если ни у кого из вас не хватает смелости, я сама прикажу убить этого ублюдка!

— Если он умрет, ты умрешь следом, и сделаю это я сама с помощью искусства «Гонца Солнца»!

— Ты не посмеешь!— побелела Чиана.

— В самом деле?— любезно улыбнулась Сьонед.

Именно в этот момент в шатер вошел Рохан. Достаточно было одного его взгляда, чтобы унять Чиану. Затем ледяные глаза обратились на Пандсалу. Наконец принц посмотрел на жену, и на его лице отразилась досада.

— Я вижу, у вас здесь разгар битвы.— Он вышел.

Чиана осталась стоять с открытым ртом. Пандсала колебалась, что ей предпринять: завопить, наброситься на сестру или сделать и то и другое. Сьонед хотелось заплакать. Кровь застыла в жилах, лицо превратилось в ледяную маску. Она посмотрела на тех, кто посмел нарушить покой мужа.

— Оставьте меня,— бросила она.

— Я не служанка!— возразила Чиана, но без прежнего праведного гнева.— Я принцесса!

— Замолчи, дура!— прошипела Пандсала и одной рукой выволокла ее из шатра.

Оставшись одна, Сьонед бессмысленно уставилась на опустившийся полог.

* * *

Пандсала затолкала сестру в ближайшую палатку и крикнула стражам, чтобы ее не выпускали. Если целью Рохана

была тишина, он наверняка отправился на берег реки, ниже лагеря. Конечно, там он и был. Рохан шагал вдоль кромки воды, попирая ногами гальку. Пандсала подобрала длинные юбки и заторопилась следом. Когда позади осталась последняя палатка, расстояние между ними сократилось и Пандсала окликнула:

— Милорд! Подождите!

Рохан гневно обернулся, но при виде Пандсалы выражение его лица изменилось, и у принцессы вновь дрогнуло сердце. Хотя лед не растаял, Рохан не позволит себе сорвать на ней злость. На ком угодно, только не на ней...

— Милорд... Прошу прощения за Чиану. Это непростительно.

— В Чиане все непростительно, — откликнулся он. — Миледи, ради этого не стоило торопиться за мной.

— Нет, — призналась Пандсала. — Я хотела кое-что обсудить с вами, милорд. Я хочу избавить леди Андраде от...

— Она уже сказала, что вы не сможете заменить ее. Пожалуйста, не предлагайте этого, Пандсала.

— Я бы сделала это. Но, может быть, никому из нас не придется предпринимать таких попыток.

— Объяснитесь.

Она посмотрела на поросший деревьями склон.

— Милорд, давайте отойдем подальше. Никого нет, но... — Рохан кивнул, и они побрели вдоль берега. — Принцы оказались в тупике. Сторонников Масуля не переубедишь. Это равносильно признанию его правителем Марки. Раз голосование не позволило отвергнуть его притязания, ваша собственная честь потребует, чтобы он был признан, хотя пятеро принцев считают его лжецом. Будь их шесть или семь, он был бы отвергнут. Но даже если бы его защищали всего двое-трое, этого Масулю хватило бы, чтобы набрать армию и в союзе с ними пойти на Марку войной. Я не хочу войны, милорд. Но она непременно будет, в нее втянутся все остальные, и то, за что мы боролись, рассыплется в прах.

— Верно, — согласился Рохан. — Что вы предлагаете?

— Если нельзя изменить следствие, нужно изменить причину.

— И как бы вы это сделали?

Она посмотрела на Рохана искоса и тяжело вздохнула.

— То же, что предлагала Чиана. Убить его.

Рохан остановился как вкопанный и обернулся к ней.

— Пандсала...

— Выслушайте меня до конца, милорд! Пожалуйста! Я уже убивала, используя свой дар фарадима, мы оба знаем это.

— Как Съонед?—бросил он.—Это вовсе не значит, что вы будете убивать снова, а тем более сейчас!

— И она тоже?—Это было для Пандсалы новостью и меняло ее представления о верховной принцессе.—Тогда она поймет. Я сделаю это, милорд. Вы сможете обвинить во всем меня и наказать как угодно. Масуль не сын моего отца, но даже если бы он был им, я бы не смогла видеть его в замке Крэг.

— Прекратите! Хватит!

— Милорд, это единственный выход! Все вышло по моей вине. Чиана права. Я убью Масуля средствами «Гонца Солнца» на глазах у всех. Вы и Андраде сможете наказать меня... И если это будет смертная казнь—что ж, пусть!

Какое-то мгновение она безумно надеялась, что Рохан не устоит перед искушением. Но тут он сердито огрызнулся:

— И слышать не желаю!—Принц вырвался и пошел дальше.

— Рохан, пожалуйста!—Она снова побежала за ним, схватила за руку и сжала так крепко, что топаз врезался ей в ладонь.—После этого ничто не будет грозить Полю!

— Если бы это было возможно, я сам покончил бы с ним. Разве не я убил вашего отца?!—Он отнял руку и положил обе ладони на ее плечи.—То, что вы говорите, безумие. Одна Богиня знает, насколько я сам близок к нему. Послушайте, Пандсала. Масуль должен жить, пока каждый не поверит в Поля, а не в него. Когда это случится, Масуль умрет. Но не потому, что он бросил вызов мне. Я не могу убить его. И вы тоже.

— Какая мне разница?—крикнула она.—Одним больше, одним меньше... Ради Поля я убила достаточно много народу!

До него дошло не сразу. Но когда Рохан увидел ее отчаянные темные глаза, его щеки стали пепельными.

— Что вы говорите?—выдохнул он.—Что вы сделали?

Пандсала смотрела ему в лицо и рассказывала правду о том, как прошли эти четырнадцать лет.

Рохан слушал страшный перечень ее преступлений и не верил своим ушам. Лихорадочный голос Пандсалы и ее

безумно расширившиеся глаза делали эту сцену ожившим ночным кошмаром. Наконец она задохнулась и умолкла, прижав руки к его груди. Рохану насмешливо подмигивали горевшие на солнце кольца «Гонца Солнца» и врученный им топаз.

Да, она убивала ради Поля. Не только лучника, факелом вспыхнувшего на башне замка Крэг. Ох, нет...

Первым стал неродившийся сын Найдры, убитый в утробе матери через год после того, как Пандсала стала регентом. Из-за отсутствия наследника после смерти лорда Нарата Порт Адни вернется к Кирсту. А Кирстом правит родственник Поля.

Киприс была убита ядом, которым пропитали присланное ей письмо. Невеста Халиана умерла, не успев зачать внука Ролстры.

Затем Обрам Изельский, единственный сын Саумера, женатый на дочери Волога Бирани... Он утонул; детей от этого брака не было. Его сестра Хеватия, жена наследника Волога, к тому времени уже носила ребенка, который после смерти Обрама должен был унаследовать оба государства. Кирст и Изель однажды тоже достанутся родственнику Поля.

Леди Русалка умерла в результате несчастного случая на охоте незадолго до свадьбы. Леди Павла преставилась благодаря ожерелью с отравленными шипами почти через год после ее выхода замуж за принца Айита Фиронского.

Были и другие. Лорд Нижнего Пирма Тибаян, отказывавшийся выполнять указания Давви, поплатился за свое упрямство жизнью. Как и леди Рабия с Холмов Каты, чья смерть при родах наступила после того, как ее муж не дал разрешения на строительство порта в устье Фаолейна, первой совместной торговой инициативы Сира и Пустыни. Смерть жены сделала Патвина более сговорчивым. Это и имела в виду Пандсала, когда убивала еще одну сестру.

А следующей стала леди Наяти. Два года назад она погибла от ножа того, кого сочли простым бандитом. Ей тоже нельзя было позволить родить мальчика, который мог оспаривать права Поля.

В Новый год Пандсала завоевывала Фирон. Она не могла дожидаться смерти Айита и ускорила ее отравленным вином, от которого у старика остановилось сердце.

И наконец Иноат и Йос, утонувшие во время прогулки по озеру Кадар. Эта двойная смерть сделала племянницу Чейла

Гемму единственной наследницей престола... Когда распространился слух о том, что Костас женится на Гемме, судьба Иноата и Йоса была решена. И какая разница, если мужем Геммы станет не Костас, а Тилаль? Результат тот же...

В этом году Пандсала обратила свой взор на Киле. Не в состоянии предотвратить ее брак с Лиеллом, по какой-то непонятной ей самой причине принцесса позволила сестре родить сына и дочь. Но теперь Киле была обречена.

Кого еще она замыслила убить? Только сыновей Янте. Никто не слышал о них после того, как сгорел Феруче. Пандсала была убеждена, что они живы. Она искала их долгие годы и будет искать, пока окончательно не убедится, что они мертвы. Потому что эти трое сильнее всех будут желать земель, замков, стран, власти... и смерти Поля.

Одиннадцать убийств за неполные пятнадцать лет. И ни намек на то, что эти смерти не случайны. Никто не связывал их с женщиной, которая сейчас глядела на него снизу вверх, прижав кулаки к его груди. Пот выступил у нее на лбу. На солнце было жарко, но еще более страшный жар бушевал у нее внутри.

— О всеблагая Богиня... *Почему?* — шепотом спросил он и узнал такую страшную правду, с которой не могло сравниться все, что он слышал до сих пор.

— Потому что сын, которого дала тебе *она*, должен был быть *моим!*

Колоссальным усилием воли Рохан подавил панический ужас. Если она знает, потребуется весь его ум, чтобы не разрушить внезапно возникшее между ними равновесие. Больное, извращенное равновесие, где точкой опоры служил Поль: любовь Рохана уравнивалась ложью Пандсалы.

Рохан обязан был любой ценой поддержать его. Он возвратил ей власть, Марку, гордость, а она очистила континент от тех, кто мог мешать Полю. Но ее чудовищная преданность стала расплатой за право пользоваться ею и быть слепым.

Пламя, горевшее в темных глазах Пандсалы, было пламенем ненависти, однако эта ненависть никогда не направлялась на Рохана. Хотя того, что он отверг ее ради Сьонед, вполне хватило бы, чтобы возненавидеть его. Как она могла ненавидеть человека, который придал ее жизни смысл, человека, ради сына которого она трудилась все эти годы? Отца — да. За то, что он сослал ее в Крепость Богини. Сьонед,

которой принадлежали сердце, тело и разум Рохана. Янте, которая родила ему сына. Она ненавидела их, потому что Рохан потратил на них больше собственной души, чем на нее. Сердцевиной ее ненависти была ревность. Ревность к Ролстре, с которым Рохан так долго боролся; к Сьонед, которую он любил; к Янте, которая выносила его сына. Они имели право претендовать на него, а Пандсала — нет. Поэтому она решила претендовать на будущее его сына. Убивать во имя этой любви, уродовать чужие жизни ради безопасности его собственной. И оставить Полю в наследство мир, основанный на крови и ненависти.

Дочь Ролстры.

Андрате все эти годы предупреждала его. И Тобин, и Чейн, и Оствель. Но Рохан был слишком уверен в собственной прозорливости. В том, что знает, каким образом она воспользуется данной ей властью. Слишком хотел верить в то, что она будет из сил выбиваться ради Поля. О да, она выбивалась. Изо всех ее немалых сил... Он не мог раскрыть рта, боясь сказать то, что сделает Пандсалу врагом его и Поля. Он был в ее власти, но не мог убить ее. Так же, как не смог убить Янте. «Трус!» — сказал он себе и сам ответил: «Да».

Тихий, напряженный голос Пандсалы впивался ему в уши.

— Его глаза... Знаешь, они могли быть моими. В нем есть что-то от меня. Я видела это с самого начала. Он должен был быть нашим с тобой, Рохан. Я видела, как он смотрел на нее с любовью, которая тоже должна была быть моей...

Она... Рохан поперхнулся. Догадка поразила его, как удар мечом в сердце: *она не знает*. И внезапно равновесие нарушилось: он перевесил. Эта истина была тяжелее всей ее лжи. Она верила, что Поль — сын Сьонед. Она не знала о Янте. И когда в нем забурила сила, такая же могущественная, какой, по словам Сьонед, была сила «Гонца Солнца», он понял, что воспользуется ею так же безжалостно, как сама Янте.

— Я представляла себе, что он наш, — мечтательно продолжала Пандсала. — Когда ее нет рядом, я могу поверить, что он наш с тобой. Никакая родная мать не любила бы его больше, чем я, и не хотела бы для него большего. Если ты считаешь, что сделанное мною ужасно, то подумай, во что

бы превратилась его жизнь, если бы не я. Все эти соперники, которых могли бы родить мои сестры... я избавила его почти от всех и радуюсь этому! Он будет самым могущественным человеком на свете! Она никогда бы не сделала этого!

Ее глаза сияли при мысли о том, кем станет Поль в зрелости... Равновесие между чистым, гордым мальчиком и запятнанной кровью женщиной вдруг показалось ему невыносимым.

— Да, Сьонед никогда бы не сделала этого,— тихо сказал Рохан.— Но Янте могла бы.

Пандсала непонимающе уставилась на него.

— Твоя сестра! Мать Поля! — выкрикнул он и принялся трясти Пандсалу, пока растрепанные волосы не упали ей на лицо.— Ты думала, она держала меня в Феруче, чтобы просто пытать? Как по-твоему, почему она позволила мне уйти? Она зачала от меня сына! Ты клянешься в любви сыну твоей сестры, которую ненавидела! Поль сын Янте — и мой!

Пандсала застонала, опустила на колени, обхватила себя руками и стала раскачиваться назад и вперед. Рохан стоял над ней и выплевывал слова, которые окончательно добивали ее.

— В первый раз я, отравленный драконом, принял ее за Сьонед. Во второй раз это было изнасилование. Я точно знал, кто она и что я делаю. Она держала меня в плену, пока не уверилась, а потом засмеялась и позволила уйти. Я отправился на войну, зная, что у нее в чреве мой сын. Сьонед тоже знала это. Она пришла в Феруче, забрала ребенка и сравнивала замок с землей. Ты трудилась, интриговала и убивала ради сына Янте?

Пандсала убивала детей. Неродившегося сына Найдры, Йоса Оссетского, еще совсем мальчика. Других детей она оставляла без отцов и матерей; забирала сыновей и дочерей у стариков и старух, которые больше не могли рожать... Все это она делала из ненависти к Ролстре, радуясь тому, что править его страной будет чужой принц, что наследники отца больше никогда не появятся в замке Крэг. Она делала это из любви к Рохану, и была счастлива, что Марка попадет в руки человека, которого ненавидели Ролстра и Янте. А мальчик, служивший ей орудием мести, был выношен Янте... Из груди Пандсалы вырвался вскрик, похожий на последний вздох.

— То, что ты сделала, ляжет на него бременем до конца жизни. Но *ты* недолго будешь обременять его.

Она смотрела на Рохана снизу вверх. Лицо принцессы опухло от ужаса и стоявших в глазах невыплаканных слез.

— Если я должна умереть, не дай мне умереть бесцельно.

— А какая у тебя цель? Убить Масуля? — Он хотел спросить, почему Пандсала не сделала этого раньше. Но Рохан понимал: если бы она могла, то Масуля давно не было бы на свете. — О нет! Он проживет до тех пор, пока не будет признан лжецом. Я не собираюсь все оставшиеся мне годы слышать голоса тех, кто сомневается в правах Поля на Марку. — Он тонко усмехнулся. — А ведь его права незыблемы, ты согласна?

Пандсала тяжело осела наземь, волосы ее рассыпались по плечам, и солнечный свет высветил в них седые пряди.

— Тогда убей меня сейчас, — без выражения сказала она.

— Поль мешает. Если суд вынесет тебе приговор, его бремя станет тяжелее. Поэтому я не убью тебя. — *О Богиня, как бы мне хотелось сделать это. Голыми руками...* — Возможно, я и трус, как считает Чиана. Но знаю, самым страшным наказанием будет для тебя то, к которому когда-то прибег твой отец. Я не пошлю тебя в Крепость Богини. Ты просто тихо уедешь в какое-нибудь поместье. Может быть, я восстановлю для тебя Феруче. Как, Пандсала, будешь присматривать за стройкой? Скажи, будешь?

Тело сводило судорогой от омерзения, но Пандсале хватило смелости посмотреть ему в глаза.

— Все, что пожелаете, милорд. Я в вашем распоряжении. Впрочем, как всегда...

— Мне не нужна твоя служба. Ты хоть понимаешь, что наделала?

— Я понимаю только одно: все это было сделано для Поля. И для тебя. Потому что я любила вас обоих. И продолжаю любить, помоги мне Богиня. Мне не о чем жалеть.

— Еще пожалеешь. Поверь мне, следя из Феруче за Долгими Песками, ты узнаешь, что такое раскаяние.

Теперь он окончательно понял, что не сможет казнить ее. После убийств стольких мужчин, женщин и детей, совершенных ею во имя Поля, это было бы только справедливо. На миг он снова поддался искушению. Но варвар, когда-то впряженный в одну телегу с цивилизованным принцем, на сей раз вышел победителем. Замуровать Пандсалу в Феруче

было куда более жестоко, чем вонзить ей нож в сердце. Более жестоко и более просто.

Нет, он не убьет ее, но и не сможет рассказать всем о ее преступлениях. Ему придется жить с этим. И ей тоже.

— Вставай,— приказал он. Когда выяснилось, что у Пандсалы нет на это сил, Рохан рывком поставил ее на ноги. Она зашаталась, но послушно пригладила волосы и пошла к реке умываться. Рохан нетерпеливо следил за Пандсалою, от всей души желая ей смерти. Но это желание было вызвано стыдом за допущенную роковую ошибку. Сумеет ли он пережить это? Хотелось поделиться со Сьонед и спросить у нее совета. Она все поймет и простит... Нет, он ни за что этого не сделает. Никогда.

Когда Пандсала привела в порядок волосы и разгладила юбки, Рохан пошел в лагерь, слыша за собой ее спотыкающиеся шаги. Что бы он ни сделал, до конца дней он будет слышать за спиной эти шаги. Шаги женщины, спотыкающейся о тропы.

* * *

Чтобы добраться до шатра, Ллейну потребовалась сильная рука его сына. Чадрик посадил отца в кресло и встал позади, придав лицу бесстрастное выражение. Зато лицо Ллейна выражало одновременно и досаду, и любопытство.

— Слава Богине, я здесь. Говори, что за спешка.

Рохан встал и подошел к старику.

— Прости за то, что я был вынужден вызвать тебя сюда,— тихо начал он.

— Если бы без этого можно было обойтись, ты не прислал бы мне приказ верховного принца. Рассказывай, черт поберет!

— Милорд, нужно, чтобы вы оба оказали мне большую услугу. Ты и принц Чадрик.— Он помедлил и покосился на Сьонед, неподвижно сидевшую с опущенной головой и крепко стиснутыми руками. Он сдержал данное себе обещание и ничего не рассказал ей. О Богиня, как она обиделась...

Он перевел взгляд на Ллейна и продолжил:

— Фирону требуется правитель из рода властвовавших там принцев. Я прошу тебя сделать мне любезность и обдумать возможность возведения на престол твоего внука, принца Ларика.

Скулы Ллейна, обтянутые пергаментной кожей, слегка порозовели, и он впился в Рохана внимательным, вопрошающим взглядом. Но первым отозвался ошеломленный Чадрик.

— Ларик? Почему? Благодаря тебе и Сьонед права твоего сына намного предпочтительнее...

— Помолчи... — прошептал Ллейн. Его глаза заглядывали Рохану прямо в душу. Прошло много времени, прежде чем он заговорил: голос старика напоминал шуршание сухих листьев. — Я думал, Фирон достанется Полю. Что-то заставило тебя изменить решение. И случилось оно сегодня. Я не верю, что причина кроется в голосовании, но если хочешь, приму это объяснение.

Рохан склонил голову.

— Спасибо, милорд.

— Если мой внук станет принцем Фирона, ты будешь иметь решающий голос в пользу Поля. Я это прекрасно понимаю. Не спрашиваю, почему ты не додумался до такого решения раньше, когда это могло спасти нас от множества трудностей.

И снова Рохан кивнул. На этот раз кивок был больше похож на поклон.

— Но ты подумал, к чему это приведет? Я не стремлюсь выйти за пределы моего острова. Когда меня не станет, престол займет Чадрик, а после будет править его старший сын Лудхиль. Ларику достанется поместье его матери Сандея; он сможет управлять портами или выбрать любое дело себе по душе. Мы не хотим вмешиваться в дела континента, Рохан. Нам это не нужно. Нейтралитет — одна из причин нашего процветания.

— Я понимаю, милорд. Но мой сын не может унаследовать ни Фирон, ни часть его.

Он уже выдержал из-за этого жестокую схватку со Сьонед, Тобин и Чейном. Естественно, все они спорили. И впервые в жизни ему пришлось прикрикнуть на них, заявить, что такова его воля, что он принял такое решение и что они обязаны беспрекословно подчиняться требованиям верховного принца, какими бы абсурдными они ни были. Тобин вылетела из его шатра ошеломленная, злая и обиженная. Чейн бросил на него один-единственный красноречивый взгляд и последовал за женой. Потерявшая дар речи от такого предательства, Сьонед не желала смотреть на него. Она

осталась в шатре только потому, что Рохан приказал ей присутствовать при беседе с Ллейном и Чадриком. Он ненавидел себя за то, что не сказал правды самым близким людям, но просто не мог заставить себя сделать это.

Однако в случае с Фионом выбирать не приходилось. То, что Пандсала убила принца Айита, делало присоединение этого государства совершенно невозможным. Он не мог воскрешать мертвых, но мог отказаться пользоваться плодами преступления. Утешение было слабое, поскольку оставалось множество других преступлений, а он понятия не имел, как быть с ними.

— Поль не может принять Фирон, — повторил он.

— Почему? — спросил Ллейн. — Ты думаешь, что избыток власти может быть опасным? Или считаешь, что сегодня вечером Андраде не удастся представить неопровержимые доказательства?

Вместо Рохана ответила Сьонед. Ее тихий, безжизненный голос слегка напугал Рохана.

— Просто боязнь того, как к этому отнесутся другие. Ллейн, ты с милордом Чадриком воспитывал моего сына. Вы оба знаете его. Как вы думаете, он способен злоупотребить властью?

— Конечно, нет! — воскликнул Чадрик. — Честь присуща ему так же, как и кровь в жилах. Но это не наша заслуга, миледи.

— Если хотите, разделим эту заслугу пополам, — тихо ответила она, подняла глаза и слегка улыбнулась. — Мы знаем его и доверяем ему, но остальные могут думать по-другому. Или, по крайней мере, притворяться, что думают. Он будет править Пустыней и Маркой. Этого достаточно.

Ллейн все еще следил за Роханом.

— Я не знал, что на твои решения могут влиять мнимые страхи или угрозы.

— У всех нас есть тайные страхи, — откликнулся Рохан. — Волог боится, что заключенный благодаря внуку союз с Изелем окажется непрочным. Давви боится, что брак с Геммой, который принесет Тилалю Оссетию, приведет к конфликту с Костасом, когда тот унаследует Сир. Ты боишься вмешиваться в дела континента. Мы все чего-то боимся, милорд. Просто некоторые из нас предпочитают вовремя избавляться от своих страхов.

Ты мог бы сказать, что я боюсь за сына, и был бы прав.

На его плечи и так ляжет тяжкое бремя — Пустыня, Марка, титул верховного принца, его дар «Гонца Солнца»... Это трусость или осторожность, если я хочу избавиться от разногласий, которые могут угрожать не только его власти, но и жизни?

— С помощью моего внука?

— Да, — прямо ответил Рохан.

Ллейн вздернул подбородок и посмотрел на Чадрика, чье изумление сменилось беспокойством.

— Как думаешь, Ларик справится? — спросил старик.

— Не знаю.

— Хватит, не скромничай! Сможет он править Фироном?

Сьонед слегка подалась вперед.

— Милорды, будет ли он рад этому? Конечно, для всех нас это было бы лучшим выходом, но если трон Ларику не по душе, я предпочту отказаться от этого плана.

Рохан одарил ее мрачным взглядом, на который Сьонед не обратила ни малейшего внимания.

— Твоя доброта не уступает твоей красоте, моя дорогая, — сказал Ллейн. Затем он вздохнул и покачал головой. — Не знаю. Думаю, я отжил свое.

— Прости, что доставляю тебе хлопоты, — сказал Рохан. — Но я должен, милорд. Поверь мне.

— Верю, верю. — Ллейн расправил хрупкие плечи и заговорил более оживленно. — Если бы кто-нибудь из «Гонцов Солнца» сегодня вечером связался с Эоли, мы могли бы предоставить мальчику возможность выбора. Но это должен быть именно его выбор, Рохан. Не мой и даже не его отца. Говоря без ложной скромности, я думаю, что он прекрасно справится. Заставлять его управлять имением, торговым портом или добычей жемчуга бессмысленно. Конечно, он молод и слегка заучился, но я припоминаю еще одного молодого и помешанного на книгах князька, который в подобных обстоятельствах не ударил лицом в грязь. — Старик вскинул бровь и посмотрел на Рохана, губы которого в первый раз за день тронула улыбка. — А Богиня знает, у молодых ум гибкий. Они быстро учатся быть принцами. Догадываюсь, что ему понадобится подписать договор о военной помощи. Может, он уже готов?

— Конечно. Я подготовил проект и хотел, чтобы вы ознакомились с ним. — Он взял со стула кусок пергамента

и подал его Чадрику.— Если Кунакса попытается что-нибудь предпринять, Пустыня начнет наступление со стороны Тиглата. Я думаю, Волог поддержит нас с моря. На границе Фирона и Марки есть место, вполне подходящее для гарнизона. Если Ларику понадобится что-нибудь еще, только дайте знать.

— Кузен Кирстский очень щедр, — сухо заметил Ллейн.— Этак скоро весь континент перейдет в руки нашей семьи. Кстати, скажи мне, Рохан, почему он не взял с собой младшего сына?

— Волнайе только семнадцать лет, и он еще не посвящен в рыцари. Кроме того, сыновья Давви однажды будут править Сиром и Оссетией, а внук Волога Арлис унаследует власть над объединенным Кирст-Изелем. Поля станет владеть Пустыней и Маркой. Все они будут жить неподалеку от родины, за исключением Ларика. От Дорваля очень далеко до Фирона.

— Да, верно. Они не смогут слиться, как сливаются все остальные. Хотя я не рассчитываю на то, что Костас и Тилаль уживутся друг с другом, если только кто-нибудь не наденет на них крепкую узду. Но ты сам-то подумал о том, что если Ларик получит Фирон, у Поля окажется четыре родственника, правящих пятью странами? Вместе с Пустыней и Маркой это составит шесть государств из одиннадцати. Довольно грозный итог для тех, кто не входит в шестерку.

— Я подумал об этом,— признался Рохан.— В том числе, как ты правильно сказал, и о Костасе с Тилалем. Однако вся эта семейная кухня сложится лишь через одно-два поколения. К тому времени нас уже не будет на свете, и решать эту проблему придется кому-то другому.

— И его тайным страхам,— мрачно усмехнулся старый принц.— Ну что ж, найди мне «Гонца Солнца», который знает цвета Эоли, и мы известим моего ни о чем не подозревающего внука, что он может стать принцем.— Он посмотрел на Сьонед.— Нет, моя милая, можешь не предлагать мне свои услуги. В свите Андраде вполне достаточно фарадиров, чтобы сегодня днем она выделила мне одного из них.

Чадрик помог отцу встать и хотел вести его к выходу, но хрупкая фигурка внезапно выпрямилась.

— Я умею ходить,— огрызнулся Ллейн.— Оставь меня.

— Конечно, отец.

Когда они ушли, Рохан обернулся к Сьонед. Непривычно тихая, она снова уставилась на свои руки. Огненные волосы скрывала тень, глаза прятались под ресницами. Больно было знать, что причиной этого является он сам.

— Я вижу, ты не понимаешь,— тихо начал он.

— Да. Не понимаю.— Сьонед подняла лицо. Ее глаза потемнели.— Что такого сказала тебе сегодня Пандсала? Я верю твоим доводам еще меньше, чем Ллейн. О чем она говорила с тобой, Рохан?

Он испытывал искушение. О Богиня, как ему хотелось рассказать ей правду! Но упрямая жалость к себе запрещала это.

— Ты клялся никогда не лгать мне,— прошептала она.

— И никогда не нарушал клятву.

Внезапно в ее глазах вспыхнул вызов. Но спустя мгновение она отвернулась.

— Ну и черт с тобой...

Рохан опустил в кресло, которое занимал Ллейн, чувствуя себя таким же старым, как человек, который только что его покинул. И одиноким. О Богиня, такого не было даже в ранней юности, когда он мечтал, работал, спал и жил один. До Сьонед.

Рохан посмотрел на склонившуюся гордую голову жены и понял, что он сочувствует Сьонед куда меньше, чем самому себе. Уязвленное самолюбие было расплатой за то, что он дал Пандсале власть. Но и от этой боли, и от боли, которую испытывала Сьонед, было лекарство. Никто из них не смел чувствовать себя одиноким. Пусть его считают трусом, но он не может жить без утешения, которое находит в уме и сердце Сьонед...

Когда он закончил рассказ, Сьонед закрыла лицо руками, словно не хотела видеть картину, которая складывалась из его слов. Она долго не открывала рта, но потом прошептала:

— Ее отец залил соленой водой живой зеленый луг. А она залила его кровью...

Рохан наморщил лоб. Ах, вот она о чем... Той осенью и зимой, когда он воевал с Ролстрой, лил нескончаемый дождь. Как только чуть распогодилось, они с Чейном и Давви поскакали осматривать равнину, на которой стояла армия

Ролстры. Но солдаты ушли. На этом месте образовалось широкое, мелкое озеро: Ролстра велел запрудить приток Фаолейна. Но когда вода всосалась в землю, обнажив траву и липкую грязь, оказалось, что весь луг покрыт солью.

У Ролстры хватило власти приказать осквернить самое Землю. Рохан смотрел на испоганенный луг, вдыхал в себя острый запах, от которого в ноздрях оседала соль, и чуть не плакал... То же омерзение и отчаяние испытывал он сейчас.

— Вся эта кровь... — Сьонед подняла взгляд; в глазах ее было прозрение. — Она и на нас тоже, Рохан. Мы пытаемся смыть ее, а она не отмывается. Она такая же, как Янте, точно такая же! Почему мы этого не видели раньше?

— Это моя слепота, не твоя. Я не позволю тебе расплачиваться за мою ошибку.

Она упрямо покачала головой. Слезы текли по ее щекам.

— Нас с тобой предупреждали. А мы не слушали. Милостивая Богиня, Рохан, что мы наделали? Дочь Ролстры!

— Ничто из этого не коснется Поля. Сьонед, послушай меня. Я не позволю возложить вину за это на нашего сына.

— Он не мой сын!

Он тут же вскочил и сжал ее лицо ладонями.

— Нет! Он действительно твой!

Ее лицо бороздили дорожки слез, напоминавшие шрамы; отметина в виде полумесяца на фоне белой щеки казалась мертвенно-бледной.

— Заставь меня поверить в это. Заставь меня поверить, что я правильно поступила, когда он родился...

— Если сомневаешься, скажи ему правду. Сегодня. Сейчас.

Глаза Сьонед расширились, и он затаил дыхание, боясь, что его намеренно сказанные слова были ошибкой. Но мгновение спустя она вздрогнула и потянулась к мужу. Рохан поднял ее и прижал к сердцу.

— Я не могу причинить ему такую боль, — прошептала она. — Он еще слишком мал. — По ее телу вновь прошла судорога. — Зачем я лгу! Я боюсь за себя, Рохан. Я не хочу потерять его.

— Это невозможно. Сьонед, он твой сын. Ты его мать. Прошло какое-то время, прежде чем она кивнула, не отрываясь от его груди.

— Я должна верить в это, да? — Она отстранилась и принялась тереть кулаками глаза. — Ты не сказал, что собираешься сделать с Пандсалою.

— Я не могу отплатить ей за пятнадцать лет верной службы публичной казнью, не раскрыв происшедшего.

— Еще один из наших тайных страхов, — горько добавила Сьонед. — Оставь ее в живых. Она ничего никому не скажет. Просто отправь куда-нибудь подальше.

— А кого же мы посадим на ее место? — Он уже подумал об этом, но хотел проверить, совпадут ли их мысли.

— Оствеля, — сразу сказала она. — Нет на свете другого человека, которому мы могли бы доверять больше, чем ему. А Риян будет править Скайбоулом. Он молод, но хорошо знает свой дом и посвящен в тайну золота. Это должен быть Оствель, Рохан.

— Так я и думал, — признался Рохан, испытывая облегчение при мысли о том, что их одиночество кончилось. И тут на смену всем остальным чувствам пришла страшная усталость. — Сьонед... Я не могу не думать о том, что было бы, если бы я сделал то, что должен был сделать с самого начала...

— Убить Масуля? Ты очень удивишься, если я скажу, что думаю о том же? — Она грустно усмехнулась. — Но Иноат, Йос, Айт и остальные все равно умерли бы. Пандсала продолжала бы убивать тех, кого считала соперниками Поля. А когда у Поля появились бы дети, она начала бы убивать сыновей Тилала, Костаса и Ларика... Объединение... Знаешь, именно к этому всегда стремилась Андраде, — горько добавила она. — Рохан, если бы ты убил Масуля, исчезло бы последнее, что отличает нас от Пандсалы. Мы бы стали такими же убийцами, как и она.

Рохан снова прижал ее к себе.

— Временами мы желали бы стать варварами. Но вся беда в том, что наше стремление к цивилизации намного сильнее. Помоги нам Богиня.

— Глупое честолюбие. А сейчас глупое вдвойне.

— Согласен. Но нам еще нужно доиграть эту маленькую комедию. Сейчас я попрошу Таллаина разыскать Оствеля, и мы сообщим ему сногшибательную новость.

— Только мягко. Очень мягко.— Подняв лицо, она добавила: —Рохан... Ты бы смог всю жизнь молчать и ни слова не сказать мне о Пандсале? Смог бы?

— Нет. Я говорил себе, что смогу, что должен. Но так уж я устроен, что не в состоянии ни секунды прожить с тобой врозь. Ты мне слишком нужна.

Сьонед пригладила чуть тронутую сединой светлую прядь, падавшую Рохану на лоб.

— Любимый,— прошептала она.— Любимый.

ГЛАВА 24

Напряженное голосование по делу Масуля и ожидание того, что должна была вечером сделать Андраде, привели к тому, что почти все забыли о предстоявшей днем церемонии посвящения в рыцари пятнадцати молодых оруженосцев. На холме над лагерем собрались родные и воспитатели молодых людей, но обычного радостного оживления здесь не было и в помине.

— Не слишком пышно чествуют сегодня юных рыцарей,— покачивая головой, сказал Мааркен Андри.— А я предвкушал этот день всю свою жизнь.

Андри, сам не испытывавший ничего подобного, тем не менее от души сочувствовал Сорину, Рияну и другим, которые долго и упорно осваивали рыцарское искусство, а политические дразги стариков испортили самый светлый праздник в их юной жизни.

— Что бы ни было, а этот день им запомнится,— сказал он, пытаясь говорить уверенным тоном.— Я помню твое посвящение. Тогда ты выглядел так, словно вы с Ллейном были единственными людьми на этом свете. Они будут чувствовать то же—хотя бы недолго. Но это важно.

— Думаю, ты прав.

Андри умолк, быстро обвел взглядом стоявших поблизости и решил, что не ослышался.

— Мааркен, ты говорил с Холлис?

Мааркен застыл на месте.

— Нет. Сегодня нет.

— Я не знаю, почему она так поступает,— опрометчиво продолжил Андри.— Все время, пока мы работали над свитками, она говорила о тебе, расспрашивала о Радзине и Пустыне, а сейчас даже не...

— Ты понимаешь, что говоришь?— зловец спросил Мааркен.

Андри с трудом проглотил слюну.

— Нет,— прошептал он.— Наверно, нет. Мааркен, но это только потому...

Ледяные серые глаза того же цвета, что и у их отца, смотрели на него сверху вниз несмотря на то, что Мааркен был выше лишь на ширину пальца. Но через миг Мааркен вздохнул и слегка сжал плечо Андри.

— Извини. Просто я еще не могу говорить об этом, понял?

Убедившись, что любимый брат не настолько разозлился, чтобы отплатить ему за любопытство сломанной челюстью, Андри кивнул и обратил свое внимание на гребень холма, где собрались оруженосцы, строго соблюдавшие старшинство.

На солнцепеке стояли пятнадцать молодых людей — прямых, гордых, одетых в цвета своих лордов-воспитателей; колеры их родителей можно было различить по крашеным кожаным поясам. Иногда результат превосходил все ожидания — как в случае с Босайей, младшим братом лорда Сабриама. Желтый и оранжевый оттенки их родного Эйнара никак не сочетались с и без того крикливой комбинацией розового и красного в тунике Нижнего Пирма, где воспитывался юноша. Рияну, облаченному в светло-зеленый цвет Клуты и пояс с голубым и коричневым цветами Скайбоула, повезло больше, чем многим. А алая киртская туника Сорина идеально подходила к радзинскому красно-белому поясу.

Сегодня здесь не было сыновей принцев, поэтому первым, естественно, шел Сорин, как сын самого могущественного лорда Пустыни и внук принца. Мааркен и Андри стояли рядом с родителями и с гордостью наблюдали за тем, как Волог прикрепил к поясу Сорина золотую пряжку, а Аласен вручила небольшой каравай, испеченный специально для такого случая, вместе с маленькой серебряной солонкой. Согласно традиции, рыцарям вручали и другие подарки, обозначавшие двор, при котором они воспитывались. Например, Кирст всегда подносил хлеб на красивом глазированном блюде работы лучшего мастера, оправленном золотым ободком — в честь местных золотых копей.

Андри почувствовал, что сердце его внезапно сжалось.

Он и сам мог стоять на месте Сорина и слегка краснеть при виде улыбки Аласен. Он *мог* стоять там — несмотря на то, что никогда не испытывал тяги к рыцарству. Весь жар его души был отдан искусству фарадима. Но пройдет много лет, прежде чем он добьется на своем поприще того же статуса, который Сорин получал уже сейчас. Он бросил вороватый взгляд на свои кольца и еще раз мысленно прибавил к ним столько, сколько недоставало до девяти и даже до десяти.

Аласен и Волог подвели Сорина к его семье. Пока не вызвали следующего молодого человека, они успели поздравить новоиспеченного рыцаря. Андри тепло обнял своего близнеца, готового лопнуть от гордости, но когда Аласен засмеялась и подарила Сорину то, что она назвала «*первым настоящим* поцелуем от дамы», он непроизвольно отвернулся, не в состоянии наблюдать за этой картиной.

Когда в рыцари посвящали второго молодого человека, за плечом Андри тихо прозвучало:

— Знаешь, ты бы тоже мог стоять там...

Андри поднял глаза на Чейна, смущенный тем, что отец каким-то образом прочитал его мысли. В тот же миг юноша испугался, что глубоко разочаровал этого человека, которого он уважал и любил, но который никогда по-настоящему не понимал его мечту. Однако Чейн не был ни разочарован, ни разгневан. Его серые глаза смотрели на сына с любовью, а рука дружелюбно отдыхала на его плече.

И все же Андри не мог не пробормотать:

— Ты не жалеешь, нет?

— Жалел бы, если бы ты раскаялся в своем выборе. Но если ты доволен, то доволен и я. — Он фыркнул. — Ты слышишь, каким добрым я стал на старости лет? — А затем серьезно добавил: — Андри, я горжусь *всеми* своими сыновьями.

Андри закусил губу и, ничего не видя вокруг, кивнул.

Младшие сыновья и младшие братья по очереди выходили вперед, получая от своих воспитателей золотые пряжки, хлеб, соль и особые подарки от каждого атри. Неподалеку, на самом верху холма, выше всех остальных стояли Рохан, Сьонед и Поль; все польщенные молодые люди, которым выпала честь быть посвященными в рыцари в присутствии верховного принца, верховной принцессы и их наследника, высоко оценили ее. Поклонившись своим лордам, они оборачивались, торжественно маршировали налево и низко кла-

нялись владетельной троице. Каждого новоиспеченного рыцаря ждала улыбка: одобрительная Рохана, добрая Сьонед и чуточку завистливая Поля.

Риян, будучи сыном сравнительно мелкого атри, не связанного кровным родством с кем-либо из принцев, прошел церемонию одним из последних. Он принял знаки отличия от принца Клуты и его старшей дочери, статуеподобной леди с огромным чувством собственного достоинства и неожиданно озорной улыбкой, вспыхнувшей на ее лице в момент вручения молодому человеку традиционного подарка Луговины: фляжки из резного оленьего рога. Размеры животного, сделавшего столь важный вклад в церемонию, должны были потрясать воображение, поскольку рог вмещал в себя столько вина, что его хватило бы любому, чтобы напиться в дым.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если первый глоток ради такого торжества я разделю с вами, — сказала принцесса Геннади. Риян вернул ей улыбку; она вынула серебряную пробку, украшенную ободком из мелких сапфиров, умелым движением подняла рог и вылила в рот струйку красного вина. Затем она закрыла фляжку и подала ее Рияну. Риян сначала протянул рог Клути — который так трясся от сдавленного хохота, что едва смог разомкнуть челюсти — а потом сам сделал изрядный глоток.

— Милорд и миледи, — сказал им Риян, затыкая фляжку и перекидывая через плечо серебряную цепочку, — в благодарность за то, что вы любезно разделили со мной этот щедрый дар, желаю вам больше никогда не чувствовать жажды!

Шутка пришлась людям по вкусу, и вокруг раздался хохот. Пока Риян кланялся Клути и Геннади, Чейн хлопнул Оствеля по спине и заявил:

— Мальчишка-таки приобрел отменные манеры!

Когда юный рыцарь приблизился к Рохану, Сьонед и Полю и низко поклонился им, те расплылись от уха до уха.

Оствесть, перенервничавший во время посвящения Рияна, едва не осел наземь от облегчения, когда сын наконец подошел к нему. Но он быстро оправился и лукаво спросил Чейна:

— Ну, мой старый друг, неужели ты смирился бы с тем, что на твоей прекрасной серой в яблоках кобыле разъезжает кто-нибудь с менее отменными манерами?

Чейн мог оставаться глухим к уговорам Оствеля, но когда Аласен устремила на него свои неотразимые глаза и попросила за Рияна, он не выдержал. Заметив это, Тобин рассмеялась.

— Сдавайся, старый жмот, — проворчала она и чувствительно ткнула его локтем в бок. — Ты действительно рвал бы на себе волосы, если бы на Дальции ездил кто-нибудь другой, и сам знаешь это!

Лорд застонал. Но к тому моменту, когда Риян присоединился к ним, чтобы получить причитающиеся поздравления и оказаться в дружеских объятиях, Чейн покорился своей участи.

— Ну, похоже на то, что в этом году ты будешь ездить на моей призовой кобыле. Скажи спасибо своему-отцу и паре вот этих зеленых глаз, которым я до сих пор так и не научился сопротивляться, — добавил он, глядя на Аласен. — Они точно такие же, как у Сьонед!

Риян благодарно склонился над запястьем Аласен, и у Андри снова томительно сжалась грудь. Когда принцесса улыбнулась, боль стала нестерпимой. А когда девушка обратила на него насмешливый взгляд живых зеленых глаз, Андри внезапно понял, что с ним творится.

Чтобы скрыть это, он поспешно отвернулся. Это было худшее из всего, что он мог сделать. Аласен была не дура. Старше его только на три зимы, она всю жизнь провела в роскошном дворце, а не в изолированной от мира Крепости Богини, где он прожил последние шесть лет. Она давно поняла, что нравится ему. Она привыкла к обожанию бесчисленных молодых людей с тех пор, как себя помнит. Аласен прекрасно знает, что он чувствует. Она только посмеется, довольная возможностью приобщить к своей коллекции еще одно сердце, и в лучшем случае пожалеет того, кто отдал это сердце той, чье сердце давно занято другим. Она не станет сомневаться в его чувстве, столь важном для него самого, но примет его поклонение за блажь неоперившегося птенца, слишком юного для того, чтобы знать, что такое любовь... Страдая от унижения, он заставил себя набраться смелости и посмотреть ей в лицо.

Увиденное ошеломило его.

Ее глаза были ясными, нежными и добрыми. Она не смеялась. Не жалела. Она знала о его чувстве, но не отвергала его.

Аласен могла не любить его, но была смущена и польщена тем, что он любит ее...

Мир Андри превратился в туманные цвета, вращавшиеся вокруг зелени ее глаз, слоновой кости ее кожи, нежно-розовых губ, пышных золотисто-каштановых волос. Казалось, солнечный свет соткался сам собой, и благодаря этому Андри ощутил ее другие цвета: пылающий лунный камень, яркий рубин, глубокий оникс. Она еле слышно вздохнула, почувствовав, что ее окутало и проникло внутрь сияющее световое кружево. Все нежные цвета позднего лета собрались рядом с ними и закружились в танце, музыкой к которому служило птичье пение, свист ветра и шелест крови в их жилах. Андри понял, что это первый опыт Аласен в использовании ее дара фарадима, и мысль о том, что только он смог сделать это, заставила его воспарить в облака.

Она смотрела в его глаза, щеки ее пылали от наслаждения, и сердца их долго бились в унисон, пока они чувствовали себя единственными людьми в мире... Но внезапно перед ними вновь возник *этот* мир, грубый и пугающий, и овладевшие ими чары исчезли, стоило обоим услышать имя Масуль.

Он шагал к тому месту, где посвятили в рыцари всех остальных оруженосцев. Но воспитателем его был не муж Киле Лиелл. Рядом с ним шел принц Мийон: на самозванце была ярко-оранжевая туника Кунаксы. Возмутительная самонадеянность и откровенная наглость этого человека повергли в шок всех присутствующих; безмолвие повисло над вершиной холма как облако. Нежные дымчатые цвета, стоявшие в глазах Андри, сменились цветами такой резкости, что он поморщился. С болезненной четкостью Андри видел побелевшее от гнева лицо Рохана и налившиеся кровью щеки Чейна, пытавшегося сдержать приступ страшной злобы.

Когда Масуль преклонил колени перед Мийоном и последний произнес ритуальную фразу, его слова прозвучали насмешкой: «Я подверг этого кандидата всесторонней проверке и нашел его достойным моего собственноручного посвящения в рыцари. Тем самым я поручаю ему служить Богине и правде, жить честно и достойно как в благоденствии, так и в скорби. В знак того и другого я вручаю ему хлеб и соль, а в знак его нового и почетного состояния даю эту золотую пряжку».

Самозванец получил каравай и солонку, а фиолетовый

пояс Масуля украсился пряжкой в форме полого золотого круга, перечеркнутого золотым лучом. Затем Мийон, хитро усмехаясь, подозвал к себе одного из оруженосцев, и испуганный вздох пронесся над публикой, увидевшей последний из даров и вспомнившей, что традиционным подарком Кунаксы, где жили лучшие кузнецы континента, был меч.

Опоясавшись великолепным клинком в роскошных ножнах с эфесом, украшенным аметистами, Масуль прошел несколько шагов и насмешливо поклонился Рохану, Съонед и Полю. Рохан коротко кивнул в ответ, сдерживаясь из последних сил. Съонед, разгневанная не меньше, встретила приветствие Масуля угрюмым взглядом. Но именно мальчик, юный и неопытный, спас их от неминуемой катастрофы.

Поль был совершенно спокоен. Его гордый, звонкий голос разнесся по всему заросшему травой холму:

— Кое-что портит твой внешний вид.

Масуль выпрямился и захлопал глазами.

— О чем вы говорите?

— Твой пояс. — Уголки рта Поля приподнялись в холодной усмешке. — Фиолетовое с оранжевым — ужасная ошибка в сочетании цветов, особенно на взгляд «Гонца Солнца». Я уверен, что это действительно была *ошибка*.

— Фиолетовый цвет — цвет Принцовой Марки, — пренебрежительно ответил Масуль этому мальчишке-принцу, которого он мог разорвать пополам.

— А Принцева Марка, — любезно сообщил ему Поль, — принадлежит *мне*. Исправь ошибку и смени пояс.

Если он откажется, тут начнется кромешный ад. Если послушается...

Мийон шагнул вперед и что-то настойчиво зашептал ему на ухо. Лицо самозванца по очереди то темнело, то краснело. Мийон сказал что-то еще, а затем вернулся обратно. И Масуль, спасая то, что можно было спасти в этой проигранной битве, отстегнул золотую пряжку, только что украшавшую его талию.

— Как пожелаете... милорд, — добавил он после оскорбительной паузы. Вид человека, удерживающего хлеб, соль и меч и одновременно пытающегося снять пряжку с кожаного пояса, вызвал улыбки и даже откровенные взрывы хохота. Но Поль с паразитическим самообладанием ждал, чем кончится попытка Масуля сохранить достоинство и в то же время подчиниться требованию, которое тот не мог отверг-

нуть. Поль был в своем праве. Принцева Марка все еще принадлежала ему. Открытое неповиновение было бы верхом глупости.

Наконец длинная полоса фиолетовой кожи вылезла из штанов. Масуль держал ее в кулаке с таким видом, словно душил ядовитую змею. Поль был достаточно мудр, чтобы не протягивать руки: это позволило бы Масулю демонстративно швырнуть пояс в грязь. Таллаин молча подошел к Масулю сбоку; не дав самозванцу опомниться, оруженосец взял у него из рук пояс, свернул его кольцом и вернулся к своему посту у владетельной троицы.

Поль милостиво кивнул.

— Ну вот, так намного лучше, и туника твоя выглядит более приятно. Мы даем тебе позволение удалиться.

Зеленые глаза Масуля буравили его насквозь.

— Держи свой драгоценный цвет, князек, — насмешливо сказал он.

— Непременно, — ответил Поль.

Сопровождаемый Мийоном, Масуль принялся спускаться с холма. Но не успел он скрыться из виду, как кто-то неизвестный хрипло выкрикнул имя Поля.

Андри, следивший за этой сценой затаив дыхание, громко засмеялся и присоединился к родным, устремившимся навстречу Рохану, Съонед и Полю. Если на склоне холма и присутствовали тайные сторонники претендента, то они быстро изменили свое мнение при виде маленького словесного триумфа Поля.

Немного погодя, когда все спускались к лагерю, Аласен догнала Андри и спросила:

— Конечно, Поль был великолепен, но *зачем* понадобилось посвящать этого человека в рыцари?

— Да, пожалуй, это было сделано не только для того, чтобы позлить нас, — согласился Андри.

— Ну, наш молодой принц сегодня был неподражаем! — раздался голос Оствеля, шедшего позади с Рияном и Чейном. — Я думал, самозванца хватит удар! Поль поистине сын своего отца!

— За что Масуль и не устает его проклинать, — с усмешкой откликнулся Чейн. — Слушай, извини, но я тороплюсь в лагерь. Хочу обо всем рассказать старику Ллейну.

— Только осторожно! — крикнул ему вслед Оствель. — Смотри, как бы у него от смеха не начались колики!

— Милорд,— обратилась к Оствелю Аласен,— я все еще не понимаю, почему...

— Да просто чтобы сделать назло, миледи,— быстро откликнулся Риян.— Отец, Таллаин говорит, что мы должны немедленно встретиться с их высочествами. Лучше поторопиться.

— Конечно. Андри, ты позаботишься, чтобы принцесса Аласен благополучно добралась до шатра ее отца? Похоже, мы сильно отстали от его высочества.

Андри позаботился бы о ее благополучии даже если бы на них внезапно налетела сотня конных рыцарей. Подозревая, что лицо выдает его, он пробормотал:

— Конечно, милорд.

— Хорошо. Я оставляю вас в его надежных руках, миледи.— Оствель снова улыбнулся Аласен, и она ответила ему улыбкой.

— Они так ничего и не сказали,— заметила принцесса, когда Оствель с Рияном ушли.

— Нет.— Андри не сумел позаботиться о собственном благополучии.— Миледи... Аласен...

Она вспыхнула, и его сердце не выдержало. Прошло очень много времени, прежде чем они вспомнили, что собирались идти в лагерь ее отца.

* * *

Андраде подняла глаза. Оствель перекинул через руку ее плащ; лицо его было в тени. Не горело ни одной лампы, и просвечивавшие сквозь белую парусину лучи заходящего солнца окутывали их серым полумраком. Она встала, пригладила волосы и позволила Оствелю накинуть на себя плащ.

— Миледи...

— Нет! — Она услышала свой голос, резкий от нервного напряжения, и сжала кулаки, скрытые складками просторного плаща.— Нет,— повторила она более мягко.— Все будет хорошо.

— Значит, я так и не смог переубедить вас?

— Конечно, нет. Поторопись. Это нужно сделать до восхода лун. Все собрались?

— Да.

— Тогда поскорее покончим с этим. Масуль вьелся мне в печенки.

— Как и всем нам, — буркнул Оствель.

В бледно-желтом небе стояло закатное солнце. Андраде поднялась на холм, где днем состоялось посвящение в рыцари. В воздухе чувствовался запах дождя и страха — нет, не ее собственного... Андраде стояла рядом с кругом, который образовали те, кто поднялся на вершину раньше. Двадцать пять человек кольцом стояли вокруг пустого очага, образуя ожерелье из принцев попеременно с фарадимами. Когда к ним присоединились Андраде и Уриваль, это число достигло двадцати семи. Три перемноженные тройки, строго предписанные для того ритуала, который она собиралась совершить. Как и пресловутая леди Мерисель, Андраде считала магию чисел абсурдом, но не дерзнула бы нарушить традиции неизвестного ей обряда.

Андраде тщательно спланировала расстановку сил, как политических, так и фарадимских. Хотя в Звездном Свитке об этом ничего не говорилось, чутье подсказало ей поставить две соперничающие силы точно напротив друг друга. Как обычно, в качестве «Гонца Солнца» Пустыни выступала Сьонед: Рохан, глаза которого потемнели от чувства вины, находился от нее справа. Поль настоял на своем праве представлять Марку, номинальным правителем которой он являлся, ибо Пандсала все равно не могла присоединиться к кругу — поскольку людям, образы которых могли появиться при этом виде магии, запрещалось принимать непосредственное участие в обряде. Тобин, несмотря на свои три жалких кольца и отсутствие обучения в Крепости Богини, играла при Поле роль его «Гонца Солнца». С другой стороны круга находились Мийон Кунакский и четыре других принца, которые поддерживали Масуля. Между ними стояли фарадимы, в число которых входила и Холлис. Чейл выбрал своим «Гонцом Солнца» Рияна. Андри попросил у Волога разрешения быть его фарадимом и получил согласие. По другую сторону от него стоял Ллейн, следом за которым шел Мааркен. Леди Энеида представляла Фирон; рядом с ней находился Уриваль. Юный Сеяст вызвался быть фарадимом Давви. Они замыкали круг, стоя слева от Сьонед.

Все они смотрели на Андраде со смешанным чувством осторожного ожидания, тревоги и просто любопытства. Леди подала знак, и Уриваль снял с нее плащ. На расстеленном

на траве одеяле были аккуратно разложены поблескивавшие ножи и мечи. Оствель присматривал и за ними, и за Масулем с Чианой, которые также не могли быть частью круга. Снаружи находились и другие: Чейн и Сорин с Аласен; Тилаль и Костас рядом с Геммой и Данлади. Пандсала стояла отдельно. Принцесса-регент казалась спокойной и уверенной в себе, однако ее выдавали глаза, обведенные темными кругами.

У Киле хватило дерзости приблизиться к Андраде; одного ледяного взгляда хватило, чтобы заставить ее молча вернуться к Масулю. Самозванец смотрел на леди Крепости Богини, иронически приподняв бровь, но если выражение его лица и напомнило Андраде Ролстру, она приказала себе забыть об этом.

Леди кивком указала Уривалью его место и сама вошла в круг, остановившись у очага. Составленные треугольником поленья ожидали прикосновения Огня фарадимов. Андраде следила за опускающимся солнцем и постепенно темнеющим небом. В ее распоряжении оставался лишь краткий миг между заходом солнца и восходом лун; эта магия совершалась только при звездах. Когда на востоке замерцала первая крошечная звездочка, она подняла украшенную кольцами руку, и вперед вновь шагнул Уриваль, державший фляжку. Он вынул из кармана маленькую золотую чашу и налил в нее вина, приправленного драконом.

Андраде быстро выпила, и в голове сразу запульсировала боль. Она сделала еще один глоток; боль сменилась вспышкой невероятного, почти сексуального наслаждения — кровь быстрее побежала по жилам, воздух стремительно наполнял легкие... По всему ее телу распространилось тепло, высвобождая такую силу, о которой Андраде и не подозревала; Звездный Свиток не давал об этом ни малейшего представления... Пока она пила, небо потемнело. И тут ей показалось, что все звезды разом взорвались, испустив миллионы разноцветных лучей, из которых она могла соткать ткань воспоминаний.

Когда внезапно вспыхнули поленья, Андраде слегка вздрогнула. Пока она пыталась вспомнить, успела ли пожелать этого, Огонь бешено рванулся в мерцающее огоньками вечернее небо. Кто-то ахнул; может быть, она сама. Этого она не знала и, честно говоря, не желала знать. Андраде пронызывала такая сила, которой она доселе не имела. Эта ча-

рующая сила пела внутри, обещая неслыханные наслаждения ума, тела и духа. Чистый, всемогущий, бесконечно усиливавший тот огромный дар, благодаря которому Андраде и стала леди Крепости Богини, дранат гудел в ее венах, и она чуть не рассмеялась.

Андреде потянулась за энергией стоявших в кругу «Гонцов Солнца» и под строгим контролем дисциплинированного ума сплела их цвета в сверкающую ткань. Но этот покров существовал лишь мгновение; затем он всосался в плоть Андраде и стал частью ее бесконечно увеличившейся силы. Так вот он каков, этот колдовской способ, которого она так боялась! Как глупо! Подъем был головокружительным. Она и думать не могла о падении.

Повернувшись лицом к пламени, с каждой ее мыслью вздымавшемуся выше и выше, Андраде без всякого усилия вызвала воспоминания, которые должны были ожить в струйках дыма, поднимавшихся над красно-золотыми углями. Если вокруг и прозвучали испуганные и удивленные вздохи, она их не услышала. Андраде парила на крыльях силы, певшей ей славу.

На мерно движущейся поверхности Фаолейна плавно покачивается парусная барка, в ночном небе ярко горят звезды. На кровати лежит Палила, корчащаяся в схватках. Появляется Янте, ее губы беззвучно шевелятся; выходящая из каюты Андраде видит, что принцесса сидит рядом с любовницей Ролстры и гладит ее руку. Крутая, темная лестница; узкая, тусклая комната, в которой под присмотром Пандсалы рожают две женщины. Третья неистово прижимает к груди новорожденного. Андраде делает для рожениц все, что может, а потом идет на палубу. Темнота тошнотворно вращается вокруг нее. Кажется, что испещренная звездами вода поднимается и вот-вот поглотит «Гонца Солнца». Когда мир перестает кружиться, она делает глоток из фляжки моряка.

На мгновение два воспоминания перекрывают друг друга: на лицо доброго моряка накладывается лицо зеленоглазого трупа настоящего отца Масуля.

Запертая дверь каюты Палилы. В коридоре толпятся женщины, которые пытались помочь роженице. Андраде стучит в резную дверь, ее кольца мерцают в свете висящего неподалеку фонаря. Внезапно дверь распахивается настежь.

В проеме стоит улыбающаяся Янте, держа в руках фиолетовый сверток.

Палила лежит, откинувшись на подушки, и триумфально улыбается. Андраде оборачивается и видит, что Янте исчезла. Она торопится в коридор. Там стоит Янте с ребенком. Принцесса отводит от крошечного личика край одеяла. Внезапно появляется Пандсала, держа в руках другого младенца, завернутого в такое же расшитое золотом фиолетовое покрывало. Ее лицо застывает от ужаса при виде Андраде.

Узкий проход заполняет фигура Ролстры — высокого, широкого в плечах, с горящими зелеными глазами. Пока Андраде смотрит на него, Янте, Пандсала и дети, которых они держат в руках, исчезают из поля ее зрения.

Все пятеро и двое младенцев в фиолетовых покрывалах остаются в каюте одни, Андраде забирает одного из новорожденных, Палила кричит, Ролстра подносит канделябр к волосам своей любовницы, та превращается в живой факел, а ребенок в руках Андраде протягивает блестящие ногти к ее глазам...

Ее схватила какая-то посторонняя сила, в мозг вцепились когти дракона. Андраде не смогла удержать видение, которое закружилось, рухнуло и снова соединилось с пламенем. Она вскрикнула от раскалывавшей череп мучительной боли. Чуждая, злобная, неистовая сила прикоснулась к мозгу Андраде и принялась рвать его в клочья, изгоняя цвета фарадиров; то, что добавляло ей силу, исчезло. Осталась одна Андраде с отравленной дранатом кровью и глазами, ослепшими от падавшего на землю света звезд.

Умная Андраде, сказал насмешливый голос в ее мозгу. Слишком умная! Дерзнувшая воспользоваться моей силой! Теперь узнай, что такое настоящее колдовство!

Она закричала, упала на колени, обеими руками вцепилась в горящую огнем голову и кричала, пока не потеряла голос.

* * *

При первом же крике Андраде круг распался. «Гонцы Солнца» шатались, некоторые падали на траву, других поддерживали перепуганные принцы. Мааркен с трудом доковылял до Холлис, которая без чувств лежала у ног Мийона. Поль с дико блуждавшими глазами вцепился в тихо стонавшую от

боли Тобин. Рохан, который едва успел подхватить оседавшую на землю Сьонед, громко звал Чейна и Оствеля. Рев бушевавшего пламени перемежался жуткими воплями.

Уриваль, девять колец которого заполыхали пламенем, стоило только Андраде приняться за работу, первым вырвал свои цвета из перепутавшегося сплетения. Пусть Сьонед разделяет остальных, пусть позаботится о них! Он бросился на колени рядом с Андраде и обвил ее руками. Голова его была готова взорваться, искаженное лицо озаряли багровые отсветы беснующегося пламени. Он завернул Андраде в свои собственные цвета, тщетно пытаясь защитить ее от подкрадывающейся тьмы. Другие тоже были в опасности, но у него не было для них времени. Не сейчас, когда ее крики начинали слабеть. Казалось, кольца прожгут ему пальцы; он рыдал и бормотал проклятия, не отрывая губ от золотистых с проседью волос Андраде.

Риян, Андри, даже не стоявшие в круге Пандсала и Аласен — все фарадимы готовы были лишиться чувств от внезапной мучительной боли, причины которой не мог понять никто из них. Распутавшееся плетение Андраде превратилось в хаос цветов, Мокрая от пота Сьонед билась в объятиях Рохана, пытаясь распутать слепящий вихрь узоров, которого не видел никто из не владевших даром. Поль, передав Тобин в сильные руки Чейна, сделал несколько мучительных шагов к матери и обвил руками ее талию. Она вскрикнула, крепко прижала к себе его белокурую голову и принялась первым делом выпутывать из клубка сверкающие цвета сына. Вскоре он опустился на траву — потрясенный, трепещущий, но спасенный.

Сьонед отчаянно торопилась успеть закончить работу, пока к затемненному сознанию фарадимов не подкралась угрожающая тень. Она бешено вырывала клочья черного тумана, в которых почти терялись изящные узоры спектров «Гонцов Солнца». Наконец по телу прошла судорога, и она застыла в объятиях Рохана...

Пламя внезапно погасло, словно накрытое гигантской ладонью, и Сегев тут же рухнул наземь. Никто не обратил на него внимания: его реакция ничем не отличалась от реакции других «Гонцов Солнца». Но только он один знал: Мирева наконец отпустила его и погасила пламя, которое разожгла благодаря ему. Он лежал рядом с остальными, тяжело дыша

и прислушиваясь к готовому замереть биению собственного сердца.

Принц Ллейн захромал туда, где в объятиях Уриваля лежала Андраде, с трудом опустился на колени и поднял ее безжизненно висевшую руку. Гордое лицо старика сморщилось от горя.

К Рохану, склонившемуся над женой и сыном, подошли Чадрик и Аудрите. Он отмахнулся от их сочувственно протянутых рук, с ужасом глядя на мертвенно спокойное лицо Сьонед и дрожащее тело Поля. Аудрите бормотала что-то успокаивающее, но в глазах ее застыла тревога. Чадрик сжал плечо Рохана и сказал:

— С ними все будет в порядке. Ты нужен другому человеку.

Рохан поднял глаза, посмотрел туда, куда указывал взгляд Чадрика, и увидел лежащую Андраде. Он крепко зажмурился и затряс головой, не желая осознавать увиденного. Затем Рохан открыл глаза... Он нежно притронулся к волосам сына, к изуродованной шрамом щеке Сьонед и пошел к Андраде.

Беспомощная, задыхающаяся Аласен всхлипывала в объятиях Оствеля. Давви поддерживал Клуту, пепельное лицо и стеклянные глаза которого говорили о потрясении, мало чем отличавшемся от шока «Гонцов Солнца». Взгляд опытного воина, привыкшего в пылу битвы отличать друга от врага, машинально замечал все: Сорина, склонившегося над братом-близнецом; Лиелла и Киле, отпрянувших при виде идущего мимо Рохана; повисшую на руке Халиана и готовую забиться в истерике Чиану; скорчившуюся на земле, обхватившую собственные колени Пандсалу; Тобин, лежащую в объятиях мужа; Костаса и Чейла, помогающих подняться пришедшему в себя Рияну; сбившихся в кучку, испуганных Велдена, Кабара и Пиманталя.

Первым дар слова обрел Масуль. Голосом, похожим на скрип ножа по стеклу, он сказал Мийону:

— Кажется, ничто не доказано. За исключением того, что они и не могут ничего доказать.

Самозванцу негромко, но яростно ответил Тилаль:

— Закрой рот, пока я не вырезал в тебе еще одну дырку — ему для компании!

— Это что, угроза? — весело спросил довольный Масуль.

Гемма, прильнувшая к груди Тилаля, гордо выпрямилась.

— Ублюдок! — гневно прошипела она. — Лживый ублюдок! Угроза? Да я сама вручу ему меч, чтобы он сделал это!

Рохан опустил на корточки рядом с Ллейном. Его горло свело судорогой, мешавшей задать вопрос, ответ на который мог оказаться страшным.

Невозможно. Андраде не могла умереть. Рохан стиснул плечо Уриваля, и тот на мгновение поднял голову. В его золотисто-карих глазах не было осуждения. Только смертельная мука.

Андраде слегка пошевелилась и открыла бесцветные, мутные глаза. При виде Рохана на ее губах появилась слабая улыбка.

— Поль, — выдохнула она. — Спасен?

Он безмолвно кивнул.

— Сьонед?

Он снова кивнул, и лицо Андраде стало спокойным. Очень тихо она позвала его по имени, и в голосе ее звучала такая любовь, что у Рохана чуть не разорвалось сердце.

— Не ругай меня, — пробормотала она прерывающимся голосом. — Прости...

Простить ее? Он задохнулся и прикоснулся к лицу тетки. Кожа была холодной.

— Пожалуйста... Андраде, пожалуйста...

— Прости... Я не смогла... доказать... — Ее взгляд тут же затвердел. — Убей его, — отчетливо произнесла она.

Рохан кивнул еще раз. Андраде нашла глазами Ллейна, и лицо ее приняло привычное властное выражение.

— Он умрет, — сказал ей Ллейн. — Прощай, мой друг.

Успокоившаяся Андраде опустилась в объятия Уриваля и посмотрела на него снизу вверх. Еще одна тихая, ласковая улыбка приподняла уголки ее губ. И когда свет исчез из глаз Андраде, она все еще смотрела на него.

* * *

Никому другому он не позволил бы притронуться к ней. Он сам снес ее с холма, слепой от слез, которые холодный вечерний воздух превращал в бежавшие по щекам ледяные ручьи. Они шли следом: принцы и фарадимы, враги, друзья, кровь от ее крови, люди, созданные Ролстрой и ею... Он

крепко прижимал ее к себе, видя, как ветер шевелит серебристые пряди над ее лбом, видел, как свет восходящих лун заставляет мерцать ее десять колец, цепочки и браслеты. Скоро он снимет их — все, кроме десятого кольца на среднем пальце левой руки — и раздаст родственникам. И одно из них достанется на память Сьонед. Но десятое кольцо он оставит на том пальце, на который надел бы свое кольцо, если бы задолго до того ее не призвала Крепость Богини. А тонкие цепочки он оставит себе.

Он слышал, как другие исчезали, подходя к освещенному факелами лагерю. Кое-кто тихо плакал, остальные их успокаивали, что-то бормоча о скорби и политических последствиях... Он внес ее в белый шатер и осторожно положил на кровать.

Верховный принц был единственным, кто дерзнул последовать за ним. Рохан взял висевшее в изножье легкое одеяло и бережно укрыл тетку.

— Они с моей матерью были близнецами, но не слишком походили друг на друга, — тихо сказал он. — А сейчас их лица стали одинаковыми.

Уриваль понял. Милар всегда была ослепительной, яркой красавицей. Гладкое лицо мертвой Андраде тоже стало прекрасным; его спокойствие заставляло забыть о том, что в этом теле жил беспокойный, нетерпеливый дух, сегодня вечером вырвавшийся на свободу. Он сложил ее руки на одеяле и кончиком пальца по очереди притронулся к каждому кольцу.

— Прости меня, — прошептал Рохан.

Уриваль посмотрел в его глаза и покачал головой.

— Ты лучше всех знаешь, что она никогда бы не сделала того, чего не хотела сама.

— Если бы я не...

Он нетерпеливо вздохнул. Неужели Рохан не мог переживать свою вину где-нибудь в другом месте и с миром оставить его наедине с нею?

— Если бы не было Звездного Свитка, если бы сучки Янте и Пандсала не устраивали заговоры, если бы Андраде не приняла Сьонед в Крепость Богини... Я мог бы продолжать до бесконечности. Прощать тут нечего. — Он помолчал и пожал плечами. — Может быть, когда-нибудь ты согласишься этому.

— Может быть...

Они долго сидели молча. Наконец Уриваль сказал:

— Ты должен знать. Ее кольца и титул унаследует Андри.

— Андри?

Голубые глаза почти того же цвета, что и у Андраде, так же оценивающе прищурились. Уриваль понял, что эхо воспоминаний о ней будет преследовать его до конца жизни. Но никогда ее черты и манеры не повторятся в ком-нибудь другом. Никогда.

— Он же совсем ребенок,— сказал Рохан.

— В его возрасте ты стал правящим принцем. Это ее выбор. Единственный выбор, который она могла сделать. Не ради будущего Поля, но ради всех фарадимов. Ты не знаешь его силы... впрочем, он и сам ее не знает.— *А когда узнает, помоги нам Богиня*, мысленно добавил он.

— Ну, если этого хотела Андраде...— Рохан прочистил горло.— Мне жаль его, Уриваль.

Вновь последовало молчание, грозное и напряженное, словно тучи, не пролившиеся дождем.

— Я не слышал драконов,— внезапно сказал Уриваль.

— Драконы перед рассветом—смерть перед рассветом,— вполголоса вспомнил Рохан.— Да... Я бы тоже ждал этого.

Раздался тихий шаркающий звук, оба обернулись и увидели медленно входящего в шатер принца Ллейна.

— Тебя зовет жена,— сказал он Рохану, и тот сразу встал.— Не бойся, малыш, все в порядке. Чадрик и Аудрите позаботились о ней и о Поле.— Он сел в кресло, которое освободил Рохан, и сложил руки на трости с головой дракона.— Но ты все равно иди. Мы посидим с ней.

Когда Рохан ушел, Ллейн вздохнул и покачал головой.

— Я всегда думал, что ветер понесет мой пепел к ней, в Крепость Богини... а теперь буду следить за тем, как ее «Гонцы Солнца» вызывают для нее Огонь.

Уриваль кивнул.

— Ты любил ее, как и я.

— Нет, не как ты. Я истратил всю свою любовь на жену. Сорок шесть лет прошло с тех пор, как она умерла. Я вижу ее в сыне и внуках, но это не то же самое.

— Нет, совсем не то же.

— Конечно, Масуль умрет за это, — продолжил Ллейн.— Если бы я был моложе, сделал бы это собственны-

ми руками. Но послушай меня, «Гонец Солнца». Ты тоже не сделаешь этого.

Уриваль никогда никого и пальцем не тронул, тем более с помощью своего дара; он подивился, как Ллейн мог догадаться о том, что у него на уме.

— Если я позволю, она будет дышать мне в затылок весь остаток моих дней. Она упрямая женщина, твоя Андраде.

Да, подумал Уриваль, она все-таки умерла первой и оставила его одного.

— Ничего, если я посижу с тобой? Похоже, ночь будет долгой.

— Нет, ничего. Думаю, она бы хотела, чтобы ты побыл здесь.

— Спасибо, милорд.— Ллейн склонил перед Уривалем голову, как будто тот был по меньшей мере верховным принцем.— Тогда я останусь. Посидим вместе.

ГЛАВА 25

В эту тревожную ночь на долю стражей выпала нелегкая служба. Сейчас, когда умерла сама леди Крепости Богини, лагерь казался окруженным ужасами. Они вздрагивали от каждого шепота, шарахались от теней, отбрасываемых на тонкие стены палаток горевшей в них одинокой свечой. Они пытались не обращать внимания на порывистые жесты нетерпения, боли или смертельного страха, на бессильно разведенные, сжатые или искавшие друг друга руки. Давно опустились в уютные объятия гор Вереш луны; давно улеглись спать те, кого сморили бурные события минувшего дня и вечера; давно погасли сигнальные костры, и только звезды озаряли лагерь бледным серебристым светом, а в разноцветных шатрах все не смолкал и не смолкал шепот.

Рохан поблагодарил Чадрика и Аудрите за заботу о его жене и сыне, посмотрел им вслед и налил себе большой кубок крепкого вина. В кресле рядом с матерью сидел напряженный Поль с расширившимися от волнения глазами; Сьонед безуспешно пыталась скрыть бившую ее дрожь. Он налил вина и им и начал мерить шагами треугольник ковра: от стола к окну, от окна к креслам, от кресел к столу.

— Она спрашивала о вас, — внезапно сказал он. — О вас обоих. Хотела знать, спаслись ли вы. Помогите нам Богиня. Мы были ей дороже собственной жизни.

Сьонед не притронулась к своему кубку. Рохан тихонько окликнул ее, испытывая боль при виде застывшего в ее глазах чувства вины, так похожего на его собственное.

— Нет, — сказала она голосом, полным тоски. — Рохан, я не могу этого вынести. Она сделала меня тем, что я есть, а когда я говорила с ней в последний раз... О Богиня! — Ее

ощепенение бесследно исчезло.— Она умерла, думая, что я ненавижу ее!

— Сьонед, перестань мучить себя...

Она подняла на него мрачный взгляд.

— А если я перестану, ты тоже перестанешь?

Поль слегка пошевелился и встретил взгляд Рохана взглядом человека, который стал намного старше своих лет.

— Отец... Ллейн передал мне ее слова о Масуле.

— Какие?

— Он не получит Марку. И не только потому, что она моя по праву. Меня приняли эта земля и эти люди. Я не отдам их ему.

— Они твои, а ты их,— пробормотала Сьонед. Она посмотрела на Рохана, и ее провидческие зеленые глаза без слов сказали: *«Он внук Ролстры и имеет на Марку больше прав, чем представляет себе»*.

— Если придется, я буду драться за них,— закончил Поль.

— Войны не будет.— Рохан знал, что теперь его клятва превратилась в дым. Он устало и цинично улыбнулся жене.— Разве что маленькая...

* * *

О войне побольше шла речь в оранжевом шатре Мийона. Он развалился на пухлой тахте, слушая, как Киле и Масуль обсуждают военные дела с таким видом, словно что-то в этом понимают. В глазах его стоял смех, губы иронически кривились. Кто бы ни сражался на этой войне, его собственные солдаты участвовать в ней не будут. Он заставит воевать других. А когда все выдохнется — и побежденные, и победители — его свежая армия оторвет куски от Марки, Фирона и самой Пустыни.

Лиелл тревожно мялся у кресла, в котором сидела жена. Никто не обращал на него внимания, пока он не сказал Масулю:

— Прошу прощения, милорд, но это приведет к таким разрушениям, которые обернутся для всех нас большой бедой.

— Купец! — насмешливо бросил самозванец. — Мы говорим о тронах, а вы мямлите о торговле.

Мийон скрыл улыбку. Масуль считал, что быть прин-

цем — это значит скакать на прекрасных лошадях, носить красивую одежду и наслаждаться тем, что другие кланяются ему и преклоняют колени. Его никогда не окружали и не морили голодом армии Пустыни, он никогда не видел, как гниют и ржавеют товары, которые невозможно вывезти на рынок. Никогда он не имел дела с жадными, угрюмыми меридами, шумно требующими войны с Пустыней и настолько надоевшими Мийону, что он наконец придумал способ с ними покончить. Пожалуй, он пошлет меридов драться с остатками армий Рохана, когда последние окончательно измотаются в Марке. Да, это была хорошая мысль: может, они действительно уничтожат друг друга или, по крайней мере, уменьшатся в десять раз, так что пройдет не одно поколение, прежде чем они накопят силы для новой войны...

— Государства стоят на торговле, — мягко сказал Мийон. — Но сейчас мы и в самом деле говорим о тронах, и не только о троне Марки.

— Как это, ваше высочество? — спросила Киле.

— Подумайте, дорогая леди. — Он снова откинулся на вышитые подушки. — В союзе с нами выступят Гилад, Криб, Фессенден — и, конечно, Изель. — Он хмыкнул. — Веселая жизнь начнется на этом острове, когда после ста лет худого мира начнется добрая война! По обе стороны от Оссетии лежат Криб и Гилад, которые только и ждут случая, чтобы перекусить ее пополам, как челюсти дракона. Фессенден отрежет от Марки север и будет править им из наших рук. Как вы думаете, на скольких фронтах придется воевать Рохану? Какую помощь сможет оказать ему Дорваль? Сир — союзник сильный, но стоит Клуте понять, что его любимая Луговина вот-вот вновь станет ареной битвы, он будет беречь солдат для защиты собственной территории и не станет посылать их на войну, которая его никак не касается. — Мийон счастливо вздохнул. — Рохан ошибается, если рассчитывает, что союзники окажут ему существенную помощь.

— Не вижу, каким образом это позволит мне скорее очутиться в замке Крэг, — сердито посмотрел на него Масуль.

— Терпение, — улыбнулся Мийон. — Пусть за весну и лето они как следует поколотят друг друга. А к тому времени не только вы войдете в замок Крэг без всякого сопротивления, но и все другие настолько вымотаются в этих войнах, что не смогут сопротивляться вашим предложениям, кото-

рые вы выдвинете на совете принцев, призвав их закончить войну.

— А вы, ваше высочество? — невинно спросил Масуль. — Я так понимаю, что вы к тому моменту не вымотаетесь.

— Ни в малейшей степени. Я захвачу Пустыню от Тиглата до Феруче. Вы можете забрать остальное. Я не жадный.

— Еще бы... — пробормотала Киле.

— Завтрашний день положит хорошее начало нашим войнам, — закончил Мийон. — Помните это и не теряйте из виду целый мир, мечтая о своем замке Крэг!

* * *

Пандсала спала, и снился ей именно замок Крэг. Она снова была молоденькой девушкой, гуляла по разбитым среди скал садам, и солнце славно пригревало ее лицо и волосы. Сестра Янте протягивала ей слабо извивающийся фиолетовый сверток. У ребенка были золотые волосы и зелено-голубые глаза.

— Конечно, ты не тот телохранитель, которого выбрала бы для него я, но тоже ничего, — поддразнила Янте. — Ты даже любишь его! *Мой* сын, а ты любишь его! Это лучшая шутка, которую мне удалось с кем-нибудь сыграть, самый удачный заговор в моей жизни!

Пандсала в ужасе уставилась на ребенка Янте. Внутренний голос подсказывал ей вырвать дитя из рук сестры и перебросить его через стену в глубокое ущелье, по дну которого тек Фаолейн.

Янте смеялась.

— А теперь давай его обратно. Он мой. Но еще важнее, что он принадлежит к племени моей матери. Я всегда думала, как несправедливо, что она передала свой дар тебе, а не мне. Что бы я могла сделать с этим даром! — Она протянула руки. — Отдай его мне, Пандсала. Твое дело сделано.

На лужайку упала чья-то тень, и Пандсала увидела отца — высокого, зеленоглазого и непреклонного. Он сказал:

— Отдай его нам. Пора.

Она прижала дитя к груди, призвала на помощь всю свою силу и метнула в Ролстру и Янте копье Огня «Гонца Солнца». На ее глазах их плоть почернела и съежилась, но они и мертвые продолжали смеяться.

Она бросилась бежать, споткнулась о ступеньку, упала,

выпустила из рук свою драгоценную вещь и в ужасе вскрикнула. Но в одеяле никого не было.

На верхней лестничной площадке появилась Сьонед; изумруд в ее перстне пылал так же ярко, как ее изумрудные глаза. Она встала на колени и подобрала фиолетовое одеяло, не отводя взгляда от Пандсалы.

— Что ты сделала? — требовательно спросила она. — Посмотри на кровь!

Пандсала отпрянула от бархата, с которого стекали крупные капли густой красной жидкости. Они падали на согретые солнцем камни и превращались в черные круги. Принцесса потрогала один из них, обожгла кончик пальца, но не почувствовала боли.

Вдруг она подняла глаза и зарыдала от облегчения, когда из замка вышел Поль и встал рядом со Сьонед. Но это был не тот мальчик, которого знала Пандсала, а взрослый мужчина, высокий и гордый. На его пальце красовался перстень с огромным топазом, окруженным аметистами. Он с любопытством посмотрел на нее сверху вниз, но не узнал. Сьонед взяла его за руку и назвала своим сыном.

Пандсала открыла рот, чтобы сообщить правду. Она могла разрушить планы Сьонед, сказав, что Поль сын Янте.

Но не могла. Если уж она убила Янте и Ролстру, чтобы освободить от них Поля, не имело смысла говорить, кто был его настоящей матерью. Она не могла причинить ему такую боль.

Приблизилась другая тень, и она в ужасе подумала, что Ролстра восстал из пепла. Но это был Масуль. Он шагнул вперед, и в глазах самозванца вспыхнуло злобное веселье, когда он занес над головой Поля свой новый кунакский меч.

— Нет! — снова вскрикнула она. Позади выросли три новые тени, темные, угрожающие и еще более роковые, чем Масуль. Рохан должен изменить свое решение, должен позволить ей остаться регентом Марки, иначе она не сможет продолжать спасать Поля от опасностей, которые угрожают ему снова, и снова, и снова...

Масуль смеялся над ней, а сверкающий меч продолжал медленно и неуклонно опускаться на шею Поля.

— НЕТ!

— Миледи!

Она села на кровати, вздрогнула и бессмысленно посмотрела на стоявшего рядом мальчика. Он держал свечу. От-

свет пламени плясал на его черных волосах, отражался в глазах — зеленых, как у Ролстры, как у самозванца... как у Сьонед. Их лица наложились друг на друга, сверху возникло лицо Янте, и Пандсала в страхе отшатнулась от него.

— К-кто ты? — выдохнула она.

— Меня зовут Сеяст, миледи, — сказал он, и другие лица исчезли при звуке его голоса. Значит, это только сон... Всего лишь мальчик с одним кольцом фарадима на правой руке.

— Простите меня за вторжение, но... меня послали узнать, как вы себя чувствуете после вечернего несчастья.

— Неплохо, — ответила она. Собственный тонкий и слабый голос казался ей омерзительным.

— Рад слышать, миледи, — застенчиво улынулся он. — Другим куда хуже. Но я думаю, вы намного сильнее, чем они.

— Кажется, тебе тоже не слишком досталось. — Она спустила ноги на пол и пригладила волосы. — Ты так силен?

Он вспыхнул.

— Я вовсе не так уж одарен, миледи. Если с вами все в порядке, то мне лучше уйти и дать вам отдохнуть.

— Подожди. — Она схватила мальчика за руку; Сеяст уважительно и заботливо помог ей подняться. — Дай мне что-нибудь выпить.

Он послушался. Пока Пандсала добиралась до ближайшего кресла, Сеяст налил ей вина, и она жадно выпила, стремясь смыть с себя остатки страшного сна.

— Хотите, чтобы я позвал врача, миледи?

— Нет. — Почувствовав себя лучше, Пандсала расправила плечи и внимательно всмотрелась в юношу. Принцесса была уверена, что видела его раньше. Наконец она вспомнила. — Ты тот мальчик, который ухаживает за леди Холлис?

— Имею такую честь, миледи.

— Понимаю. — Узнав его, она успокоилась. Это не тень. Всего лишь красивый и услужливый мальчик, добрый и понятливый. Он никому не расскажет то, что мог нечаянно подслушать. — Я видела сон, — сказала она, — когда ты вошел и разбудил меня. Должно быть, ты испугался.

— Не настолько, насколько испугал вас, миледи. — Он снова улыбнулся. — Я слышал крик и решил, что нужно разбудить вас.

— Благодарю. Сон был плохой, — принужденно сказала

она, довольная, что ничем не выдала себя.— Спасибо тебе за внимание, Сеяст. Теперь можешь идти. Я пришла в себя.

— Очень хорошо, миледи. Но все же постарайтесь отдохнуть. Вы выглядите очень усталой.

— Постараюсь. Спокойной ночи.

Выйдя из палатки, Сегев тихонько усмехнулся. Какой там голос крови? Пандсала не узнала в нем сына Янте. Выходка была дерзкой, но ночь, поддержка Миревы и особенно смерть Андраде перевозбудили его. Он ощущал силу как порыв метели, заряд колючего, холодного снега, прикосновение которого обжигало тело и пронизывало его яростной энергией. Ум Сегева жаждал Звездного Свитка, жаждал узнать новые чары, которые сделали бы его еще более могучим. Но надо было подождать.

Недолго.

Он продолжил путь к палаткам верховного принца. Показав стражам свое кольцо, юноша остановился у палатки Мааркена, прислушался к доносившимся оттуда голосам и стал следить за падавшими на стенку тенями.

— Холлис... Останься здесь на ночь, ты не так хорошо себя чувствуешь, чтобы...

— Я хочу уйти и уснуть в собственной постели!

— Здесь твоя постель! Ты скоро будешь моей женой, а это значит, что моя постель и твоя тоже!

— Мааркен, оставь меня... Я не могу...

Сегев снова усмехнулся, едва удерживаясь от смеха при виде тени Холлис, отпрянувшей от тени повыше. Возбуждение заставило его обхватить себя обеими руками.

— Прекрати вести себя так, будто я твоя собственность! — выпалила Холлис.

Она вылетела из палатки и едва не споткнулась о Сегева. Казалось, ей нет дела ни до резкого выкрика Мааркена, ни до самого Мааркена.

— Ох! — испуганно пробормотала она.— Сеяст! Я тебя не ушибла?

Он поймал ее за локоть; затем его рука скользнула в ладонь Холлис. Тонкие, холодные пальцы сжали его кисть.

— А вы сами не ушиблись, миледи?

— Нет, все в порядке. Но я рада, что ты здесь. Ты отведи меня к нашим палаткам?

Отойдя на несколько шагов, он обернулся. Мааркен стоял у порога своей палатки, в его руке мерцала свеча. При

ее свете Сегев увидел, что в бледных глазах молодого лорда стоит нескрываемая ревнивая ненависть. И улыбнулся.

* * *

Еще на холме Оствель, смущенный отчаянными всхлипываниями дочери Волога и тем, как она цеплялась за него, попытался сдать девушку на руки отцу. Но Аласен не отпустила его. Волог после мягкой попытки обнять ее покачал головой и пробормотал:

— Пойдемте со мной. Кажется, она плохо соображает, что происходит.

Это было похоже на правду. Счастье, что он с самого начала оказался рядом с ней, когда колдовство Андраде пошло вкривь и вкось и видение в Огне превратилось в ночной кошмар. Мучительный стон Аласен, ставший слабым эхом крика Андраде, заставил Оствеля обнять девушку; в следующее мгновение она спрятала лицо у него на груди, вцепилась в рубашку и задрожала так, что ее хрупкое тело готово было разлететься на куски. Беспокоясь за судьбу сына, Оствель пытался отстраниться, но Аласен все теснее прижималась к нему.

Рияну помогали Давви и Чейл; вскоре к ним присоединились Гемма и Тилаль. Риян выглядел обескураженным, но быстро приходил в себя. Оствель принес хвалу Богине и нежному заступничеству Камигвен, несомненно, следившей за сыном, и переключился на девушку, безутешно плакавшую в его объятиях.

Казалось, Волог был доволен помощью Оствеля. Он на время оставил их, потом вернулся и вполголоса произнес:

— С Рияном все в порядке. За ним присматривает Давви.

— Спасибо вам за заботу о моем сыне, ваше высочество,— сказал Оствель.

— А вам спасибо за заботу о моей дочери.— Волог погладил Аласен по голове.— Бедное дитя... Конечно, она фарадим.

Оствель уговаривал ее сделать несколько шагов.

— Пойдемте, Аласен. Все кончилось. Вы в безопасности.— Он снова встретился глазами с Вологом.— Что с Андраде?

Принц покачал головой.

Оствель с трудом проглотил комок в горле. В мозгу

вспыхивали воспоминания о юности, проведенной в Крепости Богини, о том, как он воспитывался вместе с Камигвен, Сьонед, Меатом и многими другими «Гонцами Солнца». Он никогда не завидовал их дару и надеялся, что в один прекрасный день получит пост главного сенешаля. Вместо этого, проводив Сьонед в Стронгхолд, он стал вассалом Рохана, его близким другом, а потом и атри, владельцем собственной крепости. Приказав Сьонед отправиться в Пустыню, леди Крепости Богини одним махом изменила их судьбы. С незапамятных времен Андраде управляла его жизнью. Невозможно было представить ее мертвой.

Походка Аласен стала более уверенной, но когда Оствель попробовал разжать ее пальцы и передать девушку отцу, принцесса отчаянно вскрикнула и вновь прижалась к нему.

— Все в порядке, любовь моя,— пробормотал Волог, одной рукой обнимая ее за талию.— Осталось совсем чуть-чуть. Милорд, вы знаете о фарадимах больше, чем я. Что случилось сегодня вечером?

— Я не уверен, ваше высочество...— Да, он ни в чем не был уверен, но питал сильные подозрения...— Есть... некоторые вещи, в которых все присутствующие «Гонцы Солнца» участвуют сообща, а сегодня вечером... сегодня вечером было опасно.— Даже более опасно, чем в ту ночь, когда Сьонед соткала звездный свет, и не только находившиеся поблизости Тобин и Польш, но и бывшие за тридевять земель отсюда фарадимы были захвачены этой магией. Тогда перепутавшиеся цвета разбирала Андраде; Оствель догадался, что сегодня этот труд взяла на себя Сьонед. Другие «Гонцы Солнца» разной степени обученности оправились, хотя их должна была мучить жестокая головная боль, но у Аласен не было никакой подготовки.

— Сообща... нравится им это или нет,— вставил Волог, указывая глазами на опущенную голову дочери.

Оствель кивнул.

— Уриваль... или это была Сьонед?... очень искусен.

Он сразу понял, что означает эта реплика.

— Не думаю, ваше высочество, что те, у кого нет дара, могут понять, что с ними случилось.

— Но если мне не изменяет память, вы прожили среди них всю свою юность...

— Я имел эту честь. Однако когда они начинали гово-

рять о соприкосновении цветов и различении спектров друг друга в солнечном и лунном свете...— Аласен споткнулась, и он придержал ее.— Их дар для меня тайна, ваше высочество. Но в конце концов они всего лишь люди, такие же, как и все мы.

Они добрались до алых палаток Волога. Оствель уже начал подумывать о том, что ему придется принести свою рубашку в жертву цепким пальцам девушки, но в конце концов ему с Вологом удалось уговорить ее разжать хватку. Принц уложил дочь на низкую тахту и укрыл легким одеялом. Ее зеленые глаза были широко открыты, но не замечали никого вокруг. Так, во всяком случае, думал Оствель, пока не собрался уходить. Тут она протянула к нему руки и жалобно попросила не бросать ее.

Он опустил на колени и взял в ладони ее кисти.

— Помолчите немного. Все хорошо, Аласен. Вы в безопасности. Я клянусь вам, миледи. Вы спасены.

Аласен заглянула ему в лицо, и выражение ее глаз изменилось. Она была готова улыбнуться ему. О Богиня, как прекрасна эта девушка, подумал Оствель и пришел в замешательство, когда у него сжалось сердце. Длинные ресницы опустились, и Оствель обрадовался, что ее глаза больше не смотрят на него с такой благодарностью и таким доверием.

Вдруг Аласен прошептала:

— Но она мертва. Все цвета умерли... и леди Андраде вместе с ними.

— Тс-с...— ответил он, чувствуя, что Волог с тревогой следит за ними.— А теперь спать, моя дорогая.

Пальцы Аласен дрогнули, расслабились и мягко выскользнули из его ладоней. Удостоверившись, что она уснула, Оствель устало поднялся. У него болели колени и плечи. Влажный климат Виза слишком сильно отличался от жаркого, сухого климата Пустыни в районе Скайбоула. Ноющие суставы напомнили Оствелю о возрасте. Он был вдвое старше лежавшей на тахте девочки, забывшейся, но не нашедшей покоя. Стоило Оствелю посмотреть сверху вниз на юное, бледное, напряженное лицо, как к этой боли добавилась боль в груди.

Он обернулся к Вологу.

— Ваше высочество, ей надо как следует выспаться, и все будет в порядке.

— Должно быть, я надоел вам со своей благодарно-

стью?—смущенно спросил Волог.—Милорд, можно угостить вас вином? Я и сам бы выпил с вами.

— В другое время я бы с радостью принял ваше предложение. Но мне действительно нужно идти. Хочу взглянуть на сына.

— Конечно, конечно. Что ж, тогда в другой раз.—Он проводил Оствеля до порога.—Мне очень неприятно спрашивать, но... Как вы думаете, что будет завтра? Андраде мертва, вопрос с Масулем не решен, и я не вижу никакого выхода из создавшегося положения.

— Верховный принц что-нибудь придумает. Он всегда находит выход.—Оствель подумал об убитом «Гонце Солнца» и понял, что сомневаться не приходится—это дело рук Масуля. Если бы против него нашлись неопровержимые улики, он был бы казнен независимо от своих претензий на Марку.

— Спокойной ночи, ваше высочество.

На подходе к палаткам Пустыни он встретил Чейна.

— Я возился с нашими сыновьями,—сказал старший из мужчин.—Сейчас все спокойно, но, насколько я знаю фарадимов, завтра им жизнь медом не покажется.

— Ты повторил мои слова. Я только что от Волога. Аласен досталось больше, чем остальным. Она не прошла обучения.

Чейн нахмурился.

— Кто-то должен был знать ее цвета. Иначе Сьонед никогда не смогла бы найти и отделить ее спектр от спектров других «Гонцов Солнца». Тогда она потерялась бы в тени.

Оствель задумался над тем, кто мог притронуться к цветам Аласен и запомнить их спектр, но потом пожал плечами. Какая разница? Главное то, что она жива...

— Как Тобин?

— Вполне прилично. Она с самого начала знала, что происходит. Она сильнее, чем думает... и даже сильнее, чем пытается казаться,—добавил он, уныло пожав плечами, и вдруг помрачнел.—Не могу поверить, что Андраде ушла от нас.

— Я тоже,—пробормотал Оствель.

— Обычно я догадываюсь о том, как работают мозги Рохана, хотя чаще всего отстаю от него на полшага. Но будь я проклят, если знаю, что он будет делать сейчас.—Чейн по-

качал головой.— Не могу поверить, что она ушла,— повторил он.

Оствель счел за лучшее сменить тему.

— Риян сейчас с Давви?

— Что? Нет, они с Андри в палатках «Гонцов Солнца». На ночь с ними останется Сорин. Мааркен забился в свою палатку и пытается уснуть.— Чейн скорчил гримасу.— Хотел бы я знать, чем закончится эта его история. Конечно, девушка красивая, и Андри говорит, что она очень ему подходит. Может быть, она и любит его, но я лично ничего такого не заметил... Ладно. Будем надеяться, что они сами разберутся.— Он искоса глянул на восток.— Скоро утро.

— Лучше бы оно не наступало. Я не жду от завтрашнего дня ничего хорошего.

— Как ты думаешь, где будут похороны?

— Не знаю. Решать придется Уривалю, но не думаю, что в таком состоянии он способен строить какие-нибудь планы.— Он крепко сжал руку Чейна.— И мы тоже ничего не выстроим, если не вздремнем хоть немного.

— Оствель, я не могу думать ни о каких планах... кроме военных.

* * *

Испуганный Андри без сна лежал в маленькой белой палатке, и его не могло успокоить даже присутствие брата-близнеца. Он один мог описать цвета Аласен; Сьонед не смогла бы отделить ее спектр от остальных. Андри сделал это сам. Хотя потрясение и мучительная боль угрожали разорвать его мозг, он заставил себя восстановить светящийся узор и увидел, что ее спектр начинает трескаться. Ужас заставил его забыть про все остальное. Он ощутил, каким образом Сьонед выпутывала из хаоса цвета Поля; остальное довершил инстинкт. Попытка успокоить ужас Аласен и заново собрать ее спектр отняла у него последние силы. Дальше Андри помнил только то, как ему помогали спускаться с холма, да еще встревоженный голос Сорина.

Он слышал рядом тихое дыхание брата, ничуть не похожее на сонное дыхание Рияна, который лежал на соседней кровати. Андри медленно сел и обхватил руками раскаляющуюся от боли голову.

— Ложись обратно, идиот,— немедленно прошептал Со-

рин. Андри схватил его теплую руку.— Что, Андри? Что с тобой?

— Андри не мог побороть пронизавшую его дрожь.

— Я... н-не могу согреться...— пробормотал он.

Сорин снял со спинки кровати еще одно одеяло.

— Вот, укройся. Так лучше?

— Да,— солгал Андри.

Когда он лег снова, Сорин калачиком свернулся рядом.

— Я посылал оруженосца справиться о здоровье остальных. Все более-менее нормально. Но общее мнение гласит, что завтра вы, «Гонцы Солнца», будете чувствовать себя так, словно четыре дня провели в открытом море.— Он стиснул пальцы Андри.— О Богиня, как ты меня напугал!

Присутствие трезвого, здравомыслящего брата благотворно действовало на Андри; видения слабели и уходили из его сознания в то надежно защищенное место, куда имели доступ только ночные кошмары.

— Ты останешься здесь?— спросил он, стыдясь своего умоляющего тона.

— Конечно. По двум причинам. Во-первых, так приказал отец. А во-вторых, ты серьезно думаешь, что я могу бросить брата в беде?

Андри вспомнил то, что было много лет назад, когда они были совсем маленькими: однажды у него случился солнечный удар, и испуганный Сорин несколько дней пролежал рядом с братом. А в другой раз у Сорина был страшный жар, и Андри, несмотря на запрет матери, пробрался к брату и ухаживал за ним, пока Сорин не поправился. Так было всю их жизнь. Он жалел тех, у кого не было близнеца, его второго я; но еще больше он жалел Мааркена, представляя себе, что тот должен был перенести, когда во время Мора умер его близнец Яни.

Сорин вновь погладил его по руке.

— Не можешь уснуть?

— Да. То есть нет. Андраде умерла, верно?

Сорин кивнул.

— Я думаю, сейчас с ней Уриваль. И Ллейн тоже.

— Скажи спасибо, брат, что ты не можешь видеть и чувствовать, как я,— прошептал Андри.— Представь себе витраж из цветного стекла, на котором меняются созданные Огнем движущиеся картины. Вдруг витраж разбивается на миллион кусков, а я должен выбрать из кучи осколков под-

ходящие друг к другу и снова сложить из них картину. Это делала Сьонед, но я чувствовал их все, все эти куски и страх теней...

— Все кончено, — пробормотал Сорин. — Успокойся, Андри. Закрой глаза. Я останусь здесь.

Андри слабо улыбнулся.

— Знаешь, я скучал по тебе.

— Я тоже. Слушай, а если мне спросить у отца разрешения зимой съездить к тебе в Крепость Богини? Я теперь рыцарь, так что все равно им с Роханом придется для меня что-то придумать. А это даст им побольше времени для раздумий.

— А чем бы ты сам хотел заняться?

— Честно говоря, еще не думал, — легко ответил Сорин. — Надеюсь только, меня не заставят сидеть с расчетными книгами в порту Радзина!

— Размечтался! — фыркнул Андри. — Расчетные книги! Ты только прибавлять умеешь, да и то на пальцах!

Сорин улыбнулся, и Андри понял, что родственная магия действует: брат сумел рассмешить его...

— Хотя строить новый порт в устье Фаолейна было бы интересно, — продолжал Сорин. — Я люблю строительство. Волог выстроил для Аласен дом в поместье — на случай, если она выйдет замуж за того, у кого нет дворца, достойного принцессы. Мы там часто веселились... — Он тут же осекся. — Андри...

Его брат не сумел справиться с собственным лицом.

— Что? — спросил он, пытаясь скопировать ледяной тон Мааркена. Однако старший брат, видно, был единственным, кто унаследовал от отца умение владеть голосом. Сорин уставился на него круглыми глазами.

— Ты... и Аласен? — наконец выдавил он. — О Богиня!

— Ну и что? — вызывающе произнес Андри. — Может, я и не принц и у меня нет земель, но я внук принца, сын лорда Радзинского и племянник...

— Слушай, перестань выкладывать свои верительные грамоты, как какой-нибудь посол! — проворчал Сорин. — Я просто удивился, вот и все. У меня в голове не укладывается, что вредная девчонка, с которой я вырос, вдруг превратилась в красавицу. Но если ты любишь ее...

— И если у меня будет возможность, — пробормотал Андри.

— А почему бы и нет? Твой род не хуже ее. А главное, она родня Сьонед и Рохану. Так что брак будет внутрисемейный. Что ж, хорошая мысль. Честно.

— Ты серьезно? — Андри вздохнул. — Но ведь мне придется убеждать ее, потом ее отца, ее мать и...

— Ты говоришь как Мааркен. Вы, «Гонцы Солнца», всегда находите тени там, где их нет. Почему бы ей не принять твоё предложение? Парень ты видный, с ножа не ешь, умнее тяглового лося и моешься регулярно...

Андри снова не сумел скрыть улыбку.

— Спасибо за поддержку!

Сорин похлопал его по плечу.

— Кушай на здоровье. — Но через мгновение он стал серьезным. — Слушай, а как же Крепость Богини? Андри, ты же всегда только этого и хотел. Поместье на Кирсте прекрасное, и любому его было бы больше чем достаточно; в общем, самое подходящее место для вас с Алли. И ты сможешь оставаться «Гонцом Солнца» — может быть, даже приписанным ко двору Волога. А с политической точки зрения это было бы просто отлично. Если ты станешь их придворным фарадимо, то когда подрастет Арлис и унаследует весь остров...

— Ради нее я бы пошел на это, — медленно сказал Андри. — Но мне не придется покидать Крепость Богини. Аласен сама приедет туда учиться искусству фарадима.

— Ты уверен в этом?

— Сорин... Я не могу представить себе человека, который имеет дар и не хочет пользоваться им, не хочет стать «Гонцом Солнца». Это самая удивительная вещь на свете. Это...

— Эту песню мы уже слышали, — с усмешкой отмахнулся Сорин. — Раз так — ладно, татци Алли в Крепость Богини и делай из нее фарадима. Но... — тут он погрозил Андри пальцем, — зимой я приеду и проверю, насколько честны твои намерения!

— Сорин! — выпалил возмущенный Андри, однако вскоре заметил в глазах близнеца лукавый блеск. В отместку он дал Сорину тумака, но резкое движение отдалось в голове новым приступом боли. Он упал на спину и крепко зажмурился.

— Полегче, — посоветовал моментально нахмурившийся-

ся Сорин.—Тебе действительно нужно попытаться уснуть.

— Боюсь, уже не удастся,—спокойно прозвучало у них за спиной. Они испуганно обернулись и увидели в проеме силуэт Ллейна.—Скоро рассвет, так что для хорошего сна не хватит времени. Лорд Андри, если вы можете встать, то лорд Уриваль просит вас немедленно прибыть к нему. А мне сдается, что встать вы можете,—сухо добавил он.

Андри, второпях натягивавший на себя одежду, бросил на брата один-единственный ошеломленный взгляд. Вслед за Ллейном выходя из палатки, он спросил:

— Ваше высочество, вы не знаете, почему лорд Уриваль хочет меня видеть?

Старик посмотрел на него искоса.

— А сам не догадываешься? Вот и хорошо. *

Эти слова ничуть не успокоили Андри. Он вошел в огромный белый шатер один, трепеща от неясного предчувствия. Уриваль стоял перед гобеленом, отделявшим от шатра спальню, в которой лежала Андраде. Руки его были сложены за спиной, лишенное выражения лицо окаменело, но глаза застилала пелена скорби.

— Милорд?—нерешительно спросил Андри.

Уриваль в несколько шагов преодолел разделявшее их расстояние и вытянул руки. Андри непонимающе посмотрел на зажатые в них два браслета.

— Милорд,—тихо сказал Уриваль.

И тогда он все понял, и в голове его раздался рев, похожий на недавний рев взбесившегося Огня. Боль и ликование, скорбь и радость, ужас и желание... Андри принял браслеты и застегнул их на запястьях.

— Милорд,—снова сказал Уриваль и низко поклонился ему.

ГЛАВА 26

Далеко в горах нетерпеливо расхаживала по комнате Мирева.

— Почему они ничего не делают? — в пятый раз требовала она ответа от Рувалья, сидевшего у открытой двери ее обиталища. Стул его стоял на двух ножках, ступни Рувалья упирались в стену. — Только и знают, что жариться в своих проклятых палатках, как драконы в пещерах для высиживания яиц...

Руваль засмеялся, и она разъяренно обернулась.

— Прости меня, — сказал он, улыбаясь. — А что им еще остается делать? Ты же сама видела, как они всю ночь снова-ли из палатки в палатку. А сегодня они ждут. На закате они соорудят погребальный костер и до первой звезды соберутся, чтобы сжечь старую ведьму. — Он пожал плечами. — Хотя я так и не понимаю, зачем тебе понадобилось ее убивать.

— Думаешь, можно было выбрать лучший момент? Но когда бы мне еще раз представилась такая возможность? — Мирева налила себе вина из стоявшей на столе бутылки. — Она была так уязвима, как никогда раньше... В любом случае, смерть Андраде и безумие ее дряхлого любовника обернется нам на руку. Сегеву будет гораздо легче украсть свитки.

Она выпила вино, поставила кубок и сложила ладони.

— Я уже чувствую их у себя в руках, Руваль. Они должны стать моими, должны! Столько знаний потеряно! Неве-роятно, что Мерисель решилась записать их. Она была на-шим самым могущественным и непримиримым врагом и все же сумела узнать о нас почти все. Кто ей рассказал?

Он потянулся, дал стулу встать на все четыре ножки и на-

лил себе вина. Следя за юношей, Мирева почувствовала, что раздражение исчезает и ему на смену приходит что-то иное. Этой весной и летом Руваль окончательно возмужал. Плечи его бугрились мускулами, тело и лицо были красивы хищной красотой охотящегося кота. Даже сейчас, когда Руваль сидел в ленивой позе, с кубком в руках, в нем чувствовалась скрытая сила. Пока что только физическая; через несколько лет она обучит его и другим видам силы...

Руваль понял значение этого взгляда и рассмеялся.

— А не отпраздновать ли нам смерть Андраде? — предложил он, допивая вино и ставя чашу. — Все равно до конца дня ничего не случится. Следить за ними — только время тратить.

— И как ты предлагаешь отпраздновать это событие? — лукаво спросила она.

Он только засмеялся в ответ.

Немного погодя, когда они полуодетые лежали на кровати, Мирева откинулась на спину и обняла ладонями его щеки. На нее смотрели неистовые, полные страсти голубые глаза.

— Послушай меня, — тяжело дыша, сказала она. — Сегодня вечером нам придется быть очень внимательными. И так будет до тех пор, пока Сегев не вернется со свитками.

— Ты не доверишь моему любимому младшему братишке? — насмешливо спросил он.

— Если бы не доверяла, он давно был бы мертв.

Руваль повернул голову и впился зубами в ее плечо.

— И я тоже? Но если не считать трусливого дурака Маррона, я — это все, что у тебя есть, Мирева. Будьте со мной поласковее, миледи, и я принесу вам целую страну.

— А если ты будешь поласковее со мной, я принесу тебе весь континент. — Она отвела ладони от щек юноши и запустила пальцы в его волосы. — Помни это.

— Разве такое забывают? — Руваль сжал ее запястья и развел руки в стороны. — Когда-нибудь ты займешься этим и с Полем? — спросил юноша; его глаза горели жарче прежнего.

Вместо ответа Мирева воззвала к растворенному в вине дранату и использовала его власть и древнее колдовство, чтобы превратиться в прекрасную, стройную девушку. Густые черные косы упали на ее плечи, она раскинулась и улыб-

нулась от удовольствия, оказавшись в новом, юном, гибком теле.

Руваль засмеялся.

— Действительно, в самый раз для принцев! И пусть над ним сжалится его Богиня!

* * *

Похоронный ритуал предстояло совершить в холмах, но путь до них был неблизкий. Рохан опасался, что Чейл, Клута и особенно Ллейн могут его не выдержать. Впрочем, Чейла поддерживали Гемма и Тилаль; у Клуты для той же цели имелся Халиан. Ллейн опирался только на свою трость с головой дракона, хотя Чадрик с Аудрите держались к нему так близко, что старик время от времени бросал на них раздраженный взгляд.

Андри следил за сооружением соответствовавшего рангу покойной погребального костра. Они с Уривалем выбрали место на вершине скалистого утеса, у подножия которого плескалось бескрайнее море. Из камней сложили плоское ложе и застелили его новым белым бархатом. Носилки сделали из срубленного утром могучего одинокого дерева; все плотники ярмарки обтесывали столбы и подпорки, золотых дел мастер вызолотил четыре ручки, а ювелир вставил в них кусочки лунного камня.

Рохан держал две ручки, чувствуя ладонями прохладное прикосновение позолоты и гладкие круглые самоцветы. Другой конец носилок, в ногах Андраде, поддерживал Чейн. Следя за склоненной черноволосой головой и воротником серого траурного одеяния, Рохан обратил внимание на то, сколько серебра появилось в кудрях Чейна. По одну сторону носилок шли Сьонед и Поль, по другую Тобин с двумя сыновьями. А Андри, на запястьях которого мерцали браслеты, шел во главе процессии. Уриваль следовал за ним, возглавляя остальных «Гонцов Солнца». Высокородные, их родные и близкие шли за Роханом, спину которого прикрывал Таллаин. Замыкал шествие простой народ.

Они поставили носилки с Андраде на ложе, поклонились ее праху и присоединились к женам и детям. Дальше все зависело от Андри; на этом ритуале он был главным. Даже Уриваль, который так долго знал и любил Андраде, участвовал в обряде наравне с другими фарадимами.

Стройный, бледный Андри вышел вперед. Его походка и жесты были чересчур напряженными, как у всякого, кто пытается изо всех сил держать себя в руках. Он сделал паузу, поджидая отставших, и Рохан проследил за его взглядом. Принцы, аtri, их жены, дети и домоладцы, купцы и слуги с раскинувшейся за рекой ярмарки были окружены цепью стражей в цветах всех тринадцати государств. Сегодня при воинах не было оружия. Скоро многим из них придется сражаться друг с другом, подумал Рохан.

Казалось, взгляд Андри разыскивает кого-то, и когда поиски оказались тщетными, на щеках новоиспеченного лорда Крепости Богини проступили желваки. Рохан слишком хорошо знал лицо своего племянника, чтобы не заметить этого.

Длинный белый плащ Андраде окропили Водой из фляжки... Никогда столько народу не присутствовало на торжественном погребении лорда или леди Крепости Богини. Все чинно стояли поодаль от родных Андраде и ее фарадимов. Каждый знал обряд до тонкостей; похороны лордов Крепости Богини отличались лишь тем, что в честь Богини, земным олицетворением которой являлся покойный, ритуал начинался намного раньше. Многие с подозрением смотрели на сменившего Андраде молодого человека; еще больше народу видело в нем легкую добычу. Когда хрупкая серая тень, едва заметная в наступивших сумерках, высыпала на белый плащ горсть Земли, уголков губ Рохана коснулась мрачная улыбка. Если кто-то считал Андри слабым, его ждал неприятный сюрприз. Они должны были знать, что каждый, кто родился в семье Чейна, Андраде и Зехавы, обладал и властью, и силой.

Казалось, именно эти качества и решил продемонстрировать Андри. Он медленно обошел костер Андраде, чтобы каждый мог как следует рассмотреть нового лорда Крепости Богини. Затем, стоя у носилок и обернувшись лицом на запад, к морю, он поднял вверх обе руки. Рукава его одеяния сползли, обнажив браслеты, золото и серебро которых заблистало в последних лучах солнца. Когда Андри внезапно снял с себя браслеты и застегнул их на руках Андраде, в воздухе сверкнули рубины его четырех колец.

Почувствовав, как дернулась стоявшая рядом Сьонед, Рохан сжал пальцы жены и поймал ее обескураженный взгляд. Если бы Андри не объяснил все раньше, он бы тоже

ничего не понял. Этим жестом юноша показывал всем и каждому, что он не будет таким же главой фарадимов, каким была Андраде. Став леди Крепости Богини, Андраде надела браслеты своего предшественника. Это должно было продемонстрировать ее скромность, поскольку в то время Андраде была совсем юной. Но золотой и серебряный браслеты, украшавшие запястья Андраде большую часть ее семидесяти зим, должны были расплавиться и исчезнуть в пламени погребального костра, которому предстояло охватить ее лишнюю душу плоть. Рохан не знал, чего в этом жесте было больше — юношеской дерзости или уверенности мужчины, который твердо знает, что он делает. Рано или поздно это поймут все.

Уриваль был шокирован замыслом Андри, но не посмел возражать. Сейчас он стоял с опущенной головой и поникшими плечами. Как он стар, с болезненной жалостью подумал Рохан и стиснул руку Сьонед, не желая думать, что настанет время, когда он так же будет стоять и следить за тем, как Огонь пожирает тело *его* любимой...

Андри взмахнул рукой, и порыв свежего ветра пронесся в неподвижном Воздухе, обвился вокруг тела Андраде, заставил затрепетать полы плаща и прикоснулся к прядям золотисто-серебряных волос. Табин и Сьонед тоже должны были готовить тело, но Уриваль ревниво отверг их помощь и сам оказал Андраде последнюю услугу, которую ему было позволено оказать: обмыл ее, обрядил в белое платье и заплел в косу длинные волосы.

Двинулись вперед другие «Гонцы Солнца» и кольцом окружили костер. Уриваль подошел последним и протянул Андри серебряную фляжку с ароматическим маслом. Но молодой человек покачал головой и вложил фляжку в дрогнувшие руки старика. Рохан одобрительно кивнул. Уриваль *должен* был принять участие в чествовании Андраде. Это было справедливо.

Когда густое масло смочило руки, лоб и веки Андраде и умастило четыре конца ее плаща, в неподвижном воздухе распространился сильный аромат трав и специй. Наконец Уриваль, на щеках которого сверкали слезы, сделал шаг назад, и Андри вызвал Огонь.

«Гонцы Солнца», облаченные в серые плащи с капюшонами, склонили головы. В воздух поднялись языки пламени и осветили гордый, четкий профиль Андраде. Сьонед

вздрогнула, шагнула вперед, присоединилась к своим товарищам и принялась следить за женщиной, которая приняла ее, научила владеть своим даром и призвала в Пустыню, предназначив в жены принцу. После секундного колебания с ней рядом встала Тобин. За ней шагнул Мааркен. Тут покинул отца и Поль, занявший место между матерью и кузеном. Рохан почувствовал, что к нему придвинулись Чейн и Сорин. Из всей родни Андраде только они трое не были приобщены к Огню «Гонцов Солнца».

Андраде надеялась, что Рохан унаследует этот дар. Но именно Полно было суждено стать одновременно принцем и фарадимом. Когда мальчик присоединился к «Гонцам Солнца», толпа тихо ахнула; он еще раз напомнил всем то, о чем многие предпочли бы забыть.

Рохан оглядел склон утеса, и его глаза загорелись при виде Масуля. Жестокость, жадность, страсть к убийству. Ничего подобного в Поле не было, зато у Масуля хватало с избытком. А если бы к этим порокам присоединился дар фарадима? И тут он понял, почему такой суровой была школа Андраде, почему она так неукоснительно требовала, чтобы все «Гонцы Солнца» склонились перед ее волей. Сьонед не подчинилась ей; но не подчинилась и Пандсала. Она дала Рохану горький урок: вот что может произойти, когда сила фарадима и власть принца оказываются в руках жестокого маньяка...

Рано или поздно этим даром овладеют и другие принцы. Поль, Мааркен и Риян недолго останутся в одиночестве. Андраде верила, что ее чудовищной силы воли хватит, чтобы держать недостойных в узде и не допускать их к власти. Но Андраде умерла, ее место занял Андри. Он слишком молод, хмуро подумал Рохан. Непозволительно молод.

«В его возрасте ты стал правящим принцем...»

Он покосился на Чейна. В ярком огне костра его гордое, красивое лицо казалось высеченным из камня. За плечами зята несколько поколений преданных атри и доблестных воинов. Рохан разыскал взглядом стоявшую в кругу «Гонцов Солнца» сестру. Из-под серой вуали торчали кончики ее длинных черных кос. Тобин была выдающейся женщиной — потомственной принцессой, политиком и прирожденным воином. С такими предками Андри не мог не быть сильным. Во многом эта сила должна была отличаться от силы Анд-

раде — не зря же он отверг ее браслеты — но основа у нее была та же.

Первая часть похорон закончилась, и народ начал продвигаться вперед, чтобы поклониться Андри и верховному принцу. Большинство делало это быстро, стремясь оказаться подальше от того места, где на рассвете фарадимы вызовут Воздух, который разнесет пепел Андраде по всему континенту. Но некоторые приближались медленно, во все глаза глядя на владыку и того, кому только предстояло стать настоящим владыкой. Рохан спокойно отвечал на приветствия, добродушно кивая тем, кто побаивался его. Все это время он ощущал на себе сверлящий взгляд Масуля и знал, что самозванец представляет себя на месте Рохана, на месте верховного принца.

Как правило, ритуал начинался в полночь. Однако в случае похорон леди или лорда Крепости Богини все было по-иному. Когда взошли луны, «Гонцы Солнца» принялись прятать тонкую ткань и разворачивать ее в разные стороны, притрагиваясь ко всем фарадимам и делая их участниками ритуала, который не снился и принцам. Таким образом многие далекие «Гонцы Солнца» впервые узнавали о смерти леди Крепости Богини; развертывание ткани, поиски каждого фарадима и сообщение ему горестной вести требовали много времени и сил. Если бы это, как обычно, случилось в Крепости Богини, то там нашлись бы сотни «Гонцов Солнца» и учеников, которые охотно исполнили бы свой долг. Но в Визе их едва хватало, чтобы справиться с этой нелегкой работой без ущерба для здоровья. Когда побледневшие Поль и Тобин окончательно выбились из сил, Сьонед отослала их к родным. Чейн обнял и поддержал жену, но Рохан ограничился тем, что одобрительно кивнул сыну. Поль глазами поблагодарил его, а потом отвернулся и снова принялся следить за Огнем.

Рохану отчаянно хотелось прикоснуться к сыну, нарушить предписанное ритуалом молчание, похвалить за гордость и поделиться своими планами на будущее. Завтра, в последний день лета и Последний День Риаллы, Масуль умрет. Рохан еще не знал, как именно это произойдет, но Масуль будет казнен. А если кто-то еще верит, что тот действительно сын Ролстры — что ж, он не сможет возвести на престол труп. Рохана больше не заботило разоблачение самозванца.

Он умрет на глазах у всего народа; этого будет вполне достаточно.

Тут вперед двинулись собравшиеся уходить принцы и атри. Рохан слегка испугался: неужели настала полночь? Да, об этом красноречиво говорило положение лун. А когда к Рохану двинулся Ллейн, Масуль сам выбрал, какой смертью ему умереть.

Дерзко шагая вслед за Ллейном, самозванец остановился в трех шагах от Рохана и Поля. Повернувшись спиной к костру, отчего его глаза утонули в тени, он нарушил ритуальное молчание, которое поддерживалось весь этот нескончаемый вечер.

— Есть только один способ решить наше дело, верховный принц,— ясно и звонко произнес он, и все, кроме погруженных в работу «Гонцов Солнца», ахнули от негодования.— Я прибегаю к праву вызова, как сделали вы, когда сражались с моим отцом. Я докажу справедливость своих требований своим телом.

Оказывается, старость не лишила Ллейна способности метать гром и молнию.

— Как ты посмел осквернить торжественную церемонию? Замолчи из уважения к леди Крепости Богини, память которой мы здесь чтим!

— Она не смогла доказать вашу правоту,— стоял на своем Масуль.— Как бы то ни было, я считаю фарадимов лишними.— Он произнес эти слова, глядя прямо на Поля. На губах его играла насмешливая улыбка.

Рохан физически ощутил, что сына затрясло от гнева.

— Ваше высочество,— спокойно сказал он Ллейну,— леди, память которой мы сегодня чтим, только обрадовалась бы наглости этого юного глупца. Теперь у нас с ней есть право покарать его давно заслуженной смертью.

Ллейн слегка поклонился.

— Вы не ошиблись, верховный принц. Несомненно, леди засмеялась бы ему в лицо.

Масуль онемел от ярости, но быстро пришел в себя.

— Значит, вы согласны на поединок?

— Ты думаешь, что будешь сражаться с моим сыном?— Рохан улыбнулся едва заметно, но даже Масуль понял, что эта улыбка таит в себе смерть.— Кажется, ты решил, что в любом случае преимущество возраста будет на твоей стороне? Только рыцарь имеет право бросить такой вызов.

Я ждал его с той минуты, как его высочество Кунакский посвятил тебя. Но верно и то, что только рыцарь может ответить на вызов.

— Отец,— тихо сказал Поль, побелев от ненависти,— Принцева Марка моя.

— В этом никто не сомневается, сын. Но я не хочу, чтобы ты пачкал руки о всякую нечисть.

— Я слышал, что ваш меч пятнадцать лет не покидал ножен,— проскрежетал претендент.— Кажется, он так и висит на стене вашего Большого зала. Думаю, вам придется одолжить другой... если вы не забыли, как им пользоваться.

Усмешка Рохана стала чуточку шире.

— Как вызванный, я имею право на выбор оружия.

— И что же это будет? Своды законов, которые мы будем метать друг в друга с расстояния в пятьдесят шагов?

— Наверно, ты слышал, что ножи существуют не только для резки лука...

Оскорбительный намек на крестьянскую еду не достиг цели. Кто-то явно предупредил Масуля, что Рохану как фехтовальщику на ножах нет равных на континенте. Юнец был потрясен, но спустя мгновение к нему вернулся апломб.

— Пусть будут ножи, ваше высочество.

— Нет,— сказал внезапно выросший рядом с Чейном Мааркен.— Мечи. Твой и мой.— Молодой лорд поклонился. Рохану и Полю и подчеркнуто официально произнес:— Ваши высочества, я настаиваю на своем праве выступить против этого претендента в качестве вашего защитника. Его высочество мой кузен слишком молод, а вы, мой принц, много лет назад дали клятву, и я не хотел бы, чтобы вы ее нарушили. Этого не потребуется. Я здесь и готов служить вам с мечом в руках.

— Мааркен...— с трудом произнес Чейн.

— Отец, я знаю, что делаю. Он не только вызвал распри между принцами, но и убил фарадима.

Это разоблачение окончательно разрушило благоговейное молчание. «Гонцы Солнца» продолжали стоять в ритуальном кольце, но дружно обернулись на высокородных. Те, у кого пламя было за спиной, казались серебристо-серыми фигурами без лиц; те, кто находился по ту сторону Огня, были неразличимы под вуалями и капюшонами. Но их кольца — четыре там, восемь здесь и только одно на хрупких ру-

ках Сьонед — глотали пламя и изрыгали его в виде разноцветных сверкающих зайчиков.

— Посмотрите на его руку, — сказал Мааркен. — Он носит кольцо «Гонца Солнца», взятое у убитого им Клеве.

— Это правда, — подтвердил Риян, тоже вышедший из фарадимского круга. Он шагнул вперед, испытывая явное облегчение от того, что собранные им улики наконец пригодились. — Он жил в загородном доме, принадлежащем леди Киле и ее мужу. Я знаю это, потому что однажды ночью следовал за ней до самого поместья.

Кто-то в толпе истерически ахнул. Рохан мог держать пари на своего золотого дракона, что это была Киле.

— Фарадимский шпион! — насмешливо фыркнул Масуль.

— Убийца! — парировал Рохан. — Ты оставил улики на месте преступления. Но одно из колец пропало. Вот оно, это кольцо, у тебя на руке!

Внезапно Андри стал больше похож на своего ястреболищего деда, чем на собственных родителей. Его глаза почернели от ярости. Он знал о смерти Клеве, знал и то, *кто* его убил, но то, что претендент посмел надеть на палец кольцо фарадима, вызвало в юноше смертельный и беспощадный гнев. Он схватил Масуля за запястье и поднял руку преступника так, чтобы ее видели все.

— Золотое кольцо «Гонца Солнца», — сказал Андри, — сделанное из золота «Гонцов Солнца». За это ты умрешь.

Масуль грубо захохотал и вырвал руку из пальцев Андри.

— Думай о своих словах и манерах, лордик! Когда я стану верховным принцем, вы, «Гонцы Солнца», будете сидеть в своей Крепости Богини, и ни при одном дворе вашего духу не останется! Принцы имеют право вести свои дела так, как они считают нужным, без вмешательства фарадимов, единственной силой которых был страх перед их покойной леди. Я сомневаюсь, что ты будешь таким же страшным. — Он обвел взглядом собравшихся. — Да, я убил шпиона Андраде! Все трепещут перед «Гонцами Солнца», но они истекают кровью и умирают так же, как все остальные. В доказательство этого я и ношу одно из их колец. Спросите мою сестру, леди Киле. Она все видела.

Андри взглядом разыскал ее в толпе. Киле крепко прижа-

лась к мужу; потрясенное лицо леди Визской полностью доказывало ее вину.

— Милорд, клянусь, я ничего не...

— Бросаешь меня, сестричка? — глумливо спросил Масуль. — Чего тебе бояться? Завтра я вступлю во владение Принцовой Маркой, а тогда никто не сможет нас тронуть. Я согласен, чтобы он, — самозванец кивнул в сторону Мааркена, — был моим противником. Похоже, с ним стоит скрепить клинок.

Рохан втайне дивился дерзости этого человека. Казалось, только сейчас на волю вырвалась вся горечь долгих лет его веры в себя как в потерянного сына Ролстры. Он возвращал долг каждому, кто видел в нем всего лишь ублюдка какой-то жалкой служанки, каждому, кто сомневался в том, во что Масуль заставил себя поверить, и поверить безоговорочно.

Мааркен все еще ждал ответа Рохана. Принц заглянул в гневные серые глаза, так похожие на глаза Чейна, и в тот же миг вспомнил маленького мальчика, которого они со Сьонед спасли от дракона, вспомнил оруженосца, который был слишком мал для войны, но воевал с честью. Мааркен до сих пор носил кольцо с гранатом, которое Рохан вручил ему как первое отличие «Гонца Солнца».

Затем он посмотрел на Тобин, чьи побелевшие пальцы впились в руку Чейна. Но ее черные глаза были непреклонны; ни Рохан, ни Поль не могли участвовать в поединке. Честь рода Чейна требовала, чтобы вместо них дрался член этого дома. Чейн молча кивнул. Лицо его было и гневным, и гордым.

И вдруг он увидел грациозную фигурку в серой шелковой юбке и вуали. Сьонед, стоявшая поодаль с другими фарадимами, сделала несколько шагов вперед. Она не сводила с него глаз; в ее взгляде не было ни гнева, ни гордости. Только скорбь о том, что должно было случиться.

Рохан обернулся к Мааркену.

— Пусть решает мой сын. Марка принадлежит ему.

Поль протянул руку; кузен принял ее и преклонил колено.

— Мы признаем твоё право, лорд Мааркен, хотя и сожалеем, что тебе придется осквернить клинок кровью этого человека.

Масуль коротко хохотнул.

— Хорошо сказано, маленький принц!

Глаза мальчика сузились.

— Мааркен,— процедил он сквозь зубы,— победи быстро, но сделай так, чтобы он умирал медленно.

— Как прикажете, мой принц.

— Тогда завтра в полдень?— спросил Масуль так неприужденно, словно назначал свидание женщине.

— В полдень,— сказал Мааркен, поднимаясь на ноги.— А сейчас убирайся. Твое присутствие оскверняет ритуал.

Масуль насмешливо поклонился и отбыл. Вслед за ним ушли его сторонники, не забывшие, однако, отдать предусмотренный этикетом поклон Рохану и Андри. Все остальные не тронулись с места. «Гонцы Солнца» вновь встали в кольцо, серыми тенями окружив костер. И сразу же воцарилось молчание, которое нарушал лишь гул голодного пламени.

* * *

Полю стоял рядом с отцом, слепо глядя в Огонь. Пока он был в круге, мать ограждала его от слишком тесного контакта с другими фарадимами, раскидывавшими световую ткань над всем континентом. Но сейчас ее нежной поддержки не было. Он никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким.

Виноваты в этом были не утрата материнского прикосновения и не непреклонное молчание отца. За это лето и Риаллу он узнал, какую власть имеет переданный ему отцом титул принца, и испытывал удовлетворение, пользуясь этой властью. Но дважды за два коротких дня он почувствовал невероятную силу дара, доставшегося ему от матери. К этой мысли привыкнуть было труднее. Участие в сегодняшнем плетении научило его тому, какую мощь представляют собой объединившиеся фарадимы, какой захватывающей дух красотой обладают упорядоченные цветочные узоры. Но прошлой ночью, когда умерла леди Андраде...

У Поля начинала болеть голова при воспоминании о той битве, которую вела мать, сражаясь с тенями. Он понял всю изощренность ее искусства, понял, с каким невероятным совершенством она владеет своим даром. Он всегда думал о ней только как о матери, но только прошлой ночью до него дошло, насколько она могущественна как фарадим. Полю пришлось искать ее взглядом и вскоре нашел высокую, стройную фигуру: огненные волосы матери просвечивали даже сквозь тусклую серую вуаль. Она стояла в круге фара-

димов, хотя носила лишь одно кольцо с изумрудом, олицетворявшее ее власть верховной принцессы. Внезапно он подумал, какой из двух видов власти доставлял матери большее удовлетворение, и понял, от чего отказалась бы Сьонед, если бы перед ней стоял выбор.

Андри сделал свой выбор много лет назад. Сын могущественного атри и близкий родственник принцев, он мог бы получить любой замок, любое поместье, власть, почет и уважение. Но он выбрал Крепость Богини и кольца, которых скоро будет десять — по числу пальцев. Поль не чувствовал того изумления, которое испытывали другие при вести о возвышении Андри. Особенно после его слов, сказанных Масулю. В голосе кузена звучала неслыханная властность, а его лицо за эту ночь стало казаться лицом человека вдвое старше его двадцати зим. Андри был именно *там и тем*, где и кем он хотел быть, и теперь владел всем, к чему стремился, *единственным*; чего он жаждал.

Странная мысль заставила Поля прищуриться. У Мааркена и Рияна было то же будущее, что и у Андри: достойная жизнь в собственных крепостях, место пользующихся доверием и уважением советников верховного принца. Людей, с которыми считаются. Но далеко не таких могущественных, каким теперь стал Андри...

Поль переступил с ноги на ногу, обеспокоенный тем, что принц Ллейн оперся на руку Чадрика. Эти двое научили бы его всему, как они научили Мааркена. Он бы узнал от них, что значит быть принцем. У него выбора не было. Как и у Мааркена с Рияном. И они, и Поль были «Гонцами Солнца». Но им и не снилась такая огромная, такая пугающая власть, которой обладал верховный принц.

Именно в этом и заключалось его сходство с Андри, понял Поль. Разделенные всего лишь пятью годами, они будут сталкиваться друг с другом до конца их дней. Андри будет тем, к кому Поль поедет учиться мастерству фарадима. Внезапно у Поля затвердел подбородок. Будущий верховный принц не будет подчиняться своему кузену из Крепости Богини.

Его решение было вызвано не высокомерием или ревностью к власти Андри, но простым инстинктом самосохранения. Поль не смог бы выдержать тот конфликт с собой, который — как он теперь понимал — переживала мать. Прежде чем стать принцессой, она была «Гонцом Солнца». Но он

был принцем всегда, с начала и до конца. То, что он оказался еще и фарадимо, было даром Богини, и он не собирался отказываться от этого дара. Он охотно поучился бы у Андри пользоваться им. Но для собственных целей, а не для целей Крепости Богини.

Поль задумался. Откуда взялась эта внезапная подозрительность к кузену? Все они то и дело ездили друг к другу в гости, но пять лет казались слишком большой разницей в возрасте для мальчика, который таскался по пятам за своими старшими кузенами. Полю было всего семь лет, когда Андри стал оруженосцем и уехал к принцу Давви, а затем в Крепость Богини. Видеть его сейчас, облаченного такой властью, было то же, что видеть незнакомца.

Тут Поль фыркнул. Они с Андри кровная родня. У них общие дед с бабкой, Пустыня, дар «Гонца Солнца». Благодаря этой общности они смогут понять друг друга и работать рука об руку. Не было причин сомневаться в этом. Они не только не смогут враждовать, как Андраде с Ролстрой, но даже поссориться, как леди Крепости Богини поссорилась с его родителями.

Кроме того, Поль прекрасно знал, что именно он, а не Андри, был конечной целью планов леди Андраде. Она хотела получить принца-«Гонца Солица», а не потомка принцев, правящего всеми фарадимами.

Стоп... Но Андри обладал чем-то, чего не было у Андраде. Звездным Свитком! Поль хорошо знал, что не следует недооценивать силу, которая вчера вечером уничтожила вызванный Андраде Огонь.

Он слегка нахмурился, но тут же пожал плечами. Пока что Андри хватит собственных забот и он никому не будет бросать вызов, как это делала Андраде. Разве все лорды и леди Крепости Богини враждовали с верховными принцами? Он не представлял себе ситуацию, которая могла бы заставить их с Андри поссориться. Вскоре он перестал думать об этом, успокоенный мыслями об общей крови, общем окружении и общем даре...

Мальчик удивился, поняв, что близится рассвет. В Пустыне казалось, что утренняя заря крадется по песку, сначала выбрасывая вперед длинные тени, а потом заполняя их светом. В Дорвале рассвет казался потоком ярких лучей, обрушивавшихся на Грэйперл с высоты окружавших его холмов. Но здесь, в Визе, утренний свет скупое сочился и едва

трогал землю до тех пор, пока из-за восточных холмов не вставало солнце. На половине неба исчезли звезды, уступившие место нежной молочной дымке, тусклой по сравнению с пламенем, еще горевшим внутри кольца фарадимов. Он подумал о том, что видел этой ночью, о земле, раскинувшейся под тканью, окрашенной в цвета спектров «Гонцов Солнца», о захватывающем чувстве полета, которое мог испытывать только дракон, впервые поднявшийся в воздух... Он поднял взгляд на отца. Вот он, *ажей*, «Принц Драконов», как иногда называли его они с матерью, человек, который сделал Поля сыном дракона. Мальчик почувствовал, как усталая улыбка раздвинула непослушные губы. Чем бы ни владел Андри, *такого* у него нет и не будет.

Внезапно его чувства фарадима обострились. Пламя еще раз вспыхнуло, а затем ушло в почерневшие камни. Андраде больше не было. Только тонкий слой пепла остался от могущественной леди Крепости Богини. Поль почувствовал на своем плече отцовскую руку, ощутил судорожно сжавшиеся пальцы, поднял взгляд и увидел голубые глаза, затуманенные слезами. Мальчик удивился, ощутив жжение в веках. Он едва успел узнать Андраде. Но ее смерть означала уход из жизни какой-то необыкновенной личности, благодаря которой он родился на свет и чувствовал себя в безопасности.

«Гонцы Солнца» вышли из круга и собрались у изголовья каменного ложа, измученные ночным бдением, но готовые исполнить еще один долг. Андри отделился от остальных, поднял руки и закрыл глаза, призывая Воздух. Легкий ветерок коснулся щек Поля, обежал собравшихся, заставил развеяться серые одежды «Гонцов Солнца». Поль почувствовал, что откликается и помимо собственного желания добавляет свой дар к дару Андри. И тут он понял, как легко, оказывается, вызвать ветер, заставить его закружиться вихрем и поднять вверх не только пепел, но даже сами скалы, на которых был разложен костер Андраде. Кто-то ахнул, кто-то вздрогнул и отшатнулся, но Поль не обращал на это внимания. Даже тогда, когда на него уставился Андри и рука отца еще крепче сжала его плечо.

Теперь Поль чувствовал цвета Андри. Другие фарадимы — даже мать — отшатнулись при виде их объединенной силы. На мгновение он ощутил присутствие кого-то другого, странно знакомого, хорошо обученного и умело управляющего своим даром. Но радость от собственной силы вскоре

заставила его забыть о присутствии постороннего. Были только он, его кузен и сладкое опьянение их общей силой.

Пепел зашевелился. Он превратился в рожденный Воздухом огромный вихрь, который становился все выше и шире, пока не стал величественной спиралью в три человеческих роста, повисшей над охваченной благоговейным трепетом толпой. Поль уже распробовал, что такое сила фарадима: это была настоящая реальность, наполнявшая до отказа и даже переполнявшая его душу и тело. И тут он понял пламенную страсть Андри, его желание быть выше и лучше всех, быть «Гонцом Солнца», который вызывает Воздух и заклинает Огонь, кто может силой мысли не только сплести свет, но и повелевать стихиями.

Пепел, а вместе с ним капельки расплавленного золота и серебра, казавшиеся мерцающими точками величиной с булавочную головку, поднялись ввысь и разлетелись по всей земле; разбушевавшийся ветер унес с собой и куда более хрупкий туман. И далеко-далеко отсюда — в Дорвале, в Фироне, Пустыне и Кирсте — другие ветерки принялись подбрасывать вверх тонкую пыль, которая затем невидимым дождем падала с неба и снова соединялась с землей... Но последняя связь между духом и телом Андраде была порвана; вещество, бывшее ее плотью, разлетелось по всем странам, которым она так долго служила.

— Поль...

Он едва сознавал, что кто-то зовет его.

— Поль... Все кончилось. Поль, пойдем с нами.

Он непонимающе посмотрел на родителей. Зеленые глаза матери были тусклыми от усталости и какого-то непонятного страха. Отец держал мальчика за плечи; это его голос слышал Поль. Юный принц тихонько вздохнул, попытался улыбнуться и внезапно понял, что мышцы лица его не слушаются. Поля охватила такая усталость, какой он никогда не знал прежде. Оказывается, он еле держался на ногах.

Мать медленно кивнула; в ее глазах больше не было страха.

— Теперь все в порядке, — пробормотала она про себя.

Конечно, все в порядке, хотел сказать Поль. Он сделал только то, что было под силу каждому «Гонцу Солнца».

Но когда перед возвращением в лагерь к нему подходили кланяться, Поль видел на лицах людей необычное выражение. Даже Ллейн, даже он и Чадрик смотрели на него так,

будто узнали с какой-то другой стороны. Поль находил это очень странным.

Зато выражение одной пары глаз он понял слишком хорошо. Андри не мог отвести взгляда от лица Поля. И в этом долгом, немигающем взгляде Поль нашел подтверждение своим прежним опасениям. Андри мог обладать могучим даром фарадима... но Поль был одарен не меньше и вдобавок был принцем.

ГЛАВА 27

— Конечно же, просто инстинкт,— очень обиденно заметила Сьонед, как будто ничего особенного не произошло. Долгий и пристальный взгляд Рохана показал, что этот тон ничуть не обманул его.

Только что они отправили измученного, валящегося с ног Поля в постель. Голова мальчика не успела коснуться подушки, как он уже спал. Выгоревшие волосы поблескивали в утренних лучах солнца, проникавших сквозь полог шатра. Рохан отвел Сьонед в их покои, заставил ее прилечь и начал расхаживать по ковру.

— Он сам не понимал, что творит,— продолжала она.— Просто взял и сделал. Трудно описать то ощущение, когда он неожиданно оказался *там*. Помню лишь, что это была какая-то молодая и неопытная сила, и его, и Андри; их спектры почти слились и в то же время были отдельно друг от друга. Они так страстно желали все сделать сами, что просто вышвырнули всех нас из магического круга. Совсем юные, но какие могучие!

— Я видел лицо Андри, когда все закончилось,— тихо сказал Рохан.

Сьонед села и прижала подушку к груди.

— Я тоже,— призналась она.

— Мне кажется, я понял, почему он рассердился. Это был его дебют в роли лорда Крепости Богини, а триумф вместе с ним разделил его двоюродный брат, которому предстоит стать верховным принцем и который даже младше его самого. А вот то, что я прочитал в его глазах, мне совсем не понравилось, Сьонед. Это почему-то напомнило мне того дракона из Огня, которого ты сотворила силой своей

магии в Стронгхолде — помнишь, того самого, который летал по Большому залу, а потом исчез в гобелене...

Она пожала плечами.

— Всего-навсего эффектная вспышка...

— Проклятие, ты знаешь, что я имею в виду! Тогда Андраде была разгневана и полна подозрений. А сейчас Андри точно так же смотрел на Поля.

— Они оба молодые, Рохан, — повторила Сьонед.

— Да, молодые, но ты сама сказала, что они очень могут, — мрачно поправил ее Рохан.

Она скользнула под шелковое одеяло и затихла.

— Он мой племянник, сын моей сестры. Это безумие. Почему они должны враждовать друг с другом? У них разная власть и сферы влияния. — Он остановился и потер руками лицо. — Богиня!.. Если Андраде ошиблась в нем...

— Ты помнишь, — сказала она, прикусив губу, — того атри с северной границы с Кунаксой, который спрашивал, что ему делать со своими сыновьями?

— Один из них был законнорожденный, а другой внебрачный, и оба хотели стать наследниками. Насколько я помню, вопрос решил Мор, который унес обоих, так что все их владения перешли к лорду Тиглатскому.

— Да. Но когда он рассказывал нам про них и про их достоинства, было ясно, что оба способны править. Тогда мы говорили об этом весь день. Ты помнишь, о чем я в конце концов его спросила?

Рохан устало кивнул.

— Который из них, если отдать земли другому, развяжет против брата войну и будет сражаться до последнего...

Сьонед опять долго молчала.

— Иди спать, любовь моя, — наконец промолвила она. — Хотя бы просто полежи, если не сможешь уснуть.

— Мы обо всем узнаем только после полудня.

— Да.

— Сьонед...

— Я знаю. — Она посмотрела на него снизу вверх. — Я тоже боюсь.

* * *

Проснувшись, Поль обнаружил, что все вокруг него залито странным серым светом, напоминавшим сумеречный, со-

чившимся сквозь затянутое сеткой окошко рядом с кроватью. Он подпрыгнул, ужаснувшись тому, что проспал полдень. Но оказалось, что это всего лишь облака, появившиеся после восхода солнца. Немного поколебавшись, наконец появилось и само солнце и пробило свинцово-серую пелену. Поль на цыпочках подошел к пологу, выглянул наружу, увидел родителей, сидевших к нему спиной и разговаривавших вполголоса, и оценил шансы незаметно прошмыгнуть мимо. Вернувшись к кровати, он взял чистую рубашку и сапоги. Перед тем, как выйти из шатра, он слегка помедлил; теперь родители сидели тихо. Мать протянула руку и крепко сжала кисть отца. Поль не мог разобрать слов, но в голосе матери явственно слышалась боль. Он закусил губу и выскользнул из шатра.

Таллаина нигде не было видно; только он мог безнаказанно приказать Полю вернуться в кровать. Мальчик остановился и натянул на себя рубашку и сапоги. Стражи едва заметно поклонились. Он провел пальцами по волосам и поспешил в ближайший шатер, где, по его представлению, должен был находиться Таллаин.

Чутье его не подвело. Там был не только Таллаин, но Сорин, Риян и Тилаль, и каждый из них держал в руках какую-то часть доспехов Мааркена. Они подняли глаза на вошедшего Поля и едва заметно мрачно улыбнулись.

— Брату повезло с оруженосцами,— заметил Сорин.— Держи, Поль, твои пальцы проворнее моих.— Он протянул кузену наручень.— Шлифовка — неотъемлемая часть рыцарского искусства, правда? Я не смог разделить эту штуку на более мелкие части.

Они полировали стальные крепления и серебряные декоративные детали до тех пор, пока один металл не начинал сверкать неотличимо от другого. Кожаные детали при необходимости смазывались маслом, а кожаные крепления проверялись на прочность. Все происходило в тишине, лишь изредка нарушаемой просьбами передать кусок чистой ветоши или высказать мнение о готовности той или иной части. В ответ всегда звучало одобрение и лишь изредка — совет чуть покрепче отполировать, погуще смазать и как следует убедиться, что доспехи Мааркена будут просто идеальными.

Миновало время, и в палатку вошла Тобин с одеждой сына. В ее взгляде Поль заметил едва заметный огонь. Она по-

веса штаны, рубашку и тунику на кресло и расправила их, тихоноcko проводя пальцами по шелку, бархату и смягченной маслом коже.

Цвета были поразительными. Рубашка была в стиле Радзина, белая с красным воротником и кокеткой. Цвета, небесно-голубой в честь предков из Пустыни и пепельно-голубой в честь Ллейна, посвятившего его в рыцари, были искусно вплетены в вышитую ленту, украшавшую лампасы его белых кожаных штанов. Собственные цвета лорда Белых Скал — красный и оранжевый — преобладали в тунике из бархата, оттенок которого менялся в зависимости от освещения. Каждое движение мышц под богатой тканью должно было уподобить Мааркена живому пламени.

— Если он осмелится в этом проделать дыру, я брошу его через бедро с захватом, — неожиданно сказала Тобин. И только тут Поль понял, насколько она испугана.

— Я это запомню, мама.

В шатер вошел загорелый Мааркен, волосы которого после лета, проведенного в Марке, приобрели золотистый оттенок. Серые глаза поблескивали как ртуть. Он широко улыбнулся и обнял мать за талию.

— Я хочу сказать... — Рядом с рослым сыном Тобин выглядела как никогда маленькой. — ...что этот бархат стоил мне целое состояние. Если хоть одна ниточка вылезет, то...

— Я понял, — остановил ее Мааркен. — Не беспокойся. И огромное спасибо за одежду, она просто восхитительна.

— Что правда, то правда. — Она на секунду остановилась, чтобы посмотреть на него, потом протянула руки, нежно взяла сына за уши, пригнула его голову к себе, быстро поцеловала и отпустила. — Пойду поищу твоего отца. Но совсем не потому, что тебе нужна какая-то помощь в подготовке оружия. — С этими словами она подарила остальным признательный взгляд.

— Единственное, чего не хватает, так это меча, миледи, — вставая, ответил Тилаль. Он подошел к углу комнаты, взял ножны и, отвесив короткий поклон, протянул их Мааркену. — Я купил его в подарок отцу, а он просил передать клинок тебе. Мы сочтем за честь, если этот меч будет сегодня с тобой.

Очарованный Мааркен протянул руку и провел кончиками пальцев по вставленным в эфес мелким гранатам.

— Настоящее чудо. Я... я не знаю, что ответить.

— Просто скажи, что возьмешь его. Я знаю, что у тебя есть свой собственный, но отец просил передать, что он слишком стар, чтобы воспользоваться клинком так, как того хотел бы создавший его мастер. А такому мечу нельзя пропадать втуне.— Тилаль улыбнулся.— Это не мои, а его слова. Отец любит приbedняться.

— Я воевал под началом принца Давви,— тихо сказал Мааркен, глядя прямо в зеленые глаза Тилалья,— и видел, чего стоят он и его меч. Спасибо и тебе, и ему. Жалею лишь о том, что нельзя выпить ничего получше, чем кровь этого ублюдка.

Тобин издала тихий стон, но сразу взяла себя в руки и, подбоченившись, сказала:

— Ты поднимешь этот меч за твоего родственника и твоего принца. И за «Гонцов Солнца», конечно, тоже. Жаль только, что такой прекрасный меч будет испачкан в крови поганого ублюдка. Этот клинок заслуживал большей чести.

— Мама, ты, как всегда, права.— Мааркен обвел взглядом палатку.— А для меня нет большей чести, чем то, что сегодня моими оруженосцами были принцы и лорды. Однако уже поздно. Пора начинать.

Тобин легко прикоснулась к его щеке и быстро вышла из палатки. Поль сделал шаг назад и стал наблюдать, как Мааркен оделся и встал посреди шатра, а Сорин, Тилаль и Риян начали облачать его в боевые доспехи. Поль знал теорию и сам помогал облачаться принцу Чадрику и его сыновьям в торжественных случаях. Но он еще ни разу никому не помогал надевать настоящие боевые доспехи. Поэтому он застеснялся и робко отошел в сторону, глядя на все широко раскрытыми глазами.

Красно-оранжевая туника исчезла под латами, прикрывавшими грудь и спину и надежно скрепленными на плечах и боках. Тугая кожа была окрашена в темно-красный цвет Радзина и Белых Скал; на груди красовались стальные и серебряные пластины. Мааркену предстояло сражаться не конным, а пешим, поэтому его снаряжение и оружие было выбрано с таким расчетом, чтобы обеспечить ему максимальную свободу движений. Когда все было почти готово, он помахал рукой трем молодым людям и повернулся к Полю.

— Мой принц,— тихо сказал он.

Поль с благоговейным страхом посмотрел на кузена, ко-

тогого он боготворил. Несомненно, на всем свете не было более красивого молодого человека, более благородного рыцаря, более восхитительного «Гонца Солнца» и... Мааркен слегка улыбнулся, в его глазах было понимание. Полку хотелось самому отстаивать свое право владеть Маркой, и он проклинал свою молодость и недостаток воинского опыта. Он понимал, что не должен стремиться к этому, ибо его родители посвятили жизнь тому, чтобы ему не довелось брать в руки меч. Но теперь, когда приближалось его пятнадцатилетие и когда рядом стоял защитник, который сегодня пойдет за него на бой, мальчик неожиданно осознал, что было бы совершенно неестественно, если бы он не хотел оказаться на месте Мааркена. Глядя в глаза кузену, он смущенно улыбнулся и дернул плечом.

Вперед вышел Сорин и протянул Полку пояс. Мальчик надел его на талию Мааркена и принялся застегивать. Пальцы двигались проворно и быстро справились с золотой пряжкой, подаренной Мааркену принцем Ллейном. Затем он взял у Тилала меч и вручил его брату. Когда клинок оказался в ножнах, Поль оглянулся на Сорина и Рияна.

— Вы принесли с собой то, что я вам дал? — Они сразу поняли и протянули принцу ножи, которые тот купил для них на ярмарке. — Это всего лишь столовые ножи, — извиняющимся тоном сказал он, — они не слишком подходят для метания. Но отец говорит, что у человека всегда должен быть хотя бы один запасной в таком месте, о котором враг никогда не догадается. Отец всегда носит его в сапоге.

— Знаю. У меня уже есть пара, но эти тоже не мешают. — Мааркен спрятал ножи в пояс.

— Тебе нужен шлем? — спросил Сорин.

— Нет. Кожаный наголовник тоже будет излишним. Я думаю, что мне надо хорошенько рассмотреть, как будет морщиться лицо этого проходимца, так что головные уборы не понадобятся. — Неожиданно он усмехнулся. — К тому же там чертовски жарко.

И тут все замолчали, не желая признавать, что полдень уже почти наступил и Масулю придется ждать. Поль долго и пристально смотрел на кузена и не мог найти подходящих слов. Впрочем, он не смог бы объяснить это и самому себе. Трудно было сказать, какое чувство перевешивало — страх или гордость, любовь, ненависть или ожидание чего-то

ужасного. Он быстро коснулся руки Мааркена и еще раз увидел, как ему улыбаются родные серые глаза.

— Будь осторожнее, — только и смог выговорить он, пытаясь справиться со странным комком в горле.

— Да, мой принц.

В шатер вошел неожиданный гость — правда, неожиданным он был только для Поля. Все, кроме принца, уважительно приветствовали его. Мальчик чувствовал вину за холодок, возникший между ним и Андри; сейчас его беспокойство было сильнее, чем прежде.

Однако по Андри этого заметно не было. Он обнял старшего брата и сказал:

— Пожалуйста, не воспринимай мои слова как оскорбление; но ты должен покончить со всем этим побыстрей. Мне бы не хотелось, чтобы бой состоялся при звездном свете. Если эти колдуны смогли при звездном свете убить леди Андраде, то, не задумываясь ни секунды, сотворят с тобой то же самое. Надо заботиться о себе, Мааркен.

— Ты не можешь утверждать, что они на стороне Масуля! — воскликнул Риян.

— Я не знаю, что я могу утверждать, — огрызнулся Андри. — Я знаю только то, что с Масулем надо покончить до вечера. Я еще слишком мало знаю о Звездном Свитке, чтобы противостоять тому, что они могут предпринять.

Мааркен задумчиво кивнул.

— Сегодня пасмурно. Андри, облака не пропускают даже солнечного света, а ведь еще не наступил полдень! Так что нечего беспокоиться о звездах.

— Ну, а я беспокоюсь, — отрывисто ответил брат.

— Мааркен знает, что делает, — услышал Поль свой голос.

— Он сражается за мою честь не меньше, чем за твою, — покосился на него Андри.

Поль кивнул.

— Кстати, думаю, лучше прийти туда первыми. Если Мааркен опоздает, Масуль станет насмехаться над ним. — Он попытался дать Мааркену возможность расслабиться и пожал плечами. — Если бы не было других причин, его нужно было бы убить за слишком длинный язык.

В глазах Мааркена мелькнуло одобрение. Он хлопнул Поля по плечу и сказал:

— Тогда давай положим этому конец. Я здесь задыхаюсь...

Поль увидел, как его лицо окаменело, и обернулся. В проеме стояла Холлис. Ее длинные светлые волосы в беспорядке рассыпались по плечам, прядями ниспадая на бедра. Огромные голубые глаза, казавшиеся на мертвенно-бледном лице темными, видели только Мааркена. Впервые в жизни изумление и безудержное любопытство Поля уступили место тактичности; он жестом собрал остальных и увел их из палатки.

Как бы ни пытался Поль представить себе их разговор, который помог бы залатать брешь, образовавшуюся в их отношениях и ставшую слишком явной после приезда Холлис в Виз, он не мог этого сделать. Судя по выражению лица Мааркена, вскоре присоединившегося к остальным, такие слова вообще не прозвучали. Неожиданно Поль почувствовал раздражение. Любой, у кого была голова на плечах, знал, что ни мужчина, ни женщина не должны перед боем видеть чьих-либо слез. Этой весной он видел в Стронгхолде множество прощаний; хотя войны и не ожидалось, но провести целое лето на границе с Кунаксой тоже было опасно. Больше всего ему запомнилось, как леди Фейлин прощалась с лордом Вальвисом. Она обняла его и поцеловала, затем немного поругала за то, что он отполировал свои проклятые доспехи до такого блеска, что на него больно смотреть. Они расстались, подтрунивая друг над другом — так же, как Тобин только что рассталась с Мааркеном. Он не раз видел, как мужчины и женщины скрывают свои эмоции, когда говорили «до свидания» своим мужьям, женам, возлюбленным. Не грех бы и Холлис этому поучиться.

Андри же делал все, чтобы ухудшить настроение брата.

— Мааркен, ведь она действительно любит тебя, она все это лето болела и...

Поль остановил Андри взглядом, который, как он надеялся, был похож на холодный взгляд его отца. Но результат превзошел все его ожидания: юный лорд Крепости Богини покраснел как школьник и резко отвернулся. Однако через какое-то мгновение взрослый мужчина, который ранее поставил Поля в трудное положение, ответил ему взглядом, в котором льда было ничуть не меньше. Они уже сталкивались друг с другом так, как могут сойтись только фарадимы, один на один они познавали силу друг друга, силу, которая

еще не была должным образом обучена. Неожиданно на Поля нахлынуло какое-то странное предчувствие, что в будущем они никогда не будут воевать друг с другом, но вместе с тем между ними не будет и мира. Слишком много власти было у каждой из сторон.

Милостивая Богиня, при чем тут власть, неожиданно подумал он по дороге в шатер верховного принца, где их ждала остальная родня. Что бы это дало? Ролстра когда-то получал удовольствие от того, что натравливал принцев друг на друга и затем пожинал плоды. Андраде хотела весь континент подчинить власти «Гонцов Солнца». Отец Поля хотел соткать полотно закона — такое же огромное, как огненная ткань, которую фарадимы соткали прошлой ночью.

А чего хочет сам Польш?

Эти болезненные вопросы сразу вылетели из головы юного принца, когда он повстречал своих родителей и всех остальных родственников, собравшихся рядом с огромным шатром. Уриваль стоял, напряженно выпрямившись, словно боялся того, что стоит ему расслабиться, как рухнет вся его тщательно разработанная система защиты от горя. У Чейна была такая же прямая спина, но в нем отсутствовало напряжение. Он легко двинулся навстречу сыну, чтобы обнять его; каждая черта его лица дышала доверием и гордостью.

— Польш...

Он шагнул на голос матери, который был каким-то сдавленным и зажатым, полностью лишенным своей обычной музыки. Машинально двигаясь вперед, он вдруг увидел, что мать протягивает ему плоский серебряный обруч. Только тут он обратил внимание, что у родителей на головах короны. Золото было так искусно гравировано, что казалось граненным, как драгоценные камни. Он пригладил волосы и надел обруч на надлежащее место, мгновенно ощутив холод при соприкосновении с кожей. Он крайне редко надевал этот символ его ранга. В последний раз это было в Радзине на прощальном банкете, незадолго перед его отъездом в Грэйперл, где он должен был стать оруженосцем Ллейна. Однако он понял, что сегодня рядом со своими суровыми родителями — принцем и принцессой — следует каждому напомнить о его ранге наследного принца.

Рохан проверял доспехи Мааркена, то там, то здесь подтягивая кожаный ремень или металлическое крепление. В Поле сначала закипело возмущение, но затем он понял,

что отец вполне доверял молодым людям, готовившим Мааркена; просто ему надо было что-то делать.

Наконец верховный принц удовлетворенно кивнул и отошел. Тем временем к ним присоединились Давви, Костас, Волог, Аласен, а Оствель вел под уздцы гладкого лоснящегося жеребца, покрытого попоной с цветами Белых Скал.

— Ваше высочество, все готово, — сказал Оствель и отвесил глубокий поклон Рохану, хотя сам он уже давно был не главным сенешалем Стронгхолда, а лордом Скайбоула.

Рохан склонил голову.

— На территории, где проходит Риалла, поединки запрещены, — сказал он Мааркену, — поэтому мы нашли поле за рекой. Оно очень плоское, безо всяких нор или бугров. Ты будешь ожидать, сидя в седле, пока тебя не вызовут, затем поскачешь и сделаешь обычное приветствие мне, Полю и Андри. Далее спешишься, и когда Андри даст сигнал, начнешь. — Он помолчал и добавил: — Благослови тебя Богиня, Мааркен.

Когда процессия двинулась, Андри попытался отвести взгляд от Аласен, но так и не смог этого сделать. На ней было гладкое бледно-серое платье, цвет которого напоминал нависшую над землей тучу. Ее длинные волосы рассыпались по спине блестящими каштановыми волнами, омытыми серебром. Зеленые глаза, которые были очень похожи на глаза Сьонед, не смотрели на него — напротив, из-за вуали ресниц она глядела только на Мааркена, ехавшего рядом с Оствелем на великолепном коне. На мгновение его кольнула ревность, но затем исчезла. Облик его воинственного брата в пышном наряде не мог сравниться с тем, что связывало Андри и Аласен как фарадимов. Андри уловил в этой девушке главное, показав ей, как получать радость от своего дара. Он же восстановил яркие светящиеся краски, когда она могла потеряться в тени. Он оберегал ее. *Пусть все это поскорее закончится*, умолял он Богиню, *и дай мне потом время поговорить с ней наедине*. Аласен поймет, поедет с ним в Крепость Богини, и он будет учить ее чудесным вещам, которые и означают быть фарадимом. Они вместе будут править Крепостью Богини, станут ее лордом и леди, у них родятся дети, а потом...

Он очнулся при виде толпы, выстроившейся вдоль дороги к мосту. Странная радуга затрепетала под серыми облаками, когда люди стали размахивать голубыми ленточками

Пустыни, красными с белым — Радзина, красно-оранжевыми — Белых Скал и фиолетовыми — Марки. За кого болеют эти последние — за Мааркена или Масуля?

Последней к ним присоединилась Пандсала, ее глаза были пусты. Она поклонилась Андри и склонила колени перед Полем, после чего заняла место в самом конце маленькой процессии. Андри слегка нахмурился. Среди них был человек, которого следовало заставить подчиниться Крепости Богини. Принцесса-регент или нет, она все равно оставалась «Гонцом Солнца». Андраде не любила Пандсалу и предпочитала не замечать, однако Андри не собирался позволять ей свободно носить кольца. У Андраде были натянутые отношения и со Сьонед, но если Андри мог без колебаний доверять своей тете, то с Пандсалой надо было держать ухо востро. Это будет прогулка по лезвию ножа, сказал он сам себе. Удастся ли ему заставить выполнять свои обязанности перед Крепостью Богини всех «Гонцов Солнца», к которым теперь относятся и принцы, и лорды? Он искоса глянул на Поля. Андраде собиралась сама обучать его; теперь это придется делать Андри. Теперь за все в ответе новый лорд Крепости Богини. Надо будет научить Поля подчиняться. Он не обманывал себя: это будет непросто. Андраде сломала традицию, согласно которой фарадим не мог быть принцем. Она высидела яйцо дракона, а учить детеныша летать придется Андри.

Но в первую очередь им надо было избавиться от претендента, который дерзнул убить «Гонца Солнца».

Копыта жеребца громко цокали по деревянному мосту, глухим эхом отдаваясь в груди Мааркена. Он чувствовал отвращение к самому себе. Откуда взялись эти мрачные предчувствия? У него был отличный меч, достаточно ножей на случай, если он вдруг утратит большой клинок, сила, молодость и справедливость были на его стороне. Во имя своих принцев и «Гонцов Солнца» он убьет Масуля. Он тихонько улыбнулся. Наконец-то две его половины перестали спорить друг с другом и пришли к единому выводу! Если быть атри и фарадимом одновременно всегда так легко, то не о чем беспокоиться.

Но сейчас его больше волновало будущее — как ближайшее, так и более отдаленное. Разделит ли он это будущее с Холлис?

Она пришла к нему в шатер испуганная, сбита с толку,

с дико блуждающим взглядом. Возбуждение стояло в ее темно-синих глазах, теперь казавшихся совершенно черными. Только вспыхивавшие в них серебряные точки выдавали вспышки молний, бушевавших в ее душе. Прижимая Холлис к сердцу, подбодренный тем, что она не сопротивлялась, Мааркен чувствовал, что она дрожит всем телом, казавшимся в его руках тростинкой.

— Любимая, любимая,— шептал он,— не бойся. Со мной ничего не случится, я клянусь.

— Откуда ты знаешь? Разве мы можем быть уверены в этом?

Разгневанный и обиженный, он отодвинулся от нее.

— Если ты мне не веришь...

— Тебе я верю всей душой. Я не верю им.

— Кому? О ком ты говоришь?

— О тех, кто хочет, чтобы все фарадимы погибли. О колдунах. Я читала об их способах, Мааркен. Я помогала переводить свиток. Даже если Масуль и не знает о них или не желает их помощи, они все равно ему помогут. Он — это их вызов нам. Не только верховному принцу и его сыну, но и нам, всем «Гонцам Солнца»!

Мааркен пытался убедить себя, что страх Холлис — неоспоримое доказательство ее любви. Ее просьба быть осторожнее показывала, что сердце этой женщины по-прежнему принадлежит только ему. Однако неожиданно губы Холлис похолодели, и она вырвалась из объятий молодого лорда, напомнив, что его ждут...

Продвигаясь через толпу к мосту, он увидел ее в группе других «Гонцов Солнца». Холлис крепко держалась за руку Сеяста. Родня Мааркена шла впереди, пока они не достигли поля. Теперь с ним остался только Оствель, придерживавший коня, пока Мааркен спешил. Подбирая поводья, он сверху вниз взглянул в лицо старого друга.

— Помни, что он грузнее тебя,— сказал Оствель.— Проверь его. Если громоздкость мешает ему двигаться, надо будет этим воспользоваться. Но если он быстр и силен...— Внезапно Оствель фыркнул.— Слышал бы кто-нибудь, что я даю советы человеку, который сражается с одиннадцати лет! Как будто я что-то смыслю в воинском искусстве!

— Ты смыслишь многое,— улыбнулся Мааркен,— хоть и никогда не использовал свои знания. Я помню уроки, кото-

рые ты мне давал перед моей поездкой в Грэйперл. Вы с Мазтой учили меня фехтовать на мечах, пока...— Он оборвал себя на полуслове, вздрогнув при звуке ее имени.

— Сейчас она бы гордилась тобой! — сказал Оствель. — Впрочем, так было всегда.

Мааркен безмолвно кивнул.

— Ну, мне пора идти к остальным.

— Не беспокойся, Оствель. Быстрая победа для меня, медленная смерть для него, как я и обещал.

— К черту твои обещания! Убей его как получится и тогда, когда сможешь. — Он помедлил. — Я присмотрю за твоей леди.

— Спасибо, — как-то неловко ответил Мааркен, не желая о ней думать. Он не должен думать ни о ком, кроме Масуля.

Поле было окружено людьми, расположившимися на расстоянии в половину меры от того места, где стоял конь Мааркена. Высокородные разделились на две части. Место между ними заняло простонародье. Все молчали. Мааркен взглянул вверх и подумал, что небо кажется сделанным из серого пепла, раздумавшего разлетаться, словно дух Андраде замешкался, чтобы стать свидетелем поражения самозванца.

На другом конце образованного стражами Рохана круга появился проем. Толпа раздвинулась, и он ясно увидел Масуля. Проклятый самозванец, одетый в фиолетовый цвет Марки, ехал на загнанном до полусмерти коне. Мааркену доставит удовольствие забрать бедное животное и позаботиться о нем так, как оно того заслуживает.

Несмотря на затянувшие небо облака, день стоял теплый, словно позднее лето и ранняя осень не разобрались, кто из них сегодня главный. Мааркен почувствовал, что кожу и внутреннюю сторону доспехов увлажнил пот, и подавил желание дернуть плечом, чтобы смахнуть струйку влаги между лопатками. Наконец он услышал голос своего брата, плохо различимый на большом расстоянии. Однако он и так знал, что скажет Андри.

Сначала перечень взаимных требований. Затем обвинение в совершенном Масулем преступлении. Претендент проехал вперед и остановился перед верховным принцем. Он не сделал попытки поклониться; впрочем, никто этого и не ждал. Высокомерно вскинув подбородок, он произнес официальный вызов на поединок. Андри выслушал его, повер-

нулся и что-то произнес. Мааркен различил свое имя и титулы, тронул пятками бока жеребца, проехал ровно половину расстояния, отделявшего его от Масуля, и склонил голову перед дядей и кузенком.

— Будь нашим защитником, лорд Мааркен,— произнес традиционную формулу Рохан.— Раз этот человек хочет доказать свои права собственным телом, ты докажешь наши права своим.

— Да, мой принц,— ответил он.

Андри дал знак обоим спешиться. Однако Масуль хотел еще что-то сказать.

— Я требую, чтобы он не пользовался в поединке колдовством «Гонцов Солнца».

— Принято,— бросил Мааркен, прежде чем кто-либо успел возмутиться.

— Тогда сними кольца, фарадим.

Мааркен пристально посмотрел на него. Конечно, Масуль не верил в старую сказку, будто «Гонец Солнца» без колец лишается своей силы. Доказательством лживости этой легенды была Сьонед, пятнадцать лет не носившая никаких колец, кроме подаренного мужем, но все вокруг видели достаточно примеров того, что ее могущество не уменьшается. Он взглянул на Андри. Тот лишь презрительно улыбнулся.

— Позволяется,— громко сказал лорд Крепости Боги-ни.— Мы не хотим, чтобы претендента смущали его суеве-рия.

Мааркен чуть не рассмеялся. Как бы ни был Андри молод, у него был просто нюх на такие вещи. Он кивнул брату и снял красные кожаные перчатки. Одно за другим исчезали с таким трудом заработанные кольца... Сделав это, он попытался улыбнуться, но не смог. На ладони лежали шесть серебряных и золотых колечек, пять с маленькими рубинами, шестое с гранатом, которые были его гордостью, частичкой того, чем он был. Мааркен немного поколебался, а затем подошел к Полю и с поклоном вручил их ему на хранение. Он заметил, как что-то мелькнуло в лице Андри, но сразу исчезло.

— Мой принц,— сказал он кузену.— Скоро я заберу их.

— Мааркен, они все еще на твоих пальцах, посмотри.

На смуглой коже остались белые полосы. Если у Андри был нюх, то Поль продолжал оставаться воплощением

доброты. Мааркен улыбнулся мальчику, и у того засияли глаза.

Вышел Чейн и увел под уздцы жеребца Мааркена. Мийон сделал то же с конем Масуля. Мааркен надел перчатки, продевая пальцы в тонкую, мягкую кожу, которая будет крепко и надежно держать рукоять меча, и жестом пригласил Масуля выйти в центр поля.

Идя следом, он вдруг всей кожей почувствовал присутствие Холлис, но не сделал ошибки и не стал смотреть на нее.

* * *

Сегев нервно придвинулся к Холлис. Сейчас он был предоставлен себе и прекрасно знал это. Мирева ничем не могла помочь: она не могла заставить Сегева выполнить ее волю или хотя бы подсказать, что ему следует делать. Ее оружием был свет звезд, а сейчас стоял день. Она могла работать и с солнечными лучами, но небо было затянуто облаками. Сегева должна была радовать свобода, но он не ощущал ничего, кроме мрачного предчувствия.

Он украдкой осмотрел толпу. Многие за и многие против Масуля, но никто из них не сможет сделать то, что сделает он. Если захочет. Если у него хватит смелости. Если он пожелает рискнуть всем ради человека, которого Мирева все равно обрекла на смерть.

Нет, не ради Масуля. Ради себя самого. Сегев подсчитал свои возможности, прикинул план действий и их возможные последствия. Если он сумеет убить Мааркена или кого-нибудь помудрее, Миреве придется выбрать его, а не Рувалья, когда придет время бросить вызов Полю. Но если Звездный Свиток станет принадлежать ему, то он обойдется и без Миревы.

Он всмотрелся в лица, пытаясь определить, кто из «Гонцов Солнца» может представить для него опасность. Они не смогут плести свет — солнце скрыто тучами... Сегев презрительно усмехнулся. Но кто из них в состоянии почувствовать его магию? Самую очевидную угрозу представляла Пандсала. Ее мать обладала даром диармадимов. Пусть считает себя «Гонцом Солнца»; он знает лучше... Возможно, Уриваль. Сегев не забыл, как тот весенней ночью почувствовал наблюдение Миревы.

Но только Андри достаточно знал и понимал Звездный Свиток, чтобы представлять прямую угрозу. И если Сегев будет неосторожен, то так оно и случится.

Он внимательно следил, как столкнулись Мааркен и Масуль. От первого удара стали о сталь по всему телу Холлис пробежал спазм. Сегев чуть не забыл про нее. Этим утром она куда-то убегала — возможно, чтобы увидеть Мааркена. Как будто кому-нибудь из них эта встреча могла доставить удовольствие... Он взглянул на бледное, осунувшееся, большеглазое лицо и подбадривающе пожал женщине руку.

Мааркен был на ширину пальца выше Масуля, а самозванец превосходил его в плечах. Они казались равными соперниками. Сегев быстро взглянул на водяные часы, принесенные из шатра Рохана для измерения продолжительности поединка. Когда вода в верхней сфере опустится до нижней отметки, Сегев начнет действовать. К тому времени усталость ляжет грузом на соперников и измотает нервы публике. Никто не обратит внимания на молодого фарадима, который и решит исход поединка.

Он спрятал усмешку и полной грудью вдохнул туманный воздух. Можно было подождать.

ГЛАВА 28

Риян скептически наблюдал за тем, как Мааркен и Масуль вели разведку боем. Не оставалось никаких сомнений: Мааркен был более искусным бойцом, изящным и грациозным. Но Масуль сражался со сдержанным жаром, подобным жару огня, искусно разводимого в печи для обжига. Мааркен мог бы попробовать разъярить Масуля, заставить его потерять терпение и утратить осторожность. А еще он мог воспользоваться своим превосходством в опыте и технике. Пока же Мааркен вел бой сдержанно, парируя удары, перемежая выпады и финты и рассчитывая найти брешь в защите Масуля. Однако и Риян, и все остальные воины, владеющие мечом, очень скоро заметили, что у Масуля почти не было слабых мест.

У претендента был отличный учитель. Риян хорошо представлял себе дасанского рыцаря-ветерана, страстно желавшего развлечений. Своих сыновей у него наверняка не было, вот он и нашел себе отдушину в виде способного ученика. Во всех странах хватало юношей, которые благодаря владению мечом стремились выбиться из безвестности и стать стражами какого-нибудь принца или лорда, а при везении получить от хозяина поместье. Андри был доказательством того, что не каждый сын высокорожденного появлялся на свет для того, чтобы владеть мечом. Масуль показывал, что крестьяне рождаются не только для плуга.

Однако было видно, что самозванцу не хватает тонкости. На первый взгляд могло показаться, что Мааркен чересчур академичен, особенно по сравнению с жестокой прямотой Масуля. Но постепенно искусство Мааркена начало сказываться. Когда начался настоящий бой, Риян только присвистнул. Мааркен нашел наиболее серьезный недостаток

противника. Масуль был хорош в выпадах и парированиях одной рукой, но для придания дополнительной силы грубому удару двумя руками сбоку у него была плохая привычка заносить меч над левым плечом, словно он рубил дерево. Если бы он смог в этот момент заставить Мааркена потерять равновесие, удар был бы очень эффективным. Но Мааркен был начеку и отходил в сторону. Это повторилось дважды; во время третьей попытки Мааркен использовал это. Он выждал, пока Масуль занесет меч над плечом, обманул соперника нарочито неловким уходом и взмахнул мечом, направив его в бок Масуля.

Соперник увидел это слишком поздно, чтобы успеть уклониться. Спина Масуля изогнулась, как у рассерженного кота, а когда он попытался сохранить равновесие, его левая рука соскочила с меча. Размашистый, сильный удар Мааркена пришелся самозванцу поперек груди, а левая рука Масуля и его меч описали в воздухе бессильный серебристый полукруг. Первый шепот пробежал по толпе, до сих пор напряженно молчавшей.

Риян заметил, что Мааркен предпочел извлечь из этого моральное, а не физическое преимущество. Вместо того, чтобы продолжить нападение на своего противника, он отошел на шаг назад и положил одну руку на бедро — словно опытный учитель, поджидающий, пока зеленый новичок оправится для получения следующего урока. Риян не слышая слов Мааркена, но безошибочно понял их смысл по насмешливому изгибу губ. Он почувствовал, что растущий гнев погубит Масуля быстрее, чем тяжелая рана. Когда противник восстановил равновесие и сделал новый выпад, Рияну пришлось в голову, что Мааркен сильно рискует. Его соперник все еще держал себя в руках.

Его внимание на несколько мгновений отвлек молодой оруженосец с гербом Кунаксы — серебряным ножом на оранжевом поле — медленно пробиравшийся в толпе. Его остановил Сорин, скорчил гримасу и проводил туда, где сидели Рохан и Сьонед. Риян придвинулся ближе, чтобы слышать, о чем идет речь.

— ...если ваши высочества волнует исход поединка, — закончил оруженосец.

— У твоего хозяина чертовски крепкие нервы, — прошипела Тобин, не отрывая глаз от сына.

— Согласны, — пробормотала Сьонед, и Риян недоуменно приподнял брови при виде злобной радости, загорев-

шейся в ее изумрудных глазах. — Тем не менее, мы принимаем пари. — Она посмотрела на Рохана. — Что думает об этом мой муж, принц драконов? Десять лет беспощадного пользования тиглатским портом против?..

Верховный принц улыбнулся, и оруженосец невольно отшатнулся.

— Против всего, что пожелаешь, душа моя, — протянул Рохан. — Самый азартный игрок в нашей семье — это ты.

— Спасибо, дорогой. Ты так щедр... — Она снова посмотрела на оруженосца. — Милорд муж — большой поклонник новшеств. Мы задумали одну-две стройки, для которых потребуется много железа. Ну, скажем, пятьсот *силквейтов*.

Оруженосец задохнулся, услышав, как небрежно она назвала эту колоссальную цифру.

— Мне... мне приказано принять любые условия, ваше высочество. Я немедленно извещу моего хозяина.

— Да, пожалуйста, — промурлыкала она.

Риян вопросительно взглянул на Сорина и вздохнул, увидев, что тот недоуменно пожал плечами. То, что задумала Сьонед, было известно только ей и Рохану.

Мааркен все еще играл с соперником, пытаясь разжечь его гнев, который мог помочь победить самозванца. Толпа начала кричать, поддерживая того, кому она отдавала предпочтении, радостно встречая каждый удачный или красиво отбитый удар. Следя за каждой атакой и контратакой, Риян начал понимать, что Масуль был кем угодно, но только не дураком. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы он позволил себе потерять терпение. Казалось, Мааркен тоже понял это. Его лицо покрылось мрачными морщинами, меч яростно закружился, стремясь не подразнить, но принести смерть.

Оба были в крови, сочившейся из порезов на предплечьях и бедрах, на доспехах красовались вмятины. Риян напрягся, когда над головой Мааркена взвился меч Масуля. Молодой лорд отпрянул в сторону, но сделал это недостаточно проворно, чтобы избежать ссадины на скуле. Он провел быструю контратаку и нанес точный удар в то место на ребрах, где в доспехах зияла пробитая ранее дыра. Масуль громко ахнул и отшатнулся, схватившись за кровоточащий бок. На этот раз Мааркен завершил атаку, сделав длинный шаг вперед и яростно взмахнув мечом, нацеленным в сухожилие за коленом. Масуль из последних сил отпрянул и упал на траву.

Четыре кольца впились в плоть Рияна, сжавшего руки в ожидании последнего удара. Но его не последовало. Мааркен слегка пошатнулся, потряс головой, отвернулся от поверженного врага, взмахнул мечом... и поразил нечто невидимое.

Когда Мааркен вновь обратил клинок против пустоты, в удивленной толпе прозвучал чей-то нервный смешок, а затем раздались насмешливые выкрики. Риян невольно вскрикнул, почувствовав дрожащий жар вокруг пальцев. Он посмотрел на руки, уверенный в том, что кольца светятся, но тут же успокоился, увидев, что этого нет. И все же нечто странное и непонятное угрожающе покалывало его мозг. Мааркен сражался с неким врагом, которого видел только он сам; между тем его настоящий враг оправился от шока и поднялся на ноги. Риян сосредоточился. Странно знакомый блеск на самом краю сознания, ревущий и недостижимый огонь... У юноши перехватило дыхание. Он вспомнил, когда и где испытывал нечто подобное.

Смерть убийцы. Древняя сила рода его матери, вызванная применением того же колдовства, ответила ему сверканием колец фарадима. Значит, в нем действительно есть Старая Кровь, мельком подумал он, борясь со страхом, ибо эта кровь позволила ему мельком увидеть то, что угрожало жизни Мааркена так же неотвратно, как и меч Масуля.

* * *

Сьонед вцепилась в руку Рохана, с ужасом глядя на то, как Масуль поднялся, чтобы продолжить поединок. Но Мааркен продолжал рубить мечом пустоту, кружась на месте и нападая на то, чего не существовало.

— О Богиня, что с ним? — ахнула она.

Тобин вскрикнула: «Мааркен!». Масуль, остерегаясь дико блуждавшего клинка, подкрался сзади и плащмя ударил Мааркена по спине. Молодой лорд извернулся и еще раз пробил доспехи Масуля. Со стороны казалось, будто он сражается не с одним, а по крайней мере двумя соперниками, но ошеломленная толпа видела только одного из них. Лишь огромное искусство воина, обученного отражать атаку десятка мечей одновременно, позволяло ему оставаться в живых.

— Сьонед... Это они. Кто-то применяет старую магию...

Она едва узнала голос Пандсалы, даже не заметив, что принцесса-регент впервые в жизни назвала ее по имени.

— Что? Что ты говоришь?

Пандсала выглядела совершенно больной, ее лицо было таким же серым, как и платье, глаза почернели. Она терла кольца на пальцах, как будто те причиняли ей боль.

— Не знаю, не могу... О Богиня!

Пандсала зашаталась, и Рохан со Сьонед подхватили ее.

— Сьонед... Если она права, кто-то должен защитить Мааркена...

Принцесса сразу поняла, о чем ее просят. Много лет назад она, находясь за тридевять земель, защитила его от предательства во время поединка с Ролстрой, соткав из звездного света купол, непроницаемый для стрел и ножей. Но сейчас все было по-другому. Он просил ее противопоставить искусство «Гонца Солнца» тому, чего она не знала. Кроме того, не было солнечного света, из которого можно было сплести толстую защитную ткань. Но если бы она и сплела ее, едва ли это помогло бы против колдовства...

Мааркен бился из последних сил, иногда уклоняясь от ударов Масуля, иногда шатаясь под их мощью, сражаясь с призраками, видимыми только ему одному. Его темно-красные доспехи и оранжево-красная туника покрылись другой, зловеще-алой краской. Похожий на язычок ожившего пламени, он корчился и уворачивался от видимых и невидимых воинов.

Ожившее пламя.

Она отпустила тело Пандсалы, доверив ее Рохану.

— Поль! Андри! Уриваль! — закричала Сьонед; они немедленно откликнулись, и в тот же миг над землей взвился первый язык Огня «Гонцов Солнца». Она слышала визг. Мийон яростно орал, что фарадимские фокусы были запрещены. Не обращая ни на что внимания, она собирала вместе цвета тех, кто ее окружал. Сапфир, рубин, изумруд, бриллиант и десяток других драгоценных камней сияли и сверкали в языках красно-золотого пламени. Пламя вздымалось все выше и выше, образовало стены, стены соединились в арку, которая раскидывалась над полем боя, пока не окружила его со всех сторон. Люди отпрянули; Огонь ужасающей мощи окрасил их лица в красный цвет. Сьонед собрала силы всех находившихся здесь фарадимов, безразличная к негромким отчаянным крикам измученных «Гонцов Солнца».

Лишь сам Мааркен был освобожден от участия в плетении ткани, которая должна была защитить его.

Вдруг языки пламени затрепетали. Колдун, окруживший видениями Мааркена, напал на Сьонед, используя магию, совершенно не похожую на магию фарадимов. Как будто их руки встретились по разные стороны тонкой прозрачной завесы; ладони и пальцы легли друг на друга, можно было ощутить тепло кожи, прикасавшейся к коже, но настоящего прикосновения не было. Она дала отпор, беря у шатавшихся «Гонцов Солнца» последнее.

Огонь держался, скрывая сражавшихся внутри купола. Сьонед не могла знать, удалось ли ей помешать колдуну. Хотелось верить, что его бешеная атака означала именно это. Колдун должен быть найден, должен! Ни у нее самой, ни у других «Гонцов Солнца» уже не оставалось сил.

Внезапно Сьонед ощутила потерю, словно кто-то из фарадимов забрал свои цвета. Нужно было восстановить утраченное; она стала искать и нашла, со стоном узнав бриллиант — почти безграничную силу, которую Поль предоставил в ее полное распоряжение. Однажды она уже делала это; тогда ему был всего день от роду, а она тянула из младенца юную, неопытную энергию, благодаря Богиню за этот дар и одновременно моля ее спасти мальчика.

* * *

Пандсала пыталась встать с коленей, на которые опустилась, когда Сьонед бросила ее и начала свое дело. Принцесса-регент все еще была частью этого дела и чувствовала властное требование Сьонед отдать ей силу. Но давно прошли те времена, когда она ощущала себя игрушкой в мощных объятиях «Гонцов Солнца». Теперь она могла потребовать обратно большую часть своей силы, а вместе с ней и свое сознание.

Несколько шагов она прошла шатаясь, остановилась отдышаться и обвела взглядом светящийся купол и испуганные лица в облачной мгле. Кто это, где, как? Кольца жгли ее плоть. Разум был в огне. Однако ей сразу бросились в глаза два сгустка сил, кое-где перекрывавших друг друга, поразительно схожих и все же в чем-то различных. Одну из них она легко распознала: это была сила сообщества фарадимов, властно захваченная Сьонед. Другая же была странным

образом свободна от верховной принцессы и тянулась к другой силе, очень похожей на первую.

Неожиданно она узнала ее источник, узнала его так же инстинктивно, как дышала. Яростные глаза на озаренном пламенем жестоким лице — лице, которое казалось ей невероятно знакомым. Глаза были не того цвета, но черты были копией черт, которые она ненавидела полжизни, смеющиеся черты, являвшиеся ей в ночных кошмарах и в конце концов оказавшиеся правдой. Лицо Янте.

Пандсала едва не закричала от муки. Лицо Янте, сын Янте, победа Янте. Она почувствовала во рту вкус крови — общей с колдуном крови — и поняла, что терзает зубами собственную плоть. Ее нижняя губа была в огне, как и серебряные и золотые кольца на пальцах. Кольца «Гонца Солнца» кричали о наличии колдовства. Физическая боль позволила Пандсале забыть о нравственных мучениях, но вместо пламенной ярости она ощутила ледяное спокойствие.

Он был совсем рядом. Она пробралась мимо Чейна, который держал в объятиях едва живую Тобин, протиснулась мимо Волога, Оствеля и широко раскрывшей глаза Аласен. Мальчик не видел ее. Он сидел рядом с молодой женщиной, «Гонцом Солнца», на которой хотел жениться Мааркен; его глаза были устремлены на светящийся купол. Она подошла ближе, каждая мышца в ее теле текла тихо и неслышно, как вода. Требование Съонед отдать ей силы для плетения Огня нарастало в той части мозга, где концентрировался дар фарадима, но Старую Кровь Пандсала хранила для себя, ощущая ее как шелковистое мерцание в венах, как покалывание лучиков солнечного света, начинавших потихоньку пробиваться сквозь серые облака.

Ближе, ближе, чтобы можно было коснуться его, увидеть тени, кружащиеся в его глазах! Их разрез, густота пушистых ресниц, форма век — все было таким же, как у Янте. А цвет, в котором теперь не было и намека на серый, принадлежал Ролстре. Руки Пандсалы поднялись, чтобы вырвать эти глаза.

Наконец он ее заметил и оттолкнул от себя ту, другую женщину. Пандсала бросилась на него, бессвязный крик застрял у нее в горле. Он был одним из тех, кто мечтал отнять у Поля жизнь, власть, уничтожить его. Младший сын Янте, Сегев, который этого хотел больше всего на свете, вопреки тому, что Поль был его братом — нет, скорее всего, благо-

даря этому. Старая Кровь кричала в ней, требуя позволить ему закончить свою работу, обещая взамен неслыханную власть, стоит ей только примкнуть к племени матери, от которого она получила свой дар.

Пандсала вонзила ногти в плечи своего племянника. Он тихонько вскрикнул от боли и попытался высвободиться. Ее руки переместились к его горлу, большие пальцы вонзились во впадинку у основания шеи...

Боль пронзила каждую клеточку тела. Ее руки соскользнули с мальчишеской шеи и схватились за рукоятку вонзившегося в бедро кинжала. Она провела пальцами по тугому шелку, уже мокрому от крови.

Этот удар не должен был убить ее. Он не мог причинить ей большого вреда. Разумом она понимала это. Но нож был чем-то живым, стальной змеей, ползущей сквозь ее тело, рассекающей все связи между мозгом и телом, между разумом и силой.

Улыбаясь, он толкнул ее на траву.

— Дражайшая тетя, — прошептал он. Но мгновение спустя его голос изменился, стал глубже. Когда-то давным-давно она видела, как Андраде демонстрировала тайное искусство говорить через другого человека, использовать чужие глаза и уши. Она слышала голос, но это был не голос Сегева.

— Сейчас твою боль чувствуют все фарадимы, а кровь диармадима не дает тебе умереть. Но это ненадолго. Ты не чувствуешь, *что* это за нож? Железо не убивает нас, только ранит. Однако кое-что брошенное меридами убивает, как яд.

У нее не было ни плоти, ни голоса, ни воли. А Сегев все улыбался и говорил чужим голосом.

— Они умрут из-за тебя, потому что все вы сейчас связаны воедино, слабые, глупые «Гонцы Солнца». Но только не Польша. Он один из нас. Ты это знала? Он принадлежит нам. Через Рохана, через Сьонед — какое это имеет значение? Он выживет — чтобы вскоре умереть гораздо более подходящей для него смертью. Ты этого уже не увидишь, но я думаю, что тебе следует это знать.

И Сегев засмеялся тихим ликующим смехом.

Она слышала крики фарадимов, ощущала их боль. Из-за нее. Чувствовала запах крови, струившейся из ее жил, осязала ладонью теплую рукоятку ножа. Но не имела сил вытащить его, не могла изгнать из тела железный яд, убивавший

«Гонцов Солнца», и яд меридов, убивавший ее. Видела, как побелело лицо мальчика, когда в его глазах замерцала сила, сотрясавшая тело. Он улыбался, и это была улыбка Янте. Красно-золотые языки пламени умирали, и вместе с ними умирала Пандсала.

* * *

Раздался пронзительный вопль, словно вылетевший из одного большого горла. «Гонцы Солнца» завывали от муки, когда захваченные заклинанием цвета невыносимо запылали и пульсирующей болью отдались в и без того измученных нервах, угрожая взорвать их изнутри. Огненный купол распался. Стоявшие неподалеку водяные часы взорвались дождем кристалльных осколков. Сьонед, корчившаяся в руках мужа, отчаянно пыталась восстановить разрушившийся узор. Но небо над ней было затянуто облаками цвета серой стали, из которой делают ножи.

Все они — даже Аласен, которая не желала признавать наличие у нее дара фарадима — все «Гонцы Солнца» ощущали режущую боль. Но один из них — только один — все же смог найти в себе силы и начать действовать.

Холлис лежала пластом и остекленевшими глазами наблюдала, как Сеяст убивал Пандсалу. Ее голова пылала, легкие пронзало болью от каждого неглубокого вдоха, тело казалось грудой раскаленных добела игл, истекавших пламенем. Она не поняла крика Пандсалы, не осознала, почему приступ поразившей ее боли точно совпал с этим криком. Она видела, что Сеяст упал на колени рядом с другими лежавшими вокруг «Гонцами Солнца», делая вид, что тоже умирает.

Холлис посмотрела на обмякшее тело Пандсалы, лежавшее вслед за ним, и на нож, торчавший в ее бедре. Грубый, с зазубренными краями. Она следила за лезвием, сверкавшим так ярко, что это вызывало острую боль в глазах. Почему она не умирает? Почему она все еще может думать, хотя фарадимы вокруг нее не могут? Какая-то часть ее организма работала нормально, она чувствовала силу и власть над своим телом и своими цветами, чувствовала себя почти так же хорошо, как и каждый вечер, когда Сеяст приносил ей свой дежурный горячий, чудесный теиз. Но ее другая часть

знала, что это всего лишь иллюзия и что она находится в волоске от смерти.

Она видела слово, написанное изящным почерком сотни лет назад. *Ден* — смерть. Но на него накладывалось другое слово; так назывался один из разделов Звездного Свитка. *Чианден* — смерть от предательства и измены. Страница дрогнула и стала тонкой пластинкой фиронского хрусталя, забрызганной темными чернилами. Пластинка упала рядом и разбилась вдребезги. Она подобрала осколок и, прочитав слово *чианден*, спросила себя, что иллюзорнее — ее рука или осколок хрусталя.

Рядом стоял на коленях тяжело дышавший Сеяст. Черные волосы прядями обрамляли его белое лицо. Словно чернильные строки на пергаменте. Он жадно следил за поединком, его неистовые глаза улыбались. *Чианден*, думала Холлис. Она помогла Андри переводить эти слова, а Сеяст помог им обоим.

Она слышала крик отчаяния и понимала, что это кричит Мааркен. Он, казавшийся страшно далеким, пытался подняться с земли, а его враг, имя которого она никак не могла вспомнить, стоял над ним и смеялся. Но в руке этого врага сверкал меч, он был очень близко и сторал от нетерпения отнять у Мааркена жизнь. Холлис тяжело дышала, часть ее разума удивлялась силе овладевшей ею ярости; казалось, гнев, заполнявший череп, сейчас сузился до размера раскаленной иглы, вонзавшейся прямо в сердце.

Эта рассудительная, сильная часть победила. Унизывавшие ее пальцы холодные тонкие золотые и серебряные кольца покрылись пылью, пока Холлис ползала по земле. Они впились в ее плоть, когда она обеими руками сжала нож. Холлис вытащила его из тела принцессы-регента и на мгновение спрятала его на груди, словно некую тайну.

Она ощутила прилив сил и почувствовала себя более уверенно. Возможно, причиной этого была чаша бодрящего, укрепляющего вина, которое заставил ее выпить Сеяст перед тем, как идти сюда. Она кивнула, все поняв и ничуть не удивившись. В чаши с вином и тейзом, фруктовым соком и самой простой, обыкновенной водой, которую он приносил ей всю весну и лето, был добавлен *дранат*.

Она видела, что ее сестры и братья фарадимы уже не шевелятся, и вскользь подумала, видит ли это Сеяст, слышит ли их слабые стоны в тот миг, когда им удастся сделать вдох.

Только теперь Холлис поняла, что на пути к Пандсале она проползла мимо Сегева и что он стоит на корточках, повернувшись к ней спиной и вытянув руки в сторону Мааркена.

Мааркен...

Высокий окровавленный человек шатался как мертвецки пьяный, меч дрожал в его неверной руке. Пока Мааркен пытался принять боевую стойку, Масуль стоял к нему спиной, а затем, ухмыляясь, делал шаг назад и откровенно смеялся, когда наполовину слепой удар проходил мимо. Презрительный удар плашмя по плечу, пинок, и Мааркен падал снова.

Холлис услышала, что он снова вскрикнул — не от боли или страха, но от полного отчаяния. Он встал на одно колено и яростно рубанул воздух, даже не глядя на Масуля. А Сеяст затрясся от беззвучного смеха.

Она всадила окровавленное лезвие между ребер и вонзала его все глубже и глубже, пока ей не показалось, что в рукоятке ножа отдается биение его сердца. Затем она повернула эту рукоятку. Красная струя ударила ей в лицо, залила грудь и руки. Она поворачивала нож в ране, пока не перестала ощущать биение его сердца.

* * *

Внезапный массовый обморок «Гонцов Солнца» и последовавшее за ним крушение огненного щита заставили ощутить резкую боль даже Рохана, имевшего крупницы дара. Сьонед, как подкошенная, упала на землю. Она едва дышала, глаза превратились из зеленых в темные и дико глядели в никуда. Поль, Тобин, Аласен — все «Гонцы Солнца», скорчившись, лежали на жесткой траве, безмолвные, бесчувственные, словно сраженные чьим-то гигантским кулаком.

Масуль засмеялся и пинком свалил Мааркена наземь. Рохан видел, как меч его племянника бесцельно взметнулся в воздух. Самозванец схватил клинок рукой в перчатке и отбросил в сторону. Мааркен съехался, пытаясь избежать чего-то невидимого, и потянулся за ножами, лежавшими в поясе. Он сделал выпад вверх, по счастливой случайности угловид одним клинком в голень Масуля. Тот взвыл от боли, ударил Мааркена ногой в спину и наступил сапогом на его запястье. Когда хрустнули кости, второй нож отлетел в сторону. Масуль выпрямился и картинно подбоченился, словно позируя для наброска торжественного гобелена на память

о выдающемся событии. Взяв меч обеими руками, он направил острие вниз, намереваясь вонзить его в грудь Мааркена.

Лишь мгновение потребовалось Рохану, чтобы выхватить из сапог ножи и зажать их в пальцах. В следующую секунду воздух пронзили две молнии. Проследить их полет было невозможно; видна была лишь одна длинная сверкающая серебристая нить. Оба ножа очутились у Масуля в горле, так близко один к другому, что звук шелкнувших друг о друга рукояток услышал даже Рохан.

Меч выпал. Мааркен медленно перевернулся на бок, и клинок упал на расстоянии руки от его тела. Пальцы Масуля и его дергавшееся в агонии тело уже знали то, что отказывался принять мозг — он был мертв. Широко раскрытые зеленые глаза недоверчиво искали Рохана. Очень долго он падал на колени, а потом смотрел на кровь, вместе с которой из него уходила жизнь. Красная струя лилась на его грудь, на землю, а он смотрел на нее так недоверчиво, словно это была не его кровь. Губы Масуля шевелились, но торчавшие в горле ножи не давали произнести ни звука. Рохан не мигая следил за тем, как Масуль, на лице которого застыло выражение крайнего изумления, повалился ничком и умер.

Казалось, что огромная ладонь закрыла все рты, не включая и Рохана. Он попытался проглотить ком в горле, вымолвить хоть слово, но не смог. Наконец тишину прервал тихий стон ошеломленных фарадимов.

Сьонед с трудом поднялась на ноги и, шатаясь, подошла к Рохану. Принц смерил ее взглядом и повернулся к сыну. Выпрямившийся Поль держался за руку Сорина, однако было видно, что стоит он с трудом. Но когда Рохан двинулся вперед, Поль последовал за ним. Решимость заменяла ему отсутствие физических сил.

Рохан вытащил ножи из глотки Масуля, вытер их о траву и вернул на прежнее место — в сапоги. Поль положил голову Мааркена к себе на колени и начал стирать с нее пыль, смешавшуюся с потом и кровью. Он позвал брата по имени. Тот застонал, его веки затрепетали, а потом раскрылись.

От первых слов Мааркена у Рохана больно сжалось сердце.

— Прости меня, мой принц, — шептал он, — я проиграл...

— Нет! — воскликнул Поль. — Ты выходил, чтобы сражаться с человеком, а не с колдуном!

Грубый смех привлек внимание Рохана. Мийон Кунакский, не сводя с него глаз, шипел:

— Значит, ты собираешься воспользоваться этой басней? Колдовство, говоришь? Хороший повод, чтобы нарушить больше законов, чем ты написал за всю свою жизнь, верховный принц! Единственным колдовством здесь было то, которое используют фарадимы...

— Чтобы защитить обоих от предательства! — с жаром воскликнул Поль. — Да как ты смеешь...

— Мальчик, если ты думаешь, что я в это поверю, то ты еще больший глупец, чем твой отец!

Рохан говорил очень тихо.

— Я нарушил закон, собственноручно убив Масуля. Но я не собираюсь обсуждать случившееся ни с тобой, ни с кем-либо еще. Я просто уступлю искушению и нарушу еще парочку законов, приказав моим войскам перейти твою границу. Если ты думаешь, что сможешь передать сообщение на север быстрее меня, то продолжай говорить. — Он сделал паузу. — Если же нет, то закрой рот и убирайся с моих глаз.

Пока их высочество принц Кунакский мудро, но немного нервно следовал совету Рохана, к ним подошел Чейн и поднял сына на руки. Мааркен попытался слабо протестовать, доказывал, что с ним все в порядке, что он уже давно не ребенок, но отец успокоил его одним-единственным взглядом и посмотрел на Рохана.

— А сейчас, пока кто-нибудь еще не успел поднять шум, могу я унести своего сына отсюда ко всем чертям?

Рохан щелкнул пальцами; подбежал Таллаин.

— Передай принцам, что я жду их вечером, когда начнет смеркаться. И найди врача. Ни моя жена, ни сестра не могут заняться им.

— Если ваше высочество позволит, я позабочусь о лорде Мааркене, — сказала выросшая как из-под земли Гемма, которую сопровождал Тилаль. — Я знакома с медициной.

— Спасибо, миледи, — с сильным сомнением ответил Чейн.

Но Тилаль только кивнул, и они унесли Мааркена с поля. С помощью Данлады Гемма тщательно обработала раны и ушибы Мааркена, сначала дав ему выпить снотворного, чтобы не причинить новой боли. За всем этим наблюдали Рохан и Чейн, каждый раз морщась, когда очередную рану вскрывали, тщательно промывали и накладывали на нее

бинты. Они были благодарны искусству Геммы, уверявшей, что у него останется всего несколько шрамов. Больше беспокойства внушало сломанное запястье. Данлади долго возилась с ним, и даже сквозь сон Мааркен стонал, когда накладывали повязки. Лишь время могло показать, сумеет ли он владеть рукой.

Чейн не благодарил принца за спасение сына: это только оскорбило бы Рохана. Если у каждого вассала была обязанность защищать своего принца, то и принц был должен защищать своих вассалов. Все было понятно без слов.

Поля послали в шатер с матерью и тетей, где все трое рухнули и мгновенно уснули, словно тоже выпили снотворного. Рохан сказал, чтобы Андри, Уриваль или кто-нибудь еще присмотрел за остальными «Гонцами Солнца». Ближе к сумеркам в палатку Мааркена пришел Таллаин и принес ужасную новость.

— Принцесса-регент мертва, милорд.

Рохан удивился, что он ничего не чувствует, как будто этот удар лишил его эмоций.

— Как это? — недоверчиво воскликнул Чейн.

— Только одна рана, укол ножом в ногу. От такой раны она не могла истечь кровью. Но тем не менее она мертва. — Таллаин выглядел так, словно сам не мог в это поверить. — Найдра, ее сестра, забрала ее с поля в шатер своего мужа и спрашивает, как вы желаете провести церемонию.

Наконец он что-то почувствовал, и ему стало стыдно за свои эмоции. Он не ощущал ничего, кроме облегчения.

— Милорд...

— Да, — машинально ответил он. — Она будет торжественно предана огню. Почести мы ей окажем как принцессе и как «Гонцу Солнца». Думаю, в замке Крэг... да. Пожалуй-ста, передай принцессе Найдре, что я буду ей очень благодарен, если она любезно согласится сделать все приготовления. И... и скажи ей, что я разделяю ее скорбь.

Вообще-то он сделал странную вещь. Он горевал об извращенном уме, о любви, основанной на ненависти, о неправильно использованном даре. И постыдно радовался тому, что она мертва, что ему не придется ссылать ее в какую-нибудь дальнюю крепость до конца ее дней. Ее преступления были непростительны, но всю свою горькую, неудавшуюся жизнь она любила и его, и Поля. Рохан откашлялся.

— Другие принцы уже ждут?

— Нет, милорд. Когда оказалось, что вы пробудете здесь дольше, чем до сумерек, я передал им, чтобы они приходили завтра утром.— Когда Рохан нахмурился, Таллаин перешел в глухую оборону.— Их высочество верховная принцесса тоже согласна, что всем надо отдохнуть.

— Их высочество верховная принцесса бывает упряма как пони. Особенно, если она права. Таллаин, пойдй и отру-гай ее вместо меня.

Молодой человек, у которого явно отлегло от сердца, поклонился и ушел. Тут Рохан повернулся к Гемме.

— Миледи, вы уже закончили?

— Одну минутку, ваше высочество.— Она вытерла руки о полотенце и вернула его Данлади.— У него нет никаких серьезных повреждений, за исключением запястья, хотя несколько дней ему будет больно ходить. Одна-две раны, нанесенные мечом, требуют наблюдения. Что же касается руки...— она поглядела на Мааркена.— Пока ничего не могу сказать. Но два-три дня ему придется полежать.

— Если учесть,—застенчиво улыбнулась Данлади,— сколько сил мы приложили, чтобы заставить его выпить снотворное, вам повезет, если его можно будет продержать в кровати хотя бы один день.

— Он будет слушаться,—хмуро проворчал Чейн,— иначе я спущу с него остатки его шкуры.

— Не сомневаюсь, милорд,—ответила Гемма. Но выражение ее лица показалось Рохану странным. Он недоуменно поднял бровь; Гемма внезапно занервничала и отвернулась.

— Что случилось, миледи?—подбодрил он.— Вы оказали и мне, и моим родным неоценимую услугу. Просите все, что хотите.

— Ваше высочество, мне не надо платы за...

— О, позвольте мне быть щедрым,—слегка улыбнувшись, попросил Рохан.— Это одна из немногих радостей, которые бывают у принцев.

— Я хочу попросить не за себя,—тихо сказала Гемма,— а за Данлади...

Вторая девушка затаила дыхание.

— Нет, Гемма, пожалуйста...

— Помолчи,—нежно велела ей Гемма.— Она уже много лет мне как сестра. Мне хочется, чтобы мы стали сестрами не только по любви, но по-настоящему.

Ошеломленный Рохан переглянулся с Чейном.

— Всю свою жизнь я была принцессой, хотя мой титул немного изменится, когда я перееду в Оссетию и выйду замуж за милорда Тилаля.— Упомянув его имя, она тут же зарделась.— Но Данлади по крови такая же принцесса, как и я. Вы оказали бы мне огромную любезность, если бы попросили принца Давви помочь Данлади стать принцессой Сирской и моей свояченицей.

— С Костасом?— выпалил Чейн и поспешно извинился, заметив, что Данлади стала пунцовой до корней волос.

— Он думает, что хочет жениться на мне,— безыскусно сказала Гемма.— Но если я покину Верхний Кират и если Данлади получит хорошее приданое...

Гемма явно не строила иллюзий относительно моральных принципов Костаса. Как и Данлади. Та прямо встретила взгляд Рохана, и выражение робких голубых глаз без слов сказало ему: она любит Костаса. Он подивился, что ее любовь к Гемме не страдает от того, что Костас отдает предпочтение не ей. Без сомнения, Данлади была исключением среди дочерей Ролстры: она была неревнива и не стремилась к власти.

Но— внук Ролстры будет принцем Сира?

О Богиня, он начал думать в точности так же, как Пандсала... Не все ли равно, если другой внук Ролстры однажды станет верховным принцем?

— Миледи,— обратился он к Данлади.— Мне будет чрезвычайно приятно поговорить об этом с Давви, как только для этого представится возможность. Но если вы позволите мне быть откровенным...— он улыбнулся, и Данлади вновь покраснела.— Я думаю, что стоит Костасу вернуться в Верхний Кират и немного успокоиться, как ваше прелестное личико заставит его снова потерять покой.

— С-спасибо, ваше высочество,— выдохнула она.

Рохан вовремя спохватился и не стал удивленно качать головой.

— Обещаю, я буду действовать тонко,— добавил он, и девушка наконец улыбнулась.

Когда они вдвоем с Чейном шли к шатру, тот тихонько присвистнул.

— Ай-й-й-й, как ты был галантен! Представить только, этот пучок соломы — дочь Ролстры! И хочет выйти замуж за такую здоровенную задницу, как Костас!

— Чейн, ты меня удивляешь! Я думал, ты по личному опыту знаешь, что качество жены зависит от мужа!

— Как всегда, ищешь спасения в шутках? — сочувственно спросил Чейн.

— Черт тебя побери, ты слишком хорошо меня знаешь. — Они остановились у шатра, и Рохан взгляделся в сгущающийся мрак. — Я никак не могу понять, что происходит в последние три дня. Мне все кажется, что я вот-вот проснусь. Чейн, как это могло случиться?

— Так же, как всегда. Просто не уследили.

— Я следил, — мрачно ответил Рохан. — Следил, но ничего не видел. Совершенно ничего.

— Иди-ка ты спать. Ты сейчас свалишься.

Верховный принц пожал плечами и вошел в шатер. Чейн проследовал за ним.

— Тебе незачем болтаться рядом, чтобы проверить, что я тебя послушался, — слегка раздраженно сказал Рохан. — А между прочим, по какому праву ты мне приказываешь?

— По праву старшего брата. А теперь будь пайнкой и иди в кровать. Ты уж мне поверь, — сочувственно добавил он, — все это подождет тебя до завтрашнего утра.

ГЛАВА 29

— Теперь все будет в порядке. Она уже спит.

Волог тяжело опустился в кресло рядом с кроватью дочери. Он закрыл лицо руками, и Давви на мгновение показалось, что кузен плачет от усталости и облегчения. Но мгновение спустя Волог потер щеки и запустил пальцы в седеющую шевелюру.

— Кажется, мне придется благодарить всех на свете за то, что они заботятся о моей дочери лучше меня. Но дело в том, что она всегда сама заботилась о себе. До сегодняшнего дня.

— Шок от природного дара фарадима, кузен, не более. Впрочем, и этого достаточно,—прибавил Давви.

— Да. Весь вопрос в том, ехать ли ей в Крепость Богини учиться использовать свой дар или постараться позабыть о том, что он у нее вообще есть. С тех пор, как она ступила на борт корабля, он не принес ей ничего, кроме боли. Я знаю, решать не мне.—Он прошел в основную часть шатра и, жестом предложив Давви сесть в кресло, мановением пальца приказал оруженосцу налить им вина.—Интересно, кузен, как случилось, что Сьонед уехала из Речного Потока в Крепость Богини?

Давви выдержал паузу, дожидаясь ухода оруженосца.

— Сьонед была совсем маленькой,—медленно начал он,—когда наши родители умерли. Неожиданно мне пришлось управляться с именем. Я был слишком занят, чтобы уделять ей много внимания, и она чаще оставалась одна. Но когда я женился на Висле, та быстро поняла, что к чему. Девочка с приветом, говорила она. Однажды зимней ночью, когда мы сидели на веранде, погас огонь, и Сьонед вновь разожгла его, не вставая с места — просто пошевелив паль-

цем. Начиная с нашей общей бабушки в твоём роду были фарадимы. Но со мной до того вечера ничего подобного не случилось. Наверно, со Сьонед тоже.

— Точно так же я был слеп с Аласен,—признался Волог.—Знаешь, мне всегда было интересно, на что это похоже... Я даже немного завидовал Сьонед,—он взглянул на отгороженное место, где спала его дочь.—Но не больше.

— Сьонед получила от этого удовлетворение и нашла себе занятие по душе.

— А Аласен нет.—Волог сделал глоток.—Ну что же. Я уже сказал: выбор за ней...—Он взглянул на вошедшего оруженосца.—Да. Что случилось?

— Письмо от их высочества принца Изельского, милорд.—Мальчик протянул сложенный и запечатанный печатью квадратный кусок пергамента, поклонился и вышел.

— Догадываюсь,—хмыкнул Давви.—Саумер упражняется в разоблачениях.

— Не стану спорить.—Волог вскрыл письмо и пробежал его глазами.—Ха! Кажется, не только Саумер, но и Пиманталь Фессенденский сменил свои пристрастия. Киле исповедуется любому, кто согласен ее слушать. Она узнала о Масуле, привезла его в Виз, поверила его истории и стала учить его манерам Ролстры для того, чтобы увеличить схожесть. Она умоляла его не убивать «Гонца Солнца», и так далее. Сомневаюсь, что для лорда Андри все это будет иметь значение. Однако должен признать, что Саумер и Пиманталь поступают дальновидно.

— Особенно Пиманталь. Слухи о внуке Ллейна и о Фироне пошли по всему континенту. Волог, сделай мне одолжение. Когда Пиманталь начнет оглашать свое заявление при всех, лягни меня, если я засмеюсь ему прямо в лицо.

— Согласен,—ухмыльнулся Волог,—если ты обещаешь мне то же самое. У Рохана сейчас большинство, как ни считай.

— Слабое утешение.

— Да уж...—Он помолчал, а затем спросил:—Давви, что ты знаешь о лорде Скайбоула?

Если Давви и удивился, то не показал виду.

— Хороший человек, просто замечательный. Он провел юность в Крепости Богини со Сьонед, женился на «Гонце Солнца», хотя сам не фарадим. Ты видел, какого прекрасного сына он воспитал.

— Гм-м... Лорд Оствель очень помог мне с Аласен. Если он позволит, я хотел бы что-то сделать для него.

— Сомневаюсь, что он согласится. Но если ты подойдешь к Рохану и Сьонед, они помогут найти обходной путь.

— Спасибо за совет, кузен.

* * *

Лишь сила воли и упорное стремление не позволить головной боли взять над ним верх помогли Уривалью встать с постели, одеться, выйти из шатра и отправиться на прогулку.

Было еще довольно рано. Сквозь облака пробивался лунный свет, однако складывалось ощущение, что мгла не рассеивается и до рассвета еще далеко. Последние несколько дней были настоящим кошмаром, поэтому все здравомыслящие люди предпочитали по ночам спать. Но Уриваль давно понял, что у него не так уж много здравого смысла. Перейдя мост, он зажег маленький Огонь и направился к полю боя.

Он уже знал, что произошло. Двое мертвых, не считая Масуля. Остальное ему подсказали пылающие кольца. Уриваль на мгновение застыл, вспоминая, как он нашел трупы. Безжизненные глаза Пандсалы неподвижно смотрели в небо. Сеяст распростерся на земле, в его спине торчал нож. Рядом, опираясь на одну руку и опустив голову, лежала Холлис. Волосы свесились ей на глаза. Уриваль быстро огляделся. Никто не смотрел в его сторону: все взоры были устремлены на группу людей, столпившуюся около Мааркена. Он быстро вытащил нож из трупа Сеяста. Холлис, залитая кровью, медленно подняла голову.

— Он умер, да? — совершенно спокойно произнесла она.

— От твоей руки, — пробормотал Уриваль.

Она кивнула.

— А у Пандсалы не вышло. — Внезапно по ее щекам заструились слезы. — О Богиня, Звездный Свиток! Он знал, он знал, он был одним из них, он хотел погубить Мааркена! Отдай мне нож, его надо убить!..

— Он мертв, а Мааркен жив. Холлис, послушай меня!

Но она подтянула колени к подбородку, обхватила их руками, начала раскачиваться взад и вперед и сквозь слезы бормотать о дранате, о Звездном Свитке и о колдовстве.

Уриваль громко позвал Сорина. Юноша оглянулся, оставил Андри на Ллейна и поспешил на зов. По указанию Уриваля он поднял Холлис на руки, чтобы отнести ее в шатер. Она уткнулась лицом в его шею.

— Передайте милорду, что мне очень жаль. Я прошу у него прощения,— прошептала она, оглянувшись на Уриваля.

— Он поймет.

— А вы?— Ее глаза сузились.

Уриваль кивнул.

— Неси ее в лагерь, Сорин.

Холлис задрожала, ее взгляд снова стал безумным, кровь на лице молодой женщины смешалась со слезами.

— Но Сеяста нет, он умер, и я тоже умру. Вы знаете, что я умру без него...

Сорин внимательно посмотрел на нее.

— Миледи...

— Помолчи,— прошептал Уриваль.— Она сама не понимает, что говорит. Успокойся, Холлис. Ты не умрешь. Я обещаю.

Она с мольбой протянула к нему руки.

— Вы клянетесь? Я не хочу умирать. Мааркен... Хочу видеть Мааркена... Где он?

Уриваль прикоснулся ко лбу Холлис кончиками пальцев и свил для нее сон. Как только ее ресницы опустились, пряча застывшее в глазах страдание, он сказал Сорину:

— Не беспокойся. С ней все будет в порядке.

— Как скажете, милорд,— ответил юноша, но в голосе его звучало сомнение...

Уриваль вздрогнул, когда под его сапогами захрустело стекло. Остатки водяных часов Рохана валялись в пыли, растоптанные и забытые. Осторожно, чтобы не порезаться, фарадом пошарил вокруг и нашел то, что искал— золотого дракона, который украшал крышку верхней сферы. Он повертел фигурку в руках, большим пальцем потер гордо поднятые крылья, положил статуэтку с глазами-изумрудами в карман и пошел дальше.

Он остановился у окрасивших землю пятен крови. Здесь было очень мало крови Пандсалы. Она пролилась из раны, которая не могла убить. Днем он поднял тело Сеяста из лужи крови и спрятал его в росших неподалеку деревьях. Туда-то он теперь и направился. Насекомые, пившие кровь из лужи, еще не начали кусать тело. Сначала Уриваль думал бро-

сечь труп в реку: очищающий Огонь не для него. Но потом он решил не поддаваться искушению. Рохан захочет взглянуть на мертвеца, а другим принцам потребуется доказательство, что колдун действительно был. Да и Андри потребует продемонстрировать ему предателя дела «Гонцов Солнца».

Уриваль поднял труп и понес его. Подобно Андраде, он хмуро следил за надменным мальчишкой, радовавшимся своей растущей мощи. Но теперь все это исчезло, осталось лишь легкое безвольное тело. Темная голова прильнула к плечу Уриваля, как будто мальчик спал. Кем был этот юноша, который никогда не станет мужчиной?

Отводя глаза в сторону, Уриваль все же видел детскую припухлость в очертаниях щек и лба, в изгибе губ... Мальчик, появившийся ниоткуда, говоривший с верешским акцентом, безошибочно нашел двух «Гонцов Солнца», имевших тесные связи с Пустыней, знакомых с основами старого языка. И знавший, как пользоваться дранатом и колдовством.

Этот «ребенок» обманом проник в Крепость Богини, приучил Холлис к дранату, который может убить ее, хитростью добился того, чтобы она и Андри разрешили ему работать над Свитком. Он применил колдовство, чтобы погубить Мааркена. Он убил Пандсалу. Все «Гонцы Солнца», которые присутствовали при этом, ощутили его силу. Он унаследовал Старую Кровь, кровь врагов фарадимов. А выглядел таким юным, таким невинным...

Уриваль попробовал найти причину происшедшего. Племя Сеяста скрывалось сотни лет. Почему именно сейчас? Почему именно он? Что особенного было в этом мальчике? Он хотел помочь Масулю, претендовавшему на родство с Ролстрой. Какая выгода была бы колдунам от его победы? Что вообще может связывать колдовство и замок Крэг?

В первый раз они узнали о дранате, когда Ролстра использовал его для порабощения «Гонца Солнца». Пандсала считалась единственной из его дочерей, унаследовавшей дар. Но никто никогда не проверял других. Кроме того, она не испытывала присущего «Гонцам Солнца» отвращения к воде. «Моя мать пришла из какого-то места, которое называлось просто Гора». Горы Вереш — ведь Сеяст именно оттуда прибыл в Крепость Богини...

Уриваль едва не выругался, когда голова мальчика скатилась на его руку. Тогда в спешке он забыл опустить ему ве-

ки, и сейчас в открытые глаза Сеяста падал звездный свет. Остекленевшие. Смотрящие в никуда. Когда-то он уже видел лицо с глазами, очень похожими на эти... Мертвые зеленые глаза, залитые звездным светом, обрамленные темными волосами. Горло того человека было пронзено ножом Рохана, но губы улыбались даже после смерти, как сейчас улыбались губы этого мальчика...

Нос, брови, рот, скулы... Нет, здесь не было случайного совпадения цвета глаз и имитации манер под руководством Киле, как у Масуля. Только сходство, подобное сходству молодой, наполовину сформировавшейся поросли со взрослым деревом.

До того как умереть, Янте родила трех сыновей, которых все считали умершими, и таинственного четвертого сына, действительно погибшего вместе с матерью во время пожара в Феруче. Уриваль давно знал их имена. Знал и то, что все они живы.

Теперь один из них мертв. Нет, не «Сеяст», а Сегев. Сегев, убивший Андраде.

Уриваль внес сына Янте на мост. Еле дыша от усталости, он остановился на середине. Внизу тек темный, обманчиво спокойный Фаолейн. Выше моста река бурлила, но отсюда до самого моря текла стремительно, мощно и безмолвно. Желанное безмолвие...

Мышцы свело от боли, когда он напрягся, перекинул тело Сегева через перила и позволил ему упасть в воду. Тело, одетое в серое, всплыло один раз и исчезло навсегда.

* * *

— Незадолго до полуночи пришел Уриваль и сообщил нам, что виноват во всем оказался мальчик по имени Сеяст. Он был послан колдунами и с весны жил в Крепости Богини. Это невыносимо, Меат...

— Сьонед, нельзя, чтобы об этом знали все. У Андри и так хватает забот. Ему нужно убедить всех, что он не уступает Андраде. Если же все станет известно, ему перестанут доверять. Ведь именно он разрешил Сеясту работать над Свитком... — Меат в два глотка опорожнил третий кубок. — О Богиня! Сначала смерть Андраде, а теперь это...

Рохан придвинул ему бутылку.

— Тела у нас нет, и мы можем сказать, что мальчик по-

гиб так же, как и Пандсала. Но беда в том, что мы не знаем, от чего она умерла.

— Могу сказать.— Внезапно он поднял глаза и со стуком поставил на стол и чашу и кувшин, расплескав вино.— Поль!

— Ты почему встал?— резко спросила Сьонед. Но Меат уже крепко обнимал мальчика.

— Богиня, как же я рад тебя видеть! Сьонед, не надо отсылать его в кровать. Он ведь все равно не уснет.

Она пожала плечами.

— Так и быть. Раз уж ты не спишь, слушай, чтобы нам не пришлось повторять дважды. Садись рядом.

Поль устроился между Сьонед и Роханом.

— Похоже, ты до смерти устал,— шепнул он Меату.

«Гонец Солнца» опустил в кресло.

— Я не слезал с седла с того момента, как в Крепость Богини пришла весть об Андраде... Да ты и сам не блещешь...

— Так почему умерла Пандсала?— тихо спросил Поль.

— В этот миг Сьонед объединила фарадимов в сеть, верно? Она пользовалась силами всех бывших рядом «Гонцов Солнца».

— Поэтому мы и побеждали...— пробормотал Поль.

— Конечно,— подтвердил Меат, удивляясь, что мальчик в состоянии понять это.— Знаешь, тебе есть чему поучиться у матери. Судя по описанию, вы вдруг почувствовали себя так, словно мир вокруг начал рушиться. Я ничуть не удивлен, поскольку со мной было то же самое. Во время заклинания в меня воткнули нож. А знаешь, почему я не умер?— Он замолчал, чтобы сделать еще один добрый глоток вина.— Я его вытащил.

Рохан ходил по ковру, словно давая выход энергии.

— Фарадимам запрещено использовать свою магию для убийства. Так ты говоришь...

— Мне прочитали перевод Андри, — прервал его Меат.— Точные слова: нам запрещено использовать наше искусство *во время битвы*. И вот почему. Если в занятого магией «Гонца Солнца» попадет стрела или нож, он умрет.

— Но почему?— воскликнула Сьонед.— В этом нет никакого смысла. Неужели нас способна убить каждая царापина, полученная во время занятий магией?

— Не знаю. Попробуем подумать... В свитках есть упоминание о меридах и их стеклянных ножах. Они работали

с колдунами. Стекло считалось священным. Пользоваться им считалось предметом гордости, почти религией. Это было их отличительным признаком, клеймом, их росписью об убийстве. Но почему стекло?

— Железо,— резко и коротко сказал Поль. И только потом, когда он услышал собственные слова, его лицо изменилось. Он протянул руку, налил себе вина и залпом выпил.

— Я тоже подумал об этом,— кивнул Меат.— Ножи, один из которых попал в меня, а другой вонзился в Пандсалу, были стальными. Теперь я готов держать пари, что Клевье умер не от ран. Он пытался воспользоваться своим даром, а нож...

— Но сталь была вынута,— напомнил Рохан.— Если бы все было так, как ты говоришь, Масулю было бы недостаточно отрезать ему несколько пальцев.— Заметив, что эти слова заставили «Гонцов Солнца» сжаться и стиснуть кулаки, он поспешно добавил: — Прости меня. Но похоже, что твоя гипотеза, Меат, не выдерживает критики.

— Я догадываюсь, что хотя нож и не торчал в его теле, каждый достигший цели удар оказывал точно такое же действие, разрушая его разум, пока не наступила смерть. Вы сказали, что у Пандсалы была только одна рана в ноге. А она все же мертва. А еще вы сказали, что боль, которая резко поразила всех остальных, так же резко и закончилась. Должно быть, это произошло, когда Холлис вытащила нож. Железо больше не мешало общему процессу магии. Но Пандсала уже зашла слишком далеко. Вот вам пример: кровоснабжение мозга. Кровь поступает в него через большие шейные артерии. Если их перерезать, мозг умрет. Должно быть, что-то происходит внутри нас, когда мы плетем свет или совершаем магию с Огнем — что-то, чему мешает сталь. Хвала Богине, что Сеяст не был частью круга «Гонцов Солнца», когда Холлис ударила его ножом.

— А когда колдуны использовали меридов,— сказал Рохан,— то заставляли их пользоваться стеклом, потому что не доверяли — боялись, что те могут повернуть свои ножи против хозяев. Меат, могу поспорить, что колдуны запрещали железное оружие в своем присутствии. Кроме них об этом никто не знал. Для любого не обладающего даром не имеет никакого значения, железо это или стекло — убивает и то и другое.

Сьонед стиснула руки.

— Вот и еще одна причина для того, чтобы держать все в секрете. Если кто-то узнает о том, насколько мы уязвимы перед железом и колдунами, которые притворяются фарадимами...

— То к следующему лету мы все будем мертвы,— закончил за нее Меат.

Рохан откинулся в кресле, чувствуя себя дряхлым стариком.

— Хорошо. Давайте попробуем такой вариант. Пандсала и Сеяст погибли потому, что они были недостаточно крепки для той магии, которую начала Сьонед. Это будет хорошей добавкой к ее и без того высокой репутации фарадима. То, что окружавшие этих двоих и Холлис «Гонцы Солнца» ничего не видели, делает ее единственной свидетельницей происшедшего. Да, но куда в таком случае пропало тело Сеяста? Гм-м, это проблема... А как насчет того, что Уриваль, главный сенешаль Крепости Богини, лично совершил над ним погребальную церемонию? В конце концов, это будет единственной правдой из всего сказанного. А Найдре можно будет соврать, что нож был отравлен. Сейчас нож у Уриваля; от этой улики надо избавиться. Я ничего не забыл?

— Лучше не придумать,— сказал Меат.— У вас тоже есть дар, ваше высочество. Только не дар фарадима.

Рохан едва заметно улыбнулся.

— Я думал, что ты избавился от этой дурацкой привычки.

— Несомненно, ваше владетельное высочество Верховный Принц,— улыбнулся ему Меат.

Сьонед потеряла шею.

— Надо быть готовыми к тому, что завтра утром Чиана будет хуже зубной боли. О Богиня, пошли мне терпения и не дай отхлестать ее по щекам...

— Ходят слухи, что Халиан Луговинный собирается жениться на ней. Это правда?— поинтересовался Меат.

— Желаю ему вволю насладиться,— живо откликнулся Рохан.— А вот Клуту мне искренне жаль.

— А мне жаль только Аласен,— сказал Поль. Он встал, подошел к матери и начал массировать ей плечи.— Легче?

— Спасибо тебе, дракончик.— Она улыбнулась и откинулась на спинку кресла, поручив себя его заботливым, нежным рукам.— Почему именно Аласен?

— Разве ты не почувствовала? Она тоже попала в сеть и очень испугалась.

— Аласен? — переспросил Меат. — Младшая дочь Волога?

— «Гонец Солнца», — подтвердил Рохан. — Но если она научится использовать свой дар...

— Не знаю, захочет ли, — задумчиво проговорила Сьонед. — Ей не очень-то понравилось быть фарадимом, Рохан... Мы говорили с ней об этом... о Богиня, всего шесть дней назад? Неужели сегодня на самом деле последний день лета?

— К рассвету начнется первый день осени. — Меат с трудом поднялся на ноги. — Мне надо немного поспать. Обращаюсь с тем же предложением ко всем присутствующим. Я называю это предложением, поскольку не решаюсь отдать прямой приказ верховной принцессе.

— Она не слушается даже меня, — ответил Рохан, — так с какой стати станет слушаться тебя?

— Упряма, как всегда, — Меат подошел к Сьонед и поцеловал ее в щеку. — С нетерпением ожидаю возвращения в Грэйперл, где у меня будет право командовать Полем. — Он сжал плечо мальчика. — Нам с Эоли нужно тебя многому научить. Но это не имеет никакого отношения к обязанностям оруженосца.

— Ты что, хочешь сказать, что собираешься учить меня навыкам фарадимов? — Поль пристально посмотрел на Рохана. — Но я думал, что именно Андри...

— Разумеется, — вмешалась в разговор Сьонед. — Но они научат тебя кое-чему особенному...

— Хорошо, — заключил Поль. — А то меня совсем не радует мысль ехать в Крепость Богини, зная не больше, чем обычные люди. Ведь я не простолудин. Я принц. — Когда брови Рохана взлетели вверх, мальчик улыбнулся. — Я совсем не то хотел сказать. Я имею в виду просто особенность моего положения. И мне кажется, Андри не доставит удовольствия, если под ногами у него будет крутиться правитель Марки.

Поль тоже чувствует. Эти произнесенные слова стрелой пронеслись между Роханом и Сьонед.

Меат потянулся так, что захрустели кости, и зевнул.

— Похоже, ты стал изрядным занудой, — добродушно

сказал он.— Милорд принц, дозволяется мне занять кровать в одном из ваших шатров?

— Любую не занятую одной из моих служанок,— в тон ответил Рохан. Меат усмехнулся, поклонился и пожелал всем спокойной ночи.

— Сон—это очень хорошее предложение,— промурлыкала Сьонед, когда Меат ушел.— Завтра утром полюбуемся на лица принцев и верхом отправимся домой. Там и отдохнем.

— Отец, мы поедem на север, в замок Крэг?

— Нет.— Ответ был слишком резким, и Рохан попытался исправиться.— Мы можем не успеть вернуться в Пустыню до начала сезона дождей. А тебе предстоит плыть в Грэйперл. Ллейн позволил мне еще ненадолго взять тебя взаймы, но сказал, что очень нуждается в оруженосце, даже в грубом и неотесанном.

— Отец! — Поль, знавший, что его дразнят, и даже догадывавшийся, почему, улыбнулся.— У меня никогда не было возможности похвастаться, что я принц. Никто не позволял.

— И прекрасно.— Сьонед встала и поцеловала мальчика в лоб.— Быстро в постель. Рохан, прикажи страже, чтобы нас не беспокоили. Уриваль и Меат были необходимы, но...

— Конечно. Спокойной ночи, Поль.

У лога мальчик помедлил.

— Отец... Я знаю, мы победили, но почему всем так не весело?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду,— тихо сказал Рохан, не пытаясь дать уклончивый ответ, которому Поль все равно не поверил бы.— Я не испытывал радости и тогда, когда убил Ролстру. Какая там радость, если для победы нужно убивать и посылать людей на смерть?

Поль кивнул.

— Я понял. Попробуй уснуть, отец.

— Ты тоже.

Когда он закончил давать указания стражам и вошел в покои, Сьонед лежала в постели. Рохан лег на спину, вытянулся и уставился в голубой потолок.

— А что мы выиграли? — негромко спросил он.— Права Поля на Марку. Свободу от Пандсалы— но не от ее преступлений. То, что Тилаль однажды станет принцем Оссетии. Внука Ллейна в Фироне. Сьонед, взгляни на выигрыш и прикинь, стоил ли он таких затрат...

Она обвила мужа руками и уложила его голову к себе на плечо. Рохан был бесконечно благодарен Сьонед за молчание.

— Я тебя люблю, — сказал он. — Ты и Поль — это единственная награда за победу, которая имеет для меня значение.

* * *

Рохан решил собрать всех высокородных, а не только принцев. Тринадцать кресел и огромный стол были выставлены на открытом воздухе под еще слабыми лучами солнца. Каждый из принцев сидел на своем обычном месте, а если с ним была жена, наследник или вассалы, то они стояли за его креслом. «Гонцы Солнца» тоже собрались рядом со столом, неподалеку от Андри, которому предстояло заверять и скреплять печатью все подписанные документы. Леди Энеида передала свое место за столом принцу Чадрику, представлявшему интересы его сына, и выглядела успокоившейся. Как-никак, во всем этом хаосе о проблемах Фирона не забыли. Предварительная приватная беседа с ней была довольно плодотворной. Ларик будет доброжелательно принят благодарным населением, если прибудет в Фирон незадолго до начала зимы. А после официального приема и коронации Ларика у Рохана появится еще один голос против нового Масуля. Конечно, утешение слабое...

Как и предвидела Сьонед, Чиана была невыносима. Она держала под руку Халиана Луговинного, надела на себя одно из своих самых изысканных платьев и улыбалась так, словно уже была принцессой Луговины. Ее сестра Киле смотрела на нее с нескрываемым отвращением. Мааркен, все еще слегка нетвердо державшийся на ногах после полученных в бою ран и лекарства, которое ему дали, чтобы немного уменьшить боль в запястье, грубо оттолкнул Чиану, когда та попыталась обнять героя в благодарность за ее спасение. Рохан сожалел о том, что ее присутствие было необходимо, и вновь посочувствовал бедному Клуте, которому придется коротать старость в ее компании.

Рохан потратил на это необыкновенное собрание не так уж много времени. Сначала были подписаны договоры — правда, их было немного, поскольку мало кто соглашался обсуждать условия, не зная, кто будет править Маркой. Но

вскоре Рохан обнаружил, что они просто жаждут продлить ранее заключенные договоры еще на три года. У них просто не было другого выхода, когда верховный принц вежливо, но с холодком в голубых глазах сделал такое предложение.

Когда с договорами было покончено, Рохан приступил к утверждению Ларика в роли принца Фирона. Леди Энеида в деталях описала все тонкости родословной, которая давала ему на это право, подчеркнув, что и она сама, и народ Фирона страстно желают видеть его в этом качестве. В знак доверия она вручила принцу Чадрику кольцо с бриллиантом, камнем Фирона, символизировавшее власть его сына над этой страной. Голосование по поводу Ларика также было единогласным; едва ли приходилось ждать чего-то другого, когда верховный принц пронзал возможных оппонентов ледяным взглядом.

Далее прошло голосование, утвердившее то, что Марка принадлежит Полю. Без сомнения, это было пустой формальностью; просто вчера вечером на этом почему-то настоял лорд Уриваль. Он считал, что все принцы должны согласиться с тем, что Польша — и только Польша — будет там полноправным правителем. Никто не посмел возразить, когда Польша занял за столом место, которое последние четыре Рияллы принадлежало Пандсале.

Далее собранию представили Оствеля как нового регента Марки. Ему принесли на подпись пергамент, уже скрепленный подписями Рохана, Сьонед и Поля. Согласно этой грамоте, замок Крэг отдавался ему в полную собственность. Кроме того, Оствелю была вручена новая печать, изображавшая герб Марки, окруженный надписью с названием страны. Никто не издал ни звука, когда он подписал документ и скрепил его своей печатью, отдал перстень, символизировавший власть над Скайбоулом, и принял другой, который так долго носила Пандсала. Затем он встал за кресло Поля, молчаливый и торжественный.

Далее Рохан вызвал Рияна и торжественно передал ему права на Скайбоул, но сделал это не так, как в свое время произвел в лорды его отца. Документ, схожий с тем, который произвел Оствеля в лорды замка Крэг, провозгласил Рияна лордом Скайбоула; отныне ни Крэг, ни Скайбоул не считались собственностью Марки или Пустыни. Риян помедлил и глазами спросил отца, следует ли ему подписывать

этот акт, который делал его полноправным атри и приносил их дотоле никому не известному роду земли сразу в двух странах. Оствель лишь коротко кивнул в ответ. До встречи принцев у него был короткий спор с Роханом и Сьонед, и те настояли на том, что так и должно быть. Стремительное возвышение двух безземельных ничтожеств — пусть один из них и был «Гонцом Солнца» — повергло в шок не одного из присутствующих. Но когда акт был подписан Рияном и на его пальце появился перстень отца, никто не произнес ни слова протеста.

Далее настала очередь Сьонед, которая представила свой собственный план. Рохан просто сказал, что не хочет иметь с ним ничего общего, и с каменным лицом выслушал, как она вызвала вперед Сорина и назвала его лордом замка Феруче.

Испуганная Тобин, стоявшая за креслом мужа, резко выпрямилась. Чейн взял ее руку и сильно сжал, предупреждая о том, что ей следует помалкивать.

— Мы благодарны, — известила собравшихся Сьонед, — их высочеству Кунакскому за предложение поставить некоторые материалы, необходимые для восстановления этого важного замка, который будет защищать торговые пути северных стран так же, как это было в прошлом. — Вид у Мийона был кислый: только так он мог на людях выказать бушевавшую внутри ярость. Сьонед потребовала оплатить проигрыш: они ведь ставили на исход поединка, а не на способ его ведения. — Мы уверены, что наш возлюбленный племянник, — бросив на Мийона короткий взгляд, продолжала она, — будет обеспечивать охрану торговых караванов, одновременно руководя строительством замка. Мы уверены в том, что к следующей Риалле восстановление замка Феруче будет в основном закончено.

Приветливо улыбнувшись вспыхнувшему от неожиданной чести Сорину, Сьонед вручила ему в качестве символа нового положения чудесное кольцо с топазом. Во взгляде, который она послала Рохану, читался бунт: Рохан отдал бы племяннику любой замок, но только не Феруче. Теперь до конца жизни он ничего не сможет поделывать с этим местом.

Потом верховный принц кивнул Клуте. Тот встал, шумно откашлялся и приказал Киле и Лиеллу встать.

— Я не сторонник идеи верховного принца о том, что

атри следует делать собственниками их земель и замков. Все мои вассалы правят своими землями от меня. С Визом я волен делать то, что пожелаю. А желаю я по заслугам воздать этой парочке за их предательство, заговор и ложь. Я забираю у них Виз.

Лиелл болезненно позеленел; Киле побелела.

Клута уперся узловатыми кулаками в крышку стола.

— Несколько лет назад вас следовало сурово наказать за незаконные действия против Крепости Богини, предпринятые во время войны с Ролстрой. Держать в осаде леди Андраде и ее «Гонцов Солнца» под предлогом их «защиты» — ба! Тогда я вас не обвинял, так как она и Рохан отговорили меня от этого. Но на этот раз никто — я повторяю, никто — не просил пощадить их. Я забираю Виз. Вы лишаетесь титула, дома и земли. И благодарю Богиню, что ваш отец, благородный и преданный лорд Джервис, умер и не может видеть позора, который вы навлекли на его дом.

Старик на мгновение остановился, чтобы перевести дух, и яростно уставился на Киле.

— Ты настоящая дочь своего отца. А еще одна такая же собирается стать моей невесткой. Нет уж, увольте! В моей стране не будет второй дочери Ролстры. Разве что в месте, где я смогу не спускать с нее глаз!

Слица Чианы слетела триумфальная улыбка, она волком посмотрела на Клуту. Он проигнорировал ее, впрочем, как и вызывающий взгляд Халиана.

— Однако я не думаю, что стоит наказывать невинных детей за то, что сделали их родители, — резко продолжал Клута. — Пока юный Гейр не докажет свою преданность и способность править, Визом будет управлять моя дочь Геннадиди. Что касается Лиеллы, то она получит хорошее приданое. Клянусь Богиней, с того, кто посмеет попрекнуть этих детей виной родителей, я сниму голову. — И взгляд его говорил, что это не просто слова. Затем он обратился к Лиеллу. — Это все, чего ты можешь от меня ожидать. Кое-кто сказал бы, что и этого слишком много.

Рохан не смотрел в глаза старику. Он не хотел иметь ничего общего ни с тем, что официальное положение Киле резко изменилось, ни с необходимым и абсолютно законным наказанием.

Со своего места за маленьким столиком встал Андри.

— Вы и в самом деле слишком щедры, ваше высочество.

Насколько я понимаю, лорд Лиелл и леди Киле больше не являются вашими атри и не находятся под защитой своего принца?

Клута выпятил челюсть и покачал головой.

— Нет. Делайте с ними, что хотите.

Глаза Лиелла закрылись, его губы еле заметно шевелились. Казалось, он молил Богиню о милости. Но в глазах Андри не было ничего похожего. Когда лорд Крепости Богини приблизился к Киле, та упала перед ним на колени и запрокинула залитое слезами, потрясенное ужасом лицо.

— Милорд! Я вас умоляю, это была ошибка!

— Да,— иронически поклонился Андри.— И вы, миледи, за нее заплатите.

Лиелл проглотил комок в горле и поднял жену на ноги.

— Я понимаю, милорд,— прошептал он.— Мне можно поговорить с их высочеством?

Андри кивнул, и Лиелл повернулся к Клуте.

— Ваше высочество, я прошу извинить меня за происшедшее. Кроме того, я благодарю вас за то, что вы проявили жалость к моим детям. Я уверен, что принцесса Геннади будет хорошо к ним относиться.

Принцесса подошла с тем, чтобы высказать слова заверения, но отец остановил ее взглядом еще до того, как принцесса успела открыть рот.

Киле зашаталась и обвела взглядом собравшихся, пытаясь найти чье-нибудь сочувствие.

— А что же все остальные?— крикнула она.— Что будет с Мийоном, который поверил в Масуля так же, как и я? Почему их тоже не накажут? Почему у них не отбирают земли?

Ей ответил Андри.

— Меня не волнует, что вы оказали поддержку претенденту. Вы убили «Гонца Солнца».

— Ложь!— Презрение скривило ее губы.— Его убил Масуль, и вы это знаете!

— Можете верить в то, что вам нравится,— пожал он плечами.— Это вам не поможет.

Киле судорожно вздохнула и подняла руку. Лиелл перехватил ее, прежде чем она успела ударить Андри. Киле оттолкнула его и повернулась лицом к Рохану. Ее глаза остановились на Таллаине, который стоял за креслом верховного принца.

— Ну, а ты? Ты ведь кровный родственник моего мужа, сын его умершей сестры! Останови их!

Таллаин замер и сделал шаг назад.

— О Богиня! Ты ведь кузен моих детей! И ты будешь смотреть, как убивают их мать? Во имя твоей матери Анталии не дай им этого сделать! — пронзительно взвизгнула она.

Не оглядываясь, Рохан ощущал мучения Таллаина. В голосе юноши звучало напряжение.

— Я согласен с его высочеством Луговинным. Какая радость, что покойная мать не дожидается до этого позора. Ты мне не родственница, но для детей я сделаю все, что смогу.

— А для *меня*? — вскрикнула Киле. — Будь ты проклят! Будьте вы все прокляты...

— Замолчи! — проревел Клута.

Андри поднял палец, и вперед неохотно вышли два фарадима. Рохан заметил, что они не слишком уверены в виновности Киле. Один из них взял ее за руку. Она дала ему пощечину.

— Да как ты смеешь! Я дочь верховного принца! Я прикажу снять с твоих рук кольца...

Ничего глупее сказать было нельзя. Андри сразу вспомнил о том, что случилось с Клеве. Он коротко кивнул своим людям, и другой «Гонец Солнца» закрутил ей локти за спину. Киле поносила всех окружающих и плевалась, выкрикивая слова прямо в лицо мужу, пытавшемуся ее успокоить.

— Отведите ее туда, где ожидает сожжения тело Масауля, — спокойно сказал Андри.

Киле обратилась в камень.

— Сожжения? — повторила она, боясь, что ослышалась.

— Мой брат, лорд Мааркен, высказал просьбу, чтобы покойному претенденту были оказаны воинские почести, — не ей, а остальным пояснил Андри. — Он гораздо щедрее, чем я.

Она подняла глаза на Лиелла.

— Сжечь? — не веря своим ушам, спросила она. — Он собирается устроить этому лживому ублюдку почетные похороны?

Муж схватил ее за плечи; вся его выдержка исчезла, и он с горечью сказал:

— Ты же клялась мне, что этот лживый ублюдок — твой

брат! Не только он виноват, Киле, мы все виноваты! Скажи спасибо, что с нами не казнят Гейра и Лиеллу!

Самообладание на миг покинуло Андри.

— Лорд Лиелл, вы не имели отношения к смерти «Гонца Солнца» Клеве. Вы уже наказаны вашим сюзереном. Я не ищу... не имею причины...

Лиелл прямо встретил его взгляд.

— Она моя жена. Я помогал ей, поддерживал ее, поставил вопрос о признании прав Масуля. Я разделял с ней жизнь и ложе. Хочу разделить с ней и смерть.

Идиот, он ведь любит ее, подумал Рохан. Какое мужество...

— Лучше я умру вместе с ней, милорд, — просительным тоном сказал он Андри. — Меня заботили только дети. Сейчас я знаю, что им никто не причинит вреда. — Он пожал плечами. — По-моему, я виноват не меньше, чем она. Я знал о том, что она делала, и не остановил ее.

— Но ведь вы... — пришел в смятение Андри.

Лиелл едва не улыбнулся. В преддверии смерти его мертвенно-бледное лицо обрело такое достоинство, какого никогда не имело при жизни.

— Рано или поздно я все равно умру. В Огонь так, в Огонь, милорд.

Андри беспомощно взглянул на Рохана. Тот ответил ему ничего не выражающим взглядом. *Прости меня, Андри. Ты сам так решил. Это дело «Гонца Солнца», а не принца. Когда-нибудь ты поймешь разницу.*

Юноша задумчиво кивнул, то ли поняв причину молчания Рохана, то ли соглашаясь на просьбу Лиелла. Но Лиелл расценил это как знак согласия и поклонился.

Через мгновение Андри вновь обрел самообладание.

— Я призываю принцев и лордов, присутствующих в зале, в свидетели того, что наказанием за убийство фарадима является смерть — казнь в Огне «Гонцов Солнца».

Тут Киле закричала, и кричала без остановки. Лиелл жестом попросил «Гонцов Солнца» отойти от жены. Он схватил ее, одной рукой зажал рот и почти понес к реке, куда направились фарадимы.

Рохан несказанно удивился, видя, что следом двинулись все остальные. Несколько шагов Андри прошел отдельно от всех, но почти сразу же к нему подошла Аласен. Она уцепилась за его руку и что-то быстро заговорила. Зеленые глаза

полыхали, но поза ее была скорее умоляющей, чем приказывающей, несмотря на бурю эмоций, читавшихся на ее побелевшем лице. Андри смотрел на нее сверху вниз: в его взгляде стояла мучительная боль. Гордая самоуверенность лорда Крепости Богини исчезла, и пораженный Рохан мгновенно все понял.

Эта сцена не укрылась от внимания Сьонед. Она сжала руку мужа, и он почувствовал, что ей хочется со всех ног побежать к ним, чтобы остановить разрыв. Рохан обвил рукой ее талию.

— Нет,— прошептал он.— Оставь их.

— Но...

— Нет,— повторил он.

Она неохотно кивнула. Андри поднял руку, чтобы отвести с лица Аласен прядь длинных волос; девушка отшатнулась. Рохан печально подумал, что этими двумя жестами сказано все. Интересно, поняли ли это они сами...

Труп Масуля лежал на песчаном берегу Фаолейна. Рань, нанесенные мечом Мааркена и ножами Рохана, не были видны под черным плащом, скрывавшим тело от шеи до пят. «Гонцы Солнца» встали полукругом; Андри указал место рядом с Масулем, где Киле и Лиелл должны были встретить смерть. Аласен подошла к своему отцу, явно умоляя его о чем-то. Они были недалеко, и Рохан смог услышать ответ Волога.

— Нет. Это дело Крепости Богини, и никого из нас оно не касается. Я понимаю твою жалость: это одна из черт, за которые я тебя люблю—но сейчас никто не имеет права вмешиваться. Для таких, как они, милости не существует. Предательство должно быть наказано.

Слезы блеснули в ее глазах, разрезом и цветом похожих на глаза Сьонед, но без ее мудрости. Лет двадцать тому назад, подумал Рохан, Сьонед вела бы себя так же, как Аласен. Но между тем временем и сегодняшним днем пролегли годы правления и власти, годы выбора и борьбы за право делать этот выбор... Он посмотрел на жену и понял, что был неправ. Сьонед *никогда* бы не стала умолять. В ней была жилка холодной практичности; она знала, что такое политическая реальность. Иначе она просто не подошла бы ему. И если этого качества нет у Аласен, то она не подойдет Андри.

Высокородные столпились недалеко от «Гонцов Солнца», стремясь стать свидетелями сожжения. Не будет ритуа-

ла Воздуха, Воды, Земли и Огня. Никаких благовоний, чтобы заглушить запах горящей плоти. Пламя, вызванное магией фарадимов, в одно мгновение принесет в жертву Богине мертвое тело и двух живых существ. Никому не придется нести стражу у огня, ожидая, пока тела догорят до конца. Не будет ветра, вызванного фарадимами, который разнесет пепел по всей земле. Мало кто сказал бы, что они заслужили честь огненного погребения. Андри протестовал, но Мааркен настаивал. А новый лорд Крепости Богини никогда в жизни не перечил желаниям старшего брата.

Не получив поддержки отца, Аласен подошла к Рохану и Полю. Она низко поклонилась и, не поднимая глаз, прошептала:

— Ваше высочество, пожалуйста, не дайте этому свершиться...

Рохан не сказал ничего: он ждал, что ответит Поль. Мальчик не разочаровал его: Он нахмурился и спросил:

— Вы не думаете, что они заслужили свою участь?

— Я знаю, что они должны умереть, и согласна с этим. Но...— Она стиснула руки.— Кузен! Я умоляю вас, пусть они примут смерть не от руки Андри!

— Ах!— коротко выдохнул Поль и посмотрел на Рохана, бровь которого поползла вверх.— И что вы предлагаете, миледи?

— Надеюсь, вы не сочтете слишком дерзкой просьбу позволить им умереть до того, как их охватит Огонь. Ведь разница невелика, правда? Они все равно умрут. Но милосердно. Не почувствовав пламени.

— Это будет милосердием и для Андри?— тихо спросил тот.

Она кивнула, по-прежнему глядя в песок.

— Даже больше для него, чем для них. Пожалуйста, кузен.

Рохан обнаружил, что смотрит в сине-зеленые глаза, спрашивающие, что он будет делать—если тут вообще можно было что-то сделать. Но было уже слишком поздно. Андри медленно поднял руки; вот-вот должен был вспыхнуть Огонь. Рохан промолчал, надеясь, что им ничего не придется решать. Если бы Поль бросил сейчас вызов новоиспеченному лорду Крепости Богини, тот никогда бы не забыл и не простил этого. Рохан вновь подумал, что рано или

поздно они непременно столкнутся друг с другом, и эта мысль вновь опечалила его.

— Миледи,— начал Поль,— я...

Рядом вдруг появился Оствель, его запястье сделало стремительное движение, и на влажный песок у самых ног Лиелла упал блестящий серебряный нож. Лорд испуганно посмотрел вниз, потом быстро нагнулся и поднял его. Когда охватившие тело Масуля языки пламени потянулись к лорду и леди Визским, Лиелл вонзил лезвие в сердце жены. Когда Киле съехала на земле, он вырвал нож из ее груди и вонзил его в свою. Оба умерли еще до того, как на них вспыхнула одежда.

Андри круто обернулся и яростно посмотрел на Оствеля. Но Рохан, стоявший рядом, увидел в глазах старого друга странную вещь. Когда-то Оствель убил Янте, чтобы руки Сьонед не были запачканы ее кровью; теперь он не дал запачкать руки Андри... и Аласен.

ГЛАВА 30

Холлис проснулась в незнакомой обстановке. Вместо белых стенок и скудной мебелировки палатки «Гонца Солнца» ее окружал мягкий голубой шелк, прикрывавший от отвесно падавших солнечных лучей, и по-настоящему роскошное убранство. Очень долго она лежала поверх прохладных простыней, поворачивая голову и рассматривая то, что ее окружало, слишком усталая, чтобы позволить себе что-то большее. Ее кольнуло чувство вины; она не имела права находиться в лагере Пустыни, словно принадлежала к семье Мааркена. Неужели она когда-то собиралась за него замуж? Конечно, теперь это невозможно. Даже если он и простил ее, она все равно скоро умрет.

На полог упала чья-то широкоплечая тень, помедлила и шагнула на мягкий ковер. Холлис узнала Меата и отвернулась.

Фарадим остановился у кровати и тихонько фыркнул.

— Да, выглядишь ты страшновато, — сообщил он. — Но все, что тебе нужно, это хороший обед и ванна. Сначала я позабочусь о первом, и ты съешь у меня все до кусочка. Я бы с удовольствием помог тебе и со вторым, но Мааркен за это проткнет меня насквозь.

В уголках рта Холлис появился намек на ее прежнюю улыбку. О Богиня, как давно она не смеялась!

— Перестань, Холлис. — Меат опустил на колени рядом с кроватью и взял женщину за руку. — Я не для того во всю прыть скакал из Крепости Богини, чтобы встречаться с твоим затылком. Посмотри на меня. Я не могу разговаривать, не видя твоих глаз.

Холлис хотелось, чтобы он прекратил дразнить ее или вообще ушел. Доброта и сочувствие причиняли ей боль.

Меат вздохнул.

— Я знаю, мое лицо не в твоём вкусе, но оно ещё вполне приемлемо. Кое-кто даже считает его красивым, хотя я подозреваю, что дамы, которые это говорили, были слегка под мухой.

— Или там было *очень* темно, как ты и задумывал, — услышала Холлис собственный голос.

— Вот так-то лучше. Сесть сможешь? Хорошо. — Он подложил под спину Холлис пару подушек; и женщина, изобразив улыбку, устало откинулась на них. — Кажется, где-то тут было вино...

— Нет! — Она поняла, что готова удариться в панику, и заставила себя расслабиться. — Извини. Я бы хотела чего-нибудь выпить, но...

Голос Меата был полон сострадания.

— Значит, он добавлял его в вино, да?

— И в теиз, и во все остальное... Ох, Меат...

— Тс-с... Поговорим об этом чуть позже. — Он подошел к столу и налил два бокала прекрасного белого сирского. — О жизни в Пустыне можно сказать только одно: принц Давви снабжает сестру чертовски хорошими винами. Вот это смесь моховики с виноградом из Речного Потока, родины Сьонед. Тебе надо будет как-нибудь туда наведаться. Чудесное местечко! Одно плохо: воды полно...

Она снова улыбнулась, на этот раз более естественно, и сделала глоток. Меат болтал о Речном Потоке, винах Си-ра, о том, как в них разбирается Сьонед, и постепенно Холлис успокоилась. Заметив это по ее лицу, Меат прервался на полуслове.

— Думаю, тебе хотелось бы узнать продолжение...

Она кивнула.

— Я не помню, что было после... после...

— Вполне естественно. Уриваль сплел для тебя хороший, крепкий сон. — Меат откинулся на спинку резного кресла, которое казалось слишком хрупким для того, чтобы выдержать вес его крупного тела. — Раз так, слушай. Впервые, Фирон теперь принадлежит внуку Ллейна Ларику. Место как раз по нему. Мальчик смышленный. Сорин будет отстраивать для Сьонед замок Феруче. Юный Риян получил Скайбоул, потому что его отца делают регентом Поля в замке Крэг.

— Как, все за одно утро? — захлопала глазами Холлис.

— Рохан время попусту не тратит. Ты знала, что Избранным Геммы вместо Костаса стал Тилаль, верно? Так вот, поговаривают, что Костас уже сам стал Избранным Данлади. Может быть, он поумнеет и согласится. Она славная малышка. За себя боится слово лишнее замолвить, не в пример другим дочерям Ролстры. Давви от нее просто без ума, так что чует мое сердце — быть ей в один прекрасный день принцессой Сира. К слову, о дочерях Ролстры — эта маленькая сучка Чиана сегодня весь день вешалась на Халиана. Она пытается женить его на себе и после смерти Клуты унаследовать Луговину. Вот была бы потеха!

— Спасибо Богине, она сказочно глупа, несмотря на все ее интриги, — ответила Холлис. — Но в конце концов Чиана получит то, к чему всю жизнь стремилась. У Халиана хватит глупости сделать ее настоящей принцессой.

— Тем и кончится, — согласился Меат.

— А насчет Данлади новость хорошая. — Холлис удобнее устроилась на подушках. — Ее близость с Геммой позволяет надеяться, что они смогут уладить любой конфликт между братьями. — Она лукаво улыбнулась. — Политика!

— Есть и еще кое-что. Принцессу Геннади назначили наместницей Виза и опекушкой детей Лиелла. Я ее плохо знаю, но репутация у нее такая, что дама она себе на уме и любит красивых мужчин... — Он помолчал и улыбнулся. — Может, мне похлопотать о переводе из Грэйперла в крепость Суэйл?

И тут — впервые за целую вечность — Холлис громко расхохоталась.

— Ах ты, несчастный старый развратник! Еще одно слово, и я наябедничаю на тебя Золи!

— Ну и что? Она и так все обо мне знает.

— А ты-то о ней все знаешь? — поддразнила Холлис.

— Что? — струхнул Меат.

— Вот тебе!? — захихикала она.

— А тебе Мааркена, — проворчал он. — Туда ему и дорога...

Холлис вздрогнула и надолго припала к бокалу. После паузы она спросила:

— А что с Киле?

— Мертва. — Он встал, чтобы взять со стола бутылку, и вновь наполнил кубки. — Сегодня утром сгорела с трупом Масуля. И Лиелл вместе с ней.

— Но он...

— Знаю. Андри не хотел этого, но Лиелл настоял. Вот какая любовь... Да и какая у него была бы жизнь? Виз отняли, а больше ему податься некуда. О детях позаботится Геннади, а Клута твердо пообещал, что дети не будут наказаны за вину матери. Вот и выходит, что у него не было иного выбора.

Холлис склонила голову.

— Страшная смерть,— прошептала она.

— Она умерла, прежде чем Огонь коснулся ее.— Меат покачал головой.— Самая чертовеская штука, какую я видел за всю свою жизнь. Андри только успел вызвать Огонь, мы собрались помочь ему, чтобы все побыстрее закончилось, как вдруг неизвестно откуда у ног Лиелла упал нож. Он сразу же убил ее и себя. Они даже ничего не почувствовали. Я позднее узнал, что нож бросил Оствель.

— Сладчайшая Богиня...— Она встретила его взгляд.— Ты ведь знаешь, почему он это сделал, правда? Теперь Андри не будет убийцей, как и все остальные «Гонцы Солнца». — Убийцей, как сама Холлис... Она снова вздрогнула и снова скрыла это.

Меат пожал плечами.

— Конечно, Андри пришел в ярость.

— Я объясню ему,— твердо сказала она.

— Как старшая сестра?

— Меат... пожалуйста...

— Слушай, Холлис, я знаю, что с тобой произошло. И Мааркен тоже.

Она мрачно улыбнулась.

— А то, что я умру, вы тоже знаете? У меня только два пути. Либо я найду запас драната и буду его рабыней до конца своих дней, либо отучусь от него и умру.

— Это неправда! Ты не понимаешь...

— Я знаю все о «Гонце Солнца», которого подкупил Ролстра. Он умер от того, что принял слишком много. Но все кончилось бы так же, если бы он перестал принимать его вообще. Я не хочу, чтобы наркотик стал моими цепями. На то время, что у меня еще осталось, я хочу попросить у Андри разрешения вернуться в Крепость Богини.

Меат недовольно посмотрел на нее.

— Черт побери, ты дашь мне слово сказать? Откуда такой пессимизм? Говорят тебе, ты не понимаешь!

Тут в шатер вошел еще кто-то, и они подняли головы. Высокая, стройная, одетая в простое зеленое платье, верховная принцесса движением, странно напоминавшим леди Андраде, закинула золотисто-огненную косу за плечо и задумчиво посмотрела на Холлис. На ее лбу сиял тонкий обруч, однако казалось, что она просто не успела снять его после какой-то церемонии. Золотая лента не имела никакого отношения к ауре окружавшей ее высокой власти. Холлис с трудом вспомнила, что до замужества эта женщина была, как и она сама, простым «Гонцом Солнца».

Впрочем, род ее восходил к принцам Кирста и Сира, и она была выбрана Андраде в жены Рохану и матери первому верховному принцу-«Гонцу Солнца».

И все же улыбка ее была полна тепла и сочувствия. Сьонед могла носить корону принцессы так, словно родилась в ней, но при этом оставаться простой женщиной. Губы Холлис невольно раздвинулись в застенчивой ответной улыбке.

— Ну, наконец-то! — с облегчением сказал Меат. — Что тебя задержало? Сьонед, объясняйся сама с этой упрямой девчонкой! Я не могу заставить ее слушать.

— Ты вечно берешься за все не с того конца, — непринужденно ответила Сьонед. — Иди отсюда, Меат. Шел бы лучше объезжать табун с моим сыном, если уверен, что не отстанешь от него. Я послала его в загон тренировать лошадей Чейна, пока еще не кончились торги.

Меат поднялся и отвесил ей изысканный поклон.

— Сию секунду, ваше возвышенное высочество...

— Дурак, — любовно ответила она.

Заняв кресло, в котором только что сидел Меат, и дождавшись его ухода, Сьонед сказала:

— Я знаю, что тебе пришлось перенести. Ты можешь подумать, что это просто слова, но это так. Понимаешь, Ролстра много лет назад отравил меня дранатом. Однако я жива.

— Простите, ваше высочество, но я не думаю, что вы были отравлены так сильно, как я.

— Нет, — согласилась Сьонед. — Это произошло позже, во время Мора, когда дранат был единственным лекарством. И все-таки я жива, — повторила она.

Холлис не ответила ей ни слова.

— Тебе нет нужды умирать, моя дорогая, — нежно пояснила Сьонед. Она достала из кармана маленький бархатный

мешочек.— Утром мы обыскали вещи Сеяста и нашли вот это.

— Нет! Я не хочу!— Холлис упала на подушки, словно старалась отодвинуться от драната как можно дальше.— Неужели вы не понимаете? Если я соглашусь принимать его дальше и выйти замуж за Мааркена, то буду вынуждена жить той жизнью, которую так ненавижу. А если кто-то узнает об этом и попытается шантажировать Мааркена, угрожая лишить меня наркотика? Ваше высочество, я не могу этого сделать и не сделаю.

— Я разве что-то сказала о том, что ты должна продолжать принимать его? Когда Ролстра отравил меня, я тоже думала, что скоро умру. Когда я возвращалась в Стронгхолд, мне было так плохо, что...— Она покачала головой.— Я не говорю, что это будет легко. Но если ты будешь принимать его с каждым днем все меньше и меньше, то постепенно от него избавишься. Со мной это случалось дважды. Не хочу тебя обманывать, это настоящий ад. Ролстра и Мор приучили меня к отраве, *а я все еще здесь!*

Холлис не понимала, что по ее щекам текут слезы, пока не ощутила соль на своих губах.

— Ваше высочество...

— Ты можешь это сделать, иначе тебе действительно останется только вернуться в Крепость Богини и умереть там,— прошептала Сьонед.— Да, я стояла снаружи и подслушивала. Если ты выберешь смерть, никто не осудит тебя. Все наши знают, через что я прошла. И все мы будем с тобой, Холлис. Мы будем путешествовать по Пустыне столько, сколько понадобится, и не вернемся ни в Радзин, ни в Белые Скалы, ни даже в Стронгхолд, пока ты не излечишься.

— А Мааркен знает?— прошептала она.

— Я с ним уже говорила,— кивнула Сьонед.— Ты же знаешь, как он тебя любит. Ну что, рискнешь, Холлис? Рискнешь позволить ему любить себя?

Холлис закрыла глаза и откинула голову.

— Все у тебя получится,— продолжала Сьонед.— Видишь ли, я собираюсь с ним поспорить, да и не с ним одним. А я ненавижу проигрывать.

Холлис кулаком вытерла слезы, открыла глаза... и увидела, что рядом с креслом Сьонед стоит Мааркен— измученный, с синяками на скулах и подбородке, с распухшим виском, забинтованными ребрами и белой повязкой на

шее. Один рукав был закатан, обнажая лежащую в лубке руку. Но все эти повреждения и раны были ничто по сравнению с той раной, которую Холлис увидела в его глазах.

— Знаешь, она действительно ненавидит проигрывать,— хрипло сказал он.

— Не проиграет и сейчас,— ответила ему Холлис.

— Кажется, я здесь лишняя,— улыбнулась Сьонед.— Я прослежу за тем, чтобы вас не беспокоили, мои дорогие.— Она потянулась и поцеловала Мааркена в щеку.— Будьте счастливы.

Холлис протянула ему руки. Мааркен опустил рядом и молча прижал ее к груди... Прошла целая вечность, прежде чем она вдруг ощутила тупую боль в костях, оцепенение и странное беспокойство одновременно. Ее пронзил страх. *Начинается*, подумала она и посмотрела на стол, где Сьонед оставила мешочек с дранатом. Холлис закрыла глаза и крепче прижалась к сильному телу Мааркена.

* * *

— Милорд, я хотел бы поговорить с вашей дочерью.

Брови Волога поднялись вверх, и Андри захотелось стать старше зим на десять, пробыв их лордом Крепости Богини.

— Она сейчас отдыхает,— ответил Волог.— Может быть, немного позднее.

Я не могу ждать, пока наступит это «позднее»!— захотелось крикнуть Андри. Но он сдержался. Любая такая выходка лишь подчеркнет его молодость. Ему оставалось только ждать—занятие, которого он никогда не любил.

— Милорд,—наконец произнес Волог. Новый титул внушал Андри странную неловкость.—Последние дни дались ей очень нелегко. Поэтому вы обязаны знать. Обнаружение у нее дара...

— ...это как раз то, о чем я хочу с ней поговорить, милорд. Простите меня, но я просто обязан настоять.

— Решать ей,—предупредил принц.—Если она захочет поехать в Крепость Богини, это поможет ей обрести равновесие. Но если она примет другое решение, то...

— Я с уважением отнесусь к ее выбору, каким бы он ни был, ваше высочество.—А разве она могла выбрать что-то другое... или кого-то другого?

— Вы понимаете заботу отца о судьбе его любимой дочери.

— Я не меньше вашего беспокоюсь о ней! — неосторожно выпалил Андри.

Принц поднял бровь. Этот жест снова заставил Андри нервничать, но хозяин ничего не ответил. Он махнул оруженосцу, и через несколько мгновений в центральную часть шатра вошла Аласен. Ее прическа была безукоризненна, на одежде не было ни единой складочки. Она была одета для прогулки верхом — алая шелковая рубашка, черная бархатная куртка, черные штаны и сапоги. Не было никакого сомнения — она и не думала отдыхать.

— Миледи... — очень официально начал Андри, — не окажете ли честь совершить со мной небольшую прогулку?

— Вниз по течению вас устроит? — ответила она, полностью владея собой, хотя щеки ее были очень бледны. Правда, во всем могли быть виноваты алая рубашка и темный бархат. — Я согласна, пора поговорить, милорд. — Аласен грациозно повернулась к отцу. — Можно?

— Конечно. — Волог взял вышитую шаль с бахромой, накинул на плечи дочери и поцеловал ее в щеку. — Стемнеет раньше, чем ты думаешь, да и прохладно уже. Не гуляй слишком долго.

Аласен заговорила первой.

— Я была в загоне, смотрела на торги. Лошади твоего отца принесут хороший доход.

— Так было всегда.

— На днях я присмотрела себе прекрасную кобылу. Надеюсь, что отец мне ее купит, но лорд Оствель уже отдал за нее деньги. Я не сомневаюсь, что для Рияна.

— Я тоже так думаю.

В молчании они миновали белые шатры Крепости Богини и голубые Пустыни. После этого разговор продолжил Андри.

— Все эти дни я встречался со столькими людьми, что просто сбился со счета. На самом деле мне никого не хотелось видеть. У меня не было возможности уйти, чтобы поговорить с тобой. Все произошло так быстро. Даже официальный прием для принцев в роли нового лорда Крепости Богини не успел дать.

— Великая честь быть избранным леди Андраде.

— Я знаю. Это меня немного пугает, — признался он. Но

на самом деле его разбирал гнев. Худшие подозрения Андри подтверждала враждебность, которая читалась в глазах некоторых — если кому-то не нравилась мысль о том, что верховный принц может быть «Гонцом Солнца», то еще меньше им нравилось видеть внука принца в роли лорда Крепости Богини. Придется дать понять, что им не будут править из Стронгхолда. Андраде была слишком горячей сторонницей верховного принца. Ему так поступать нельзя. Этого не позволяет его честь. Своим постом лорда Крепости Богини он обязан дару фарадима, а не родству с Полем.

— Я знаю, что ты будешь делать так, как надо, Андри, — продолжала разговор Аласен.

Если ты будешь рядом со мной, то буду, гневно подумал он. Но вслух он этого не произнес. Пока. — Мне в конце концов удалось поговорить с братом. — Внезапно он улыбнулся. — Когда я сказал ему, что он должен попросить моего официального разрешения на свадьбу с Холлис, Мааркен чуть не поколотил меня. Он не сразу понял, что я шучу. Видела бы ты его лицо!

Аласен улыбнулась, не глядя ему в лицо. В ее зеленых глазах вспыхнула искорка смеха.

— Стыдитесь, милорд! Сказать такое собственному брату! Я удивляюсь, что он ничего вам не сломал!

— Если бы я немного его не подразнил, он был бы разочарован! — фыркнул Андри. — Кроме того, он был такой серьезный! Знаешь, как было весело: лицо покраснело, губы шевелятся, и не может от злости слова вымолвить!

— И все же нехорошо. После того, что он перенес...

Увидев, что она огорчилась, Андри быстро сказал:

— Поэтому ему и нужно было посмеяться. Отец говорит, что это самое лучшее лекарство. — Он уныло потер плечо. — Видно, Мааркен нашел лекарство еще лучше, потому что быстро пошел на поправку, а я не ожидал этого и ослабил бдительность...

— Если ты рассчитываешь дожидаться от меня сочувствия, то напрасно надеешься! — фыркнула Аласен.

Когда они спустились по пологому склону к реке, то почувствовали, какая стоит тишина. К хрусту речной гальки у них под ногами присоединялось вечернее пение птиц. Они направились в другую сторону от того места, где утром были сожжены тела Масуля, Киле и Лиелла, и медленно пошли к мосту. Бриз, дувший с моря, нес запах соли и приближав-

шегося первого осеннего дождя — побережье было затянуто тучами.

Андри больше не мог ждать.

— Аласен...

— Пожалуйста. Не надо.— Она положила ладонь на огромный серый валун. Он смотрел на ярко-красные, синие и белые цветы, вышитые на черной шали, на ее тревожно поднятые плечи.— Мне надо сказать тебе о том, что у меня свой путь, Андри.

— Все, что мне хотелось бы услышать, это то, что ты меня любишь, поедешь со мной и...

— Ты хочешь, чтобы я стала «Гонцом Солнца», как ты.

— Но ты уже такая, как я. Аласен, я держал твои цвета в своих руках, я знаю, как силен твой дар и какой могущественной ты можешь стать после обучения. Пойдем со мной, и я научу тебя всему на свете.

Аласен не ответила. Андри продолжал идти вперед. Теперь под его ногами был мягкий песок. На мгновение его рука застыла у ее выющихся на затылке волос. Но он еще не касался ее. Пока.

— Скажи только, что ты меня любишь,— прошептал он.

— Ты уже знаешь. Мы видели это друг в друге. Такие вещи невозможно скрыть.

— Я должен это услышать.

— Ты так молод,— снисходительно сказала она.

Гордость ужалила Андри; он отшатнулся.

— Достаточно взрослый, чтобы по выбору Андраде стать лордом Крепости Богини.

— Я не об этом.— Она не поворачивалась и не смотрела на него.— Я хотела сказать, что я тоже, должно быть, очень молода, потому что тоже хочу услышать эти слова.

Андри положил руки на ее плечи.

— Я люблю тебя, Аласен...

— Тебе так легко это сказать,— прошептала она, потупившись.— А то, что должна сказать я, очень нелегко...

Сбитый с толку, Андри повернул девушку к себе лицом и увидел ее глаза.

— Ты не хочешь ехать со мной... Ты меня боишься.

— Пожалуйста, попробуй понять! Я всегда подозревала, кто я такая. Думаю, даже знала. Но были причины, по которым я не хотела этого знать. Из-за Поля, из-за того, кем он станет, когда вырастет. Я не хотела, чтобы во мне нужда-

лись только потому, что мои дети могут родиться фарадами. У меня есть право выйти замуж за человека, который меня любит, правда?

— Но ведь именно это я тебе и предлагаю. И наши дети тоже будут «Гонцами Солнца».

— Я знаю. Но это невозможно.

— Но почему? — Он отпустил ее. — Ты любишь меня...

— Да, я люблю тебя, — безнадежно ответила она. — О Богиня, я не хочу причинять тебе боль, Андри!

— Но тогда...

— Нет, не могу. — Она сцепила тонкие руки, на которых не было колец. — Я просто боюсь. То, что я увидела и почувствовала, ужасает меня. Я не смогу с этим жить. Не смогу.

— Но это совсем не так. То, что произошло здесь...

— Нет! — повторила она, прижимаясь спиной к камню, как загнанная лань. — Я не поеду с тобой. — Она помедлила, а затем тихо продолжила: — Андри, если бы ты был всего лишь сыном своего отца, таким же наследником, как Сорин или Риян, все было бы совсем по-другому. Но ты лорд Крепости Богини. Это то, чем ты хотел стать. Не заметит этого только дурак. Не говори мне, что ради меня мог бы отказаться от этого. Я вижу тебя насквозь. Я бы никогда не попросила тебя об этом. Если бы я заставила тебя отказаться от того, что ты есть, разве это была бы любовь? Ты никогда не был бы счастлив со мной. Но и я не была бы счастлива или хотя бы спокойна, пытаясь стать тем, что меня пугает. — Аласен огорченно коснулась его щеки. — Сегодня я больше ни о чем другом не могла думать. Я пыталась представить, что у меня на руке кольца, что я делаю то же, что и ты, и... не смогла. Ты понимаешь силу. А я ее боюсь.

— Чего ты боишься? — прошептал он, и Аласен побелела от звучавшего в его голосе смертельного спокойствия. — Того, что я могу делать это? — Слабый язычок Огня вырос на камне рядом с ними и поплыл через реку. Он вспыхнул, когда Андри увидел страх в глазах девушки.

— Андри, пожалуйста... Мне и этого много. Не пугай меня еще больше...

— Значит, мы должны быть воспитанными, да? — Он едва не потерял контроль над парящим пламенем; ярость, бушевавшая в груди юноши, готова была задушить его. Она любила Андри. Но не собиралась ехать с ним.

— Прекрати! Андри, как ты не понимаешь? Я не хочу быть «Гонцом Солнца»! Потому что боюсь!

— *Вот* чего ты боишься!

Над рекой с ревом бушевал Огонь, Огонь завивался в огромные вихри вместе с Воздухом и разбухал, вбирая в себя сверкающие бриллианты Воды и темные комья Земли, захваченные потоками магической энергии. В сумеречное бирюзовое небо, глядевшее в глубины Фаолейна, прятнул столб пламени. У основания он был тонким, как острие меча, а затем становился шириной с реку и высотой с дерево.

— Вот что тебя пугает! — кричал он, стоя рядом с беснующимися языками пламени и ветра. Ветер рвал ее шаль и волосы, бросал жар в бледное лицо. — Как ты можешь говорить, что любишь меня, когда ты ненавидишь то, что я есть? Вот то, что я есть, Аласен, вот на что похожа сила!

В ее глазах он увидел ужас. Если бы он был кем-то другим, она бы любила его. Что ж, пусть увидит, кто он такой — эта горькая мысль пришла ему в голову от ярости: жизнь, которая дала ему все, о чем можно было мечтать, в отместку забрала ее. Он втянул ее в водоворот красок, заставляя вместе с ним творить дикие и прекрасные образы. Он поднял руки, и яростный смерч, созданный ими обоими, стал выше и ярче. Искры летели в воду, сверкая и шипя, прежде чем погаснуть. Деревья по обе стороны реки гнулись и дрожали, птицы с испуганными криками поднимались со своих насестов, некоторые из них влетали в пламя и там находили свою смерть. Вода в реке замутилась, поднялась, и сверкающая золотисто-красная волна с ревом ударилась в противоположный берег.

Аласен отшатнулась, прижимая шаль к груди. Андри изо всех сил напряг разум и показал ей фантастический набор цветов и оттенков, которых не видел ни один человек на свете и для которых не было придумано названий. Он заставил ее почувствовать внушающую силу «Гонцов Солнца». Но то, что казалось ему величественным и прекрасным, ей внушало только ужас. Она отчаянно кричала, когда ветер хлестал ее тело, а в мозгу бушевала сила.

— Андри, пожалуйста! — рыдала она. — Мне больно! Пусти меня!

Водоворот огня тут же иссяк.

— Аласен... Прости меня! Я не думал, что тебе будет больно! Я только хотел...

Но она уже, спотыкаясь, вбежала на склон и исчезла в тени деревьев. Он в последний раз позвал ее по имени, зная, что все тщетно.

* * *

Она бежала, не разбирая дороги. Было совсем темно: солнце уже укрылось за западным холмом, деревья черными силуэтами преграждали ей путь, ножами вонзаясь в болезненно-желтое небо. А когда она бежала по заросшему деревьями склону, свет вообще почти исчез. Увидев сторожевые огни у лагеря, она едва не заплакала в голос и поспешила туда, но тут же осознала, что каждый, кто взглянет на ее лицо, сразу все поймет. Когда она несколько раз вытерла глаза, стесняясь внимательно смотревших на нее стражей, огни замерцали. В конце концов она нашла свою алую палатку — рядом с огромным шатром отца. Едва стоя на ногах, она вошла в него. Ее подхватила сильная рука, и она благодарно оперлась на нее, пряча лицо в мягкую бархатную тунику. Пока сердце успокаивалось после стремительного бега, в голове прояснялось, и вскоре она поняла, что совершила ошибку. Не надо было приходить сюда, пока она не взяла себя в руки. Не стоило появляться перед отцом в таком виде. Теперь он возненавидит Андри. Новая волна ужаса захлестнула ее натянутые нервы, когда она представила себе, что может быть сказано или сделано и какая вражда возникнет по ее вине...

Она попыталась отодвинуться и неожиданно поняла, что мокрой от ее слез была совсем не алая киртская туника. Бархат был темно-синего цвета, с черной кокеткой, да и плечи под ним были пошире, а мускулы крепче, чем у ее отца. В ужасе она подняла взгляд и увидела... темно-серые глаза лорда Оствеля.

— Миледи... — сказал он неловко; в ярком свете ламп было видно, как он покраснел. — Простите меня. Ваш отец прислал мне приглашение навестить его, но милорда куда-то вызвали. Он попросил меня дожидаться его возвращения. Я совсем не хотел... но вы были так... я только хотел помочь... простите меня, — закончил он.

Оствель зайкался как школьник, и Аласен поняла, что лорд так же смущен, как и она сама. Как ни странно, но его застенчивость вернула ей изрядную долю самообладания.

— Спасибо, милорд. Я рада, что встретила здесь вас. Он посмотрел на свои руки, все еще нежно сжимавшие ее запястья, и быстро разжал пальцы.

— Я... Ваш отец сказал, что вы разговариваете с лордом Андри,— произнес он не к месту, делая шаг назад.

Их взгляды встретились, и принцесса почувствовала, что самообладание опять покинуло ее. Оствель все понял, или, по крайней мере, догадался. Но он никогда бы ни в чем не признался. Она увидела это в его взгляде. Впрочем, не только это. Богиня, как же она не заметила этого раньше—ни в нем, ни в себе самой?

Руки Аласен прикоснулись к его плечам. Она почувствовала под мягкой тканью тепло и силу. Если Андри был Огнем, быстрым, блестящим и опасным, то этот человек был Землей—терпеливой, спокойной, надежной. Здесь была сила, которая не пугала ее, были глаза, которые ничего не требовали. Они лишь ждали, полные уверенности в том, что она поняла все—так же, как и он сам.

С ним никогда не будет дикого водоворота цветов, пронзающего голову и сердце. Не будет упоительной радости первой юной страсти. Она никогда не узнает, что значит быть «Гонцом Солнца» и лететь вдоль полос сплетенного света. Никогда она не испытает ликования своим могуществом, своим отточенным до совершенства даром. Какая-то ее часть никогда не получит удовлетворения.

На зато будут тепло, сила, надежность и спокойствие.

Руки Аласен тихо скользнули в его ладони; это был жест молчаливого согласия. Его длинные пальцы непроизвольно сжались. Оствель склонил голову.

Прошло немало времени, прежде чем он заговорил. Слова его текли медленно.

— Миледи... Аласен... мою жизнь унесло ветром вместе с пеплом Камигвен восемнадцать лет назад. Я стал просто... отцом своего сына, другом моего принца, лордом Скайбоула. Я не жил и даже не знал, насколько... насколько пуста была моя душа... пока не появились вы.

Все еще сжимая его руки и ища в них тепло и силу, она придвинулась ближе и положила усталую голову на его плечо. Сердце Оствеля билось, как пара шелковых крыльев. Подождав, пока оно немного не успокоилось, она сделала шаг назад, заглянула в его задумчивые глаза и спокойно улыбнулась.

— Пойдем,—промолвила она.—Надо сказать отцу.

Как и все безжалостно практичные люди, не обращающие внимания на обстоятельства, Тобин приказала накрыть обед в шатре Рохана и пригласить всех родных и друзей. Сегодня вечером должен был состояться Пир Последнего Дня. Этот пир с каждой новой Риаллой становился все более пышным. Но не в этом году. Затеиловые планы Киле были преданы забвению, ее слуги, роскошные тарелки и хрусталь возвратились в визский дворец, и принцесса Геннади раздавала пищу беднякам.

Повод для празднования нашла только Чиана. Ее надежды показаться на празднике рука об руку с Халианом не оправдались; поскольку грандиозный банкет, который стоил ее сестре четверти годового дохода от Виза, не состоялся, она решила дать свой собственный изысканный ужин для тех высокородных, кто не посмел отклонить ее приглашение.

Тобин внимательно осматривала столы, прекрасно понимая, что никто этого не оценит и что все угощение скорее всего тоже попадет к беднякам. Караваи свежего хлеба, вазы, полные фруктов, мясо на серебряных подносах, целые горы овощей — почти все это останется стоять на длинном столе у дальней стенки шатра. Глядя, как ее брат методично чистит кожуру, выковыривает семечки, разрезает на дольки и кладет болотное яблоко в сторону, даже не попробовав его, она кипела от досады, но молчала. Рохан все равно не стал бы ее слушать.

С племянником и одним из сыновей ей повезло больше. Хотя сначала казалось, что Поль приучен к сдержанности в еде, но постепенно здоровый юный аппетит взял свое. Сорин же никогда не пропускал хорошее застолье по своей воле. Мааркен был слишком занят, пытаясь накормить Холлис, и надежда на него была плохая. Со Сьонед дело обстояло не лучше. Хотя она и успела немного оправиться от всего случившегося, но когда Рохан предложил ей ломтик болотного яблока, она тут же изобразила гримасу притворного ужаса. За Меата никто не беспокоился — он был рожден голодным и, как всегда, ел за двоих. Чейн наравне с Роханом и Уривалем вместо пищи отдавал предпочтение коллекции сирских вин.

Когда Рохан жестом велел Таллаину открыть еще одну бутылку, Тобин нахмурилась, но тут же поняла, что беспокоиться не о чем. Они пили не для того, чтобы отпраздновать, заглушить боль и забыться. Нет, сегодня в вине они искали смелость, необходимую для начала разговора.

Тобин не заботили отрывочные разговоры по пустякам; то и дело возникавшие за столом. Слишком многое надо было обсудить, сказать, объяснить. Но в этот вечер не она единственная боялась начать взрывоопасный разговор. Еще рано. Еще не на всех лицах исчезло затравленное выражение.

Без сомнения, она разделяла и глубокую скорбь об Андраде, и шок, охвативший всех, когда они поняли, как погибли другие, и глубочайшую усталость всех «Гонцов Солнца». Но если не будет разговора, не будет и понимания, и горький урок этой Риаллы пройдет впустую.

Кого-то не хватало среди тех, кто должен был сидеть за столом. Тобин поманила к себе Таллаина и спросила, не знает ли он, где могут быть Оствель и Андри. Юноша пожал плечами.

— Извините, миледи. Приглашения я передал, но...

— Понимаю.— Она закусил губу.— Пожалуйста, пошли кого-нибудь, чтобы их найти.

Тобин подошла к Рияну, сидевшему рядом с Меатом у гобелена. Оба попытались встать, но она жестом усадила их назад.

— Прекратите эти глупости,—с улыбкой сказала принцесса.— Риян, что случилось с твоим отцом?

— Он пошел к принцу Вологу и исчез, миледи.— Риян протянул руку и похлопал по плечу Сорина.— О чем твой принц хотел поговорить с моим отцом?

— А...— Сорин проглотил очередной кусок и пожал плечами.— Еще раз хочет поблагодарить за то, что тот на днях помог Алли. Она была порядком потрясена, а Оствелю удалось более-менее успокоить ее.

— Ну, если ты так много знаешь, то не скажешь ли, где твой брат?—спросила его Тобин.

— Нет, мама, не скажу,—весело ответил сын.— Но тебе, Риян, намекну: если бы я был твоим отцом, постарался бы какое-то время держаться подальше. Кто-нибудь видел лицо Андри, когда Оствель кинул Лиеллу нож?

— Это было милосердие,—задумчиво откликнулся

Меат.—Правда, я не уверен в том, что оно соответствует представлениям Андри о справедливости.

Тобин нахмурилась. Она полностью разделяла мнение «Гонца Солнца», но не хотела признаться, что перестала понимать собственного сына. Плохо не видеть мальчиков в самый ответственный период жизни. Помнить их маленькими мальчиками, а затем испытывать шок от встречи со взрослыми мужчинами... Как легко задеть их едва оперившуюся гордость!

А теперь кто пытается избежать серьезного разговора, недовольно спросила Тобин самое себя.

— Сорин,—вдруг сказала она,—принеси мне чашу вина.

Он встал, чтобы выполнить ее просьбу; Тобин мельком подумала, как хорошо иметь воспитанных детей, и села между Меатом и Рияном.

— Скажи мне честно, что случилось с Мааркеном во время поединка?—вполголоса спросила она.

Меат заморгал; Риян, которому и был задан вопрос, опустил вилки и покачал головой.

— Миледи, как и остальные «Гонцы Солнца», я видел только блеск колец.

— Думаю, не только,—пробормотала она, и Риян покраснел.—Прости меня, но...

— Понимаю,—ответил он.—К этому придется привыкнуть.

Меат выглядел ошарашенным—он ничего не понял.

— Что ты видел?—спросила Тобин.

— Они пылали,—вдруг сказал Риян, глядя на свои кольца.—Может быть, то же произошло и с Пандсалою,—вздыхнул он.—Миледи, это были не события, а скорее, чувства. Что-то вроде ожившего страха, наполовину состоящего из тумана, осязаемого, но невидимого...—Чудесные глаза Рияна казались опустевшими.—Воздух, полный оживших теней. Существа, сбежавшие из клеток, все черные и ужасные. Угрозы, опасности, детские ночные кошмары—в общем, весь ад... Собственные чувства подкрадываются к тебе сзади, готовые разорвать твой разум и проглотить его. Мерзкие тени, которые ты едва видишь, но знаешь, что они пришли убить тебя и все, что ты любишь...

Тут к ним подошел Полъ, привлеченный сдержанной мощью, звучавшей в голосе Рияна. Внезапно наступила тиши-

на, и к ним повернулись все остальные. Глаза Поля расширились и потемнели.

— Я тоже это видел,— выдохнул он в абсолютной тишине.— Все так и есть. Если тебе удастся прогнать это, то оно исчезает, но на его месте появляется что-то другое, еще опаснее. Однако потрогать это невозможно...

— Поль...— Его взгляд испугал Тобин.— Все в порядке, все кончилось...

Мгновение он смотрел на нее так, словно не мог узнать. Затем мышцы его лица расслабились, превратившись в сеть тонких морщин, которые сделали его гораздо старше своих лет.

— Ты в этом уверена? Сеяст был лишь чуть-чуть старше меня и многого просто не знал. А если есть старшие и более опытные, которые ждут своего часа?

К мальчику подошел Уриваль и положил ему на плечо руку.

— Тогда мы будем иметь с ними дело. Я не хотел начинать этот разговор, но теперь отступать поздно. Я вернусь в Крепость Богини и останусь там до тех пор, пока Андри не освоится в роли лорда. Но я старею. Сотни «Гонцов Солнца» обучил я за свою жизнь. Ты будешь последним из них.

Поль непонимающе посмотрел на него снизу вверх, но затем в его глазах засветилась глубокая благодарность.

Уриваль кивнул.

— Когда Меат скажет, что ты готов, пошли кого-нибудь за мной. Я разыщу тебя повсюду и научу всему, что тебе будет необходимо. Так пожелала Андраде.

Они не хотят, чтобы его учил Андри. Этот вывод ужаснул Тобин. Старый «Гонец Солнца» повернул к ней свои прекрасные глаза. В них было понимание и даже сочувствие. Но у нее не было времени, чтобы защитить своего сына. Вошел Оствель, и с ним Аласен. Они остановились у гобелена и замерли, испуганные наставшей тишиной. Пальцы Аласен искали руку Оствеля.

Этот простой жест был красноречивее всего. Пока Волог думал, чем отплатить Оствелю, долг вернула его дочь, отдав ему свою любовь и руку.

Первым на ноги вскочил Риян. Он подбежал к отцу и хлопнул его по плечу. Они без слов, просто посмотрев в глаза, поняли друг друга. Потом юноша протянул руку Аласен. Девушка доверчиво коснулась пальцами его ладони

и через мгновение ощутила, как до них дотронулись его горячие губы.

У Сорина отвисла челюсть. Тобин подумала, что это очень странно, и решила позже обсудить с ним этот вопрос. Однако ее вопросы не понадобились. Когда все встали, выражая свою радость, которой так недоставало в этот грустный вечер, а Рохан и Сьонед подошли и обняли пару, появился Андри.

Тишина просто обрушилась на всех присутствующих. Сорин поставил на стол кубок с вином и пристально взглянул на своего брата-близнеца. Холлис, сжимая руку Мааркена, невольно отшатнулась. Чейн, который говорил со Сьонед, осекся на полуслове и обернулся. Изумленная Сьонед повернулась к Рохану и увидела, как у того изменилось выражение лица. Верховный принц набрал в легкие воздуха, чтобы что-то сказать.

Андри уже слишком многое успел услышать. Остекленевшим взглядом он смотрел на стоящую перед ним пару, и его боль передалась Тобин. Слезы наполнили зеленые глаза Аласен. Андри перевел взгляд с ее лица на умоляюще протянутые к нему руки. Когда же юноша посмотрел на Оствеля, его глаза наполнились лютой болью.

— Вам, милорд,— очень тихо сказал он,— следовало бы подумать, прежде чем вмешиваться в дела «Гонцов Солнца».

В этот момент Тобин наконец поняла, почему Андраде и Уриваль не хотели, чтобы Поля обучал новый лорд Крепости Богини. В ней проснулась немая ярость на тетку, которая обучила ее сына, *как* применять свою силу, но не сказала, *когда*. Андри поднял руки, на которых блесло всего четыре кольца — и между его пальцами вспыхнул Огонь, ярость которого превышала даже ярость, горевшую в глазах юного лорда.

Риян гневно шагнул к Андри.

— По крайней мере, будь честным,— резко бросил он.— То, что он сделал для Ллейна и Киле, тут ни при чем.

Андри ничего не слышал. Оствель подтолкнул Аласен к Сьонед и повернулся лицом к юноше. В его глазах стояла зима.

Андри держал в руках огненный шар. Бело-желтый Огонь был подобен пойманному свету звезд, который све-

тил, но совсем не давал тепла. Он бросил короткий взгляд на Уриваля.

— Тебе стоило внимательнее читать свитки,— шепнул он.

— А тебе вообще не следовало их читать. Андри, я единственный, кто может дать тебе десять колец. Остановись, иначе они никогда не появятся на твоих руках. Ты можешь их надеть и сам, но они останутся пустыми.

Андри молчал. Ярость сверкала в его глазах, а Огонь — в руках.

— Андри,— в страшной тишине сказал Рохан.— Пожалуйста.

Бледные языки пламени качнулись, когда Андри услышал голос верховного принца, его любимого дяди. Он еще раз взглянул на залитое слезами лицо Аласен, а потом на горящий Огонь. Тот медленно умирал. На лице Андри проступили страдальческие морщины, но безнадежная гордость заставила его гордо расправить плечи.

— Я сожалею...— Он закусил губу, начал снова, и мать тихонько застонала от боли за него.— Милорд Уриваль, нас здесь ничего не задерживает. Завтра утром мы отправляемся в Крепость Богини.— *Я уезжаю один*, сказали его глаза, когда он в последний раз глянул на Аласен. Андри быстрым взглядом окинул лица остальных, коротко поклонился Рохану и почти выбежал из шатра.

Сорин вылетел следом так быстро, что никто не успел остановить его. Чейн тяжело опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Милосердная Богиня,— глухо сказал он.— Почему я ничего не видел? Ведь он мой сын.— Руки Чейна упали на колени. Он посмотрел в лицо Уриваля.— Останься с ним.. Помогите ему. Он так молод, Уриваль. Он так молод..

Тобин отстранила нежную руку Холлис, доковыляла до пустых покоев Поля и зарыдала.

* * *

Только на рассвете Сьонед отважилась задать мужу вопрос.

— Любимый... как ты догадался, что ему сказать?

Рохан крутил в руках давно опустевшую чашу.

— Была уязвлена его гордость. Надо было восстановить

ее. — Он горько усмехнулся. — Многие ли слышали, чтобы их просил о чем-нибудь верховный принц?

Сьонед кивнула, дивясь его мудрости.

— Он мог убить Оствеля.

— Знаю. И понимаю. Когда я встретил тебя, мне было почти столько же. Если бы я потерял тебя так же, как он сейчас потерял Аласен — я мог бы сделать то же.

— Ты бы никогда... — запротестовала шокированная Сьонед.

— В самом деле? Сьонед, любовь дар более могучий, чем этот ваш дар фарадимов. Романтики назвали бы нас живым доказательством этого.

— Значит, ты понял его гордость и усмирил свою. — Она на секунду задумалась. — А Поль не смог бы.

— Нет. Но, может быть, ему и не придется. — Рохан отставил чашу и встал. Он двигался как старик. — У него будут знания Уриваля. И власть другая, чем у Андри.

— Ты говоришь не о власти верховного принца...

— О нет. Совсем не о ней.

ГЛАВА 31

Волог ехал с ними до самой переправы через Фаолейн. Там, на лугу, залитом солнцем, он отдал свою любимую дочь Оствелю в жены. В тот же день Сьонед выполнила свои два обещания: стоять рядом с Холлис в момент ее бракосочетания с Мааркеном и подарить им свадебные ожерелья. Раненая рука Мааркена все еще не работала, и верховная принцесса помогла ему застегнуть на шее невесты ожерелье в виде серебряных листьев, обрамлявших сапфировые цветы. Холлис она передала простую золотую цепочку, и девушка надела ее на шею Мааркена. Три плоских широких звена этой цепи были усыпаны рубинами, бриллиантами и отшлифованным кусочком прозрачного янтаря, взятым с одного из колец Андраде.

Власть принца совершать свадебный обряд равнялась власти лорда или леди Крепости Богини. Чтобы парам, соединившимся в этот день, было предоставлено больше чести, рядом с Роханом находились Ллейн и Волог. Слова традиционного обряда, которые должен был сказать Андри, произносил Меат. Было бы жестоко заставлять Андри руководить церемонией, во время которой его любимая выходит замуж за другого. Молодой лорд давно уехал в Крепость Богини вместе с Уривалем и охраной из «Гонцов Солнца» под предлогом необходимости вступления в должность. Сорин сопровождал своего брата-близнеца, чтобы представлять семью во время ритуала, и просто потому, что он был нужен Андри.

Когда Рохан смотрел на то, как Аласен надевает серебряное ожерелье с серыми агатами на шею Оствеля, он вдруг с болью подумал о своем племяннике. Сорин поможет ему, хотя в этом трудно помочь. Он смотрел, как Оствель осто-

рожными нежными движениями надевает на шею Аласен лунный камень и оникс, и понял, что эти двое нашли свое счастье. Мысленно он пожелал Андри найти свое.

Вечером устроили пир, и Сьонед наконец надела то платье, которое Поль приказал сшить для нее. Тобин, пораженная подарком племянника — серебряно-алым платьем — ни за что не соглашалась выйти в нем танцевать, и Полю лично пришлось вывести ее на середину луга. В свите Рохана было несколько музыкантов, так что Оствель легко нашел лютню и начал петь. На глазах у Сьонед выступили слезы.

— Ты ведь не слышала, как он поет? — спросила она Аласен. Девушка, изумленно слушая мелодию, покачала головой. — Он не пел с... — Она умолкла. — Как я рада, что он тебя нашел.

— Тогда немедленно улыбнись, — прошептал Рохан и поцеловал жену в обнаженное плечо.

Двигаясь вдоль реки и наслаждаясь покоем позднего лета, они задержались еще на несколько дней. С каждой мерой, отдалявшей их от Виза, события Риаллы становились все бледнее и бледнее. Луговина блистала зеленью и золотом, словно лето остановилось и раздумало уходить. Никто не торопился в Пустыню. «Гонцы Солнца» по очереди летали в горы Вереш, но не нашли ни одного урагана, достаточно сильного, чтобы спуститься в долины и разрушить эту сказочную тишину.

Волог со свитой покинули их и вернулись к побережью, чтобы там сесть на корабли и вернуться на Кирст. Остальные пересекли Фаолейн. Рохан понадеялся на обещанную хорошую погоду и, действуя наудачу, повернул большую часть отряда на север. Луговина сменилась низменностями Марки.

Остальные собирались вернуться в Стронгхолд и Радзин по обычным маршрутам, но в холмах Вере был проход. Хотя он не был слишком запутан или крут, им пользовались очень редко. Дорога была долгой и изобиловала множеством поворотов. Быстрее и легче было идти на юг вдоль реки. Но у них было время, да и Холлис должна была ждать, пока она не освободится от привычки к дранату. Пожалуй, это было единственным минусом ранней теплой мягкой осени. Иногда они оставались в том или ином месте на день-другой, пока молодая женщина проверяла, насколько сильно ее пагубное пристрастие. Мааркен, Сьонед и Тобин по-

стоянно были с Холлис, пока ей не становилось плохо. Количество драната в мешочке Сеяста уменьшалось, но заметить это уменьшение было все труднее и труднее.

Старый Ллейн приказал Чадрику и Аудрите двигаться на юг к морю и ждать его там. Сам он остался со своими друзьями.

— Столько лет не видел этой части страны, — сказал он Рохану. — Пожалуй, с того времени, когда я был мальчишкой и отец послал меня в далекое путешествие. Я немного пошатаюсь в одиночестве, если вы не возражаете. Хочется еще раз все увидеть перед смертью.

Меат тоже остался, вновь приняв на себя обязанности телохранителя Поля. С молчаливого согласия Сьонед он начал учить юношу основам искусства фарадимов. Все иногда видели результаты этого, когда маленький вихрь легко и быстро проносился по дороге впереди, либо пляшущие краски касались ощущений других «Гонцов Солнца». Сьонед косилась на Меата, но увидев, что Поль, извиняясь, пожимает плечами, просто улыбалась. Поль наслаждался силой, купался в ее красоте и радости. Пусть он научится этому, думала Сьонед. Остальное он уже понял.

На четырнадцатый день осени они оказались в предгорьях, чуть западнее Вереша и почти на одной прямой между Стронгхолдом и Скайбоулом. Стояла душная жара, которая давила даже у небольшого ручья, протекавшего через дремучий лес. Пот заливал лоб Рохана, стекал струйками по спине, насквозь промочив рубашку. Принц объявил привал и повернулся в седле, чтобы окинуть взглядом всех всадников, числом около пятидесяти. Все поникли от жары. Вновь опустившись в седло, он усмехнулся принцу Ллейну.

— Я думал, что жителя Пустыни жарой не удивишь. Но сейчас и я готов растаять.

— Нет, у вас жара просто высасывает воду из камней. А тут душно, как в разгар лета на морском побережье, а воздух такой плотный, что в нем можно купаться. — Ллейн потянулся, его старые кости хрустнули, по лицу скользнула улыбка. — По мне так очень даже приятная погода.

Рохан сначала засмеялся, но потом неожиданно выругался от изумления — на небе не было ни облачка, а сверху неожиданно полетел холодный дождь. Тяжелые капли быстро прибили дорожную пыль. Ошеломленные лошади заржали, а испуганные всадники завопили. Рохан оглянулся.

Бодрящий душ растянул колонну, но он шел только над всадниками.

— Что за...

Сьонед, выжимая распущенные волосы и наслаждаясь прохладой, подскочила к нему, засмеялась и махнула рукой в сторону ручья. Он-то и был источником, из которого вода поднималась вверх, чтобы затем брызгами упасть на людей.

— Я тут ни при чем! Разговаривай со своим сыном!

Ну конечно! Поль лукаво улыбался, а Меат безуспешно пытался сделать вид, будто разочарован успехами ученика. Мальчик выехал вперед и сказал:

— Отец, было так жарко! Я не мог удержаться, чтобы слегка не освежиться.

— Что, это на самом деле сделал ты? — Отец пожирал его глазами. — А что ты еще умеешь?

— Меат больше ничего не разрешает показывать.

— Таллаин, — позвал Рохан своего оруженосца. — Скачи в конец и передай людям, что происходит.

— Они уже все знают, милорд. И кто это сотворил, тоже. — Он многозначительно посмотрел на Поля. — Пожалуйста, не намочи постельные принадлежности.

Немедленно наступило раскаяние: Поль щелкнул пальцами, и дождик прекратился.

— Извини. Я не подумал.

Рохан только хмыкнул в ответ.

Чуть позднее, когда на берегу ручья разбили лагерь, Рохан задал жене вопрос:

— В его ли силах сделать такое?

Что-то в его глазах не дало ей просто отшутиться. Она коротко пожала плечами и пристально посмотрела на маленький огонек у их кровати. В ночном воздухе все еще стояла душная жара. Она коротко оглянулась. Оствель и Аласен все еще не вернулись со своей обычной прогулки при лунном свете. Мааркена и Холлис тоже еще не было, но причина их отсутствия была совсем не романтической. Хотя ее зависимость от наркотика уменьшалась, она почти всю ночь мучилась от бессонницы. Муж и жена гуляли вместе, и он рассказывал ей о Белых Скалах, Стронгхолде, Радзине и обо всем, что приходило в голову, лишь бы отвлечь ее внимание от наркотика и убедить ее в том, что их ждет нормальная жизнь. Сьонед, которая помнила, как это происходило с ней, внушала Мааркену, что бессонница и истощение — явление

временное. Однако под глазами Холлис виднелись большие темные круги. Сьонед чрезвычайно печалилась, что их первые дни совместной жизни омрачены этими переживаниями. Им с Роханом все далось куда легче... Чейн, Тобин, Риян, Ллейн и все слуги, кроме стражей, давно спали, сраженные влажной жарой. Поль с Меатом и Таллаином были внизу, у ручья, пытаясь охладиться более привычным путем, чем тот, который он предложил всем сегодня днем. Она улыбнулась, услышав приглушенные всплески и смех, что могло обозначать только развязавшееся «морское сражение».

Наконец она ответила на вопрос, заданный мужем.

— Не думаю, что кто-то может сказать, что для Поля обычно, а что нет. Как и для Рияна. Подозреваю, что и Уриваль такой же. Они видели большинство того, что видел во время сражения Мааркен. Я уловила только вспышки — так же, как и другие тренированные «Гонцы Солнца».

— Но нет никаких доказательств...

— Пандсала тоже должна была видеть, — прошептала Сьонед, не глядя на него. — А ее мать была явно Старой Крови.

— Но она никогда не страдала от морской болезни, — задумчиво сказал Рохан. — Поль и Риян — сколько угодно, да и у Ками ненависть к воде была просто врожденной.

— Но у Пандсалы в роду не было крови фарадимов. У Поля — была, через тебя. Кажется, можно сделать вывод, что человек, в крови которого только гены колдунов, не подвержен этому, а если есть что-то от фарадима, то Старая Кровь не влияет на его восприимчивость к воде.

— Ты поняла, — сказал он.

— Разве? — Сьонед подняла прутик и бросила его в огонь. В воздух почти до самых деревьев взлетела искорка. — Пандсала без труда пересекала воду — и только это одно было подозрительным, отличало ее от всех нас. Она могла почувствовать, когда применялось колдовство. Когда я пыталась защитить Мааркена, я почувствовала, что она ушла от этого. Кроме того, в ее цветах было что-то странное. Я никогда этого раньше не замечала. Наверно, потому что была с ней в тесном контакте только один-единственный раз — в ночь гибели ее отца. Тогда я зацепила всех, до кого только смогла дотянуться — даже Поля, хотя ему был всего день от роду. Лишь позднее я смогла подумать об этом.

— Ты замечала в нем то же самое?

— Нет, но я и не искала. Ну подумай, любовь моя...— Она встретила его взгляд, брошенный сквозь пламя.— Когда Пандсала вернула себе свою большую часть, она оставила в магическом круге то, что было фарадимом— вернее, ту свою часть, которая была тренирована, как фарадим. На то, что она взяла с собой, я смогла взглянуть только мельком. Это было очень похоже на нас, и все же была какая-то неуловимая разница...— Она умолкла и, хмурясь, попыталась найти подходящие слова.— Как два полностью одинаковых зеркала, отражающих друг друга. Только немного нарушен угол. Разная глубина в каждом.

Рохан размышлял над услышанным.

— Когда у Пандсалы обнаружился дар, Андраде вошла в генеалогию так глубоко, как только смогла. Но со стороны Ролстры и намека на него не было. Так что дар Пандсалы был полностью порождением Старой Крови, доставшейся ей от матери. Она вообще не была «Гонцом Солнца». Тем не менее, это искусство она постигла. Риян мог чувствовать то же, что и она, поэтому у Ками скорее всего присутствовали оба дара.

— Дело может быть и в Оствеле, и в тебе. Но мы сейчас обсуждаем не Рияна,— мягко напомнила ему Сьонед.

— Нет, не его.

— Поль не переносит воду. Это делает его «Гонцом Солнца»,— сказала она.— Но он еще и почувствовал те видения, которые использовал Сеяст, чтобы атаковать Мааркена. Значит, в нем есть немного Старой Крови.

— Это значит, что он колдун,— сурово ответил Рохан.— И рано или поздно он это узнает.

— Ну и что с того? Мы всегда говорили, что Мааркен будет примером «Гонца Солнца», который обладает светской властью. А тут ему примером станет Риян. Никто не смеет обвинить мальчика в том, что он колдун! Поль все поймет.

— А поймет ли он, откуда взялся второй дар?

— Рохан...— задохнулась Сьонед.

— Прости, любовь моя. Но однажды он обязательно захочет все понять. Он так повзрослел за эти весну и лето. Возможно, уже пора. Он достаточно взрослый, чтобы все понять.

— Нет! Еще рано. Рохан, ну пожалуйста, не сейчас!— Она умоляюще протянула к нему руку.

— Но ты ведь сама понимаешь...— Он коснулся ее пальцев.— Чем дольше мы будем ждать...

— Но он еще так юн. Ему будет трудно понять, почему...

— Почему его отец изнасиловал его мать?— Он горько усмехнулся.— Думаю, да. Ллейн слишком хорошо воспитывает его. Только варвар может понять насилие.

— Прекрати, Рохан...

— Но это правда.— Он пожал плечами и отпустил ее руку.— Как бы там ни было, но я, претендующий на цивилизованность, совершил еще одно хорошее варварство. Я убил Масуля. Знаешь, Сьонед, ведь то, что я так долго противился этому, можно не брать в расчет. Лучше уж быть честным дикарем...

— В следующий раз ты скажешь, что мог бы его убить с самого начала, и Андраде была бы жива. Но учти, я тогда...

— Не надо угроз,— грустно улыбнулся он.— Ты, кажется, собираешься пережить все еще раз. Хорошо, не будем гадать. Всегда будут люди, верящие в то, что Масуль на самом деле был сыном Ролстры. И пока с Полем все в порядке, мне не надо ни о чем думать. А вот что нам стоит сделать, так это придумать подходящее объяснение на тот случай, если он действительно захочет узнать происхождение своего дара.

Сьонед вновь поворошила веткой костер, задумчиво рассматривая горящие угли.

— Рохан, за пятнадцать лет никто не произнес об этом ни слова. Все знают только то, что Янте держала тебя и меня в темнице, а потом отпустила на свободу. Даже если кому-то и известно, что она родила ребенка от тебя, то они думают, что он погиб вместе с ней в огне.— Она бросила короткий взгляд на мужа.— Я не хочу, чтобы он узнал правду. Никогда. Не могу причинить ему боль.

— А я не хочу потерять его,— прошептал Рохан. Сьонед вздрогнула, и он махнул рукой.— Глупость. Не обращай внимания. Я просто устал.

Верховная принцесса была достаточно умна, чтобы послушаться его последней реплики. Они погасили костер и вытянулись на одеялах. Они лежали рядом, тесно прижимаясь друг к другу, и смотрели на молчаливые, полные скрытой угрозы звезды, при которых был наречен Польш.

— Прекрасно, Сьонед! — Меат радостно потер руки. — Свежее рагу на ужин, и все благодаря твоему ястребу!

Птица изящно сидела на запястье женщины и прихорашивалась, словно понимала каждое сказанное о ней слово. Без сомнения, самка ястреба была прекрасна. Сьонед отпустила ее в полет всего один или два раза за все время путешествия, но за добычей она полетела в первый раз. Принесла здорового кролика, раза в два больше, чем она сама, птица изящно опустила жертву прямо в руки женщины и вновь прыгнула на руку своей повелительницы.

— И мяса оторвала совсем немного, — оценил Поль, добавляя кролика к двум маленьким птицам, пойманным его ястребом и птицей Тобин. Рохан и Аласен своих еще не выпускали. Верховный принц сделал галантный жест рукой, и девушка направила коня вперед, освобождая колпачок на голове у птицы, но еще не открывая ее яростных черных глаз, сверкающих на янтарной головке. Она оглянулась на Оствеля и улыбнулась.

— Если ее охота будет удачной, ты вечером споешь нам?

Оствель выгнул бровь.

— Но ведь это обязанность жены — удовлетворять потребности мужа. Почему я должен платить за то, что ты просто выполняешь свой долг и кормишь меня?

— Оствель! — усмехаясь, возразил Чейн. — До окончания испытательного срока еще дней двадцать, так что помалкивай! Особенно если она еще не видела твоего замка. Пока она его не одобрила, у нее есть полное право разжаловать своего Избранного. Так что поосторожнее!

— Ну? — засмеялась Аласен, ожидая, что ответит Оствель. — Будешь петь, если я добуду тебе ужин?

— Только не колыбельную, — сурово предупредил Ллейн, но в его глазах плясали смешинки. — По-моему, если ты усыпишь ее своим пением, это будет не то, что она имеет в виду.

— Чтобы удовлетворить мои потребности, не хватит и того, что я имела в виду, — засмеялась Аласен.

— Знаешь, — усмехнулась Сьонед, — много лет назад я подумала, что, вижу в последний раз, как он краснеет. Кажется, я ошиблась. Аласен, мои поздравления!

— Нет, хватит! — зарычал Оствель, заставив ястребов

испуганно вострепнуться. — Значит, песня за приличную еду? Хорошо, миледи. Но добыча должна быть приличной. В последнее время у меня зверский аппетит.

— Принято, — сказала Тобин и кивнула Аласен.

Сьонед надела колпачок на гордую птичью голову, погладила радужные с синим отливом перья на ее спине и передала ястреба слуге. Память о соревнованиях с Камигвен болью отозвалась в ее сердце. Ее свадебным подарком Оствеллю стала лютня. Со времени ее смерти она играла очень редко. Аласен вернула Оствеллю музыку.

Колпачок слетел с янтарно-желтой головы, и ястреб взлетел. Ярко окрашенные в бронзовый, зеленый и золотистый цвет крылья замелькали в солнечном свете. Ее радость взлетела в воздух радостным криком свободного полета. Но вместо того, чтобы начать охоту в низине у холмов, птица издала ликующий крик и унеслась на север.

— Черт! — воскликнул Риян. — Если она так полетит и дальше, то мы никогда ее не поймаем!

Сьонед не выдержала и свила несколько прядей света. С закрытыми глазами она поспешила за ястребом; ее дух парил высоко в небе. С ней происходило то же, что с каждым фарадимо в время полета: ее душа скользила вольно и свободно, словно у нее были крылья, рожденные одновременно с ветром, солнечным светом и ее силой. После той боли и ран, которые нанес ей собственный дар во время Риаллы, она полностью отдалась наслаждению той его стороной, которую больше всего любила. Она неслась вслед за ястребом Аласен над прекрасными холмами и пышными лугами и видела птицу прямо над собой. Та неожиданно бросилась вниз — так быстро, что за ней не успел даже солнечный луч.

— Скорей! — крикнула Сьонед. — Я знаю, где она!

Они бешено поскакали за ней, пуская лошадей в галоп по изрытому склону холма и заставляя их перепрыгивать ручьи, уже через меру становившиеся по-летнему узкими речушками. Копыта прогрохотали по берегу одной из таких рек, и Сьонед криком предупредила остальных, когда дорога сузилась, заставляя их скакать потише и только по одному. Поль направил своего коня на мелководье, чтобы догнать ее и Рохана. Она слышала, как Меат бросился за ним следом, Тобин смеялась, как сумасшедшая, а Чейн умолял их всех не лететь сломя голову. Сьонед не стала его слушать, и когда

путь вновь расширился, подстегнула свою кобылу и понеслась через лес.

Неожиданно они влетели в долину, которую Сьонед видела во время полета. Она придержала лошадь, задохнувшись от восторга. Перед ними раскинулась широкая плодородная равнина длиной в десять мер и шириной в пять. Склоны холмов обросли деревьями, увешанными сочными плодами, а немного выше, где взмывали в небо неровные серые скалы, тянулись вверх мачтовые сосны. На востоке извивалась река, окруженная лугами, заросшими синими и алыми цветами, которые превращали землю в пурпурное знамя. Вдали блестело озеро, под свежим дуновением ветра качались высокие травы, и золотое сияние перемежалось с волнами зеленого серебра. Сьонед наконец успокоила дыхание и бросила восхищенный взгляд на Рохана, голубые глаза которого подернулись легкой поволокой.

— Похоже на впадину в ладони Богини! — выдохнула Тобин. — Сьонед, как розы смогли забраться так высоко?

— А дикий виноград? — спросил Чейн. Он повернулся к одному из грумов, который сумел удержаться за ними. — Возвращайся и покажи дорогу остальным. На сегодняшнюю ночь мы разобьем здесь лагерь. — Он глянул на ошеломленное лицо Рохана и лукаво добавил: — А может быть, и на всю зиму.

Но Рохан его не слышал.

— Можешь сказать, насколько плодородна эта земля? — обратился он к жене дрожащим от возбуждения голосом.

— Рохан, — замигала она, — с тех пор прошли годы...

— Скажи!

Она спрыгнула с лошади и бросила поводья Полю. Войдя в океан луговых цветов, Сьонед скинула перчатки, упала на колени и погрузила руки в плодородный чернозем. Она сжала его в руках, поднесла щепоть к лицу, вдохнула ее аромат и просеяла сквозь пальцы. Дочь сельского помещика, она помнила свои первые ощущения, со времени которых прошли целые десятилетия. Она изучала почву, используя знания, которым в прекрасной, но мертвой Пустыне просто не было применения. Наконец Сьонед встала и подарила мужу лучезарную улыбку.

— Здесь вырастет любая палка, воткнутая в землю! Ты только оглянись вокруг! Какая красота!

Он кивнул, спрыгнул на землю и один двинулся вперед.

Все ошеломленно посмотрели ему вслед. Солнце золотило его светлые волосы. Одна Сьонед точно знала, о чем он сейчас думает, и с трудом удерживалась, чтобы не рассказать об этом всем остальным.

Наконец он вернулся, подхватил изумленную Сьонед и подкинул ее высоко в воздух, смеясь от возбуждения.

— Да! Да! Ты права! Это великолепно! — кричал он. — Сьонед, это самое прекрасное место в мире! И оно наше! — Он поставил ее на ноги и повернулся к остальным. — Поль! Как ты думаешь, где мы построим твой дворец?

— Мой? — Мальчик чуть не выпал из седла. — Отец!

— Дворец? — изумилась Тобин. — О чем вы говорите?

— Дворец — это такой дом. У него есть стены, пол, расписной потолок и...

— Огромные окна, цветные стекла, сады, фонтаны и ... и все на свете! — с азартом закончил Поль. — Он уже стоит у меня перед глазами!

— У меня тоже! — засмеялась Тобин. — Да вы просто сумасшедшие. Все подряд. Где вы возьмете камень?

— Хорошо быть богатым! — прищурился Рохан.

— Отец! Нам не придется тратить. Поместье Резельд!

— Что? — спросил обескураженный Чейн.

— Мы были там летом. Отец, помнишь? За ними должок, — объяснил он матери. — А у них есть каменоломня.

— Надо же, я и забыл, — кивнул счастливый Рохан.

— Что за чертовщину вы несете? — спросил Чейн, у которого ум зашел за разум.

— Вы знаете, что я отдал замок Крэг Оствелю, так как на то были свои причины. У меня есть намерение построить новый дворец, на границе Пустыни и Марки. Эта долина расположена недалеко от дороги, ведущей в Стронгхолд. Кроме того, именно здесь, а не в Визе теперь будет проходить Риалла! — Он снова обнял и расцеловал Сьонед. — Так что теперь моим «Гонцам Солнца» не придется лишний раз пересекать Фаолейн.

Через некоторое время вместе со всеми остальными прибыл Ллейн. Он немедленно одобрил и долину, и планы по строительству нового дворца, и в особенности новое место для Риаллы.

— Клута возражать не станет, а Геннади будет просто счастлива сбросить с себя это ярмо. Я всегда считал, что верховный принц должен иметь дворец где-то в центре конти-

нента. Замок Крэг — просто невозможное место. Это... — Он глянул на долину и кивнул. — Да, чудесно. — Вдруг старик прищурился. — Эй, а где же ястреб Аласен?

— О Богиня! — воскликнула Сьонед. — Совсем забыла!

Пока слуги и охрана разбивали бивак, она стала извиняться перед Аласен, которая только качала головой и улыбалась.

— Она скоро прилетит, ей только надо наполнить брюхо тем, что попадется в клюв.

— Я подарила ее тебе, но совсем не собиралась ее терять из-за собственной глупости, — ответила Сьонед. — Давай поищем ее. Рохан, Поль, Оствель, пойдемте с нами!

К ним присоединился и Мааркен, который удостоверился, что Холлис в компании с Ллейном удобно расположились в тени. Она покачала головой, прочитав в глазах мужа немой вопрос.

— Я себя прекрасно чувствую, любимый. Кроме того, я со вчерашнего утра не пила вина. Я думаю, это кончилось, Мааркен. Или, по крайней мере, кончается.

Он поцеловал ей обе руки и улыбнулся.

Ллейн постучал себя по ноге тростью с головой дракона.

— Теперь она твоя навсегда, — проворчал он. — Так дай старику пофлиртовать с хорошенькой женщиной подальше от твоих ушей. Я сделаю пару гнусных предложений, которые непременно вернут румянец на ее щеки.

— Старый развратник, — любовно улыбнулся Мааркен.

Они поскакали в сторону от деревьев, следуя вдоль реки по направлению к озеру. Рохан разрывался от обилия планов, которые поощрял Поль. Отец с сыном так пылко обменивались идеями, словно обдумывали их годами.

— А вот тут надо посадить фруктовый сад и орехи.

— На холме должно быть побольше винограда.

— Если мы здесь будем проводить Риаллу, то придется спланировать маршрут для конных скачек, но в конце долины, потому что иначе здесь все просто задохнется от пыли.

— А можно соорудить рядом конную ферму?

— Слушайте, погодите минуту... — начал Мааркен.

— Отлично! Только ничего надуманного, лишь загон и конюшня. Мы будем заниматься выведением пород по масти. А можно даже уговорить Чейна, чтобы он дал нам несколько хороших кобыл и племенного жеребца...

— Дал? — громко спросил Мааркен.

— Ну, продал бы,—засмеялся Поль.— Неужели он пожалеет для нас несколько лошадок?

— Фундамент Резельда сделан из камня, а фасад из чудесного сероватого мрамора из той каменоломни, что на север отсюда. Он будет сверкать серебром на солнце и станет золотисто-розовым на восходе и закате...

— С голубой черепичной крышей,—подтвердил мальчик.— Керамика из Кирста. Отец, у меня идея! Там будет что-то из каждой страны — так же, как в Большом зале у нас дома.

— Мне это нравится,—ответил Рохан.— В конце концов, нам придется обставить весь дворец.

Аласен слушала все это с широко открытыми глазами, а Оствель — со снисходительной усмешкой.

— Ты знаешь, Тобин права,—сказал он, касаясь руки девушки.— Они совершенно не в себе.

— Ха! — усмехнулась Сьонед.— Слышать такое от человека, который переделал Скайбоул от подвалов до башен, перед этим перестроил Стронгхолд, а до того управлял Крепостью Богини, за что Уриваль получил титул главного сенешаля! Я точно знаю, как ты проведешь первый год своего замужества, Аласен. Будешь вспоминать, какой эта комната была вчера!

— Низкая клевета, недостойная верховной принцессы! — возмутился Оствель.— Ты ведь собиралась искать ястреба!

— Тонкая смена темы для разговора, недостойная регента! — улыбаясь, парировала она.— Но ты прав. Давай проверим, где наша своянравная подруга.

Они остановились в полумере от озера. Пока Сьонед плела свет, Мааркен задал дяде вопрос:

— Почему никто раньше не жил в этой долине? Она так прекрасна, а по словам Сьонед, здесь можно вырастить все, что угодно. И расположена она недалеко от больших дорог. Так отчего, ты думаешь...

Мааркен резко умолк. Впрочем, Рохан его не слышал. Он замер, тело его оцепенело, а лицо обратилось на север, где блестело маленькое озеро, а холмы сходились друг с другом. Сьонед закончила работать с солнечным светом, пристально посмотрела на мужа и лукаво переглянулась с Мааркеном.

— Вот почему,—сказала она.

Драконы.

В вышине кружили тридцать подростков и детенышей, за которыми следили пять взрослых самок и самец. Они мед-

ленно планировали с холмов в долину, закладывали головоломную петлю и приземлялись у озера, чтобы напиться. Детеныши прекрасно росли и мало чем уступали подросткам. Некоторые из них плюхнулись в озеро и взбаламутили ил, за что получили нагоняй от старших.

Лошади занервничали. Драконы подлетали, чтобы бросить на людей взгляд, лишенный всякого интереса, и удалиться.

— Жаль, что их не видит Фейлин, — прошептал Рохан. — Какие красавцы!

— Мама... как он это делает? — прошептал Поль.

Она пожала плечами.

— Сам знаешь, он ведь у нас сын дракона... — Внезапно она выпрямилась в седле. Красно-коричневая драконша прилетела с берега озера и издала ленивый рев, выкрикивая что-то совсем рядом с ними. Сьонед успокоила лошадь и проехала несколько шагов вперед. Дракон по спирали полетел вниз, широко раскинув крылья, словно показывая свои золотистые подкрылки, и вытянул шею, чтобы взглянуть в Сьонед. Мастерское владение телом в полете дополнил пронзительный приветственный клич. Драконша удачно приземлилась в середине озера, подняв волну, которая плеснула в берега.

— Это Элисель! — вскрикнула Сьонед. Драконша поплескалась в воде, а затем выбралась на отмель и встала торчком. Раздался еще один радостный крик, и крылья обдали тело Элисели дождем сверкающих капель.

— Элисель? — переспросил Рохан.

Она смущенно посмотрела на него.

— Моя драконша. Я так прозвала ее. На старом языке это означает «крылышко»...

— А люди обвиняют *меня*, что я свихнулся на драконах! — улыбнулся он. — Я, по крайней мере, не придумывал им кличек! — Он помолчал, а затем задумчиво добавил: — Но ведь у меня и не было собственного дракона...

— Думаешь, у меня есть? — засмеялась она.

— А как же! Ты только посмотри, какое зрелище она для тебя устроила! Как будто всю жизнь ждала! Похоже, у тебя действительно появился ручной дракон, Сьонед.

Она привстала на стременах и подняла руку; на солнце полыхнул изумруд. В ответ драконша раскинула крылья. Сьонед осторожно сплела свет, чтобы не спугнуть драконшу, но та вылетела из воды и ринулась прямо на посланный той

луч. Сьонед едва не задохнулась, увидев ошеломляющую россыпь цветов. Они вращались и переливались радугой, цвета которой становились все более яркими, пока в голове у принцессы не помутилось и она не вскрикнула.

Водоворот красок поблек и стал мягче. Элисель явно просила прощения. Ошеломленная Сьонед закодировала свои мысли и сделала попытку поговорить с драконшей.

— *Меня зовут Сьонед. У тебя есть имя?*

Драконша подошла поближе и склонила голову набок, словно человек, задающий вопрос. Сьонед спешила. Она почувствовала осторожное прикосновение Рохана и ободряюще улыбнулась ему. Но солнечная пряжа дернулась, и в этом содрогании удивленная Сьонед почувствовала обиду.

— *Это мой... мой самец. Его зовут Рохан. Он отец этого мальчика... человека-дракончика с волосами как солнечный свет. Элисель, ты понимаешь меня?*

Разочарование драконши было почти осязаемым; Элисель заскулила и взбила воду крыльями, заерзав на месте, словно это чувство было ей неприятно.

— Сьонед...— Рохан подошел и встал рядом.

— Вот оно!— выдохнула принцесса.— Язык эмоций!

— Ты хочешь сказать, что вступила с ней в связь?

— Не уверена.— Она помедлила, затем обняла мужа за талию, прильнула к нему и позволила чувству любви скользнуть на солнечный луч. Элисель явно удивилась, широко раскрыла глаза и сделала несколько шагов вперед. Затем в ее горле родился какой-то низкий звук, глаза прикрылись от удовольствия, а голова на изящной шее стала раскачиваться из стороны в сторону.

— Будь я проклята,— пробормотала Сьонед.— Я сказала ей, что люблю тебя... и она поняла!

— Я ждал чего-то в этом роде. Веди себя прилично, «Го-нец Солнца»,— улыбнулся он.— Ей ведь всего три года. Я не дам тебе развратить невинное животное.

— Ох, замолчи!— Придвинувшись к драконше, она еще раз попыталась начать беседу.— *Элисель! Мое имя Сьонед, а моего самца зовут Рохан. У тебя есть имя?*

Драконша выглядела сбитой с толку. Сьонед закусил губу, пытаясь придумать еще какой-нибудь способ вступить с ней в связь. Наконец ее осенило. Она нарисовала в воображении картину самцов драконов, танцующих на песке, и выбирающих их самок, затем поставила между ними Рохана

и себя самое, выходящую вперед и берушую его за руки. Она сосредоточилась и вплела картину в моток солнечной пряжи. Это оказалось не слишком трудно: понадобилось лишь небольшое изменение по сравнению с тем, что она делала с Огнем. При виде картины Элисель оживилась, снова загудела, и на этот раз ее удовольствие передалось солнечной ткани:

Да, это годилось. Сьонед создала картину Скайбоула, как она видела его во время полета «Гонца Солнца»: очевидно, драконы видели его так же. Затем она показала крепость у озера драконше. Элисель радостно вскрикнула и принялась раскачиваться взад и вперед. По воздуху летели цвета — яркие оттенки голубой воды и неба. Сьонед позволила им скользить через мозг, не пытаясь привыкнуть ко всем их богатейшим оттенкам. Затем она создала картину Стронгхолда — снова с высоты полета «Гонца Солнца» или дракона — и представила себя, Рохана и Поля стоящими во внутреннем дворе. На этот раз картина вернулась обратно, и так мощно, что Сьонед слегка поморщилась. Высокогорное плато, ярко-зеленое от летней листвы, слегка выщипанной лосями и оленями; отлогие холмы Каты зимой — ураган, несущий по темному небу грозовые тучи и видимый из уютной, безопасной пещеры. В каждой картине были мириады цветов и второстепенных образов: рек, рыбы, дикого оленя и лося, других драконов, деревьев, птиц, цветов, маршрутов полета туда и обратно, окружающей местности с поселениями людей, изображенных темными предупреждающими цветами, и множество другой информации, которую Сьонед не могла воспринять.

— Элисель! Пожалуйста! Медленнее... Ты делаешь мне больно!

Образы внезапно прекратились. Драконша затрясла крыльями и захныкала. Сьонед снова сосредоточилась, пытаясь уговорить ее. Она воссоздала свой спектр — изумруд, сапфир, оникс и янтарь — ставший ее частью больше, чем имя.

— Это я, Сьонед. Вот какие у меня цвета.

Казалось, что драконша наконец поняла, чего от нее хотят: в воздухе между ними так и замелькали картины. На одной из них было пропущенное через мозг дракона элегантное изображение цветов Сьонед; на него накладывалось лицо принцессы. Мгновение спустя возникло другое изображение. На нем были цвета, которых Сьонед в жизни не видала.

С ней была сплетена картинка маленького красно-коричневого дракона с золотыми подкрылками.

— *Элисель!* — воскликнула ликующая Сьонед. Драконша загудела. Принцесса сказала это слово вслух и могла поклониться, что драконша подмигнула ей. — Она знает свое имя!

— Сладчайшая Богиня! — выдохнул Рохан. — Она понимает тебя... Сьонед, я мечтал об этом всю свою жизнь... — Внезапно он прервался и горячо шепнул жене: — Спроси ее: ничего, что мы пришли сюда?

— И не подумая! Разве ты не видишь, что мы ей нравимся? — Она засмеялась и поцеловала его. Драконша так же низко загудела, как тогда, когда Сьонед послала ей чувство любви к своему мужу. — Ого, ты ей тоже нравишься! — сказала она и в шутку погрозила ему пальцем. — Но ты прав, надо спросить ее, можно ли здесь построить дворец.

— Теперь это невозможно! По крайней мере, сейчас. Если эта долина принадлежит им...

— Позволь мне спросить, любимый.

Отступив от мужа, Сьонед задумалась, как это сделать. Она снова показала Элисели Стронгхолд, а затем мысленно изменила картину, наложив крепость на изображение долины, сделав ее высокой и гордой, окруженной спящими вокруг занятыми и праздными людьми. В Элисели снова вспыхнуло любопытство: огромные глаза уставились на юг, как будто замок действительно должен был вот-вот появиться оттуда. Она ошарашенно поглядела на Сьонед и снова очень по-человечески склонила голову набок. Изображение дополнилось образом большого загона, где на солнце паслись золотистые лошади. Элисель задрала голову, и Сьонед чуть не захихикала: драконша увидела легкую добычу.

Но внезапно картина, созданная Сьонед, вернулась к ней в измененном виде: вместо длинноногих кобыл и жеребцов Элисель весьма достоверно изобразила толстую белую овцу. «Гонец Солнца» соответственно изменила и свою картину, добавив у озера овчарню, полную ярок и баранов. Драконша захрюкала от удовольствия и показала Сьонед всю долину с птичьего полета — замок, загон, лошадей, людей, овец... и драконов, питающихся, пьющих и купающихся в озере.

Тогда Сьонед и в самом деле засмеялась. Ее план принят и одобрен драконами!

— Так ты любишь баранину, да? Получишь ее сколько угодно, если позволишь построить здесь дворец!

Элисель потрясла крыльями и еще раз нарисовала для Сьонед картину своих цветов. На сей раз к ней было приплетено изображение продутых зимними ветрами холмов Каты — их южного дома. Недвусмысленное приглашение в гости читалось не только в сплетенном солнечном свете, но и в огромных нежных глазах. Сьонед и не думала отказываться: она снова показала Элисели Стронгхолд, и драконша вздохнула от полноты чувств.

Все это время другие драконы плескались в озере, не обращая на это эпохальное событие никакого внимания. Но тут самец издал суровый рык и поднялся в воздух. Он облетел озеро, хватая огромными челюстями детенышей, продолжавших плескаться и шалить. Другие драконы один за другим поднимались в воздух; взрослые самки выстраивали в линию подростков и детенышей.

Когда старый самец приблизился к Элисели и рывкнул на нее, лошади испуганно заржали, а маленькая драконша подпрыгнула и выпрямилась, как провинившийся солдат. Сьонед улыбнулась и быстро расплела солнечный свет. Элисель снова захныкала от обиды. Сьонед еще раз вспомнила роскошь ее цветов и дружелюбие. Драконша взмыла в воздух, сделала прощальный круг над озером, присоединилась к стае, и они полетели на юг.

Сьонед смотрела драконам вслед, пока они не исчезли, и только потом почувствовала прикосновение Рохана к своему плечу. Она обернулась и встретила его взгляд.

— Это было чудесно, — сказала она. — Неопишимо.

— Впервые в жизни я жалею, что не владею даром фардима.

Ее сердце заняло от жалости: Рохан никогда не узнает, что значит прикоснуться к одному из его любимых драконов.

— Рохан...

Он покачал головой и улыбнулся.

— Позже. Когда у тебя будет время все как следует обдумать. Когда ты найдешь слова, чтобы описать неопишемое... потому что я хочу знать *все*!

К ним приблизился не слезавший с лошади Поль.

— Мама, что она тебе сказала? О чем вы с ней говорили?

Сьонед посмотрела на него снизу вверх.

— Мы можем остаться здесь и можем построить дворец, при условии, что будем кормить их, когда они здесь остано-

вятся! Эта долина лежит на их пути между горами Вереш и холмами Ката. Ох, Поль, я не могу дождаться, когда ты научишься владеть своим даром!

— Значит, я смогу и сам разговаривать с драконами? — Он засмеялся от счастья. — Мама, ты единственная, кто сможет научить меня этому!

— Ну, если ты будешь давать уроки... — присоединился к просьбе Мааркен.

— Я подумаю, как это сделать, — пообещала она.

Всех заставил вздрогнуть пронзительный крик. Высоко над их головами летела маленькая, быстрая тень. Ястреб Аласен! Оствель послал свою лошадь в галоп, следуя за птицей вверх по долине. Другие скакали следом и в конце концов нагнали его у поросшего деревьями склона, где со скалы срывалась тонкая струйка воды. Осенью этот родничок превращался в ревущий поток, а зимой становился ледяной колонной. Но сейчас он был похож на тонкую белую вуаль и едва журчал.

Оствель спешил, его лошадь щипала траву неподалеку. Когда они подъехали, лорд жестом велел им не шуметь. Его взгляд был устремлен на молодую сосенку. На ее верхней ветке сидел пучок янтарно-зелено-бронзовых перьев.

— Что, напугали большие кузены, да? — промурлыкал он. — Все в порядке, малышка. Они улетели. Почему ты не спускаешься? Аласен, позови ее.

Она соскользнула с седла и тихонько направилась к мужу, насвистывая мелодию из трех нот, на которую приучают отзываться ястреба. Перья дрогнули. Она посвистела снова и приглашающе вытянула руку. Несколько мгновений спустя птица издала крик, в котором слышались обида и облегчение, устремилась вниз и села на запястье хозяйки. Аласен понадобилось несколько мгновений, чтобы пригладить перья и уговорить птицу сложить крылья; когда она с этим справилась, Оствель надел на голову ястреба колпачок.

— Ну, — сказал он, — по крайней мере, мы теперь знаем, как называется это место.

— Долина Потерявшегося Ястреба? — попробовал догадаться Мааркен.

— О нет, — вмешался Рохан, и все почему-то умолкли. Он улыбнулся. — Как же еще нам назвать это место и новый дворец, если не Приютом Дракона?

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА 2. ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК

Часть 2. Колдовство

Глава 15	17
Глава 16	40
Глава 17	62
Глава 18	88
Глава 19	108
Глава 20	131
Глава 21	148
Глава 22	168
Глава 23	188
Глава 24	206
Глава 25	225
Глава 26	241
Глава 27	258
Глава 28	274
Глава 29	291
Глава 30	312
Глава 31	333

Мелани Роун

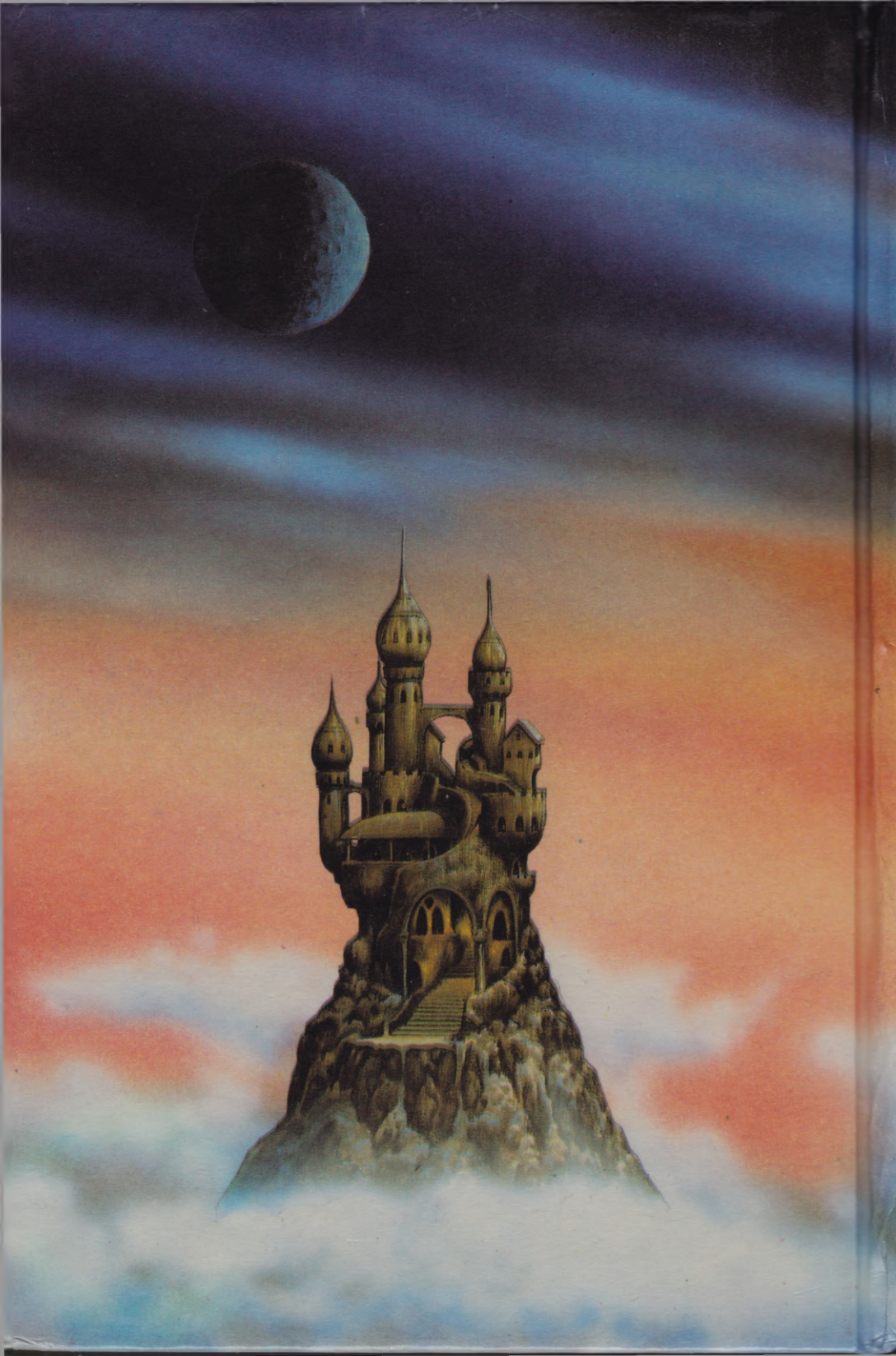
Принц драконов

Звездный свиток II

Книга 2, том 2

ЛР № 061382 от 03.07.92 г. Сдано в набор 15.03.96 г.
Подписано в печать 25.03.96 г. Формат 60 × 90/16. Объем 22 п. л.
Печать офсетная. Тираж 20 000 экз. Заказ 196

ООО «Транспорт», г. Москва, ул. Верхоянская, 6
Можайский полиграфкомбинат Комитета по печати РФ
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

М. РОУН ЗВЕЗДНЫЙ СВИТОК II